

Annotation

Один из самых популярных романов знаменитого шотландца – трагикомическая семейная сага, полная гротеска и теплой иронии, начинающаяся взрывом и оканчивающаяся восклицательным знаком. В промежутке между ними – филигранное кружево переплетающихся историй, пьянок и гулянок, а в сердцевине этого кружева – загадка исчезновения блудного дяди, автора документального бестселлера «Деканские траппы и другие чертовы кулички».

- [Иэн Бэнкс](#)
 - [Глава 1](#)
 - [Глава 2](#)
 - [Глава 3](#)
 - [Глава 4](#)
 - [Глава 5](#)
 - [Глава 6](#)
 - [Глава 7](#)
 - [Глава 8](#)
 - [Глава 9](#)
 - [Глава 10](#)
 - [Глава 11](#)
 - [Глава 12](#)
 - [Глава 13](#)
 - [Глава 14](#)
 - [Глава 15](#)
 - [Глава 16](#)
 - [Глава 17](#)
 - [Глава 18](#)
- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)

- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)
- [35](#)
- [36](#)
- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)

- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)
- [74](#)
- [75](#)
- [76](#)
- [77](#)
- [78](#)
- [79](#)
- [80](#)

- [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
 - [110](#)
 - [111](#)
 - [112](#)
 - [113](#)
 - [114](#)
 - [OCR 1](#)
-

Иэн Бэнкс

Воронья дорога

*Снова
посвящается Энн,
и еще спасибо
Джеймсу
Хейлу^[1],
Мик Читэм^[2],
Энди Уотсону
и Стиву
Хаттону*

Глава 1

В этот день взорвалась моя бабушка.

Я сидел в крематории, внимал похрапыванию дяди Хеймиша под баховскую Мессу си минор и размышлял о том, что других причин для моего приезда в Галланах, кроме чьей-нибудь смерти, похоже, нет и быть не может.

Я посмотрел на отца: в гулкой стыллой часовне он сидел через два ряда, в первом ряду кресел. Большая его голова с седеющей каштановой шевелюрой тяжело нависала над твидовым пиджаком; на рукаве чернела повязка – дань трагизму случившегося. Уши неторопливо и ритмично шевелились – очень похоже двигались при ходьбе плечи у Джона Уэйна^[3]. Мой отец скрежетал зубами. Может, сердился на бабушку: для своих похорон она заказала религиозную музыку. Но вряд ли она это сделала ему назло. Скорее всего, ей просто нравилась Месса, и бабушка не подозревала, что клерикальная сущность сего произведения так противна ее старшему сыну.

Слева от отца сидел Джеймс, мой младший брат. Впервые за несколько лет я видел его без плеера; ему было явно не по себе, и он тербил свою единственную серьгу. Справа от отца восседала мать, худая и стройная. Она аккуратно заполняла собой черное пальто и служила постаментом такого же цвета шляпе в форме летающей тарелки. Вот НЛО резко накренился: мать что-то шепнула отцу. От этого движения во мне проснулась скорбь утраты. Должно быть, здорово сегодня чешутся родинки у безвременно ушедшей от нас бабушки, если она уже вернулась на этот свет в другом воплощении.

– Прентис! – Тетя Антонайна, которая сидела между мной и художественно храпящим дядей Хеймишем, потеряла меня за рукав и показала на мою ногу. Ее шепот и жест заставили меня глянуть вниз.

Нынче утром в доме тети и дяди, в холодной комнате с высоким потолком я облачился в черное. Скрипели половицы, изо рта шел пар. Мансардное оконце обледенело изнутри, и вид на Галланах застило кристаллическим узором. Я натянул черные трусы, специально из Глазго привезенные, белую рубашку (свежачок от «Маркса и Спаркса»^[4]; прохладный хрусткий хлопок еще хранил упаковочные

складки) и черные «пятьсот первые»^[5]. Сидя на кровати, я дрожал и пялился на две пары носков: черные и белые. Собирался надеть черные, но тут только сообразил, что какая, на хрен, разница, ведь поверх носков будут «мартенсы»^[6] – девять дырочек, две одинаковые пряжки на берце.

Когда я был здесь на предыдущих похоронах (они же – первые похороны в моей жизни), мне такой прикид казался вполне адекватным. Но сейчас в меня, повзрослевшего и образумившегося, вселились сомнения: а не буду ли я в «пятьсот первых», «мартенсах» и черной байкерской куртке выглядеть белой вороной? Я вынул из сумки белые кроссы «найк», на пробу сунул в один ногу, другую сунул в ботинок, но шнуровать поленился. Стоя перед косо висящим зеркалом в полный рост, я дрожал и выдыхал белые клубы, а половицы скрипели, и из кухни пер запах жареного бекона и подгоревших гренок.

Пусть будут кроссовки, решил я.

И вот теперь в крематории я глядел на них, и не нравились они мне. Задрипанные-заляпанные. На строгом черном граните пола часовни смотрелись, мягко говоря, не в тему.

Опаньки! Один носок черный, другой – белый! Я заерзал на сиденье, потянул штанины книзу, чтобы прикрыть свой позор.

– Мудила хренов! – прошептал я.– Ой!.. Пардон, тетя Тоуни.

Тетушка Антонайна – шар подкрашенных розовым волос над черным пеньком воротника, точно сахарная вата на катафалке, – похлопала меня по кожаной куртке.

– Пустяки, дружок, – вздохнула. – Уверена, старушка Марго не обиделась бы.

– Это точно, – кивнул я.

Снова мой взгляд опустился на кроссовки. И только сейчас я заметил на носке правого отчетливый след протектора. Я закинул левый «найк» на правый и без особой надежды на успех потер черный «селедочный скелетик». И вспомнил, как полгода назад вывозил старушку Марго из дома и катил мимо надворных строений и дальше, по дорожке под кронами деревьев, к озеру и морю.

* * *

– Прентис, что там у вас с Кеннетом?

Двор был вымощен булыжником, инвалидное кресло кренилось и подпрыгивало.

– Мы поссорились, бабуля,– ответил я.

– Это я и сама вижу, чай, не дура.

Она оглянулась на меня. В серых глазах, как всегда, горел огонек бодрости. Волосы у нее тоже сделались серыми и здорово поредели. Между ветвями дубов проглянуло солнце, и я под седыми прядями увидел бледную кожу.

– Да, бабуля, знаю: вы умная.

– Ну, и?..– Она показала клюкой на постройки.– А давай-ка проверим, там ли еще тачка,– Бабушка Марго снова оглянулась на меня, и покатила я кресло заданным курсом, к зеленым двустворчатым воротам одного из гаражей.

– Ну, и?..– повторила бабушка.

– Бабуля, тут дело принципа,– вздохнул я. Мы остановились у ворот гаража, и она клюкой отодвинула засов и надавила на створку, да так, что слегка прогнулась планка. А затем, вонзив клюку в образовавшийся проем, налегла на нее и заставила двинуться вторую створку, стержень шпингалета которой проскрежетал по выточенной в бетоне канавке. Я чуть откатил кресло назад, позволяя створке распахнуться. В падающих через проем солнечных лучах кружились пылинки, а дальше было темно. Мне едва удалось различить чехол из тонкого зеленого брезента, криво натянутого на некий предмет высотой мне по пояс. Бабушка Марго приподняла клюкой край чехла, а потом ухватила за него и – откуда только силы взялись? – сдернула одним махом. Чехол упал с передка машины, и я вкатил кресло с бабушкой в гараж.

– Дело принципа? – Она наклонилась вперед, присматриваясь к длинному темному капоту автомобиля, и снова потянула чехол, открыв уже и лобовое стекло. С колесных дисков были сняты покрышки и камеры, машина стояла на деревянных брусках.– Что еще за принцип? Не бывать в доме твоего отца? В твоём родном доме?

– Бабуля, давайте лучше я.– Сдернув брезент, я откинул его на багажник, и теперь стало видно, что заднее стекло отсутствует.

В снопе лучей прибавилось кружащейся пыли, и этот пыльный свет превратил бабушку Марго в силуэт сидящего человека; ее редкая

до прозрачности шевелюра светилась подобием нимба. Бабушка глубоко вздохнула. Я посмотрел на машину. Длинная, очень красивая, старомодная в лучшем смысле этого слова. Зеленая краска скрывалась под слоем пыли. Крыша над зияющим проемом заднего окна—в царапинах и вмятинах, как и оголенная часть крышки багажника.

– Бедолага,— прошептал я, сочувственно качая головой.

Бабушка Марго выпрямила спину:

– Ты про меня или про нее?

– Бабуля...

Я запнулся, смекнув, что она меня видит очень хорошо, потому что солнце светит ей в спину. А я лицезрел лишь темный силуэт — разность между светом и мраком.

– Да ладно.— Она успокоилась и ткнула в колпак колеса палкой: — Так что там за глупые принципы?

Я отвернулся, провел пальцами по хромированной стальной полоске на задней дверце:

– Ну... папа на меня разозлился: я ему сказал, что верую... Ну, в Бога, типа того.—Я пожал плечами, не осмеливаясь взглянуть на бабушку.— Он теперь со мной не... Точнее, я теперь с ним не... Мы друг с другом не разговариваем, и я не бываю в доме.

Бабушка Марго поцокала языком:

– Вот так, да?

Я все-таки глянул на нее и кивнул:

– Так, бабуля.

– А как же отцовские деньги? Как же твое содержание?

– Ну...

Я умолк: не знал, что и сказать.

– Прентис, на что же ты живешь?

– Да все у меня отлично,— солгал я.— Стипендии хватает.— Это я снова соврал.— К тому же мне дали грант.— Опять врака.— Да еще в баре подрабатываю.

Четвертая ложь кряду! В бар мне устроиться не удалось, и я продал свою «сиесту». Это такой «фордик»-невеличка, леноватый при разгоне с места. Покупатели намекали, что он убитый, а я спорил: фигня, тачка гаражная, просто гараж прохудился. Впрочем, тех денег давно след простыл.

Бабушка Марго долго вздыхала и качала головой. И укоризненно бормотала: «Ох, уж эти мне принципы».

Она сама поехала вперед, но кресло тут же забуксовало на брезенте.

– Ты мне не поможешь?

Я подошел сзади, перекатил кресло через скомканный брезент. Бабушка открыла заднюю дверцу и заглянула в темный салон. Пахнуло тронутой плесенью кожей – мне этот запах напомнил детство, пору, когда в мире еще жило волшебство.

– Когда я в последний раз сексом занималась, это было здесь, на заднем сиденье, – мечтательно проговорила бабушка и оглянулась на меня. – Прентис, не надо так смущаться.

– А я и не...

– Все в порядке, это было с твоим дедом. – Худенькой рукой она похлопала по крылу машины и с улыбкой тихо добавила: – После танцев. – Бабушка снова посмотрела на меня, на морщинистом породистом лице – веселье, глаза блестят. – Прентис, да ты покраснел!

– Извините, бабуля, – ответил я. – Просто... ну... когда тебе не очень много лет и кто-то...

– Проехали! – Она захлопнула дверцу, и новая орда пылинок устроила себе дискотеку. – Прентис, все мы когда-то были молоды, и счастливы те из нас, кому удалось состариться.

Она покатила назад, колесо наехало на носок моей новой кроссовки. Я приподнял кресло и помог бабушке закончить маневр, а потом повез ее к двери. Там и оставил, а сам вернулся к машине, чтобы накинуть чехол.

– Между прочим, кое-кто из нас бывает молод дважды, – прозвучало из ворот. – Когда ты в маразме, без зубов, не держишь мочу и лепечешь, как младенец... – Она задумчиво умолкла.

– Бабуля, я вас умоляю!..

– Прентис, да не будь ты таким нежным. Стареть – это же просто здорово. Что на уме, то и на языке, и все тебе прощается. Конечно, родителей мучить – тоже удовольствие неслабое, но я от тебя ожидала большего.

– Ну, извините, бабуля.

Я затворил ворота гаража, стряхнул пыль с ладоней и снова занял свое место позади кресла. На кроссовке маслянисто чернел отпечаток

колеса. Я покатыл бабушку к дорожке, а вороны на ближайших деревьях подняли грай.

– «Лагонда».

– Что, бабушка?

– Машина. Это «лагонда-рапид-салун».

– Да.– Я улыбнулся сочувственно, пользуясь тем, что она этого не видит.—Да, знаю.

Мы выехали со двора и с хрустом покатали по гравийной тропинке к искрящимся водам озера. Бабушка Марго мурлыкала какой-то мотивчик; судя по голосу, она была довольна. Может, вспоминала тот перепахон на заднем сиденье «лагонды»? Я-то хорошо помню аналогичный случай из своей жизни – это было на таком же растрескавшемся, скрипящем, душистом чехле. Между прочим, первый мой половой акт – и было это через несколько лет после бабушкиного финального полноценного полового акта.

Такое в нашем роду случается.

* * *

– Леди и джентльмены, уважаемые родственники покойной! С одной стороны, как вы все, несомненно, понимаете, я не переживаю душевного подъема, стоя перед вами в столь тяжелую минуту, но, с другой стороны, я горжусь и почитаю за честь, что именно ко мне обратились с просьбой выступить с речью на похоронах моего дорогого клиента, горячо любимой Марго Макхоун...

Это бабушка упростила нашего семейного адвоката Лоуренса Л. Блока выступить на ее проводах в мир иной с традиционным спичем. Он худой, как карандаш, и тупой, каким только карандаш и бывает; он долговяз и, несмотря на солидный возраст, все еще броско черноволос. Мистер Блок у нас превеликий модник, вот и сейчас он разодет в пух и прах: темно-серый двубортный костюм и несказанная фиолетовая жилетка, дизайнер которой вдохновлялся, должно быть, изысканиями Мандельброта (впрочем, если не судить строго, узор можно было счесть пейслийским)^[7]. В мелком жилетном кармашке притоплены

золотые карманные часы с маленькую сковородку величиной, от них тянется цепь – на такой только сухогрузы буксировать.

Мистер Блок всегда напоминал мне цаплю. Почему – сам не знаю. Может, дело в какой-то хищной неподвижности, а может, в ауре – ауре человека, знающего, что время на его стороне. Отчего-то мне казалось, что в похоронно-кладбищенской обстановке он себя чувствует до странности комфортно.

Я сидел и слушал адвоката и вскорости задумался: а) почему бабушка Марго выбрала Блока для выступления на ее панихиде, б) пришлет ли он нам счет за эту услугу и в) кого еще из родственников покойной посетили такие же мысли.

– ...Долгая история рода Макхоун в городе Галланах, рода, принадлежностью к коему она так гордилась и для коего... для коего так много пользы принесла на протяжении своей долгой жизни, отдаваясь этому занятию со всей присущей ей целеустремленностью. Мне посчастливилось знать и Марго, и ее последнего мужа Мэтью и оказывать им услуги, а с Мэтью мы были знакомы еще с двадцатых годов, когда вместе учились в школе и были друзьями. Я прекрасно помню...

* * *

– Бабуля! Ну и ну!

– Что?

Бабушка глубоко втянула дым «данхилла», взмахом кисти закрыла медную зажигалку «зиппо» и возвратила ее в кармашек кардигана.

– Бабуля, вы курите!

Бабушка кашлянула и пустила в меня струю дыма, закрыла его сизой ширмой свои пепельные глаза.

– Ну да, курю.– Она поднесла к глазам сигарету, присмотрелась к ней, затем сделала еще затяжку.– Мне всегда хотелось курить,– объяснила она и перевела взгляд на холмы и деревья на том берегу озера.

По прибрежной тропинке вдоль Пойнтхауса^[8] я прикатил ее к древним пирамидам из камней. Сел на траву. Вода была подернута

рябью от ветерка. На распахнутых крыльях парили чайки, а вдали изредка тревожили воздух легковушки и грузовики, с ленивым утробным рыком выскакивая из чрева горы на шоссе между деревьями или исчезая в туннеле.

– Хильда курила,– тихо произнесла бабушка, не глядя на меня.– Это моя старшая сестра. Она курила. И мне всегда хотелось.

Я сгреб пригоршню камешков с тропинки – бросать их в волны, что лизали скалу в метре под нами, почти у верхней приливной кромки.

– Только твой дед мне не позволял,– вздохнула бабушка.

– Бабуля, но вам же вредно,– запротестовал я.

– Знаю,– подтвердила она с широкой улыбкой.– Может, потому, когда умер дед, и не стала курить: врачи сказали, что это уже вредно.– Она рассмеялась.– Но мне теперь семьдесят два, и плевать я хотела.

Я утопил еще несколько камешков.

– Но ведь для нас, молодежи, это не слишком хороший пример.

– Прентис, уж не пытаешься ли ты мне внушить, что нынешняя молодежь ждет примера от стариков?

– Ну...—состроил я гримасу.

– Если это так, то вы – первое поколение от сотворения мира, которое так поступает.– Она затянулась табачным дымом; на ее лице читалась откровенная насмешка.—Лучше делайте все то, чего старики не делали. Ведь все равно так получится, нравится вам это или не нравится.– Она кивнула своим мыслям, погасила докуренную до фильтра сигарету о ступицу колеса и щелчком отправила «бычок» в воду. Я неодобрительно хмыкнул.

– Люди редко поступают сознательно, Прентис, чаще они просто реагируют,– продолжала она будничным тоном.– Так было и в твоём случае. Отец хотел из тебя сделать убежденного атеистика, а ты возьми да ударься в религию. И вот результат...– Я будто услышал, как она пожала плечами.– Семьи с годами расшатываются. И тогда кто-то должен... привести все в порядок.– Она похлопала меня по плечу. Я повернулся. Волосы ее были очень белы на густо-зеленом фоне летних аргайлширских холмов и ярчайшей небесной синевы.– Прентис, у тебя есть какие-нибудь чувства к семье?

– Какие еще чувства, бабуля?

– Она для тебя что-то значит? Видишь ли, у каждого поколения есть свой шкворень. Кто-то, вокруг кого вращаются остальные, ты меня понимаешь?

– В какой-то степени,– ответил я уклончиво.

– Таким шкворнем был старый Хью, потом твой отец, потом – я, а дальше пошла эта катавасия с Кеннетом, Рори и Хеймишем – каждый считал себя шкворнем, да только...

– Папа точно мнит себя патриархом.

– Да, и у Кеннета, возможно, больше оснований притязать на верховенство в семье, хотя, мне кажется, Рори все-таки умнее. Твой дядя Хеймиш...– Она нахмурилась.– Этот паренек малость отклонился от прямого пути.

«Этому пареньку» было под пятьдесят, и он уже стал дедом. Не кто иной, как дядя Хеймиш, придумал «ньютонову религию». И пытался затянуть меня, когда мы с отцом поссорились.

– Интересно, а где сейчас дядя Рори? – попробовал я отвлечь бабушку от бесперспективной и даже опасной темы, для чего и предложил нашу родовую игру. Все мы мастаки распускать слухи о дяде Рори, сочинять истории о его приключениях и выдвигать версии его местонахождения.

В прошлом многообещающий юноша, он не оправдал надежд родни, сделавшись профессиональным бродягой и фокусником-любителем. Надо заметить, лучше всего ему удался фокус с исчезновением. С его собственным исчезновением.

– Да кто ж знает? – вздохнула бабушка.– Может, умер. С тех пор как пропал, ни единой весточки от него.

– Ну, умер – это вряд ли,– отрицательно покачал я головой.

– Э, Прентис, да я слышу в твоём голосе уверенность! Что такое ты знаешь, чего не знаем мы?

– Я просто чувствую,– пожал я плечами и швырнул в воду целую пригоршню гравия.

– И твой отец думает, что Рори вернется,– задумчиво произнесла Марго.– Всегда о нем так говорит, как будто он где-то рядом.

– Дядя вернется,– кивнул я и улегся на траву, подложив руки под голову.

– Не знаю, не знаю,– сказала бабушка Марго.– По мне, так вполне может статься, что его уже нет на свете.

– Почему?

По небу была разлита густая сияющая синева.

– Ты мне не поверишь.

– Что? – Я сел снова, повернулся к ней лицом. Бабушка Марго задрала рукав и обнажила белое в крапинах правое предплечье.

– Родинки, Прентис. Они мне много всякого рассказывают.

Я рассмеялся. Она даже не улыбнулась.

– Извините, бабуля, не понял.

Бабушка длинным бледным пальцем постучала себя по запястью, по большой коричневой родинке. Глаза сощурились. Она наклонилась ко мне и снова постучала по родинке.

– Ни шиша, Прентис.

– Ни шиша? – переспросил я, не зная, можно ли еще разок рассмеяться.

– За восемь лет – ни единого намека, ни малейшего ощущения.– Она говорила глухо, почти хрипло, а на лице – ухмылочка.

– Бабуля, сдаюсь: вы о чем толкуете?

– Да о родинках своих, Прентис– Она изогнула бровь, со вздохом откинулась на спинку инвалидного кресла.– Благодаря родинкам я всегда в курсе того, что в моей семье делается. Когда обо мне заходит разговор, родинки зудят. И когда... что-нибудь особенное с кем-то происходит, они тоже чешутся.– Она нахмурилась: – Не всегда так бывает, но как правило.– И сурово глянула на меня. Ткнула в мою сторону клюкой.– Отцу ни слова! Он меня в дурдом упечет.

– Что вы, бабуля! Конечно, не расскажу. Да он бы и не упек...

– Откуда такая уверенность? – снова сузились ее глаза.

Я оперся на колесо инвалидного кресла:

– Так я правильно понял? Когда кто-нибудь из нас заговаривает о вас, чешутся родинки?

Она хмуро кивнула:

– Иногда чуть-чуть зудят, а подчас даже до боли. И чесаться они могут по-разному.

– А эта родинка отвечает за дядю Рори? – кивнул я скептически на большое пятнышко на правом бабушкином запястье.

– Верно.– Бабушка постучала клюкой по подножке инвалидного кресла, а затем подняла руку и впиалась в коричневое пятнышко на коже обвиняющим взглядом: – Уже восемь лет – ни шиша!

Я посмотрел на спящего коричневого оракула с нервным уважением, которое боролось во мне с воинствующим недоверием.

– Ну и ну,– сказал наконец я.

* * *

– ...Пережили ее дочь Ильза и сыновья Кеннет, Хеймиш и Родерик.– Милейший адвокат Блок кивнул на моего отца и на дядю.

Отец все скрежетал зубами, дядя Хеймиш перестал похрапывать и даже тихонько вздрогнул при звуке своего имени. Он открыл глаза, огляделся – как мне показалось, обалдело – и снова расслабился. Через секунду клюнул носом, задремывая.

Упомянув дядю Рори, мистер Блок окинул взором заполнивший часовню люд, как будто ожидал, что дядя Рори сей же момент эффектно возникнет перед ним и перед своими родичами.

– А также, несомненно, разделяет с семьей ее скорбь муж Фионы – младшей дочери усопшей.– Тут мистер Блок обрел сугубую серьезность и даже ухватился за лацканы пиджака, торжественно кивая на дядю Фергюса.– Мистер Эрвилл,– добавил адвокат, завершая кивок, который, по мне, сошел бы и за поклон, и одновременно прочищая горло.

Коленопреклонение содеяно, должная ссылка на былую драму прозвучала, и большинство людей, обративших взоры на дядю Фергюса, отвернулись.

А моя голова осталась в прежней позиции. Дядя Фергюс – довольно интересный типаж, и к тому же он (о чем наверняка осведомлен хищный мистер Блок), пожалуй, самый богатый и уж точно самый влиятельный человек в Галланахе. Но смотрел я не на него. Рядом с квадратным толстошеим Эрвиллом из рода Эрвиллов (траурно-великолепным в семейно-похоронном прикиде из шотландки, сочетающей густо-фиолетовый, темно-зеленый и просто черный цвета) не сидела ни одна из его двух дочерей. Где же вы, Дайана и Хелен, длинноногие гении самой холено-лощено-взлелеянной красоты, какую только можно купить за деньги? Но зато была его племянница – сногшибательная, замечательная, золотоволосая, персиковоликая,

бриллиантовоглазая Верити из дома Эрвиллов. Короче, девочка из тех, на ком отдыхает глаз.

Но моим зенкам было не до отдыха: они с волчьим аппетитом пожирали эту изящно-угловатую половозрелую фигурку, упакованную в черное и сидящую, слава богу, с той стороны от дяди, которая была ближе ко мне. Верити пришла в белой стеганой лыжной куртке, но в стылом крематории почему-то сняла ее, оставшись в черной юбке, черной блузке, черных... (колготках? чулках? господи, какое же это удовольствие – просто воображать себе, что кроется под ними!) и черных туфлях. В свете, что лился с потолка через прозрачные панели, было видно, как трепещет гладкая ткань блузки: черный шелк, спадавший с девичьей груди тенистыми складками, натурально дрожал! Я почувствовал, как распирает мою грудь, как расширяются глаза; спохватившись, что так пялиться неприлично, я уже собрался отвести взгляд, как вдруг точеная головка с коротко стриженными светлыми волосами, с подбритыми висками повернулась и наклонилась: спокойное лицо обратилось ко мне, и я увидел глаза, притененные густыми, потрясающе черными бровями. Они медленно моргнули. Верити смотрела на меня.

Губы чуть растянулись в улыбочке, а взгляд бриллиантовых глаз сделался пронзительным – она заметила бедного Прентиса! Потом взгляд двинулся дальше, сфокусировался уже на ком-то другом и вернулся в исходную позицию. Я тоже отвернулся – чувства были напрочь расстреляны этим прицельным взглядом, шея одеревенела. Верити Уокер ела мое сердце. Поглощала мою душу.

* * *

– А папина родинка?

– Вот.– Бабушка Марго постучала пальцем по своему левому плечу и рассмеялась. Мы продвигались между берегом и деревьями.– И зудит, между прочим, довольно часто.

– А моя? – осведомился я, бредя за инвалидным креслом. Байкерскую шкурку я снял, и теперь она лежала на бабушкиных коленях. Бабушка оглянулась на меня, выражение ее лица мне понять не удалось.

– Здесь.— Она хлопнула себя по животу и отвернулась.—Что, Прентис, скажешь, я не шкворень?

– Ха! – постарался я ответить как можно беспечнее.— Пожалуй, вы правы. А как насчет дяди Хеймиша? Где он?

– На колене,— постучала она по гипсу на ноге.

– Кстати, как нога, бабуля?

– Отлично,—проворчала она.—Через неделю снимут гипс. Скорей бы...

Колеса инвалидного кресла шуршали по травянистым обочинам дорожки. Я вспомнил, что хотел кое о чем спросить.

– Бабуля, а что вы хотели сделать с тем деревом?

– Да только ветку отпилить.

– Зачем?

– Белки сделали из нее трамплин для прыжков на птичью кормушку, вот я и решила положить этому конец.— Она клюкой сбила с тропинки в воду мятую коробку из-под йогурта.

– Сами? Может, стоило кого-нибудь попросить?

– Прентис, ты переоцениваешь мою недееспособность. Не кинься на меня та ворона, все было бы в порядке. Дрянь неблагодарная!

– А, значит, птица виновата?

Я представил себе, как лупоглазая черная птица пикирует на бабушку и сбрасывает ее с лестницы. Может, ворона смотрела «Омен»^[9]?

– Кто ж еще? – Бабушка Марго извернулась в кресле, подняв и клюку, и голос: – Несколько лет назад я бы одними синяками отделалась. Будь она проклята, хрупкость бедерных костей. Столько из-за нее в старости проблем, особенно у женщин,— Она коротко кивнула.— Так что считай себя счастливым.

– Как скажете,— улыбнулся я.

– Чертовы птицы,— пробормотала она, разглядывая шеренгу ясеней на краю поля с такой лютой ненавистью, что я уже был готов услышать протестующий вороний грей.— Ладно,— пожала она плечами.— Поехали-ка домой, мне пора.

– Как скажете,— повторил я и развернул кресло.

Бабушка Марго закурила новую сигарету.

– Ветка, между прочим, никуда не делась.

– Я о ней позабочусь.

– Ай да молодец!

Где-то в вышине подал голос жаворонок. Я катил бабушку по тропинке у воды. Вывез ее на шоссе, а затем – на гравиевую подъездную дорожку. И наконец мы пересекли залитый солнцем двор перед высоким домом с засиженным воронами фронтоном.

В тот же день я спилил злополучную ветку и поехал в Галланах, в гости к дяде Хеймишу – чаевничать. Отец подкатил, когда я с лестницы пилил живой дуб и отмахивался от слепней. Он, выйдя из «ауди», постоял и посмотрел на меня, потом скрылся в доме, а я все пилил.

* * *

Мой прапрапрадед Стюарт Макхоун был похоронен в особом гробу: отлитом из черного стекла умельцами, которые работали под его началом, когда он был управляющим фабрикой «Галланахское стекло» (теперь эту должность занимал дядя Хеймиш). Бабушке Марго достался вполне традиционный – деревянный – «ящик». Он уехал в стену, когда месса Баха вышла на последнее хоровое крещендо. Облицованная деревом дверь скользнула по желобам на свое место, загородила нишу, в которой скрылся гроб, а затем перед ней опустился небольшой пурпурный занавес.

Под присмотром надзирателей-похоронщиков мы все выстроились для безусловно важного и ответственного ритуала покидания часовни. Первыми вышли мои отец и мать.

– Тоуни, я же говорил, мы не там сели,– услышал я за спиной шепот дяди Хеймиша. Тетя Тоуни лишь цыкнула: «Ш-ш-ш!» Снаружи стоял тихий пасмурный день, было прохладно и сыровато. Тянуло дымком: где-то поблизости жгли палую листву. Глазам открывалась обсаженная березами дорога, что вела от крематория к городу и океану. Вдали, в дымке, северная оконечность острова Джура казалась темным пастельным пятном, лепешкой на серой глади моря. Я оглянулся: повсюду запаркованные машины, между ними люди в темном стоят группками, толкуют о своем. В неподвижном воздухе белели выдыхаемые ими клубы. Дядя Хеймиш разговаривал с адвокатом Блоком, тетя Антонайна – с моей матерью, отец – с

Эрвиллами. Фигурка отпадной Верити почти целиком пряталась за моим отцом, лишь выступал край снежно-белой лыжной куртки из-за твидового пальто моего старика. Я хотел было сместиться, чтобы видеть Верити лучше, но передумал: вдруг кто-нибудь заметит сей маневр. Хорошо хоть, что она приехала без «эскорта», – такой мыслью ободрил я себя. Вот уже два года я боготворил Верити. Боготворил издали, потому что раньше ее всегда сопровождала преотвратнейшая тварь по имени Родни Ричи. Его родителям принадлежала в Эдинбурге фирма «Доставка грузов "Ричи" – сервис надежный и цены в рамках приличий». Мой отец как-то побывал у них в гостях и под впечатлением этой встречи придумал термин «ричевое излишество». С недавних пор в семействе Эрвиллов муссировался слух, будто Верити взялась за ум и готова дать «Доставке» отставку. По крайней мере, на этот раз предмет моего обожания явился сюда без дегенерата Родни на буксире – что обнадеживало.

Я подумал, не подойти ли к Верити. Ну, может, потом, когда в замок вернемся. Еще я склонялся к мысли насчет поговорить с Джеймсом, но братишка опирался на стену крематория, явно пребывая не в духе: томился скукой и, похоже, замерз в кем-то одолженном пальто, в шапке с опущенными «ушами», под которые наконец-то (прощай мучительная ломка) вернулись наушники плеера. До сих пор, должно быть, на *Doors* торчит. В эту минуту я едва не пожалел, что рядом нет нашего старшего брата Льюиса: ему не удалось выбраться на похороны. Льюис симпатичный, он смышленей и остроумней меня, поэтому я не часто по нему скучал.

Я остановился возле «ягуара» дяди Хеймиша. Может, просто сесть в машину? Или подойти к кому-нибудь завязать разговор? Я чувствовал, что приступ застенчивости – каковой болезни я, к сожалению, подвержен – уже неминуем.

– Здравствуй, Прентис. Как дела?

Это был низкий и хриплый, но все же девичий голос. Подошла Эшли Уотт, похлопала меня по плечу. За ней по пятам следовал братец Дин. Я кивнул:

– Привет. Все путем. Здорово, Дин.

– Салют, чувак.

– Ты ради этого приехал? – Эш кивнула на серый гранит приземистых крематорских построек. Ее длинные желтовато-

коричневые волосы были собраны в узел на затылке; угловатое волевое лицо, на котором господствовали орлиный нос и большие очки с круглыми линзами, казалось озабоченным и печальным. Мы с Эш – сверстники, но при ней я всегда почему-то чувствовал себя моложе.

– Ага. В понедельник – обратно в Глазго.– Я опустил взгляд.– Ух ты! Эш, я тебя в юбке еще ни разу не видел.

Эш всегда носила джинсы. Мы с ней дружили, сколько себя помнили, на одном ковре в одни игрушки играли, но чтобы она ходила в чем-нибудь кроме джинсов – не припомню, хоть убейте. Ведь ноги у нее в порядке, сейчас вполне симпатичные икры выглядывают из-под черной миди-юбки. На Эшли большая тужурка морского фасона с завернутыми обшлагами и черные перчатки; благодаря средней высоты каблукам она теперь одного роста со мной.

– Короткая у тебя память, Прентис,– улыбнулась Эш.– Школу помнишь?

– Школу? Ага,– кивнул я, глядя на ее ножки.– А кроме школы — ни разу.—Я пожал плечами и осторожно улыбнулся.

В средней школе я был несносным ребенком и был им долго, с первого дня обучения до конца четвертого класса. И самое яркое воспоминание, связанное с Эш,– как мы с ее двумя братьями устроили засаду и забросали снежками ее с сестрой и их мальчиков, когда в сумерках они возвращались из школы домой. Чей-то снежок сломал длинный острый нос Эшли. Я подозревал, это мой грех,– подозревал по той лишь причине, что вроде бы никто больше не улучшал баллистические качества снежков увесистыми камешками.

Нос ей, конечно, поправили, и по окончании школы мы даже подружились.

Эш чуть нахмурилась, ее серые глаза, слегка увеличенные линзами, смотрели в мои.

– Мне очень жаль, что бабушки Марго больше нет. Всем нам жаль.– Она резко обернулась к брату, закуривавшему позади нее «регал».

Он кивнул. На нем были темные джинсы и темно-синее пальто «кромби», выдавшее как будто лучшие десятилетия.

Я не знал, что и сказать.

– Мне будет не хватать ее,– произнес я будничным тоном. С тех пор как узнал, что бабушка умерла, старался об этом не думать.

– Прентис, это че, сердце? – поинтересовался Дин, выпустив клуб дыма.

– Нет,– ответил я.– Она с лестницы упала.

– Так это же вроде было в прошлом году? – проговорила Эш.

– В прошлом году она падала с дерева. А в этот раз чистила водосточные желоба. Лестница поехала, и бабушка провалилась через крышу оранжереи. До больницы не довезли – говорят, шок от кровопотери.

– Ах, Прентис, я тебе так сочувствую.– Эш погладила меня по руке.

Дин озабоченно покачал головой:

– А я думал – сердце.

– Был у нее инфаркт,– кивнул я.—Лет пять назад. Ей поставили электрокардиостимулятор.

– А может, она на лестницу залезла, тут и случился инфаркт? – предположил Дин.

Эш пнула его в голень.

– У-у-ы! – взвыл он.

– Извините, ваша чувствительность,– сказала Эш.– Но я повторяю: мы правда очень соболезуем. Прентис,– оглянулась она,– я не вижу Льюиса. Он что, не смог приехать?

– Он в Австралии,– вздохнул я.– Все шутки шутит.

– А-а,– кивнула Эш и улыбнулась краем рта.– Какая жалость.

– Для австралийцев – пожалуй,– сказал я. Лицо Эш сделалось печальным, даже жалостливым:

– Ах, Прентис...

Дин пихнул сестру в спину рукой – не той, что тер свой подбородок.

– Слышь, так че там с тем чуваком, ну, с которым в Берлине столкнулась в джакузи? Обещала же рассказать.

– А, да...– Эш перестала хмуро смотреть на брата и стала хмуро смотреть на меня. Она глубоко вдохнула, медленно выпустила воздух из легких: – Скажи-ка, Прентис, как ты насчет кружечку пропустить?

– Да неплохо бы, пожалуй,– ответил я.– Но нас вроде в замок звали помянуть.– Я пожал плечами: – Сегодня вечером?

– Договорились,– кивнула Эш.

– Джакузи? – Я взглянул на Дина, затем на Эш.– Берлин?

Дин ухмыльнулся и кивнул.

– Ладно, Прентис,– сказала Эш,– увидимся. И я тебе расскажу одну историю, грязную, но потрясную. К восьми в «Якобите», годится?

– В самый раз,– кивнул я и, подавшись вперед, легонько толкнул ее.– Что за джакузи?

Я заметил новое выражение на лице Дина, услышал новый звук, затем увидел, как взгляд Эшли сместился с моего лица: теперь она смотрела куда-то мне за спину, над левым плечом. Я медленно повернулся.

С визгом тормозов к крематорию подъезжал автомобиль; палаая листва кружилась за ним в воздухе. Это был зеленый «ровер», и шел он на добрых шестидесяти. Должно быть, раза в три перекрыл последний рекорд скорости, поставленный на этой территории. И двигалась машина курсом примерно на нас, и расстояние, пригодное для безопасного торможения, быстро сходило на нет.

– Это не доктора ли Хайфа тачка? – спрашивал Дин, пока Эш хватала меня за рукав и тащила назад.

«Ровер» перестал выть двигателем, клюнул носом и затряс задом; протекторы его шин пытались вгрызться во влажный асфальт.

– А я думал, у него «орион»,– пробормотал я, давая Эшли оттащить меня, заодно с Дином, мимо зада машины дяди Хеймиша на траву. Вся толпа возле крематория теперь смотрела, как зеленый «216-й» скользит в считанных сантиметрах от лобового столкновения с эрвилловской «бентли» восьмой модели. Покрышки наконец зацепились за асфальт. Доктор Файф – и правда, это был он – соскочил с водительского сиденья. Все такой же маленький, толстый и усатый, только сегодня физиономия красная и вытаращены глаза.

– Стойте! – завопил он, хлопая дверцей машины и со всех своих коротеньких ножек устремляясь к входу в часовню.– Стойте! – выкрикнул он снова, уже, пожалуй, без необходимости, потому что все, чем бы они ни занимались, замерли, когда завизжала тормозами машина.– Остановитесь!

Готов поклясться, что я услышал в этот момент приглушенный треск, но никто мне не верит. Вот тогда это, наверное, и произошло.

Чуткие гробовщики из корпорации «Галланахский крематорий» обычно сжигают тела по ночам, дабы видом дыма не усугублять горе и

без того скорбящих родственников. Но бабушка Марго в завещании потребовала незамедлительной кремации, каковая и происходила в те минуты, когда подъехал доктор Файф.

– Ай! – воскликнул доктор у самой двери, где его должен был перехватить встревоженный служитель.—Ай!—повторил он и повалился, сначала в объятия служителя, а затем на землю. Несколько секунд простоял на коленях, затем развернулся и сел на зад, вонзая короткие пальцы в пухлую грудь и глядя на гранитные плиты мостовой перед часовней. А потом уплотнившаяся и притихшая в растерянности толпа услышала от него:

– Дорогие друзья, прошу извинить, но у меня, кажется, коронарный тромбоз...

И с этими словами доктор Файф завалился на спину. Несколько мгновений ничего не происходило. Потом Дин Уотт пихнул меня рукой, в которой держал «регал», и тихо молвил:

– А, че, прикольно.

– Дин! – цыкнула на него Эшли.

Наши родственники между тем уже столпились вокруг доктора.

– Вызовите «скорую»! – закричал кто-то.

– Здесь же есть катафалк! – воскликнул мой отец.

– Только ушиб – фигня,— пробормотал Дин, энергично теревший голень, и обратился к сестре: – Слышь, валим отсюда?

Катафалк сослужил службу: доставил доктора Файфа в местную больницу как раз вовремя, чтобы спасти если не его профессиональную репутацию, то хотя бы жизнь. А тот приглушенный хлопок – настаиваю, что я его слышал,— был взрывом. Взорвалась моя бабушка. Доктор Файф забыл предупредить в больнице, чтобы из тела перед кремацией извлекли электрокардиостимулятор. Как я уже говорил, в моем роду такие вещи случаются.

Глава 2

То были дни радужных перспектив; и мир был очень мал в ту пору, и в нем еще жило волшебство.

Он рассказывал детям удивительные истории. О Тайной Горе и о Звуке, Который Можно Увидеть. О Лесе, Утонувшем в Песке, и Деревьях из Окаменевшей Воды. О Медлительных Детях и о Волшебном Пуховом Одеяле и об Искоженной-Изъезженной Стране. И дети верили всему. Они узнавали о далеких временах и давно исчезнувших местах, узнавали о том, кем они были и кем не были, о том, кем они станут и кем не станут.

Тогда каждый день был неделей, каждый месяц – годом. Сезон был десятилетием, а год – целой жизнью.

* * *

– Пап, а миссис Макбет говорит, что Бог есть, а ты попадешь в дурное место после смерти.

– Миссис Макбет – идиотка.

– Не, пап, она не идиотка. Она учительница!

– Нет такого слова «не», а есть слово «нет»... То есть у слова «не» другие значения.

Он задержался на тропе и повернулся взглянуть на мальчика. Остановились и другие дети, они ухмылялись и хихикали. Все уже почти добрались до вершины холма и теперь находились чуть выше верхней границы произрастания леса, установленной Комиссией лесного хозяйства. Отсюда виднелась пирамида из камней: горб, подпирающий горизонт.

– Прентис, – сказал отец, – человек может быть и учителем, и идиотом. Он даже может быть и философом, и идиотом. А бывают политики-идиоты... Сдается мне, других политиков и не бывает. Даже гений может быть идиотом. Миром правят сплошь идиоты. Идиотизм – не очень серьезная помеха в жизни и в профессии. Иногда это явное преимущество, даже залог успеха.

Дети хихикали.

– Дядя Кеннет,– прошебетала Хелен Эрвилл,– а наш папа говорит, что вы коммуняка.

Ее сестренка, стоявшая рядом на тропе и державшая ее за руку, пискнула и прижала холодную ладошку ко рту.

– Да, Хелен, твой папа абсолютно прав,– улыбнулся он.– Но только в пейоративном смысле, к сожалению, а не в смысле практическом.

Дайана снова пискнула и, хихикая, отвернулась, пряча лицо. У Хелен на мордашке отразилось недоумение.

– Пап, а пап,– затеребил Прентис отцовский рукав.– Пап, миссис Макбет – учительница, правда учительница. И она сказала, что Бог есть.

– Да, пап, мистер Эйнсти тоже так говорит,– добавил Льюис.

– Я имел удовольствие беседовать с мистером Эйнсти,– сказал старшему мальчику Кеннет Макхоун.– Он считает, мы должны были послать войска во Вьетнам, чтобы американцам помочь.

– Пап, он тоже идиот? – отважился задать вопрос Льюис, разгадав кислую мину на отцовском лице.

– Безусловно.

– Так, значица, Бога нету, мистер Макхоун?

– Да, Эшли, Бога нет.

– А как насчет вумблов, мистер Макхоун?

– Это еще кто такие, Даррен?

– Вумблы, мистер Макхоун. Уимблдонские вумблы.—Даррен Уотт держал за руку младшего брата Дина, а тот таращился на Макхоуна; казалось, малыш вот-вот расплачется.– Мистер Макхоун, а они-то есть?

– Конечно есть,– кивнул отец Прентиса.– Ты же видел их по телевизору, верно ведь?

– Ага.

– Ага! Ну так они, значит, существуют. Настоящие куклы.

– Но ведь они по-настоящему настоящие, а?

– Нет, Даррен, они настоящие не по-настоящему. Настоящие обитатели настоящей Уимблдонской пустоши – это мыши и птицы, ну, может, еще лисы и барсуки; никто из них одежды не носит и не живет в опрятной норке с мебелью. Это одна тетенька придумала вумблов и

сочинила про них сказки. А другие люди наделали по этим сказкам телевизионных передач^[10]. Вот что настоящее.

– Вот, я ж тебе говорил! – Даррен затряс ручонку брата.– Они ненастоящие.

Дин заплакал, закрыв глаза и скривив рожицу.

– О господи! – вздохнул Макхоун, не переставший изумляться тому, с какой быстротой детское личико из персика превращается в свеклу. Его младшенький, Джеймс, только-только прошел этот этап.

– Дин, успокойся! А ну-ка, орлы, вперед, посмотрим, удастся ли нам покорить эту вершину! – Он поднял ревущего малыша – сначала пришлось уговорить, чтобы отпустил руку брата,– и посадил на свои плечи. И посмотрел в запрокинутые мордашки остальных: – Мы ведь уже почти на месте, ребята. Поглядим на пирамиду?

Большинство разными звуками выразили согласие.

– Ну, так вперед! Кто последний, тот будет тори! И зашагал по тропе. Дин плакал уже потише.

Остальные дети держались кто по бокам, кто позади, смеялись, вопили, карабкались напролом через бурьян к пирамиде. Кеннет сошел с тропы и двинулся за ними, а затем, придерживая Дина за ноги, обернулся к Дайане и Хелен; те безмолвно, рука об руку стояли на тропинке.

– А вы почему не с нами?

Хелен, точно в таких же, как у сестренки, новых зеленых брючках, нахмурилась и покачала головкой:

– Дядя Кеннет, мы лучше сзади пойдем.

– Сзади? Почему сзади?

– А мы, кажется, и так —тори.

– Очень даже может быть,– рассмеялся он.– Но пока имеет силу презумпция невиновности. Пошли.

Близняшки переглянулись, а затем, все так же рука об руку, двинулись по травянистому склону за другими детьми, осторожно, сосредоточенно ступая по высокой жесткой траве. Дин снова заплакал в голос, наверное, решил, что братик и сестренка его бросили. Макхоун вздохнул и затрусил по склону вслед за детьми, ободряя их возгласами, подгоняя отстающих. Когда все добрались до пирамиды, он притворился, будто выбился из сил: шатаясь, уселся, картинно повалился на траву. Разумеется, перед этим поставил на ноги Дина.

– Ох-хо-хо! Вы слишком здоровые – куда мне до вас!

– Ха-ха-ха! Мистер Макхоун! – рассмеялся Даррен, показывая на него.—Тюря, вот вы кто!

Кеннет растерялся, но уже через несколько секунд сказал:

– А ведь правильно. Тюря, тетеря, тори.– И соорудил смешную рожу.– Тори-тори-тараторит! – Он расхохотался, дети тоже засмеялись. Кеннет лежал на траве, дул теплый ветер.

– Мистер Макхоун, а зачем эти камни? – спросила Эшли Уотт. Она взобралась на середину пирамидки, которая была около пяти футов в высоту, выковыряла камешек и принялась разглядывать.

Кеннет перевернулся на живот, позволяя Прентису и Льюису усесться верхом и лупить его пятками, как лошадку. Малютка Уотт, сидя на пирамиде, постучала камешком о камешек, потом всмотрелась в белесую выщербленную поверхность того, что держала в руке. Кеннет ухмыльнулся. Он считал, что малютке не повезло. Ведь Эшли – мужское имя, так звали одного из героев «Унесенных ветром». Впрочем, если Уоттам охота давать детям такие имена, как Дин, Даррен и Эшли, то это их дело. Ведь могли быть и Элвис, Тарквиний^[11] и Мэрилин.

– Помните про гуся, который бриллиант проглотил?

– Ага!

Он сочинял рассказы и один из них, про гуся и бриллиант, испробовал на детях. Жена это назвала маркетинговым исследованием.

– А почему гусь слопал бриллиант?

– Я знаю, дядя Кеннет! – Дайана Эрвилл подняла ручонку, пытаясь щелкнуть пальцами.

– Да, Дайана.

– Проголодался.

– Не-а! – пренебрежительно заявила Эшли с пирамиды, вовсе моргая.– Это для зубов!

– Есть захотел, вот и проглотил, ты, умница-разумница! – Дайана замотала головой, наклоняясь к Эшли.

– Стоп! – сказал Макхоун.– Вы обе отчасти правы. Гусь проглотил бриллиант, потому что гуси вообще так делают: глотают камушки, чтобы те попадали в... Кто-нибудь знает? – Он оглядел детей, стараясь не побеспокоить сидящих на нем Льюиса и Прентиса.

– *Муксульный* желудок! – выкрикнула Эшли, замахиваясь камнем.

Дайана пискнула и прижала ладонь ко рту.

– Да, у птицы есть мускульный желудок, это верно,– сказал Кеннет.– Но на самом деле алмаз попал в гусиный зуб, потому что гусям, как и большинству птиц, нужно держать в зобу, вот здесь,– показал он на себе,– мелкие камни.– С помощью этих камешков пища перетирается и лучше усваивается, когда попадает в желудок.

– Мистер Макхоун, а я помню! – воскликнула Эшли и прижала камень к груди, отчего ее поношенный серый джемперок не стал чище.

– И я, пап! – вскричал Прентис.

– И я!

– И я тоже!

– Вот и отлично.– Кеннет медленно перевернулся на бок, заставив Льюиса и Прентиса съехать с его спины. Затем сел; сыновья тоже сели.– Когда-то давным-давно у нас в Шотландии жили-были огромные звери, и они...

– А как они выглядели, пап? – спросил Прентис.

– Как? – Макхоун запустил руку в каштановые кудри, почесал в затылке.– Как... большие волосатые слоны... с длинными шеями. И эти огромные животные...

– Дядя Кеннет, а как они назывались?

– Они назывались... Хелен, они назывались мифозаврами и глотали камни... большие камни, которые опускались в зоб и там перетирали пищу. Это были очень большие животные и очень сильные, но они таскали в себе много камней и потому на горы не поднимались, а жили всегда в долинах и в море или озеро тоже не заходили, потому что плавать не могли, и от болота в сторонке держались, чтобы не утонуть. Но...

– Мистер Макхоун, а по деревьям они лазали?

– Нет, Эшли.

– Ага, я так и думала, мистер Макхоун!

– Умница. В общем, когда мифозавры становились старенькими и приходило время помирать, они все-таки поднимались на вершины холмов, невысоких, вроде этого, и ложились и спокойно умирали, а после смерти у них исчезали мех и кожа, а потом и внутренности рассыпались...

– Мистер Макхоун, а куда они девались, ихние мех и кожа?

– Куда девались... Эшли, они превращались в землю, растения, насекомых и другую мелкую живность.

– Ух ты!

– И в конце концов оставался только скелет.

Дайана ойкнула и снова прижала руку ко рту.

– А потом и он рассыпался в пыль, и...

– Мистер Макхоун, а бивни?

– Что, Эшли?

– Бивни. Они тоже – в пыль?

– Гм... Да. Да, в пыль. Все превращалось в пыль, кроме камней, которые звери носили в зубу. Камни оставались лежать большой грудой там, где умирал мифозавр, – Кеннет повернулся и хлопнул по большому камню, торчавшему из основания пирамиды. – Вот как они здесь оказались, – ухмыльнулся он (самому понравилось только что сочиненное).

– Ага! Эшли! Ты стоишь на том, что было у зверя в пузе! – закричал Даррен, показывая.

Эшли рассмеялась и прыгнула, отбросила камень и принялась кувыркаться на траве.

Несколько минут стояли шум и гам, наконец Кеннет Макхоун глянул на часы и сообщил:

– Все, дети. Пора обедать. Кто-нибудь проголодался?

– Я!

– Я, пап!

– И мы, дядя Кеннет!

– Мистер Макхоун, а я могу целого миффасора слопать, чесно слово, могу!

Он рассмеялся:

– Хм... я не думаю, Эшли, что он окажется в нашем меню. Но ты не волнуйся.

Он встал и вынул трубку, наполнил чашечку табаком, утрамбовал.

– А ну, за мной, буйная орда! Тетя Мэри уже небось на стол накрыла.

– Дядь Кеннет, а дядя Рори фокусы покажет?

– Да, Хелен, покажет, но только если будете себя вести хорошо и съедите овощи.

– Во класс!

Дети пустились бегом вниз по склону. Дина пришлось нести – притомился.

– Пап! – Прентис отстал от вопящей стайки, чтобы поговорить с отцом.– А миффасоры настоящие?

– Да, малыш. Не менее настоящие, чем вумблы.

– Как Дугал из «Волшебной карусели»^[12]?

– От и до. Вернее, почти.– Кеннет затянулся табачным дымом.– Впрочем, да, такие же настоящие. Видишь ли, Прентис, настоящее всегда остается настоящим только у тебя в голове, а мифозавры теперь существуют в твоей головке.

– Правда существуют?

– Да. Раньше они были в моей голове, а теперь есть и в твоей, и в головах остальных.

– Как Бог в голове у миссис Макбет?

– Ага, правильно. Бог – это идея, которая у нее в голове сидит. Это как Дед Мороз и Зубная Фея.– Он посмотрел на мальчика.– Ну как, понравился тебе мой рассказ про мифозавра и каменные пирамиды?

– Так это просто рассказ, пап?

– Ну конечно, Прентис.– Отец нахмурился.– А ты что подумал?

– Не знаю, пап.

– *Histoire, seulement.*^[13]

– Чего, пап?

– Ничего, Прентис. Это просто рассказ.

– Пап, а рассказ про то, как ты с мамой встретился, более хороший.

– Просто лучше. Более хороший – не годится.

– Так он лучше, пап.

– Ну что ж, сынок, я рад, что ты так считаешь.

Дети входили в лес; тропа воронкой сужалась меж соснами. Он поглядел вдаль, сквозь заслон из сучьев и листьев, туда, где еле проглядывали деревня и станция.

* * *

Вечером пропыхтел, уезжая, поезд, за поворотом искусственной прогалины исчез последний вагон. Пар и дым ушли вверх, в закатные небеса. Он позволил чувству возвращения волной нахлынуть на него; он окидывал взором безлюдную платформу по ту сторону путей и смотрел дальше, за многочисленные огни деревни Лохгайр, на длинное зеркало озера цвета «электрик», на эти блистающие акры, заключенные между темными массивами суши.

Медленно растаял голос поезда, и словно взамен появился шорох дождя. Оставив чемоданы, он пошел в дальний конец платформы. Самый ее край резко уходил под уклон, сворачивал к виадуку над бурным потоком. Стена высотой по грудь служила продолжением платформы.

Он положил руки на верх стены и стал глядеть вниз, где футах в пятидесяти обрушивалась белая вода. Чуть выше по течению реки Лоран низвергался из леса тугой бешеный водопад; даже здесь ощущался вкус водяной пыли. Ниже река кипела у быков виадука, по которому рельсы железнодорожного пути тянулись к Лохгилпхеду и Галланаху.

Через поле зрения пронесся серый силуэт, от водопада к мосту; резко увеличился, развернулся в воздухе и спикировал в проем на том берегу реки, как будто клочок паровозного пара заблудился и теперь спешил вдогонку за поездом. Он подождал несколько секунд и услышал совиный крик из темной чащи.

Улыбнувшись, наполнил легкие воздухом – с паровозным дымком, с резковатой сладостью сосновой смолы, – и отвернулся, и пошел обратно за чемоданами.

– Мистер Кеннет, – сказал начальник станции, беря у ворот его билет, – это вы! Отучились, стало быть, в университете?

– Да, мистер Колдер, отучился.

– И что, насовсем сюда?

– Может быть. Посмотрим.

– Верно, посмотрим. Вот что я вам скажу: сестра ваша сюда приезжала, но поезд опаздывал, и она...

– Ничего, тут идти недалеко.

– Недалеко, но я скоро закрываюсь, могу подбросить на мотоцикле.

– Да ничего, прогуляться не вредно.

– Как пожелаете, мистер Кеннет. Рад, что вернулись.

– Спасибо.

– Ага... Может, это она.– Мистер Колдер глядел на изгиб ведущей к станции дороги. Кеннет услышал гул автомобильного двигателя, а потом белый свет фар мазнул по чугунным перилам, не пускающим рододендроны на асфальтовую дорогу.

И вот большой «хамбер» заревел на парковочной площадке, накренился при развороте и остановился пассажирской дверцей напротив Кеннета.

– Снова здорово, мистер Колдер! – раздался голос с водительского сиденья.

– Добрый вечер, мисс Фиона.

Кеннет закинул чемоданы в багажник, уселся на пассажирское сиденье и получил от сестры поцелуй. «Хамбер» выскочил на дорогу и стремительно разогнался; ускорение вдавило Кеннета в спинку кресла.

– Ну что, Большой Брат, как дела-делишки?

– Отлично, сестренка.– Машину слегка занесло при выезде на большак. Он вцепился в ручку на двери, посмотрел на сестру, что сидела, сутулясь, за большой баранкой, одетая в блузку и слаксы; ее светлые волосы были стянуты на затылке.

– Что, Фи, сдала экзамены?

– А то! – Идущая навстречу машина бибикнула и мигнула фарами,– Гм...– нахмурилась сестра.

– Попробуй вольтаж отрегулировать. Движковым переключателем.

– Угу.

Они съехали с шоссе на подъездную дорожку, с ревом промчались между темными стенами дубов. Фиона заставила машину скрежетнуть на гравии, миновала старую конюшню и объехала дом сбоку. Он оглянулся через плечо:

– Это что, стена?

Фиона кивнула, останавливая машину у входа в дом.

– Папе понадобился внутренний двор, вот он и кладет стену от конюшни.– Она заглушила двигатель.– У нас будет оранжерея с видом на сад, если мама на своем настаит – а ведь настаит. Твоя комната в порядке, а вот у Хеймиша – ремонт.

– Что о нем слышно?

- Братается с негритосиками, судя по всему.
- Фи! Просто – фи! С родезийцами.
- С маленькими черными родезийцами, сиречь – с негритосиками.

А я что, я ничего, это все Энид Блайтон виновата^[14]. Идем, дядя Джо. Ты как раз к ужину.

Они вышли из машины. В доме некоторые окна были освещены, а на крыльце передней двери, на нижних полукруглых ступеньках, лежали два велосипеда.

– Это чьи? – спросил он, забирая сумки из багажника.

– Две девчонки у нас остановились, – показала Фиона, и он различил под елками на западном краю газона смутный силуэт палатки, оранжево подсвеченной изнутри.

– Твои подружки?

Фиона отрицательно покачала головой:

– Да нет, просто заехали, попросились. Думали, у нас ферма. Кажется, из Глазго они.

Сестра забрала у него чемоданчик-дипломат и запрыгала по ступенькам к растворенной двустворчатой двери. Поколебавшись, он сунулся в машину и выдернул ключ из замка зажигания. И еще раз глянул на палатку.

– Кен? – позвала Фиона из двери.

Он хмыкнул и вернул ключ в замок, но тут же отрицательно покачал головой и снова вынул. Не потому, что в усадьбе чужие, и тем более не потому, что они из Глазго. Просто оставлять ключи в машине безответственно, и не мешало бы Фионе зарубить это на носу. Он сунул ключи в карман и забрал свои вещи. И в третий раз посмотрел на палатку – как раз в тот момент, когда она вспыхнула.

– Ой! – услышал он возглас Фионы. Тогда-то он и увидел впервые Мэри Льюис – она выскочила из палатки в одной пижаме, и ее волосы были в огне.

– Господи боже! – Кеннет выронил чемоданы и помчался по гравиевой дорожке за девушкой, которая с дикими воплями неслась вскачь по газону и лупила себя обеими руками по голове, пытаясь сбить синевато-оранжевое трескучее пламя. Он перебежал на траву, стаскивая с себя куртку. Девушка с перепугу шарахнулась от него; он схватил ее, остановил неуклюжим рывком; не дожидаясь, когда начнет сопротивляться, набросил куртку ей на голову. Она визжала; от запаха

горелого волоса щипало в ноздрях. Через несколько секунд он сдернул куртку. Тут же подскочила Фиона, и вторая девушка, в чересчур широкой пижаме и желтовато-коричневых трениках, с плоским чайничком в руке, прибежала из дома.

– Мэри! О Мэри! – причитала она.

– Отличная работа, Кен.– Фиона опустилась на колени перед девушкой со сгоревшими волосами – та сидела на траве и дрожала. Он обнял ее за плечи одной рукой. Вторая девушка тоже упала на колени и заключила в объятия подружку, которую она звала Мэри.

– Ой-ой-ой! Ты цела, девочка?

– Кажется, да,– ответила Мэри, нащупывая остатки шевелюры, и залилась слезами.

Он высвободил руку, зажатую между двумя девушками. Стряхнул траву и волосистой пепел с куртки и накинул ее на плечи Мэри.

Фиона раздвигала уцелевшие пряди волос и рассматривала в сумраке кожу:

– Крошка, да тебе просто повезло! Но все равно врача вызовем.

– О нет! – зарыдала девушка, как будто ей предложили нечто чудовищное.

– Ну-ну, Мэри, успокойся,—дрожащим голосом уговаривала подружка.

– Все, идем в дом,— встал на ноги Кеннет,— надо тебя осмотреть.— Он помог подняться двум девушкам.— А заодно и чайку попьем.

– О-о... Из-за этого-то все и случилось! – Мэри была бледна и тряслась, в глазах блестели слезы; у нее вырвался истерический смешок.

Вторая девушка, по-прежнему обнимавшая ее, тоже хихикнула. Кеннет улыбнулся и покачал головой. Ему наконец удалось рассмотреть как следует лицо пострадавшей, и он поразился: какая необычная красота! Пусть даже половина волос сгорела, остальные превратились в бесформенные патлы, а глаза красные от слез.

И тут он понял, что видит ее все лучше и лучше в свете костра, который трещит на западном краю парка, под елями. Мэри уже глядела мимо него, глаза округлились от страха.

– Палатка! – вскричала она.— О-о-о!

* * *

- А я не видел! Черт! Блин! Зараза! Ненавижу ложиться так рано!
- Цыц! Сказано – спать!
- Нет! А что было потом? Ты стащил с нее все шмотки и в койку завалил?
- Рори! Не говори ерунды. Конечно нет.
- Так было в той книжке. Только девушка была мокрая – прямо из моря. Пострадавшая упала в воду.– Вторую фразу Рори произнес, подражая киношному полицейскому.
- Кеннету хотелось рассмеяться, но он не позволил себе.
- Рори, замолчи, пожалуйста.
- Да ладно! Расскажи, что было дальше.
- То и было. Мы все пошли в дом, мама с папой ничего и не слышали. Я растянул поливальный шланг, но к тому времени тушить уже было нечего. Оказалось, примус взорвался и...
- Что? Так прямо и взорвался?
- А примусы так прямо и взрываются, ты что, не знал?
- Царица небесная! В смысле, мать твою так! Я не видел!
- Рори, следи за языком!
- Ла-а-адно.– Рори перевернулся на кровати, пихнул Кеннета в спину.
- И за ногами следи.
- Извини. А врач приехал или нет?
- Нет, Мэри не захотела, хотя мы предлагали вызвать. Да она не сильно пострадала. Только волосы обгорели, и все.
- Оба-на! – восхищенно взвизгнул Рори.– Так что, она лысая теперь?
- Нет, она не лысая. Но шарф или что-нибудь вроде придется поносить.
- Так они в доме сейчас? Эти девчонки из Глазго? Они у нас?
- Да, Мэри с Шиной в моей комнате, вот я и ночую у тебя.
- П-р-р-р-р...
- Рори, хватит дурачиться, ради бога. Давай спать.
- Ладно.– Рори вдруг подпрыгнул, перевернулся в кровати. Кеннет ощутил спиной напряженное тело брата. И вздохнул.

Он вспомнил время, когда эта комната была его комнатой. Прежде чем отец перебрал камин и поставил в него решетку, зимой единственным отопительным устройством в доме служил парафиновый калорифер, которым семья пользовалась еще в Галланахе, в старом доме. Какую он тогда испытывал ностальгию, и каким тогда казался Галланах далеким, недостижимым, хотя и лежал в каких-то восьми милях за холмами, всего два железнодорожных перегона. Печка была тогда высотой с Кеннета, и ему строго-настрого запретили до нее дотрагиваться, и он первое время побаивался ее, но когда подрос, полюбил старую эмалированную штуковину.

В холодные дни родители приносили в его комнату калорифер, и он работал, пока Кеннет не ложился в постель, и еще немного, когда родители, пожелав ему спокойной ночи, уходили; он лежал и слушал потрескивание и шипение и следил за кружением отбрасываемых печкой на высокий потолок пламенно-желтых и тенисто-черных разводов. Комната наполнялась теплом и восхитительным запахом, и каждый раз, когда он чуял этот запах, неизменно подступала знакомая дремота.

То было драгоценное тепло – по крайней мере в годы войны, когда отец жег запасы парафина, правдами и неправдами собранные еще до введения продуктовых и товарных карточек.

Рори снова пихнул Кеннета ногой. Тот не отреагировал; не откликнулся и на следующий толчок, чуть сильнее, и тихонько захрапел.

Опять тычок.

– Ну, чего?

– У тебя он когда-нибудь большим делается?

– Чего?

– Ну, писюн. Он у тебя большим делается?

– Господи...—вздыхнул Кеннет.

– А у меня делается иногда. Вот как сейчас. Хочешь потрогать?

– Нет! – Кеннет сел на кровати, разглядел смутные очертания подушки и детской головы на ее фоне.– Нет, не хочу.

– Да ладно, я же просто спросил. А все-таки бывает у тебя писюн большим?

– Рори, я устал. День был хлопотный, и сейчас не время и не место...

– Боб Уотт свой запросто может твердым сделать.– Рори вдруг сел.– И Джеми Макуин. Я сам видел. Надо тереть хорошенько. Я пробовал, да не твердеет. А раза два само получилось. Классно было. Как будто в ванной лежишь, и тепло... У тебя так бывало?

Кеннет глубоко вздохнул, протер глаза, прислонился лопатками к низкой медной решетке у изголовья, подтянул пятки к туловищу, согнув ноги в коленях.

– Знаешь, Рори, кажется, не моя это тема. Ты лучше с папой поговори.

– А Боб Уотт говорит, от этого глаза портятся.– Рори помолчал и добавил: – Он очки носит.

Кеннет подавил в горле смех. Он поглядел на потолок, под которым висели на ниточках десятки авиамodelей: целые эскадрильи «спитфайров», «харрикейнов», «Me-109» шли в атаку на «веллингтоны», «ланкастеры», «летающие крепости» и «хейнкели».

– Нет, зрение от этого не портится.

Рори откинулся на спинку кровати и тоже подтянул ноги. Кеннет не мог различить выражение лица брата. На столе у двери теплился ночничок, но давал слишком мало света.

– Ха! Я же ему говорил, что он не прав. Кеннет снова лег. Рори некоторое время молчал, наконец сказал:

– А я сейчас пукну.

– Прекрати!

– Не могу. Придется под одеялом, а то от ночника может вспыхнуть, и тогда весь дом взорвется.

– Рори, заткнись. Я серьезно.

– Да ладно.– Рори перевернулся на бок.– Уже прошло.

Некоторое время стояла тишина. Кеннет, чувствуя спиной колени Рори, подумал с закрытыми глазами: лучше бы отец побольше комнат отремонтировал, чем стены во дворе класть. Вскоре Рори снова зашевелился и сонно произнес:

– Кен...

– Рори, давай спать, пожалуйста. А то запинаяю.

– Кен, а Кен?

– Ну, чего-о? – вздохнул Кеннет. «Надо было раньше его лупить, когда мы были помладше. Сейчас он меня совсем не боится».

– А ты когда-нибудь бабу пялил?

– Не твое дело.
– Ну, расскажи!
– И не подумаю.
– Ну, пожалуйста! Я больше никому! Слово даю. Вот те крест, и чтоб мне не жить!
– Нет. Я уже сплю.
– Если расскажешь, я тебе тоже кое-что расскажу.
– Ну, в этом-то я не сомневаюсь.
– Нет, правда, это очень важно, и больше никто не знает.
– И я не знаю и знать не хочу. Рори, спи, не то ты – труп.
– Честное слово! Я больше никому не скажу. А если расскажу тебе, ты никому не должен рассказывать, иначе меня в тюрьму засадят.
Кеннет раскрыл глаза. Господи, о чем это дитя лепечет?!

Он перевернулся, глянул в изголовье кровати. Рори лежал неподвижно.

– Рори, только давай без мелодрамы. На меня это не действует.

– Правда. Меня посадят.

– Ерунда.

– Расскажу, что я наделал, если ты расскажешь, как телок дерут.

Кеннет полежал, обдумывая услышанное. Как ни крути, от страшной и горькой правды никуда не деться: ему уже практически двадцать два, это зрелый возраст, а он до сих пор не занимался любовью. Но Кеннет конечно же знал, как надо себя вести в таких случаях. Что же за секрет у Рори? На самом деле что-то случилось, или просто сочинил? Сочинять они оба мастера.

– Ты первый расскажи,– решил Кеннет и снова почувствовал себя ребенком.

Рори, к его удивлению, согласился.

– Ладно.– Он сел на кровати, и так же поступил Кеннет. Ерзая, они подобрались друг к другу поближе, едва не соприкоснулись головами, и Рори зашептал:

– Помнишь, как прошлым летом в усадьбе большой амбар сгорел?

Кеннет вспомнил. Это случилось на последней неделе его каникул: он увидел поднимавшийся над фермой дым, в миле по дороге на Лохгилпхед. Они с отцом слышали пожарный колокол, который звонил в бывшей часовне, запрыгнули в машину, поехали и помогли старому мистеру Ролстону и его сыновьям. У тех были только пара

шлангов и ведра, и к тому времени, когда из Лохгилпхеда и Галланаха приехали пожарные машины, старый сенной амбар сгорел дотла. А так как он стоял близко от железной дороги, все решили, что пожар возник от искры из паровозной трубы.

– Уж не хочешь ли ты сказать?..

– Это я сделал.

– Шутишь!

– Обещай, что никому не скажешь. Пожалуйста. Пожалуйста-препожалуйста! Я еще никому не рассказывал, и в тюрьму я не хочу. Кен, умоляю!

Рори не лгал – слишком уж голос испуганный. Кеннет обнял младшего брата. Мальчик дрожал. От него пахло «Палмоливом».

– Кен, я не хотел! Честное слово, не хотел. Я просто с увеличительным стеклышком играл. Опыт ставил. Там в крыше была дырочка, а в нее входил солнечный луч, как будто фонарик на сено светил. А у меня был «бьюфайтер» – не «эрфиксовский», похуже, и я проплавливал дырочки в крыльях и фюзеляже, это очень похоже на дырки от пуль, можно прожечь длинный ряд, как будто от очереди двадцатимиллиметровой пушки, и я представил, что солнце – это прожектор, самолет рухнул, и что будет, если поджечь сено, совсем чуть-чуть, вокруг упавшего самолета, но я же не думал, что все сгорит, честное слово, не думал, а оно как полыхнет! Кен, ты ведь не расскажешь никому, а?

Рори отстранился, и Кеннет различил глаза мальчика. Они блестели во мраке. Он снова обнял брата:

– Не расскажу. Никому и никогда. Клянусь.

– Фермеру ведь не пришлось машину продавать, чтобы купить новый амбар?

– Не пришлось, – рассмеялся Кеннет. – Это ведь ферма старика Эрвилла, а он у нас ушлый капиталист. Готов поспорить, амбар был надежно застрахован.

– Правда?.. Хорошо. Это был несчастный случай. Ты ведь мистеру Эрвиллу не скажешь?

– Не скажу, не волнуйся. Подумаешь, амбар. Никто же не пострадал. Да успокойся. – Он удерживал руку, качая мальчика.

– Кен, я потом так боялся... Сбежать хотел даже, честное слово.

– Ну все, все, успокойся.

Через некоторое время Рори сонно проговорил:

– Кен, теперь ты рассказывай, как девок трахают?

– Давай завтра, а? – прошептал Кеннет. – Не хочу, чтоб ты снова возбудился.

– Обещаешь?

– Обещаю. Ложись и спи.

– М-м-м... Ладно...

Кеннет укутал мальчика одеялом, посмотрел на темные кресты самолетиков.

«Ах ты, паршивец!»

Он полежал, быстро вызвал у себя эрекцию, но устыдился и прекратил. Закрыв глаза, попытался уснуть, но в голову все лезли мысли о девушке со сгоревшими волосами. Кеннет, когда ее обнимал за плечи, заглянул довольно глубоко в вырез пижамы.

Он заставил себя не думать о ней. Восстановил в памяти события минувшего дня. В детстве он так делал часто, чтобы заполнить время между щелчком выключателя и уходом в сон.

Итак, он собирался сразу по приезде сообщить родителям, что хочет путешествовать, что оставаться не намерен. Или устроится на фабрику, не обязательно на административную должность, или пойдет в учителя по примеру Хеймиша. Может, когда-то и дойдет до оседло-буржуазного образа жизни, но сейчас охота на мир посмотреть. Не сошелся же клином свет на этом уголке Шотландии, и даже на Глазго, и даже на всей Британии. Мир и жизнь раскрывают перед ним свои двери, и не грех хорошенько изведать и мира, и жизни. (Кроме всего прочего, нельзя забывать и про атомную бомбу, про этот дамоклов меч, что вечно грозит положить всему конец одной мерзкой вспышкой, за которой последует долгая тьма. Пока есть бомба, любые планы человеческие, любые виды на будущее – чепуха. Ешь, пей и гуляй сегодня, потому что завтра мы взорвем планету на хрен!)

Итак, обо всем этом он хотел сообщить родителям сразу по прибытии, но происшествие с девушками и палаткой, эта бедная перепуганная малютка с полусгоревшими волосами сорвали план. Ничего, можно подождать до утра. Завтра будет время. Время всегда есть.

Интересно, какова ее светло-медовая кожа на ощупь? Мэри, по ее словам, учится на географическом, но он бы скорее поверил, что она

спортсменка. В темноте он улыбнулся, снова потрогал себя между ног. Ее-то географию он бы поизучал охотно: контуры тела, высокие холмы и глубокие долины, темные лески и таинственные влажные пещеры...

* * *

Девушки провели в Лохгайре еще шесть дней. Макхоуны обычно не запирали дом и потому не услышали, как гости собрали свои уцелевшие вещи и уехали на велосипедах, а может, поездом в Глазго.

– О нет! Вы должны остаться! – сказала утром первого дня за завтраком Марго Макхоун.

Все сидели за круглым столом: очаровательно смущенная Мэри с полотенцем на голове, ее подруга Шина – широкая в кости блондинка со щечками-яблочками, азартно уплетавшая яичницу с сосисками, Фиона с Кеннетом, доедавшие кашу, Рори, искавший пластмассовую игрушку в недрах коробки с хлопьями «Шугар смэкс». Только папы не было – он с утра уехал на стекольную фабрику.

– Мы не можем остаться, миссис Макхоун, – ответила Мэри, не поднимая глаз от стола. Она не ела, лишь надкусила гренок.

– Чепуха, детка. – Марго заново наполнила стакан Рори молоком и разгладила на столе перед Мэри «Геральд». – Мы все будем очень рады, если вы останетесь. Правда? – выразительно посмотрела она на своих троих детей.

– А то! – Фиона уже нашла в Шине родственную душу, когда разговор между ними зашел о рок-н-ролле, и желала заполучить ценного союзника, чтобы заменить прогрессив-роком отцовский фолк и Кеннетов джаз в репертуаре семейной радиолы.

– Конечно оставайтесь. – Кеннет улыбнулся Мэри, потом Шине. – Хотите, я вам достопримечательности покажу? Соглашайтесь: глупо отказываться от услуг местного гида, тем более что у него очень разумные расценки.

– Ма-ам! Эти козлы забыли в коробку лодочку положить! – пожаловался зарывшийся в кукурузные хлопья Рори. Лицо его перекопилось от гнева и огорчения.

– Ты ищи, дружок, ищи, – терпеливо посоветовала Марго и оглянулась на двух девушек. – Оставайтесь, оставайтесь. Дом большой,

надо, чтобы в нем кто-то жил. А если просто так гостить стесняетесь, то можете пособить с отделкой. Конечно, если дни будут непогожие и у моего мужа руки дойдут. Так будет справедливо?

Кеннет посмотрел на мать. Несмотря на годы, Марго Макхоун выглядела сногшибательно, разве что пышные каштановые волосы начали сесть надо лбом. Она первое время красила челку, но потом решила, что не стоит оно хлопот. Кеннет понял, что обожает ее, гордится ею, умеющей быть столь прагматично-щедрой, пусть даже ему из-за этого радушия приходится спать в одной кровати с младшим братом.

– Миссис Макхоун, вы ужасно добры.– Шина подчистила тарелку кусочком гренка,– Вы и правда не против, чтобы мы остались?

– Истинная правда,– ответила Марго,– Только родителям позвоните.

– Я позвоню,– подняла глаза Мэри.

– Вот и отлично,– ответила Марго.– Мы им скажем, что вы побудете у нас, хорошо?

– О, это ужасно мило с вашей стороны, миссис Макхоун,– робко улыбнулась ей Мэри.

Кеннет, не сводивший с девушки глаз, в награду получил улыбку, хоть и мимолетную. А потом Мэри опустила глаза и захрустела гренком с повидлом.

Он повозил девушек по окрестностям на «хамбере», когда им не пользовался отец; иногда Фиона составляла компанию. Летние дни были долгими и теплыми. Они бродили в лесах южнее Галланаха, на холмах, над Лохгайром. Капитан разрешил им на его пароходе проплыть по каналу Кринан, и однажды они отправились на пикник: на семейной плоскодонке доплыли до Оттер-Ферри по тихим водам Ловер-Лох-Файн. Был безветренный день, и дым костра уходил прямо вверх, и на обнаженных камнях стояли бакланы, распахнув крылья, как полы плащей, и подставив зоб теплему солнцу; и взмывали с воды чайки – черно-белые крикуньи, и мимо тарахтела ветхая моторка.

В субботу вечером в галланахской ратуше были танцы. Утром девушкам предстояло уезжать в Глазго. Кеннет пригласил на танцы Мэри. Она одолжила у Фионы платье, туфли взяла у его матери. И они танцевали, и потом целовались над тихой гаванью, где на черной, как нефть, воде лежали лодки, и рука об руку бродили по набережной под

безлунным небом, полным ярких звезд. Делились мечтами друг с другом, рассказывали, как будут путешествовать по далеким странам. Он спросил, не приходила ли ей мысль еще когда-нибудь сюда приехать, например на следующие выходные.

В холмах над Лохгайром лежало озеро Лох-Глашан – резервуар для двух маленьких гидроэлектростанций, которые снабжали электричеством деревню. На этом острове у Гектора Карди, начальника Комиссии лесного хозяйства и друга Мэтью Макхоуна, была гребная лодка, и Макхоунам разрешалось брать ее, чтобы порыбачить.

* * *

Рори маялся. До того было скучно, что он даже мечтал: поскорей бы закончилась неделя и начались занятия в школе. Весной он надеялся, что вернется Кеннет и каникулы пройдут весело, но получалось иначе: то Кеннет уезжал в Глазго к своей подружке Мэри, то она приезжала сюда и они не разлучались ни на миг, а Рори видеть подле себя не желали.

Вот он и коротал время в саду: метал комочки сухой земли в старые модели танков. Когда комочек ударял в спекшуюся на солнце землю, взлетало облачко пыли – как разрыв снаряда. За это его ругала мама: ввевшаяся в одежду земляная пыль плохо отстирывалась. В деревне ему играть было не с кем, потому и сидел он здесь, глядел, как мимо идут поезда. Тоже скуотища. Хотя, когда проходил дизель, Рори понравилось.

Он спустился по дорожке к реке, берегом дошел до плотины. Было очень тихо, безветренно. Водная гладь лоха – точно зеркало.

Мальчик двинулся по тропке между полем и берегом озера, оглядываясь по сторонам, не попадет ли на глаза что-нибудь интересное. Но интересное можно увидеть лишь дальше, на большом лохе. А здесь, на маленьком, недалеко от берега застыла весельная лодка, но в ней, похоже, никого. Рори было строжайше запрещено мастерить плоты или плавать на лодках. Несколько раз он приходил домой мокрым до нитки, вот и запретили. Ну что за глупость!

Он уселся на траву, достал из-за пазухи пластмассовый «глостер джавелин». Поиграл, возя самолетик по траве и камешкам на берегу озера. Лег на спину, поглазел в синее небо, ненадолго смежил веки, впитывая ими розовое тепло и воображая себя сытым желтым львом, который балдеет под африканским солнцем, или тигром, улегшимся подремать на утесе над широкой индийской равниной. Рори открыл глаза и огляделся, и мир сделался серым, но ненадолго. Мальчик посмотрел на берег: там крошечные волны лизали землю.

Какое-то время Рори следил за ними. Волны набегали очень ритмично. Взгляд мальчика пронесся по берегу: волны, почти неразличимые на воде, были заметны на всей полоске суши. И расходились они, похоже, с середины озерца, от лодки. Как странно: ведь в ней никого нет. Странно и то, что она привязана к белому буйку. Куда делся тот, кто привязывал?

Рори всмотрелся, уже не сомневаясь, что именно эта весельная лодка поднимает волны. Помнится, Кеннет с Мэри нынче собирались на рыбалку. Он-то думал, что они отправились на Лох-Файн,— может, просто не так понял? Что, если они ловили с этой лодки, да попадали за борт, да утонули оба? Взгляд мальчика пробежался по всей поверхности озера. Нигде не видать ни тел, ни одежды. Ко дну пошли, что ли?

И все-таки почему идут волны от лодки?

И еще она как будто покачивается. Чуть-чуть. Может, на днище бьется рыба?

И что это за звуки от лодки доносятся? Похоже на смешки.

Рори пожал плечами и сунул самолетик в карман шортов, решив вернуться в деревню,— может, найдется там кто-нибудь из приятелей, все веселее будет.

* * *

В тот день Кеннет и Мэри, держась за руки, вернулись к чаю и заявили, что хотят пожениться. Мама с папой, похоже, обрадовались и нисколько не удивились. Рори же пришел в замешательство.

Лишь несколько лет спустя он нашел связь между крошечными волнами, ритмично набегавшими на берег, и возбужденными,

смущенными лицами Кеннета и Мэри, сообщавших о своем решении.

Глава 3

Замок Гайнем-Касл, где снова жили Эрвиллы, стоял среди зарослей ольхи, рябины и дуба, которыми были покрыты северные склоны Нока на Мойне, вплоть до выходов гранатовых сланцев на юге, где стоял Дунадд – крепость, построенная еще в первом тысячелетии. Из замка – довольно крупного шотландского варианта Z-образной в плане крепости, с пушечными каменными жерлами водосточных труб – открывался прекрасный вид на парковые насаждения и лужайки и дальше, на поля у окраины Галланаха, что раскинулся вокруг глубокого озера Лох-Кринан. Гайнем-Касл напоминал некий архитектурный плацдарм возле моря, плацдарм, на котором войска цивилизации неспешно, но решительно готовились к наступлению на варварство.

* * *

Для меня скрежет гравия под колесами машины всегда был звуком особенным: он одновременно и успокаивал, и возбуждал. Однажды я попытался объяснить свое впечатление отцу, но он, конечно, тут же предположил, что на самом деле это означает плавно нарастающее давление, которому, по понятиям среднего и верхнего классов, они вправе подвергать широкие пролетарские массы. Должен признаться, что успех контрреволюции на международной арене лично меня вполне устраивал, потому что папа казался теперь не таким убийственно всеведущим, а просто мудрым. Всегда было стремно его подкалывать на эту тему, и было бы еще стремнее подкалывать, когда отвязная перестройка Горби привела к эффектному и необратимому крушению одного из самых незыблемых и ярких символов нашей эпохи, – но к тому времени мы с отцом уже не разговаривали.

– Прентис! – выпалил малость обрюзгший Эрвилл Эрвилльский, хватая и встряхивая мою клешню, словно пытался ее взвесить. Наверное, я испытал то же, что испытывает молодой бычок, когда парень из «Макдональдса» хлопает его по ляжке...

– Мне так жаль,– сказал Фергюс Эрвилл. Что он имеет в виду: кончину бабушки Марго, ее посмертный взрыв или явную попытку доктора Файфа перещегоолять старушку? Дядя Фергюс отпустил мою руку.

– Как учеба?

– Отлично,– ответил я.

– Что ж, рад это слышать.

– А как ваши близняшки? У них все хорошо?

– Хорошо, хорошо.– Очевидно, каждой из его дочерей уделялось по слову.

Взгляд Ферга непринужденно перебрался на мою тетю Антонайну. Я понял намек и похилился дальше.

– Антонайна! – раздалось позади.– Мне так жаль...

Хелен и Дайана, изящно-грациозные дочки дяди Ферга, увы, не присутствовали. Дайана если и выбиралась из своего Кембриджа, то разве что на Гавайи; причем не в самое популярное у туристов местечко. В тридцати километрах от ближайшего пляжа (четыре из тридцати – по вертикали), в обсерватории Мауна-Кеа, она изучала все инфракрасное. Хелен работала в швейцарском банке и имела дело преимущественно с желтым и зеленым цветами.

– Прентис, все в порядке? – Меня обняла мать, прижала к своему черному пальто. Судя по запаху, она все так же брызгалась «пятеркой». Зеленые глаза были ясны. Возглавлял встречающую делегацию мой отец. Я его игнорировал.

– Все в порядке,– ответил я матери.

– Правда в порядке? – Она сжала мои руки.

– Да. У меня правда все в самом что ни на есть порядке.

– Ну, пойдем к нам, пожалуйста,– Она снова меня обняла и тихо добавила: – Прентис, это же глупо. Помиришься с отцом. Ради меня.

– Ну пожалуйста, мама.– Я чувствовал, что все кругом смотрят на нас– Я к тебе попозже зайду, ладно? – И отстранился.

Я прошел в холл и снял куртку, неистово моргая и шмыгая носом. Со мной всегда так, если с холода – в тепло.

Парадный холл Гайнем-Касла щеголял дюжиной рогатых голов. Головы до их усекновения принадлежали самцам благородных оленей. Их присобачили к облицованным дубом стенам так высоко, что они никоим образом не справлялись со своей ролью вешалок для пальто,

шарфов, курток и т. п. Набросить на внушительные разветвленные рога предмет одежды было все же можно, но это настолько энергозатратный процесс, что он более сродни спорту, нежели бытовому комфорту. Тем более что есть альтернатива: вполне прозаичные медные крючки, похожие на когти, под стеклянными оленьими глазами, так и просят, чтобы на них повесили шмотку. Моя разлинованная вдоль и поперек молниями куртка, типа байкерская, здесь, среди мехов и строгого сукна, выглядела маленько неуместно, но ведь и снежно-белая куртка Верити... скажем так: она столь же мало соответствовала обстановке.

Я стоял и таращился на нее секунды на две дольше, чем следовало бы, но ведь куртка будто и впрямь светилась в темной компании. Глубоко вздохнув, я решил не снимать белый шелковый шарф-мёбиус.

* * *

Я вошел в пронизанный балками солар^[15]. Огромный зал был заполнен негромко болтающими Макхоунами, Эрвиллами и прочими; все жевали канапе и волованы, потягивали виски и шерри. Наверное, моя бабушка предпочла бы горячие сэндвичи и, быть может, несколько кусков пирога с яйцами и беконом; с другой стороны, Эрвиллы, пригласив нас сюда, сделали широкий жест, так что брюзжать не стоило. Почему-то дом Макхоунов, носящий шрамы бабушкиного неортодоксального и внезапного проникновения в оранжерею, что последовало за ее неудачной попыткой очистить от мха водосточные желоба, казался столь же неподходящим для поминок, как и наша послекремационная ретирада.

Ага! Я засек Верити, она стояла перед одним из больших окон солара и смотрела наружу, и серый свет холодного ноябрьского дня мягко отсвечивал на ее коже. Я остановился и поглядел на нее, и засосало под ложечкой, как будто сердце вдруг превратилось в вакуумный насос. Верити, зачатая под двухтысячелетним деревом и рожденная в треске и пламени рукотворной молнии! Она пришла в этот мир неспроста!

Всякий раз, встречая ее, я то ли насвистывал, то ли мурлыкал первую фразу этой темы *Deacon Blue*, «Born in a Storm»^{[16][17]}, – для меня это стало своего рода ритуалом, маленькой личной темой в жизни, подобной фильму; в бытии, смахивающем на оперу. На сцене появляется Верити – я тут же включаю ее музыку; тоже своего рода форма обладания ею.

Я поколебался, не подойти ли к ней; потом решил, что сначала лучше выпить, и направился к буфету с бутылками и бокалами и запоздало сообразил, что у Верити пустой бокал, а значит, есть отличный предлог, чтобы с ней заговорить. Я снова повернулся к ней. И едва не столкнулся с дядей Хеймишем.

– Прентис, – обратился он ко мне с великой серьезностью в голосе и положил руку на плечо, и мы отвернулись от Верити и от буфетной стойки с выпивкой и пошли через весь зал к окрашенным стеклам высоченного фронтоного окна. – Прентис, твоя бабушка ушла в лучший мир, – сообщил мне дядя Хеймиш.

Я оглянулся на чудное виденье – Верити – и снова посмотрел на дядю.

– Да, дядя Хеймиш.

Отец прозвал дядю Хеймиша Деревом, потому что он очень высок и передвигается крайне неуклюже; он как будто сделан из менее гибких материалов, чем стандартный человеческий набор: кости, сухожилия, мышцы и жир. Отец утверждал, когда мы с ним впервые вместе напились (а случилось это полдесяток лет назад, по случаю моего шестнадцатилетия), что однажды смотрел в школьном театре пьесу с участием дяди Хеймиша, где он был «ну буратина буратиной».

– Она была прекрасным человеком, она в жизни сделала очень мало плохого и очень много хорошего, и я верю, что она, когда поселится среди антисущностей наших, получит в награду больше, нежели в наказание.

Я кивал, и мы шагали через толпу и поглядывали на членов моего семейства, на Макгуски (девичья фамилия бабушки Марго), на клан Эрвиллов, на всяких важных шишек из Галланаха, Лохгилпхеда и Лохгайра, и уже не в первый раз я подумал, с какого ж это перепугу (или с какой радости) дядя Хеймиш ударился в свою доморощенную религию. И в этой связи мне стало чуток неловко, потому что я вовсе

не являлся столь горячим фанатом личной теологии дяди Хеймиша, каким сподобился выглядеть в его глазах.

– Она всегда была ко мне очень добра,— сказал я.

– А значит, и твой антитворец будет добр к ней,— сделал вывод дядя Хеймиш, не убирая руку с моего плеча, и мы остановились перед витражным чудищем в торце зала. Оно графически иллюстрировало летопись рода Эрвиллов со времен норманнского завоевания, когда из Октевиля, что в Котентине, Эрвиллы отправились в Англию, там распространились на север, покружили вокруг Данфермлина и Эдинбурга и наконец осели – возможно, под воздействием неких воспоминаний о мореплаваниях и землях своих предков – на краю Ла-Манша, в самом эпицентре древнешотландского королевства Далриада, потеряв в пути лишь несколько родичей и парочку букв. Присягнув на верность Давиду Первому, они остались здесь, чтобы смешать свою кровь с кровью пиктов, скоттов, англов, бриттов и викингов, которые всячески заселяли, колонизировали, грабили и эксплуатировали эту часть Аргайла или, быть может, случайно наведывались сюда и забывали убраться.

И странствия, и последовавшие за ними местные успехи клана Эрвиллов весьма и весьма интересны; жаль, что повествующее о них исполинское окно сделано так бездарно. На эту работенку напросился сын одного из школьных товарищей предыдущего вождя клана, человек, следивший за модой, но не слишком талантливый. И он выполнил все слишком буквально. Получилось смертельно скучно и крикливо; короче, глядя на витраж, я хотел скрежетать зубами.

– Да, дядя, вы правы, я думаю,— солгал я.

– Ну разумеется, я прав, Прентис,— неторопливо кивнул дядя Хеймиш.

Он лысел, но лысел по моде, которая считала, что длинные пряди волос, аккуратно зачесанные поперек голой черепушки, смотрятся лучше, чем открытый всем стихиям срам. Окрашенный свет витража скользил по блестящей коже и почти столь же ярко блестящим от бриллиантина волосам; я глядел на это свинство и думал: «Не голова, а натуральная жопа». И вдруг поймал себя на том, что невольно мурлычу подходящую музыкальную фразу из рекламы сигар «Гамлет» и думаю о Грегоре Фишере^[18].

– Прентис, ты придешь ко мне вечером на молитву?

О черт, подумал я.

– Пожалуй, нет, дядя,– напустил я в голос уйму сожаления,– Надо в «Як» заскочить, решить один вопросик насчет девочки и джакузи. Прямо отсюда рвану.– Я снова солгал.

Дядя Хеймиш посмотрел на меня; морщины на его лбу были собраны в пучки и спутаны, карие глаза – как узлы.

– Джакузи, Прентис? – Слово «джакузи» прозвучало так, как в яковитской трагедии главный герой произносит имя своего палача^[19].

– Да, джакузи.

– Это такая ванна, я не ошибаюсь?

– Ванна.

– Надеюсь, ты не собираешься встречаться в ванне с этой юной леди, Прентис? – Губы дяди Хеймиша медленно растянулись – вероятно, в улыбке.

– Что вы, дядя, бар «Якобит» вряд ли может похвастать таким сервисом,– сказал я.– Там и горячую-то воду в мужской туалет провели совсем недавно. Джакузи, о котором речь, находится в Берлине.

– Берлин? Немецкий город?

Я пораскинул мозгами: может, недослышал, может, Эш говорила о каком-то одноименном ансамбле, который недавно вошел в топ-десятку? Вряд ли.

– Да, дядя, город. Там еще стена была.

– Понятно,– кивнул дядя Хеймиш.– Берлин.– Он посмотрел на испещренный картинами средневековых битв витраж.– Это не там ли, где Ильза?

Я нахмурился:

– Тетя Ильза? Нет, она ведь, кажется, в Патагонии. Инкоммуникадо^[20].

Дядя Хеймиш, лицезрея ужасный фронтонный витраж, изобразил должное смущение. Затем кивнул.

– Ах да, конечно.– И взглянул на меня: – Так что же, Прентис, увидим ли мы тебя за ужином?

– Не знаю,– пожал я плечами.– Скорее всего, я в баре возьму шашлычок или рыбу.

– У тебя есть ключ?

– Да, есть. Спасибо. Я... ну... ну, вы понимаете. Вы уже будете спать, когда я приду.

– Хорошо.– Взгляд дяди Хеймиша снова переместился на дурацкое рубилово.– Мы уже через полчаса поедem. Дай знать, если захочешь, чтобы мы тебя подвезли.

– Конечно.

– Договорились.– Дядя Хеймиш кивнул, повернулся, а затем снова, с крайним интересом на лице, оглянулся на меня.

– А правду говорят, что мама взорвалась?

Я кивнул:

– Электростимулятор. Потому-то и приехал доктор Файф – спешил нас предупредить. Но опоздал.

Таким озадаченным я дядю Хеймиша еще ни разу не видел. Все же он кивнул и сказал беспечно: «Понятно»,– и отошел, скрипя паркетом, в точности как скрипит ветвями старое дерево, и я с небольшим, но приятным удивлением догадался, что на самом деле это скрипят его черные ботинки.

Я двинулся напрямик к буфету за выпивкой, но по пути бросил взгляд на боковое окно. Верити Божественная оттуда уже ушла.

* * *

Фортинггалл – скромных размеров деревня на холмах севернее озера Лох-Тай. Там моя теть Шарлотта зимой 1969 года решила консуммировать свой брак. В частности, она пожелала забеременеть под древним тисом, что растет за оградой кладбища при тамошней церквушке. Теть Шарлотта была убеждена, что дерево (двухтысячелетнее, согласно надежным источникам) под завязку наполнено волшебной жизненной силой.

Это случилось в темную грозовую ночь (на самом деле – нет); трава у комля древнего узловатого тиса, что скрипел и корчился под напором ураганного ветра, была мокра, поэтому тете и ее мужу Стиву пришлось стоять до дрожи в коленках, и Шарлотта держалась за могучий низкий сук; вот тогда-то и вот там-то, вопреки силе тяжести, была зачата грациозная и сногшибательно-очаровательная Верити – под черными громовыми небесами, под тучами, затмившими полную белую луну, в час, когда все приличные люди лежат в своих постелях и даже неприличные люди лежат в постелях, правда не обязательно в

своих. Случилось это в незнакомой пертширской деревушке, в самом конце великой и смешной хипповской эпохи.

Так рассказывает моя тетьа, и я ей верю. Это каким же надо быть психом, чтобы допустить, будто какая-то сверхъестественная космическая энергия возьмет и поперет из какого-то гериатрического пня на каком-то занюханном шотландском погосте в дождливую ночь понедельника! По-моему, придумать такое нарочно совершенно невозможно.

* * *

– Не-а, она – класс, просто классный класс! Я в нее влюблен! Я обожаю ее, я принадлежу ей. Верити, возьми меня, вытащи меня из моего ничтожества! О господи!..

Я надрался. Дело было к полуночи; дело было в баре «Якобит»; и дело шло к десятой кружке «экспортного», что для меня, собственно, норма. Эш с Дином Уоттом, еще парочка старых приятелей – Энди Лэндганд и Лиззи Полланд – приняли на грудь примерно по столько же, но они, в отличие от меня, с поминок отправились по домам пить чай; я же почти весь день накачивался эрвилловским виски.

– Так ты, Прентис, ей об этом сказал? – спросила Эш, ставя очередную батарею кружек на щербатый медный столик.

– Ах, Эш! – хлопнул я по столу ладонью. – Преклоняюсь перед женщиной, способной за раз принести три кружки пива.

– Прентис, я спрашиваю: ты сказал ей, что влюбился? – уселась Эш.

Из нагрудного кармана матросской куртки она достала бутылку крепкого сидра, а из другого – стакан с виски.

– Ух ты! – восхитился я.– Эш! Правда – ух ты! Лихо! – Я потряс головой, взял свою недопитую кружку и залпом ее прикончил.

– Отвечай девочке,– пихнул меня локтем в бок Дин.

– Нет, не сказал,– признался я.

– Трус,– обвинила Лизи.

– Хочешь, я за тебя ей скажу? – предложил Дроид (после «Звездных войн» целое поколение Эндрю носит прозвище Дроид^[21]).

– Не-а,—сказал я.—Она ведь такая... баснословная. Такая...

– Но почему ты ей не скажешь? – спросила Лиз.

– Стесняюсь,— вздохнул я, положив руку на сердце, возведя очи горе и трепыхая ресницами.

– Да иди ты!

– Скажи ей,— потребовала Эш.

– Да к тому же у нее бойфренд,— снова вздохнул я.

– Вот оно что...—Эш уткнулась взглядом в пивную кружку.

Я пренебрежительно помахал рукой:

– Да он не в счет – чмошник.

– Ну, тогда все в порядке,— решила Лиз.

– Вообще-то,— нахмурился я,— если у Верити и есть недостаток, то лишь один: в мужчинах не разбирается.

– Э, да у тебя, стало быть, есть шанс,— весело проговорила Лиз.

– Ну да,— подтвердил я.— Она его вроде как отшить хочет.

– Прентис!— Эш постучала кулаком по столу.— Скажи ей!

– Не могу.

– Почему?

– Потому что не знаю как,— объяснил я.— Никому еще в любви не признавался. А сами-то хоть в курсе, как это делается? Какие слова ни скажешь, покажутся пошлыми, никчемными. Одни... одни клише.

Эш презрительно глянула на меня:

– Что за чушь.

– Слышь, ты, бывалая,— наклонился я к ней,— сама-то кому-нибудь говорила, что любишь его?

– Да сто раз, милый,— пробасила Эш, дуюсь, и Дин захохотал. Эш хлебнула пивка и отрицательно покачала головой: – На самом деле – ни разу в жизни.

– То-то! – сказал я.

Эш наклонилась ко мне, ее длинный нос едва не соприкоснулся с моим:

– Идиот, пойдти к девчонке и скажи.

– Не могу,— откинулся я на спинку стула.— Не могу, и все. Она слишком идеальная.

– Чего? – нахмурилась Эш.

– Безукоризненная. Совершенная. Идеальная.

– Здорово смахивает на женоненавистническо-романтическую дурь,—фыркнула Лиз, никогда не жаловавшая подобных вещей.

– Да, смахивает,— согласился я.— Но что делать, если она – совершенство? Вы хоть знаете, где она была зачата?

Дин и Эш переглянулись. Энди фыркнул в кружку, а Лиззи закатила глаза.

– Так-так, – закивал с крайне серьезным видом Дин.— Не там ли, где и все мы?

Меня это настолько шокировало, что я едва не поперхнулся пивом.

– Да что ты себе позволяешь?!

– Прости его, Прентис, он глупость сказал.— Эш встряхнула головой, длинные светлые волосы рассыпались по плечам.— Но какая раз...

– Есть разница! – перебил я.— Это просто потрясающе! Мне рассказывала ее мама, тетя Шарлотта. Шизуха, конечно, но все реально. Я в том смысле, что у нее крыша съехала, но все равно...— Я снова глотнул пива.— Вся эта фигня: психическая энергия и так далее... из шотландской истории.

– Ага, просек: «В нашем роду такое случается?» – спросил Дин.

– Не-а, она не из Макхоунов... Короче, тетя вышла за англичанина по фамилии Уокер, и они в брачную ночь не консуммировали брак. Она хотела подождать, чтобы заняться этим непременно в деревне под названием Фортингалл, понятно? Это возле Лох-Тай. Она, вишь ли, что-то слышала насчет Фортингалла, там Понтий Пилат...

– Постой-ка! – перебил Дин.— А сколько прошло времени между свадьбой и перепихоном?

– А? – Я почесал в затылке.— Ну, не знаю. Может, день, может, два. Вообще-то они и раньше этим занимались. Не в первый раз у них тогда было. Просто тете Шарлотте пришла мысль, что если сделать перерывчик, а потом – под деревом, то это будет что-то особенное. А до того они трахались, точно. Вы что, забыли? Это же было поколение любви, хипари.

– Ну да,— явно смягчился Дин.

– Короче, некоторые считают, что в Фортингалле родился Понтий Пилат, и...

– Чего? – спросил, вытирая бороду, Энди.— Ну, ты заливаешь!

– Так говорят,—упорствовал я.—Его папаша был в... черт!.. в седьмом легионе? Или в девятом? Черт!..– Я снова почесал в затылке, посмотрел вниз, на свои кроссовки, и с некоторым облегчением подумал, что хоть сегодня избавлен от долгой борьбы с застежками и шнурками «мартенсов».– Или все-таки в седьмом? – рассуждал я, глядя на свои «найки».

– Ни хрена не удивлюсь, даже если это окажется Иностраннй легион,— раздраженно сказал Дроид.— Уж не намекаешь ли ты, что твой сраный Понтий Пилат родился в Шотландии?

– Очень даже может быть! – Я раскинул руки и чуть не опрокинул виски Эш.— Его отец служил в стоявшем здесь легионе! Очень может быть! У римлян тут был военный лагерь, и в нем запросто мог находиться батька Понтия Пилата, а значит, тут мог родиться малютка Понтий. А почему нет?

– Все ты выдумал! – рассмеялась Эш.— Сочинитель под статью своему папаше. Помнишь, как он нам по воскресеньям байки травил?

– Я не как мой папаша! – взревел я.

– А ну, цыц! – приказала Лиззи.

– Я не как папаша! Я правду говорю!

– Ну да, ну да,— покивала Эш.— Все может быть. Люди где только не рождаются. Дэвид Бирн родился в Дамбартоне.

– И все равно, Понтий Пи...

– Кто-кто? – скорчил мину Дин.— Тот парень, что написал «Тутти-фрутти»?

– Да вы послушайте: Понтий...

– Не! Это был Джон Бирн,— сказала Лиззи.— А Дэвид Бирн – он из *Talking Heads*, тупица!

– Ладно, черт с ним, с Пила...

– И вообще, это был Литтл Ричард^[22].

– Вы заткнетесь наконец? Я уже не про Пила...

– Чего?! Из *Talking Heads* ?

— Молчать! Я вам говорю: Понтий...

– Не, это который «Тутти-фрутти» написал.

– Сдаюсь,— Я откинулся на спинку стула, вздохнул и хлебнул «экспортного».

– Да, песню, но не кино.

– Так это ж не кино, это сериал.

– Я знаю: ты знаешь, что я имею в виду.
– Терпеть не могу пьяный бред! – воскликнул я.
– Ну, я и похуже слыхала, – пожала плечами Эш.
– Короче, это не кино. Это видео.
– Ни хрена-а! – возмущенно протянул Дин. – Прекрасно же видно было: это кино.

Я закинул ногу на ногу, закинул руку на руку и повернулся на стуле к Эш. Потер не очень чистое лицо и сфокусировал на ней зрение.

– Привет. Часто здесь бываешь?

Эшли пожевала губами и поглядела в потолок.

– Первый раз, – хмуро ответила она. – В клозет понадобилось, вот и зашла. – Она сгребла в кулак ворот моей рубашки, подтянула меня к себе и процедила в лицо: – Кто бы говорил?

– Хрр... фрр... – выдохнул я.

У Эш сморщилось лицо. Не утратив, между прочим, симпатичности.

– Эй, вы, – пробасили вдруг над нами, – ваша очередь.

– Куда? – спросил я очень большого парня с очень длинными волосами.

– К бильярду. Пэ-Эм и Э-У – вы?

– О черт! Верно.

И мы с Эш пошли играть на бильярде. Я собирался ее спросить насчет берлинского джакузи, но, похоже, упустил подходящий момент.

* * *

Дядя Фергюс построил обсерваторию в семьдесят четвертом (когда божественной Верити было четыре года). При этом он хотел одним камнем убить двух зайцев. Во-первых, если верить моему отцу, Фергюсу понадобился новый телескоп, побольше и получше прежнего. У отца был трехдюймовый рефрактор под навесом в саду лохгайрского дома. Фергюс заказал шестидюймовый рефлектор. Мало того, это был демонстрационный образец: линзы и зеркало изготовлены в новом спецотделе «Галланахского стекла» – фабрики, которая принадлежала Эрвиллам и давала городу немало рабочих мест. Стало быть, дядя Фергюс получил не только роскошный и уникальный экспонат для

своего отреставрированного замка, но и рекламу для фабрики – рекламу, не облагаемую налогами.

Тот факт, что телескоп располагался близковато к городу, в зоне светового загрязнения, на поверку оказался несущественным: дядя, с его-то связями, добился, чтобы на уличные фонари были надеты колпаки за муниципальный счет. И дядя Фергюс был готов в экстренной ситуации (и разумеется, в строго избирательном порядке) гасить свет в родном городе.

Его невестка пошла еще дальше: когда на сцене появилась крошечная вопящая грязненькая Верити Уокер, фонари и впрямь погасли.

Впервые с неподражаемой Верити я встретился через шестнадцать лет после ее рождения, в 1986 году, в обсерватории, угольно-черной ночью, за несколько дней до того, как поехал учиться в университете. Тогда я с великим предвкушением ожидал отъезда и свободы, и верилось, что передо мной вот-вот раскроется громадный мир, словно некий гигантский, необозримый цветок – цветок возможностей и успеха. Близняшки в то время часто устраивали посиделки – на звезды погляделки в холодной тесной полусфере на крыше малогабаритного замка.

Я припозднился; днем мы с младшим братом Джеймсом гуляли в предгорьях, а потом выдержали пытку запоздалым чаепитием – какие-то отцовские друзья заявили в гости не предупредив, и за ними пришлось ухаживать.

– Ага, вот и наш Прентис, – басом констатировала миссис Макспадден факт моего прибытия. – Как поживаешь, дружок?

Миссис Макспадден была домоправительницей у Эрвиллов – полная зычная шумная дама вечных средних лет; ее широкое мясистое лицо всегда казалось распаренным, выскобленным с мылом и мочалкой. У миссис Макс был очень громкий голос – отец часто говорил знакомым, что на ее вопеж откликаются в Файфе, и звон в ушах после близкого общения с этой дамой подтверждал, что папины слова – не шутка.

– Остальные уже наверху. Ты, мил друг, подносик не захватишь ли, а? В кофейниках кофе, а вот тут, на тарелочке, – она приподняла уголок плотной салфетки, придавившей широченное блюдо, – булочки с сосиской.

– Понял, спасибо, отнесу.– Я взял поднос. В замок я проник через кухню – парадный вход уже заперли на ночь. Вот была бы сцена, вздумай я ломиться в ворота.

Я направился к ступенькам.

– Погоди-ка, Прентис. Отдай этот шарф мисс Хелен,—сказала миссис Макспадден и встряхнула упомянутым предметом одежды.– Малютка доиграется когда-нибудь, что простудится и помрет от чахотки.

Я наклонил голову, чтобы миссис Макс набросила шарф мне на шею.

– И напомни ребятам, что хлеба полно, в холодильнике есть цыплята и сыр, и супа тоже вдоволь. Проголодаетесь – не тушуйтесь.

– Понял, спасибо,— повторил я и осторожно двинулся вверх по ступенькам.

* * *

– Э, бумага папиросная есть у кого-нибудь?

Я сощурился в ярко освещенном обсерваторском куполе. Алюминиевая полусфера в диаметре не превышала трех метров, и большую часть объема занимал телескоп. Было холодно, несмотря на электрообогреватель. Средних размеров кассетник играл что-то из *Cocteau Twins*. Дайана и Хелен в толстенных вязаных монгольских кофтах ежились за столиком в компании Даррена Уотта – шла игра в карты. Мой старший брат Льюис прилип к телескопу. Мы перездоровались.

– Это кузина Верити, помнишь ее? – спросила Хелен, наматывая принесенный мною шарф на голову Даррена. Когда выпущенный Хелен изо рта в мою сторону клуб пара рассеялся, я увидел ту, о ком шла речь.

В неподвижном основании купола было нечто вроде собачьей конуры, углубленной в чердак замка. На самом деле это была всего лишь узкая продолговатая ниша, но в такой тесноте она оказывалась очень кстати. Там в спальном мешке лежала Верити Уокер, и только верхняя часть ее тела вдавалась в пространство купола. Верити

смолила косяк и одновременно скручивала следующий на обложке иллюстрированного звездного атласа.

– Добрый вечер,– сказала она мне.– Как насчет бумажки?

– Приветик, есть.—Я поставил поднос, обшарил карманы, вынул кое-какое барахло. Последний раз, когда я видел Верити Уокер, месяцев пять или шесть назад, это была тощенькая малявка с серьезным пристрастием к Шейкин Стивенсу^[23] и полным ртом ортодонтического железа. Зато теперь, как удалось мне разглядеть в дыму, у нее были короткие светлые волосы (натуральная блондинка!) и изящное, почти эльфийское личико, которое сужалось внизу и заканчивалось премиленьким подбородком,— так бы и взял тремя пальчиками и подтянул бы легонько к своим губам... Глаза ее наполнились синью древнего морского льда, а когда я пригляделся к коже, то в голову пришла лишь одна мысль: ух ты, город Ллойда Коула! Идеальная шкурка^[24]!

– Сойдет.— Она что-то забрала из моей руки.

– Эй! Это же читательский билет! – отнял я.— Держи.—Я вручил ей половинку подарочного купона – в книжном магазине такие на книги обменивают. Его мне мама дала.

– Спасибо.— Верити принялась резать бумагу маникюрными ножницами.

– Купон на книгу не меняем, его мы травкой набиваем,— опустил я возле нее на корточки.

Она прыснула, отчего сердце мое совершило маневры, которые приросшая к нему кровеносная система в обстоятельствах менее романтических делает топологически неосуществимыми.

– Ну че, братишка, готов к свободному плаванию? – ухмыльнулся Льюис с сиденьца под окуляром телескопа. Наклонился к столу, куда я водрузил поднос, и стал разливать кофе по чашкам.

Мой старший брат всегда казался гораздо взрослее меня, чем на два года, и чуть выше (хотя у меня метр восемьдесят пять), и крепче сбит. Да еще в ту пору его делала крупнее и солиднее борода – в стиле «лопнувший диван». Тогда была его очередь терпеть отцовскую опалу – Льюис только что вылетел из университета.

– Да, собрался,— ответил я.— Уже и жилье нашел.—Я кивнул на телескоп: – Нынче интересненькое что-нибудь показывают?

– Как раз навел на Плеяды. Глянь-ка.

Мы по очереди пилились на звезды, играли в карты, терлись о калорифер и сворачивали косяки. Я с собой прихватил полбутылки виски, а у близняшек было бренди; то и другое пошло на крепление кофе. Этак через часок после того, как была съедена последняя булочка с сосиской, нас снова пробило на хавчик, и близняшки отправились в недра замка на поиски мифического Супового Дракона; мы разговаривали на чикчирике, пока они не вернулись с дымящейся супницей и полдюжиной глубоких тарелок.

– Ну и где ты, Прентис, кости бросишь? – спросил Даррен Уотт.

– В Хиндлэнде, – ответил я, хлебнув супчику. – Лодердэйл-Гарденс.

– Так это ж впритык к нам. Придешь тринадцатого? Вечеринка намечается.

– Как карта ляжет. – На самом деле я собирался на те выходные ехать домой, но мог и запросто поменять план.

– Давай закатывайся, будет прикольно.

– Спасибо за приглашение.

Даррен Уотт учился на последнем курсе художественной академии и был, по крайней мере для меня, воплощением шика. Два года назад, когда отзвенели новогодние колокола, мама отвезла нас с Льюисом в Галланах, и мы отправились на вечеринку к Дроиду и его чувакам. Там был и Даррен – "белокурый, долговязый, тощий и угловатый, и донельзя стильный. Меня восхищало, как он носил шелковый шарф поверх красного бархатного пиджака. Шарф этот на ком другом смотрелся бы по-дурацки, но Даррен выглядел сущим денди. Он всучил эту штуковину мне, и, когда я пытался возражать, Даррен объяснил, что шарф ему надоел и лучше отдать его тому, кто оценит, и никто тебе не мешает тоже от шарфа отделаться, когда надоест. Поэтому я взял подарок. Обыкновенный шелковый шарф, единойды перекрученный, с аккуратно сшитыми концами, – и это, разумеется, превращало его в ленту Мёбиуса, в топологическое чудо, которое меня тогда завораживало. Мне и Даррен казался чудом, и я даже одно время гадал, а ну как я и сам гей, но потом решил: нет, не похоже.

Если быть до конца честным, главным соблазном, заманившим меня к Даррену на вечеринку, был тот факт, что он делил квартиру с тремя слюноотделительно-умопомрачительными и маниакально-

гетеросексуальными студенточками-художницами. Годом раньше Даррен привозил этих цыпочек в Галланах, тогда-то я с ними и познакомился.

– Так ты еще строишь модели волноэнергетических хреновин? – спросил я, доедая суп.

Даррен подчищал свою тарелку кусочком хлеба, и я поймал себя на том, что подражаю ему.

– Ага,– с задумчивым видом ответил он.– И даже вроде спонсора для натуральной величины нашел.

– Что, правда?

– Да.—Даррен ухмыльнулся.—Заинтересовалась крупная фирма по производству цемента. Большой грант обещают.

– Ух ты! Мои поздравления.

Вот уже полтора года Даррен мастерил из дерева и пластика скульптуры в одну десятую величины, мечтая когда-нибудь сделать их полномасштабными, из бетона и стали. Фишка заключалась в том, чтобы украшать такими штуковинами берега. А для этого требовались разрешение властей, много денег и волны. Скульптура у него была специфическая: мобили и фонтаны, работающие на энергии и воде моря. Когда набегает волна, вращается огромное колесо или по трубам идет воздух, и получаются сверхъестественно оглушительно-сокрушительные басовые ноты, а еще дичайшие стенания и завывания; а можно саму воду по желобам и воронкам куда-нибудь отвести, и как ударит китовыми фонтанами из верха и боков скульптуры! Все это казалось классным и вполне осуществимым, и мне бы очень хотелось воочию увидеть подобное диво – так что, выходит, Даррен сообщил хорошую новость.

Я спустился отлить, а вернулся уже в разгар добродушного, но бестолкового спора.

– Что значит – нет? – спросила Верити из своей конурки, из спального мешка.– Что ты имеешь в виду?

– Я хочу спросить: что есть звук? – сказал Льюис– По определению, это то, что мы слышим. Значит, если рядом никого нет, то и слышать некому...

– По-моему, это слишком антропо... софично? центрично? – сказала из-за карточного столика Хелен Эрвилл.

– Но как они могут падать беззвучно? – возразила Верити.– Это же полная чушь.

Я наклонился к Даррену, сидевшему с ухмылочкой на лице.

– О чем речь? О том, как в лесу деревья падают? – спросил я.

Он кивнул.

– Но ты же не слушаешь...—сказал Верити Льюис.

– А может, это ты ни звука не издал?

– Прентис, умолкни,– не удостоив меня взглядом, велел Льюис– Я говорю: что есть звук? Если определить это явление как...

– Да как не определи,– перебила Верити.– Если дерево ударяется оземь, это вызывает сотрясение воздуха. Я стою возле дерева, когда оно падает, и чувствую, как вздрагивает земля. Разве она не вздрагивает, когда рядом нет никого? Воздух должен двигаться... должно быть... движение в воздухе: молекулы... Я имею в виду...

– Волны сжатия,– подсказал я, кивая Верити и думая о дарреновских волноэнергетических органах.

– Да, это вызывает волны сжатия.– Верити признательно помахала мне ладошкой – о, как подпрыгнуло мое сердце! – Слышат птицы, животные, насекомые...

– Постой! – сказал Льюис– Предположим, что нет вокруг никаких...

Да, по большому счету это было глупо, смахивало на полемический эквивалент белого шума, но мне импонировала линия Верити – линия крепкого бытового здравомыслия. И к тому же, пока Верити говорила, я мог на нее пялиться, и никому это не казалось подозрительным, и это было здорово. Я в нее влюблялся. Красота плюс мозги. Класс!

Потом были еще звуки, и были еще затяжки, и было разглядывание звезд. Льюис изобразил, как радиоприемник перенастраивают с волны на волну: губы купно с пальцами производили удивительно похожие на шумы эфира звуки, и вдруг вторгались дурацкие голоса: диктора, конференсье, эстрадного комика, певца... «Трррршшш... сообщает, что члены лондонской зороастрийской общины забросали бутылками с горючим редакцию газеты "Сан" за богохульство^[25]... зззоооуууаааннннжжж... Блягодалю, блягодалю, ляди и дъзентильмены, а сисяс длюзньо поднимем люки за сиамиких блязнисов... крррааашшшуууашшшааа...

Бобби, ты это пробовал? Ну, еще бы не понравилось! Лапша «Доширак», кто съел, тот дурак!.. Хей, хей, мы – наркома-аны! Мы – наркома-аны... зпт!»

Ну, и так далее. Мы смеялись, пили кофе, курили.

Телескоп был черным и мощным, как сама ночь. Алюминиевый череп обсерватории повторял движения единственного зрака, который медленно полз по развернутой паутине звезд. Вскоре и у меня как будто поползла крыша. Музыкальная машинка играла где-то далеко, очень далеко. И когда до меня начал доходить смысл песни «Близнецов Кокто», я понял, что поплыл. В таинственной галактической гармонии звучали небесные тела^[26], космос играл мне симфонию древнего дрожащего света. Льюис рассказывал всякие жуткие истории, чередуя их с крайне несообразными хохмами, а близняшки в свитерах, с иссиня-черными длинными волосами, обрамляющими широкие скуластые лица, нахохлились над карточным столиком; они походили на гордых монгольских принцесс, спокойно созерцающих Вселенную из дымной юрты с жердяным каркасом, которую наступление ночи пришилило к земле посреди бескрайней азиатской степи.

Верити Уокер, позабыв свою роль завзятого скептика, гадала мне по ладони; прикосновение ее было словно теплый бархат, голос – точно говор океана, а каждый зрачок – голубоватое солнце, висящее в миллиарде световых лет от меня. Она нагадала, что ждет меня печаль, и ждет меня счастье, и будет мне плохо, и будет мне хорошо, и я во все это поверил, а почему бы и нет, и последнее пророчество было на чикчирикe, искусственном птичьем языке из детской телепередачи, которую мы все смотрели подростками, – и она пыталась щебетать с серьезной миной на лице, но Лео, Дар, Ди и Хел без конца прыскали, и даже я ухмылялся. Тем не менее весь последний час я счастливо подпевал потусторонним голосам *Cocteau Twins* и четко понимал все, что говорила Верити, пусть даже она сама этого не понимала; и я окончательно влюбился в васильковые глаза, и пшеничную копну волос, и в персиковый бархат кожи.

* * *

– Так что ты там бухтел насчет Пилата? – спросила Эш.

– А...—Я помахал ладонью.—Это слишком сложно.

Мы с Эш стояли на невысоком кургане, откуда открывался вид на верфь Слэйт-Майн, что на юго-западной окраине Галланаха, где Килмартин-Бэн течет с холмов, сначала помаленьку петляет, а затем расширяется, образуя часть Галланахской бухты, прежде чем его воды окончательно сольются с глубокими водами Иннер-Лох-Кринана. Это здесь стояли доки, когда поселенцы вывозили сначала уголь, потом сланец, потом песок и стекло, до того как проложили железную дорогу и началась джентрификация в мягкой викторианской форме,— представ в облике железнодорожной пристани, гостиницы «Стим-Пэкет-Хоутел» и горсти вилл с окнами на море (неизменным остался только рыболовецкий флот, стихийно сгрудившийся посреди внутренней бухты, в каменных объятиях города, распухая, умирая, снова расцветая и опять приходя в упадок).

На холм меня затащила Эшли, в том часу глухой ночи, когда небо делается чистым, а звезды светят ровным и резким светом из глубины ноябрьской тьмы. Перед этим в баре «Якобит» мы победоносно сыграли на бильярде, а потом отправились домой к Лиззи и Дроиду через «Макрели» (точнее, через «Империю быстрого питания Маккреди»), и поужинали пудингом и пирогом с рыбой, и выпили по чашке чая, и долбанули по косячку, и двинули в гости к Уоттам на Рованфилд, и там обнаружили, что миссис Уотт еще не спит, смотрит ночные телепередачи, и она тоже напоила нас чаем, и мы наконец чуток придавили ухо в комнате Дина.

– Ребята, я созрела прогуляться, вы как? – заявила Эш, выходя из туалета под шум бачка и натягивая пальто.

У меня вдруг возникло параноидальное подозрение, что я злоупотребил гостеприимством и по своей пьяной близорукости не уловил тьмы намеков. Я глянул на часы, вручил недокуренный косяк Дину.

– Пожалуй, и мне пора.

Я попрощался с миссис Уотт, Эш сказала, что вернется минут через пятнадцать.

– Я вовсе не пытаюсь от тебя избавиться,— сказала Эш, затворив за нами дверь.

– Черт, кажись, я стал толстокожим,— посетовал я, когда мы пошли по короткой дорожке к воротцам в низкой ограде сада.

– Прентис, тебе это не грозит,— рассмеялась Эш.

– Ты и правда собралась гулять в такое время?

Я глянул вверх: середина ночи и холодно. Надел перчатки. Из рта вырывались плотные белые клубы.

– Ностальгия.— Эш остановилась на мощеной дорожке.— Схожу напоследок туда, где часто бывала в далеком детстве.

– Вот оно что... Это далеко? А можно и мне?

Я всегда питал сугубый интерес к местам, которые люди считают важными, например дающими силу. Конечно, выпил бы поменьше, не стал бы так грубо набиваться в попутчики. Но что сделано, то сделано. К счастью, Эш не обиделась – со смехом повернулась кругом и сказала:

– Ладно, пошли, тут недалеко.

И вот мы на месте. На курганчике всего в пяти минутах от дома Уоттов. Прошли по Брюс-стрит, сквозь дощатый забор, через Обан-роуд, по заросшему бурьяном пустырю, где в прошлом стояли доки.

Теперь бывшая верфь была от нас метрах в десяти: голый скелет крана накренился над истрескавшейся бетонкой, под ним из бока пристани торчали деревянные сваи, словно черные сломанные кости. В лунном свете блестела грязь. У моря был вкус, и у моря был далекий блеск, но мерцание это почти исчезало, когда я пытался приглядываться. Эш, похоже, погрузилась в раздумья, она смотрела вдаль, на запад. Дрожа от холода, я застегнул на кнопки широкие отвороты липовой байкерской куртки и поднял замок молнии на правом плече, закрыл глянцевою кожей шею до подбородка.

– А можно спросить, чего это мы здесь делаем? – проговорил я.

Позади нас и слева ровно горели оранжевые огни Галланаха – как и во всех английских городах, вечно предупреждали жителей о том, что на ночных дорогах клювом лучше не щелкать.

Эш тяжело вздохнула, резко качнула головой вниз – указывала на землю под ногами.

– Прентис, ты хоть знаешь, что это такое? Я тоже опустил голову:

– Ну, кучка.

Эш глядела на меня, ждала ответа.

– Ладно, ладно.– Я резко оттопырил локти (развел бы руками, но предпочел держать их, хоть и обтянутые перчатками, в карманах).– Сдаюсь. Что это такое?

Эш наклонилась, и я увидел, как бледная рука сначала погладила траву, а потом зарылась в нее и глубже, в почву. Несколько секунд моя спутница сидела на корточках, потом подняла руку, встала, стряхнула землю с длинных белых пальцев.

– Это балластный курган, Прентис, Мировой холм.– Я почти разглядел ее улыбочку в свете выпуклой луны.– Сюда приходили корабли со всего мира и привозили всякую всячину, но некоторые прибывали без груза, с одним балластом. Понял?

Она смотрела на меня.

– Ага, балласт,– кивнул я.– Я знаю, что такое балласт. Это чтобы корабль не отправился вдогонку за паромом «Геральд оф Фри Энтерпрайз»^[27].

– Обыкновенные камни, набирали их там, откуда корабль отправлялся,– проговорила, снова глядя на запад, Эш.– А когда корабль прибывал в порт назначения, камни становились не нужны и их сбрасывали.

– Сюда? – выдохнул я, на этот раз с уважением оглядев скромный курган.– Всегда – сюда?

– Мне об этом дедушка рассказывал, когда я была совсем малявкой,– сказала Эш.– Он тогда в доках работал. Бочки катал, стропы ловил, таскал в трюмы мешки и ящики. А позже крановщиком сделался.– Эшли произнесла слово «крановщик» на подходящий клайдсайдский манер.

Я опешил: вот уж не ожидал, что до понедельника, до возвращения в университет, буду вынужден стыдиться пробелов в своем историческом образовании.

– Ты прикинь, чувачок,– сказала Эшли,– у тебя целый мир под ногами.

Эшли улыбалась, вспоминая.

– Никогда не забуду, как в детстве сюда приходила. Приходила одна, и часто – просто посидеть. Думала: надо же, я сижу на камне, который был раньше частичкой Китая, или Бразилии, или Австралии, или Америки...

Она снова опустилась на корточки, а я прошептал:

– Или Индии...

И на долгий головокружительный миг жилы мои как будто наполнились океаном, темной подвижной водой – такой же точно, как та вода, что точила кромки полуразвалившейся пристани. Я подумал: боже мой, до чего же тесно мы связаны с миром. И вдруг поймал себя на том, что вспоминаю дядю Рори, связавшего наш род со всей остальной поверхностью планеты. Дядя Рори, наш вечный скиталец... Я посмотрел вверх, на истрескавшийся лик луны; меня охватили сладостные чувства: ожидание чуда и жажда познаний.

* * *

Мой дядя Рори, когда был еще моложе меня, покинул отчий дом. Он задумал кругосветное путешествие, но добрался только до Индии. И влюбился в эту страну, исходил ее, изъездил вдоль и поперек: из Дели – в Кашмир, потом вдоль предгорий Гималаев; пересек Ганг у Патны, проспавши в поезде этот знаменательный момент; потом сделал зигзаг из глубины страны до океанского побережья, и снова – вглубь; но всегда держал или пытался держать путь на юг. Он коллекционировал имена, паровозы, друзей, ужасы и приключения, а потом на самой краешке субконтинента, с последнего камня, омываемого низким прибоем на мысе Коморин, дождливым днем в наи жарчайшую летнюю пору, повернул назад – и ехал на север, и шагал на запад, виляя по-прежнему, направляясь то в глубь Индии, то к морю, и обо всем увиденном, услышанном и пережитом писал на страницах дешевых школьных тетрадей, и упивался дикой культурой этого людского океана, и любовался циклопическими руинами и сказочной географией, и дивился слоенному пирогу из древних обычаев и современной бюрократии, и благоговел перед причудливыми образами богов, и поражался непомерному величию всего и вся. Он описывал увиденное им: города и села, перевалы через горы, пути через равнины, мосты через реки; и города, о которых мне доводилось слышать, такие как Сринагар и Лакхнау; и города, чьи названия у всех на слуху, из-за их теснейшей связи с карри – такие как Мадрас и Бомбей; а еще те города, которые, по его чистосердечному признанию, он посетил только за их имена: Аллеппи и Деолали, Куттак и Каликут,

Вадодара и Тривандрам, Сурендранагар и Тонк... Но где бы ни оказывался дядя Рори, он везде смотрел и слушал, он спрашивал и спорил; он все пропускал через себя и мотал на ус; он проводил безумные параллели с Англией и Шотландией; он ездил автостопом и верхом; он добирался вплавь и пешком, а когда денег не оставалось ни гроша, зарабатывал на ужин фокусами с картами и рупиями; и он снова добрался до Дели, а потом до Агры и совершил паломничество из ашрама к великому Гангу; и там от солнцепека и величия происходящего совсем окосел; и наконец, он вытерпел долгое плавание на барже, и поездом доехал до Калькутты, и самолетом долетел до Хитроу, едва живой от желтухи и хронического недоедания.

Проведя в лондонской больнице месяц, он уселся за пишмашинку, потом собрал у себя в квартирке друзей, прочитал путевые заметки и дал им название: «Деканские траппы и другие чертовы кулички»^[28]. И отправил в издательство.

Казалось, рукопись канула бесследно. Но вдруг «Траппы» стали печататься кусками в воскресной газете и ни с того ни с сего, совершенно необъяснимым, казалось бы, образом привлекли к себе жгучий интерес читающей публики.

В возрасте тринадцати лет я прочел «Траппы» и перечитал через четыре года и тогда уже понял их лучше. Мне трудно быть объективным, но думаю, это хорошая книга, кое в чем сыроватая и наивная, но интересная и живая. Дядя Рори путешествовал с открытыми глазами, без фотоаппарата, и записывал впечатления на страницах дешевых тетрадей, и записывал так, как будто боялся: он не сможет поверить в то, что увидел, услышал и испытал, пока это не оживет где-нибудь еще, не только в его замороженной душе. Поэтому он мог описать путешествие к Тадж-Махалу, который ты прежде знал лишь по скучным открыткам, так, что у тебя мгновенно создавалось впечатление об истинной красоте этой белой усыпальницы – изящной, но массивной, небольшой, но все же беспредельно величавой.

Эпическая грация. Этими двумя словами он выразил всю сущность Тадж-Махала, и я абсолютно точно понимаю, что он имел в виду.

Вот так наш Рори сделался знаменитым – очарованный странник, бредущий на фоне радужных гор.

* * *

Эш присела на корточки, вертя между пальцев сорванную с кургана травинку.

– Я часто сюда приходила. Особенно когда папаша, сволочь, маму лупил, а то и нам доставалось.– Она посмотрела на меня.– Прентис, останови меня, если ты об этом уже слышал.

Я тоже опустил на корточки. Потряс головой – не в знак отрицания, а чтобы в ней прояснилось.

– Ну, конкретно, может, и не слышал, но догадывался: житуха тебе медом не казалась.

– Вот уж точно, блин, не казалась,– с горечью подтвердила Эш. Травяное перышко проскальзывало между ее пальцами, возвращалось и снова проскальзывало. Эш подняла глаза, пожала плечами: – Иногда я сюда приходила только потому, что в доме невыносимо воняло горелым жиром, или телек орал на полную мощность, или просто хотелось напомнить себе, что существует целый мир, кроме дома сорок семь по Брюс-стрит, кроме бесконечной грызни над каждым пенсом, кроме споров о том, кому из нас пришел черед получать новую обувку.

– М-да,– сказал я – в основном потому, что поумнее слов не нашел. Мне, пожалуй, неловко сделалось при упоминании, что общество состоит не только из отпрысков благополучных семейств.

– Ну, короче,– заговорила она,– завтра тут все сровняют.

И оглянулась через плечо:

– Ради завода этого гребаного.

Я только сейчас заметил в отдалении на пустыре смутные контуры двух бульдозеров и экскаватора «JCB».

– Во суки,– выразил я соболезнование.

– Эксклюзивный контракт на застройку берега коттеджами в модном стиле «Рыбацкая деревня», с гаражами на две машины и свободным вступлением в частный оздоровительный клуб,– сказала Эш с клайдсайдским акцентом.

– Гады! – возмущенно мотнул я головой.

– Да ладно, чего там,– поднялась Эшли.– Надо же среднему классу Глазго куда-нибудь расползаться после геройской победы над

коварными водами канала Кринан.— Она в последний раз погладила землю.— Надеюсь, ему тут понравится.

Мы с Эш уже повернулись, чтобы спуститься с кургана, и тут я схватил ее за руку:

— Слышь?

Она обернулась ко мне.

— Берлин,—сказал я.—Джакузи.—Только что вспомнил.

— А, ну да.— Она зашагала вниз по склону, к зарослям бурьяна, мусору и невысоким, по лодыжку, останкам кирпичных стен. Я поспешил следом.

— Я была во Франкфурте,— сказала она.— Помнишь мою подружку по колледжу? Мы услышали, что в Берлине начались большие дела, и махнули туда автостопом и поездом, а там повстречались с... Короче, я очутилась в одной стремной гостинице, в бассейне, и это была типа огромная массажная ванна, и в ней, в уголке, типа островок, и один пьяный чувак, англичанин, пытался меня склеить, все прикалывался над моим акцентом и...

— Вот ведь козел! — сказал я, когда мы вышли на большак.

Мы подождали, пока мимо проскочит пара автомобилей. Они ехали из города на север.

— Вот и я так решила,— кивнула Эшли, пересекая вместе со мною шоссе.— Ну, короче, когда я ему сказала, откуда родом, он перестал врать, будто отлично знает эти места, и охотился здесь, и рыбачил, и что он знаком с лэрдом, и...

— А что, у нас есть лэрд^[29]? Надо же я ни сном ни духом... Может быть, он дядю Фергюса имел в виду?

— Может быть. Вообще-то иногда он говорил довольно интересные вещи... Сказал, что тут одного чувака водят за нос, и уже давно, и зовут его вроде...— Эш остановилась на дорожке, что вела к Брюс-стрит. Мой путь к дому дяди Хеймиша лежал прямым по шоссе.

Я окинул взглядом дорожку, освещенную одиноким желтым фонарем на полпути между нами и

Брюс-стрит. Потом снова посмотрел в глаза Эшли Уотт.

— Случайно не Макхоун?

— Угу,— кивнула Эш.

– Хм,— сказал я. Потому что Макхоуны не так уж часто встречаются в наших краях, да и в любых других. – И кем же этот парень оказался?

– Журналюгой. Но это для прикрытия главного сдвига по фазе.

– А как его звали?

– То ли Рудольф, то ли как-то похоже, а фамилию не помню. Сам не представлялся, его при мне кто-то назвал.

– Что ж ты не выпытала? Нет бы пустить в ход женское обаяние.

– Ну, если честно, в то время оно было практически целиком отдано компьютерщику с плечами шире прерии и золотой карточкой «Ам-экс». – Эш лукаво улыбнулась.

Я негодуяще покачал головой:

– Ну, ты шалава!

Эш взялась за мои яйца через ткань «пятьсот первых» и вполне ощутимо сжала. У меня аж дух перехватило.

– Прентис, следи за языком.— Она отпустила меня, но тут же подалась вперед, прижалась губами к моим губам, языком провела по зубам, а затем повернулась и пошла прочь.

– Оба-на! – сказал я. Старые добрые шарики ныли, но не шибко. Я кашлянул и произнес как можно спокойнее: – Доброй ночи, Эшли.

Эш повернулась, ухмыльнулась, затем полезла во внутренний карман большой куртки флотского покроя, с медными пуговицами, что-то достала и бросила мне. Я поймал. Кусочек серого бетона. С одной стороны гладкий и темный.

– *Die Matter* ^[30], — сказала, возвращаясь, она.— Взято, если хочешь знать, у Бранденбургских ворот. « *Viele viele bunte Smarties!* »^{[31]/[32]} Красная краска – середина точки над последней «i». У тебя в руке обломок мира, разделявшего две Германии.

Я поднес к глазам зернистый бетон и восхитился:

– Оба-на!

Светлые волосы Эш мелькнули под уличным фонарем и растаяли в темноте.

– Оба-на!

Глава 4

Он окинул солар взглядом. По-прежнему большое новое окно с фронтовой стороны было затянуто листом прозрачного полиэтилена, который хрустел и шуршал на ветру под дождем. А еще был исполосован колеблющейся решеткой темных линий – снаружи бросали тень строительные леса. В зале с высоким потолком пахло краской, лаком, свежеструганным деревом и сохнущей штукатуркой. Он подошел к одному из витражных окон, постоял, глядя, как низкие облака плывут над Галланахом и окутывают тусклый город извилистыми вуалями дождя, которые они притащили за собой, точно шлейф огромного серого платья.

– Папа, папа! Дядя Фергюс сказал, нам можно на крышу с мамой, только осторожно! Можно? Ну пожалуйста! Честное слово, не упадем!

В зал прискакал Льюис, он тянул за собой малыша Прентиса. На Льюисе была непромокаемая курточка, а Прентис свою тащил по блестящему паркету.

– Ладно, сынок.– Кеннет опустился на колени, надел курточку на младшего сына, застегнул. Тем временем Льюис вприпрыжку носился по залу и улюлюкал.

– Льюис, не надо так громко,– сказал Кеннет, но не слишком строго.

Прентис улыбнулся отцу.

– Па-апа-а,– произнес он ломким голосом, растягивая гласные,– я хочу в туалет.

Кеннет вздохнул, натянул капюшон на голову сына, но тут же снял.

– Хорошо, мама отведет. Льюис! – крикнул он. Льюис виновато отпрянул от банок с краской, которые уже было принялся изучать, и подбежал к отцу.

– Пап, как здорово! А у нас тоже будет замок?

– Нет, сынок, нам это не по карману. Отведи-ка брата к маме, ему надо в туалет.

– У-у-у.– завыл Льюис, негодуяще уставившись на младшего, а тот только ухмылялся да утирал нос рукавом курточки.

Льюис пихнул Прентиса в спину:

– Вечно ты все портишь!

– Льюис, делай, что сказано, – встал Макхоун-старший. Колени откликнулись болью. – Ступайте. И поосторожнее на крыше. – Он махнул рукой на двухстворчатую дверь, через которую вошли сыновья.

Льюис изобразил целую пантомиму: раскачивался, как пьяный, на ходу, нога цеплялась за ногу. Прентиса он тянул за собой за шнурок капюшона.

– Льюис! За руку! – потребовал Кеннет.

– Ну, парень, ты и цаца! – сказал у двери Льюис младшему брату. – Сколько ж возни с тобой!

Прентис повернулся и помахал свободной рукой отцу.

– До свидания, па-апочка, – произнес слабый голосок. После чего Прентис был выдернут из комнаты.

– До свидания, сынок, – улыбнулся Макхоун-старший. И снова повернулся к окну и дождю.

* * *

– У-у-у... тут мокро.

– Не сахарный, не растаешь. Че разнылся? Ты же не девчонка?

– Нет, я не девчонка. Но если испачкаюсь...

– У тебя папаша богатенький. Можешь хоть каждый день в новых шмотках приходить.

– Не мели чепухи. Я просто хотел сказать...

Кеннет понимал обе точки зрения. Лахи в грязной рубашке, застегнутой на разномастные пуговицы и булавку, в потрепанных, залатанных коротких штанишках, что пузырились на коленях и, наверное, раньше принадлежали двум старшим братьям, вдобавок щеголял свежим синяком под глазом – скорее всего, синяк поставила отцовская рука. На Фергюсе была добротная, тщательно подобранная по размерам одежда: короткие брючки из серой саржи, новая синяя фуфайка и твидовый пиджачок с кожаными нашивками на локтях. Даже Кеннет рядом с ним чувствовал себя плоховато одетым. Его шорты были заштопаны сзади, хотя новую одежду он получал всегда в свой черед. Все девочки носили юбки, блузки и фуфайки; носочки у

них были не серые, а белые. Эмма Эрвилл носила пальто с капюшончиком, отчего была похожа на маленькую фею.

– Так мы играем или не играем? – спросила она.

– Спокойствие! – повернулся Лахи к девочке, державшей велосипед.– Терпение, крошка.

Эмма посмотрела в небо и фыркнула. Рядом с ней сестра Кеннета Ильза, тоже приехавшая на велосипеде, покачала головой.

Замок стоял на склоне холма. Вокруг него с высоких деревьев еще капало, и неровные, грубо отесанные камни были темны от недавно прошедшего дождя. Через листья плюща, цеплявшегося к одному из боков старинного сооружения, просвечивало водянистое солнце, а в глубине леса ворковал дикий голубь.

– Так какого черта ждем? – Фергюс Эрвилл прислонил к дереву велосипед.

Лахи Уотт своему велосипеду дал упасть на землю. Кеннет аккуратно положил свой на мокрую траву. Девочки прислонили велики к деревянным перилам в начале моста. Короткий деревянный мост, чуть шире телеги, пересекал овраг футов тридцати длиной, с крутыми склонами и густым кустарником на дне. В самом низу, среди кустов, плескался и пенился ручеек; он выбегал из леса, с трех сторон огибал задернованную скалу, на которой стоял замок без крыши, срывался водопадцем и уже неторопливо путешествовал дальше, возле автотрассы впадая в реку Эдд, так что его воды далее протекали через город Галланах и вливались в бухту возле железнодорожной пристани.

Вдруг вышло солнце, сделало траву яркой, листья плюща – блестящими. С приглушенным ревом пролетел по лесу ветер, всюду просыпав водяные капли. Примерно в миле, на виадуке у Бриджента, Кеннет увидел поезд; западный ветер уносил его шум прочь от детей, но зато Кеннет мог разглядеть пар, которым часто выстреливала труба из темного локомотива и который вытягивался назад, расстилался по крышам полудюжины купейных вагонов и тут же разрывался на белые тающие клочья.

– Короче,– сказал Лахи,– кто первым вводит?

– Не вводит, а водит,– поправил Фергюс.

– Ты меня еще поучи, сопляк. Так кто вводит?

– Может, «Вышел месяц из тумана»? – предложила Эмма.

– О господи! – затряс головой Лахи.– Ну, давай, что ли.

– Не надо поминать имя Господа всуе,– сказала Эмма.

– И высуе! – хихикнул Лахи.– Ах ты, боже мой, ну до чего ж мы нежные!

– Я христианка,– гордо сказала Эмма.– Я думала, ты тоже христианин, Лахлан Уотт.

– Я протестант,– возразил Лахи,– вот кто я.

– Ну, так мы будем играть или не будем? – спросила Ильза.

Дети встали в кружок, Эмма проговорила считалку. К великому раздражению Лахи, искать выпало ему.

Кеннет еще ни разу не бывал в старом замке. Раньше удавалось лишь увидеть его из дома, и то если специально высматривать. Правда, в отцовский бинокль его можно было неплохо разглядеть. Замок принадлежал Эрвиллам, и хотя Эрвиллы и Макхоуны дружили годами (поколениями, сказал отец, а это куда дольше, чем годами), мистер Робб, на чьей ферме стоял памятник старины, детей не жаловал, гонял их со своих полей и из рощ, даже пугал дробовиком. Только Фергюс и Эмма Эрвиллы не боялись – их прогонять мистер Робб не смел. Кеннет подозревал, что мистер Робб – затаившийся враг из пятой колонны, может, он даже натуральный нацист, прячет немцев с потопленной подлодки или готовит место для высадки парашютистов. Но хотя и сам Кеннет, и еще кое-кто из детей несколько раз тайком проникали в лес и следили за мистером Роббом, он ничем не выдал своих преступных намерений.

Зато дети изучили запретный парк. И теперь решили, что стоит осмотреться и в замке.

Там неплохо сохранились подземные помещения и каменная лестничная шахта; лестница поднималась вверх и проглядывала посреди руин, в окружении камней, земли и сорной травы. Отсюда она уходила дальше, ввинчивалась в круглую угловую башню, обрываясь на давно исчезнувшем этаже,– там остался только дверной проем, за которым проглядывала центральная стена. Другая лестница пронизывала сами стены по ту сторону внутреннего двора, поднималась через их толщу, минуя еще три дверных проема, с примыкающими балюстрадами; ступеньки вели к двум комнаткам у верхних оконечностей темных дымоходов – пристроенные к стене снаружи, они спускались до цоколя.

В замке была уйма темных закутков и тенистых уголков, где можно спрятаться, а еще было много оконных и печных проемов высоко в толстых стенах, и вот бы туда залезть, кабы силенки да смелость, и отчего бы с винтовой лестницы не перебраться на самый верх развалины, и там прогуляться по самым кромкам обросших плющом стен в шестидесяти с гаком футах над землей, и увидеть оттуда море за Галланахом, или горы на севере, или лесистые холмы на юге. Ближе, позади замка, за мостом находился парк, обнесенный оградой, запущенный – плотные заросли рододендронов под араукариями и буйство экзотических цветов, что в летнюю жару приманивали гудящие рои насекомых.

Договорились так: прятаться можно в любом месте замка, Лахи остается за мостом на дороге и медленно считает.

Дети хихикали, шикали друг на дружку, суетились, но вскоре все разбежались по укрытиям. Кеннет забрался в оконный проем на верхотуре и засел там на корточках.

Наконец Лахи пошел в открытый холл замка, огляделся. Несколько секунд Кеннет следил за ним, затем подался вперед, прижался как можно плотней к каменному подоконнику.

Он был в восторге оттого, что его никто не мог найти, хотя Лахи уже отыскал всех остальных, и все они кричали, чтобы Кеннет выходил, пора играть по новой. Но он лежал на подоконнике и ловил всей кожей сырой бриз, который, залетая в окно, щекотал волоски на голых щиколотках Кеннета. Он слушал крики детей, разносившиеся эхом в пустой раковине замка, голоса ворон и диких голубей с ближних деревьев и чувствовал запах темных влажных мхов и сорной травы, нашедших приют среди выветренных серых камней. Глаза были все время зажмурены, и он, слушая, как дети ищут его и зовут, испытывал непривычную тугую дрожь в животе, отчего хотелось стиснуть зубы и крепко сцепить ноги, и он боялся, что намочит штаны. Мне тут нравится, подумал он. И мне нет дела до того, что идет война, что дядя Фергюса погиб в Северной Африке, а Вулли Уотта убило в Северной Атлантике, а Лахи достается на орехи от папаши, а нам, наверное, придется переехать, потому что мистер Эрвилл просит освободить его дом, и мне совсем не дается тригонометрия, и немцы готовят вторжение. Мне тут очень нравится. Если бы я прямо сейчас умер – плевать. С высокой башни плевать.

Лахи наконец забрался на самый верх стены и лишь оттуда углядел Кеннета. Кеннет спустился, зевая во весь рот и протирая глаза,— уснул, понимаете ли. Что, я победил, оказывается? Ой, до чего здорово!

Они еще поиграли и посмеялись над выигравшим Фергюсом — он прятался в комнатухах наверху второй лестницы, и Кеннет сообразил, что это за комнатухи. Туалеты, вот что! И никакие не дымоходы к ним примыкают — туда, в эти отверстия, делали побольшему и по-маленькому. Фергюс прятался в сортире! А еще боялся замараться!

Фергюс не соглашался с тем, что это туалеты. Там совершенно чисто и не пахнет — дымоходы наверняка.

— Дымоходы — задние проходы! — ржал Лахи.— Очки-толчки!

Эмма фыркала, но не улыбаться не могла.

— Дымоходы! — отчаянно стоял на своем Фергюс, глаза на мокром месте. Он посмотрел на Кеннета, словно ожидал поддержки. Кеннет опустил взгляд на утопанную землю под ногами.

— Сральники, сральники! — хохотал Лахи.—Фергюс прячется в клозете, не играйте с Фергом, дети!

— Дымоходы! — протестовал побагровевший Фергюс, угрожая сорваться на визг.

— Фергюс — это жопа с ручкой! Не хотим дружить с вонючкой!

Кеннет смотрел, как Фергюс дрожит от бешенства, а Лахи скачет по кругу и скандирует:

— Вы знакомы с этой штучкой?! Познакомьтесь: жопа с ручкой! Не хочу играть с вонючкой!

Фергюс в бессильной ярости таращился на сестру и на Кеннета, как будто считал их предателями. А потом просто стоял и ждал, когда Лахи надоеет дразниться. И Кеннета удивило, что гнев постепенно сошел с лица Фергюса, оно сделалось пустым, ничего не выражающим.

У Кеннета возникло странное ощущение: как будто у него на глазах что-то было погребено заживо, и он даже содрогнулся, такой озноб пробрал его вдруг.

— ...Фергюс в школу носит ранец! Потому что он...

Когда попрытались в последний раз, Кеннет вместе с Эммой Эрвилл забрался в какую-то подвальную клетушку. Он подсказал

Эмме, что надо повернуться спиной к свету и поднять воротник пальто, чтобы скрыть лицо, и действительно, когда к дверям подошла Ильза и он снова испытал эту жутковато-балдежную дрожь в животе – она их не увидела, и после того, как ушла, Кеннет и Эмма обнялись, и это были теплые и крепкие объятия, и ему понравилось, а она не отстранялась, а через некоторое время они соприкоснулись губами – поцеловались. И в сердце проник странный отголосок жутковато-чудесного ощущения в животе, и они с Эммой Эрвилл обнимались долго-долго, пока все остальные не нашлись.

Потом они играли в запущенных кустах огороженного сада и отыскивали заросший травой фонтан с голой, если не считать мха, каменной тетей посередке и ветхий сарай в углу сада, и там были древние банки и склянки и пузырьки с этикетками, похоже еще викторианской поры. Ненадолго зарядил дождь, и его переждали в сарае. Фергюс ныл, что ржавеет велик, его сестра и Кеннет время от времени многозначительно переглядывались, Ильза смотрела на дождь из двери и говорила, что в Южной Америке кое-где льет по сто лет без перерыва, а Лахи смешивал все подряд, твердое и жидкое, вязкое и порошкообразное, из пузырьков и банок – авось какая-нибудь смесь взорвется или на худой конец зашипит. А дождь сначала барабанил, потом шуршал, потом редко постукивал по рубероидной крыше, и сквозь дыры на пружинящие половицы шлепались капли.

* * *

– Ну конечно, мы же еще не все бутылки перевезли,– указал Фергюс трубкой на стеллажи, которыми была забрана целая стена погреба.

Погреб был выкрашен белым и освещен голыми лампочками; там и сям свисали провода и виднелись незамазанные отверстия в стенах и потолке – для этих проводов и для водопроводных труб. Поблескивал винный стеллаж из дерева и металла, посверкивали уже разложенные на нем две сотни бутылок.

– Тебе тут еще вкалывать и вкалывать,– ухмыльнулся Кеннет,– пока все полки не набьешь.

– Гм... Мы вообще-то хотим на следующее лето прокатиться по виноградникам.– Эрвилл почесал черенком трубки толстый подбородок.– Бордо, Луара и так далее. Может, и вы с Мэри захотите нам компанию составить, гм...

Фергюс моргал. Кеннет кивнул:

– А что, почему бы и нет? Это, правда, будет зависеть от отпусков и всякого такого. Ну, и от детей, конечно...

Фергюс нахмурился, снимая табачную крошку с джемпера фирмы «Прингл»:

– Мы вообще-то не собирались брать детей.

– А? Ну да, разумеется, – сказал Кеннет, и они пошли к двери.

Фергюс включал и выключал свет в различных погребах, и они поднимались по каменным ступеням к подсобке и кухне.

Это же тот самый погреб, думал Кеннет, следуя за обутым в шлепанцы Фергюсом по лестнице. Здесь я прятался с Эммой Эрвилл, целовался с ней. В этом самом погребе. Никаких сомнений, это он. И в это окно я смотрел когда-то. Там я тоже прятался, и было это уже почти тридцать лет назад. Точно!

И тут на него легла жуткая тяжесть времени и потери, и в сердце проснулась слабая обида – на Эрвиллов вообще и на Фергюса в частности, потому что они, о том даже не подозревая, украли у Кеннета частицу его памяти.

Что ж, по крайней мере, обида позволяет ему узнать цену ностальгии.

– Ферг, это не посудомойка, это, зараза, настоящая китайская головоломка. – Фиона, сидевшая возле упомянутой машины, поднялась на ноги.

И увидела брата, и широко улыбнулась, и подошла, и обняла:

– Приветик, Кен. Ты к нам на экскурсию?

– Да, впечатляет. – Кеннет поцеловал сестру в щеку.

Сколько ей было, когда он приходил сюда с Фергюсом и остальными? Года два, прикинул он. Слишком мала, чтобы ехать в такую даль на велосипеде. А ему, наверное, было лет восемь или девять. А где тогда был Хеймиш? Дома, наверное. Болел. Он вечно простужался.

Фиона Эрвилл, урожденная Макхоун, носила старенькие расклешенные джинсы «левис» и широкую зеленую блузку. Полы блузки были завязаны узлом поверх белой футболки. Волосы цвета меди Фиона собрала в пучок на затылке.

– Как дела?

– Все отлично, – кивнул Кеннет, обнимая ее за талию.

Так они подошли к посудомойке, подле которой сидел на корточках, уткнувшись в инструкцию, Фергюс. Дверка посудомойки была опущена на петлях, как подъемный мост замка.

– И правда, сплошь китайская грамота.– Фергюс почесал черенком трубки висок.

Кеннет, глядя сверху вниз на Фергюса, почувствовал, как его губы расползаются в улыбке. Фергюс выглядел преждевременно состарившимся: «прингловский» джемпер, войлочные шлепки, трубка. Разумеется, Кеннет не забыл, что и сам курил трубку, но это было совсем другое дело. И он в отличие от Фергюса не лысел.

– Как школа? – спросила Фиона.

– Да ничего,– ответил брат,– помаленьку.

Этой осенью его сделали принципалом по английскому языку. Сестру всегда интересовало, что происходит в средней школе, но у Кеннета при ней и Фергюсе пропадала охота об этом говорить. Почему – он и сам не понимал, но подозревал, что если и откроет когда-нибудь причину, то признавать ее не захочет. Еще меньше ему хотелось сообщать, что он записал отдельные рассказы из тех, которых за много лет напридумывал уйму, и надеется их опубликовать. Боялся, что подумают, будто он решил переплюнуть Рори, или, что еще хуже, облегчить себе жизнь и напечататься с его помощью.

– Нет, вру,—приподнял голову Фергюс.—Тут и по-английски чуть-чуть есть. Вернее, по-американски.– Он вздохнул и оглянулся: – Макхоун, что касается англоязычных иностранцев: «Международный» в субботу, не забыл?

– Буду как штык,– кивнул Кеннет. Они собрались через неделю пойти на регби. Шотландцы будут тягаться с англичанами.– Кто машину поведет?

– Гм... думаю, возьмем «моргана».

– Фергюс! Стоит ли? Не уверен, что разыщу свою шерстяную шапочку с помпоном.

– Да ладно тебе,—хихикнул Фергюс—Давай попробуем новый маршрут: через Арран и Лохранзу до Бродика, далее в Ардроссан и затем через «А семьдесят один» до «СА».– («СА» означало Северные Афины.) – Понятное дело, с поправкой на забастовки и отключение электроэнергии.

– Фергюс,– потер лоб Кеннет, не клюнувший на приманку из забастовок и отключения электричества,– по мне, так это чудовищно сложно. И ты уверен, что в это время года из Лохранзы ходит паром?

Фергюс встал, снова озадаченно почесал висок черенком трубки:

– Так ведь должен, наверное... Думаю, ходит.

– Может, стоит проверить?

– Ладно, проверим.

– И вообще, почему не на «ровере»?

Кеннет не жаловал «моргана»: слишком жестко едет, спина устает, голова болит, и вообще Фергюс зря лихачит на этом закусе под старину с открытым верхом. И чего лихачит? Может, потому что краска «бритиш рэйсинг грин», кожа на капоте? А вот «ровер», похоже, немного Фергюса успокаивает.

– Да ладно тебе, надо же понимать,– убеждал Фергюс,– гостиничная администрация увидит «ровер» – не пропустит нас на стоянку.

– Господи,– вздохнул Кеннет и сжал талию сестры.– Ладно, пусть будет «морган».– Он посмотрел на Фиону: у нее поблескивали зеленые глаза.– Старею, сестренка. Как по-твоему, старею?

– Да из тебя прямо-таки песок сыплется, Кен.

– Спасибо на добром слове. Как близняшки?

– О, великолепно.

– Ты их все так же на каникулы в Уиндскейл возишь?

– Ха! Кеннет, а ты все так же смышлен.

– Ты ее включать не пробовала? – Фергюс опустил на корточки, сунул голову в посудомоечную машину, и ее нутро откликнулось эхом.

– Ферг, не будь язвой.– Фиона улыбнулась брату.– Что-то давно мы с Рори не видались, он и не звонит. Как у него дела?

– Да сидит в Кэмдене в своей конуре, тратит халявные субконтинентальные бабки.

– В конуре? – донесся из недр посудомойки невнятный голос Фергюса,– А я думал, он не слабо приподнялся на этих... путевых заметках.

– Так ведь приподнялся,– кивнул Кен.

– Это, кажется, про Индию?

– Ага.

– Ферг,– рассердилась Фиона,– ты что, забыл? Сам же покупал эту книгу.

– Да, помню, конечно.– Фергюс вынул голову из посудомойки и сунул туда руку, что-то подрегулировал.– Только не прочел. Да и зачем книжку читать, если хочешь узнать про Индию? Достаточно съездить в Брэдфорд... Почему он живет в конуре?

Кен на секунду стиснул зубы, мечтая о крепком пинке по пухлому заду Фергюса. Затем пожал плечами:

– Просто ему нравится жить среди людей. Он у нас животное стадное.

– И то верно, надо быть животным, чтобы ютиться в конуре,– пробубнила, рождая эхо, голова в посудомойке.

– Э, не смей так о моем брате.– Фиона легонько стукнула ногой Фергюса по заду.

Фергюс стремительно обернулся и уставился на нее. Его мясистое красноватое лицо мгновенно помрачнело. Кеннет почувствовал, как напряглась его сестра. Но тут же рот Фергюса расплылся в фальшивой улыбочке и, проворчав что-то неразборчивое, он снова повернулся к открытой машине и к руководству по ее эксплуатации. Фиона расслабилась.

«Все ли у них в порядке?» – подумал Кеннет.

Иногда он как будто замечал напряжение между ними, а года два назад, вскоре после того, как родились близнецы, ему показалось, будто Фергюс и Фиона серьезно охладели друг к другу. Он за них беспокоился и не раз обсуждал это с Мэри, гадая, в чем причина неладов и можно ли что-нибудь сделать (они решили ничего не предпринимать, если только их не попросят). Все же он однажды попытался обсудить это с Фергюсом, на вечеринке, когда они накачивались виски в оранжерее старого дома Эрвиллов и любовались огнями навигационных бакенов и маяков, мигающих по всей Саунд-оф-Джура.

Фергюс обсуждать тему не пожелал. Мэри добилась не большего успеха с Фионой. Но, по-видимому, все как-то само собой постепенно наладилось.

Может, я просто ревную, подумал Кеннет.

Фиона отстранилась и подошла к массивной и приземистой плите марки «Ага», стоявшей возле беленой каменной стены. Поддержала

руку над новой плитой: хорош ли накал? В кухне затягивалась пауза.

Кеннет не слишком верил в фрейдизм, в основном потому, что старался быть с собой честным. Понимал, что в жизни многое ему не по вкусу, кое от чего просто с души воротит, но ничто из его открытий никак не вязалось с учением Фрейда.

Все же он задумывался: а не злюсь ли я в душе на Фергюса потому, что он у меня сестру отнял, когда сделал ее своей женой? Наверное, никогда не узнаю правды, предполагал Кеннет. Может быть, верна теория, будто в мире все взаимосвязано, будто все люди, все вещи, все события прочно соединены сложнейшей паутиной из причин и следствий, из неявных мотивов и скрытых принципов... Но он вовсе не был уверен, что это имеет хоть какое-нибудь значение.

– Мэри и дети с тобой? – повернулась к нему Фиона.

– Пошли полюбоваться окрестностями с парашютов, – ответил Кеннет.

– Молодцы, – кивнула она и посмотрела на мужа. – У нас будет обсерватория. Ферг не сказал тебе?

– Нет. – Кеннет с удивлением посмотрел на Фергюса, но тот не обернулся. – Нет, я не знал. Что, с настоящим куполом и телескопом? Астрономию будете изучать?

– Счет уж точно астрономический, – раскатился внутри посудомойки голос Фергюса.

– Да, – ответила Фиона. – И теперь Ферг сможет ночи напролет любоваться звездами. – Миссис Эрвилл глянула на мужа, сидящего на корточках перед открытой посудомоечной машиной, и выражение лица Фионы показалось Кеннету презрительным.

– В чем дело, дорогая? – оглянулся на жену Фергюс – само простодушие и невинность.

– Ни в чем, – бодро ответила жена необычно высоким голосом.

– Гм... – Фергюс что-то подкрутил в посудомоечной машине, снова почесал трубкой возле уха. – Все в порядке.

Кеннет повернулся к окнам, по которым хлестал дождь.

* * *

Зачатая в ревущую бурю, Верити (тоже ревущая) и родилась не в погожий денек. Она появилась на свет восьмимесячной августовским вечером 1970 года на продуваемом ветрами берегу Лох-О – более чем подходящее название для места ее рождения, считал Прентис.

Перед этим ее мать и отец провели в галланахском доме Фергюса и Фионы Эрвилл две недели – они приехали из Эдинбурга отдохнуть. В последний день молодая супружеская чета решила посетить гостиницу в Килхренане – это в часе езды к северо-востоку, на берегу озера. Для поездки одолжили «ровер» у Фергюса. Беременной Шарлотте в те дни вдруг захотелось осетринки, и в ресторане она получила: на закуску – осетрину копченую, на второе – осетровые стейки, а вместо десерта – мусс из копченого осетра. Понятное дело, вскоре она жаловалась на несварение желудка.

Как бы то ни было, отужинав, они поехали обратно.

Были пасмурные сумерки, хоть и без дождя; дул сильный теплый ветер, качая верхушки деревьев и гоня шеренги белых бурунов на берег узкого лоха. Пока супруги ехали на юго-запад по неширокой дороге на западном берегу, ветер обрел ураганную силу.

Узкая дорога была усыпана ломаными ветками – наверное, одна из них и проколола колесо. И пока муж воевал с наглухо закрученными гайками, у Шарлотты начались схватки. Примерно через полчаса над холмом полыхнула молния, желто-голубая, как луна, но ослепительная, как солнце.

И был чудовищный гром. Шарлотта закричала. Наверху, на склоне холма, скелетами доисторических чудовищ маячили две опоры высоковольтной линии. Выл черный ветер, и снова вспышка, и снова адский грохот, и полоса фиолетового сияния проколола тьму как раз посерединке между двумя огромными пилонами – электричество пробило воздух, когда сблизилась мотаемые ветром провода.

Шарлотта закричала опять, и на свет появился ребенок.

* * *

Хвост урагана Верити прошелся в ту ночь по Британским островам. Родился он в штилевой экваториальной полосе, для разминки залил тропическим ливнем несколько Багамских островов,

порезвился на побережье Северной Каролины, потом махнул через Северную Атлантику, в пути подрастеряв энергию. Но ненадолго попал между холодным и теплыми фронтами возле Ирландии, и это для него стало неожиданным подарком; обретя новые силы, он разметал уйму прогулочных яхт, перетряс несколько акров оконного стекла, поиграл во фрисби^[33] с мириадами черепиц и, проносясь над Шотландией, поломал немало сучьев. На участке Национальной электрической сети между западным берегом Лох-О и Галланахом имела место чуть ли не самая эффектная из учиненных ураганом катастроф, и Шарлотта часто заявляла, что именно в миг пробоя мощнейшей дуги между хлещущими проводами сработали предохранители на севере и погрузили весь Галланах во тьму, – в тот самый миг, когда ее ребенок (сморщенный, в пятнах крови, розовый от осетрины) наконец скользнул в отцовские руки. Девочку назвали Верити, в честь урагана.

Когда Верити исполнилось восемнадцать, ее дядя Фергюс Эрвилл преподнес ей весьма своеобразный подарок, взятый из музея при стекольной фабрике. Поскольку ребенок родился в блеске и треске техногенной молнии и его появление на свет было ознаменовано мощным коротким замыканием, ввергшим Галланах в потемки, дядя Эрвилл подарил ей ожерелье из фульгурита.

Фульгурит – это природное стекло, как и другое музейное сокровище – обсидиан. Но обсидиан рождает только земля, он образуется под воздействием чудовищных температур и давлений в изверженной магме, а фульгурит появляется на свет от союза земли и воздуха: молния ударяет в рыхлый песок и плавит его, остекловывает, превращает в длинные зигзагообразные трубки. Хеймиш Макхоун называл фульгурит Божьим Стеклом. Музей при фабрике «Галланахское стекло» располагал коллекцией образцов трубчатого фульгурита, изысканных в песках Сирии Уолтером Эрвиллом, дедом Фергюса, в 1890 году и благодаря великой осторожности и столь же великому везению доставленных в Шотландию невредимыми. Одна из этих кривых шишковатых трубок была свыше метра длиной, другая лишь на йоту короче. Меньшую Фергюс отправил в Эдинбург ювелиру, дабы тот расколол ее, куски обточил и отшлифовал, а затем нанизал на нитку, точно жемчужинки.

Получившееся ожерелье он преподнес светозарной племяннице на вечеринке в день ее рождения, в ее родительском доме, что в Мерчистоне под Эдинбургом, в августе 1988 года (вечер выдался неподобающе сухим и теплым). Фергюс, существо всегда унылое, преждевременно состарившееся, с подбородками до воротника, очень вырос в глазах Кеннета и Прентиса Макхоунов, совершив этот элегантный и совершенно неожиданный для всех романтический жест.

У Верити хватило такта принять ожерелье из рук дяди Фергюса, хватило ума понять, какой смысл вложен в этот подарок, и хватило вкуса, чтобы сделать его регулярно надеваемой, даже привычной частью гардероба.

Салон дядино «ровера» был очищен от грязи, сопутствовавшей рождению Верити, и машина продолжала служить семейству Эрвиллов еще пять лет, до 1975 года, когда ее продали (как выяснил впоследствии Прентис, за скандально мизерную сумму; нет бы переделать в своего рода храм красоты, прославленный на весь мир) и ее место занял «астон-мартин DB6».

Вскоре после того, как Прентис получил водительские права, у него появилась мечта найти старый «ровер», валяющийся, небось, где-нибудь в чистом поле, и выкупить. И тогда у него будет машина, в которой родилась его любимая, и можно будет эту машину водить, и холить ее, и лелеять. Разумеется, он понимал: велика вероятность, что «ровер» давным-давно отправился под пресс, но это не мешало ему тешиться диковатой фантазией, что хоть одна капля переплавленного металла добралась хоть до одного из последовательно принадлежавших ему трех драндулетов.

А на неприлично громком и быстром, как молния, «астон-мартине DB6» Фергюс и Фиона Эрвилл однажды ночью угодили в аварию. Это было возле Ахнабы, южнее Лохгайра, в 1980 году.

Глава 5

Мы с тетей Дженис были в одной постели. Только не поймите меня превратно: я не имею в виду, что мы занимались черт-те чем; мы всего лишь переспали... О черт! Я хочу сказать, что мы с ней долго гуляли по холмам и нас застала метель, но посчастливилось найти кров – уютный такой охотничий домик, а в спальне была только одна кровать, и нам, чтобы согреться, пришлось лечь на нее вдвоем, только и всего-то...

И мы потрахались^[1].

Ради бога, не принимайте меня черт знает за кого. Тетя эта мне не тетя. Ни по крови она мне не тетя, ни даже по замужеству. Дженис Рэй была подружкой дяди Рори, вот я и стал ее тетей называть. Мало того что она крутила шашни с братом моего отца, так ведь вдобавок не кто иная, как ее дочь Мэрион, посвятила меня в таинство любви – таинство липко-пахучее и похотливо-трахучее, потенциально-натальное и социально-фатальное, не слишком высокоморальное, поскольку частично оральное. И произошло это в гараже, на разошедшейся до трещин зеленой коже заднего сиденья «лагонды-рапид-салун» в один душно-пасмурный летний день восемь лет назад.

И мы сорвали бурные аплодисменты.

Чертов Льюис...

* * *

Теперь голос делается тихим, низким, почти зловещим. Сбоку бьет резкий белый свет, и чисто выбритое худое лицо моего брата в этом свете кажется точно из камня высеченным. И суровым, даже жестоким.

– В моем доме есть дверь, – говорит он с придыханием и делает паузу. – Это не простая дверь, а особенная. – Он смотрит вбок. И от того, как он это делает, вам хочется поглядеть в ту же сторону, но вы побеждаете искушение. – А знаете, что у меня за дверью? – поднимает он бровь, но окружающая темнота отвечает молчанием. И вы ждете

продолжения.— За дверь у меня...— Он наклоняется вперед, к вам, с таким видом, будто хочет открыть какую-то страшную тайну: — ...вся остальная Вселенная.— На лице появляется ледяная улыбка, и если вас пронимают такие штуки, то на вашей спине срываются с места в карьер табуны мурашек.

Раздается нервный смешок. Льюис терпеливо ждет, когда хиханьки стихнут.

— Это особенная дверь, и называется она по-особенному,— сужает он глаза.— Знаете, как я называю эту дверь? — (Вот опасный момент, все может кончиться провалом, но брат умеет держать паузу, его молчание в высшей степени красноречиво).— Я ее называю...— Снова пауза; он глядит вбок, в темноту, потом снова — на свет: — ...входной дверью!

И вновь звучит смех, на этот раз в нем облегчение. Рассказчик впервые улыбается, но в улыбке нет веселья, это всего лишь растянутые губы.

— Может быть, такие двери есть и в ваших домах.— Брат отступает, лампы гаснут, и он делает полукивок-полупоклон.— Меня зовут Льюис Макхоун. Спокойной ночи.— Он уходит под бурные аплодисменты, даже под овации.

Я отрываю взгляд от телевизора, смотрю на соседей по комнате.

— А че, нехило.— Гав откупоривает новую банку сидра.

— Нормуль,— соглашается Норрис и хлебает из своей банки.— Концовочка — в кайф, меня даже на мандраж пробило, чес-слово. Он че, в натуре твой брат?

Я зло гляжу на экран, где бегут титры,— конец телепередачи. Льюис в ней хохмил последним.

— Да.—Я плющу в ладонях пустую банку из-под «экспортного».— Да, это мой брат.

По экрану ползут титры. Раздавленная тара летит в мусорное ведро. Точнее, мимо ведра.

Банка ударяется о стену, катится по полу и брызгает выдохшимся пивом на истертый ковер.

* * *

Я стою в книжном магазине, читаю про волшебную ночную рубашку. На глазах слезы.

По плечу хлопает чья-то ладонь. Я торопливо кладу книжку на стопку таких же и выдергиваю из кармана носовой платок и, поворачиваясь, прижимаю его к лицу, сморкаюсь.

– Идем, копуша,– говорит, улыбаясь мне сверху, мама. Взгляд падает на стопку книг.– А, решил наконец папины сказки почитать? С чего бы вдруг? – Не дожидаясь ответа, она обнимает меня за плечи и выводит в зал отправления.– Идем, пожелаем дяде Рори счастливого пути.

– Идем,– хлюпаю я носом. Мама хмурится:

– Прентис, ты что, плачешь?

– Нет! – Я неистово мотаю головой и запихиваю в карман носовой платок.

Мама улыбается. Чувствую, как снова набухают слезы, от них щиплет глаза.

– Прентис! – Дядя Рори хватает меня в охапку и отрывает от пола.– Ого, какой большой вырос! Скоро и поднять тебя не смогу.

Вот и хорошо, думаю, а то неприлично как-то. Я его обнимаю, но это для того, чтобы лицо спрятать, а не от огорчения по поводу дядиного отлета.

– Ну вот,– слышу мамин голос– Кажется, слезинку-другую мы все-таки уронили.

– Да с чего бы нам их ронять? – смеется дядя Рори, ставя меня на пол перед собой, но не отпуская. Его широкое лицо, обрамленное вьющимися темно-рыжими волосами, кажется счастливым и добрым. Мне хочется ударить и дядю, и маму, а может, залиться слезами и обнять обоих. Пожалуй, я не прочь и обнять их, и побить.

– Подбери сопли, мужик,– смеется он, переходя на пролетарский шотландский. Я этого говора стыжусь, потому что мои очаровательные кузины Дайана и Хелен им не пользуются, зато его любят грубые дети Уоттов.

«Прекрати!» – отправляю ему посыл. (Я учусь внушать свои мысли, чтобы люди выполняли мои команды. У телепатии, похоже, большое будущее, но, к сожалению, ученые сделали еще только первые шаги. А Джорж Лукас, гад, так и не удосужился ответить на мое письмо насчет Силы.)

– Дядя Рори, я не плачу, честное слово,– шмыгаю носом.

– Ну конечно, ты не плачешь,– ухмыляется дядя Рори и подмигивает маме.

– Вот именно,– говорю. «А теперь опусти меня!»

Дядя Рори с кряхтением опускает.

– Ну, так-то лучше,– ерошит мне волосы пятерней.—Ага, вот и улыбочка!

«Конечно, я улыбаюсь, дурак ты здоровенный. Ты же мой раб, подчиняешься моим мыслям!»

– Дядя Рори, вас, наверное, ужасно долго не будет? – спрашиваю.

– Да, Прентис, боюсь, что так,– отвечает дядя Рори.

Громкоговоритель вопит, что начинается посадка на рейс до Хитроу. Дядя Рори берет свою наплечную сумку, и мы втроем шагаем к большой толпе. За длинной и высокой стеклянной стеной раздается оглушительный рев – будоражащий, как катастрофа. Но это всего лишь садится самолет.

– Если будете в Голливуде и встретите там Джоржа Лукаса...

Дядя Рори хохочет, и они с моей матерью обмениваются понимающими взглядами – из тех взглядов, которые так бесят нашего брата мальчишку.

– Вряд ли есть шанс, Прентис, но если все-таки...

– Спросите, не получал ли он моего письма,– прошу я. Мы уже достигли того места, где все останавливались и обнимались; остановились и мы.– Если получил, то он в курсе, что я имел в виду.

– Будет сделано, непременно,– снова смеется, опускаясь на корточки, дядя Рори. Сделав из моей прически черт-те что, он теперь хватает меня за плечики блейзера,– Ну, будь хорошим мальчиком, через несколько месяцев увидимся.

Он встает. Они с мамой минутку сюсюкают, и она целует его в щеку. Я отворачиваюсь. Рад, что папа этого не видит. Да как они смеют такими вещами на людях заниматься? Я озираюсь: может, папа подглядывает из-за пальмы в кадке или через прорезанную в газете дыру? Но его нигде не видать.

– Ну, до свидания, Рори, счастливого пути.

– Пока, Мэри. Передай Кену, я позвоню при первой же возможности.

– Будь осторожен. Дядя Рори ухмыляется:

– Ага.

Он сжимает ладонью мамино плечо и снова ей подмигивает:

– Пока, детка. До встречи.

– До свидания.

Мы смотрим, как он уходит. Показывает билет обслуге у выхода на летное поле, потом еще разок машет нам и скрывается из виду.

Я поворачиваюсь к маме.

– Мам, дай денег в «Звездные войны» сыграть,– Показываю на видеоигры.– В прошлый раз три уровня прошел, с четвертого слетел, теперь знаю, как с большими башнями справиться...

– Нет, Прентис, хватит с тебя этих игр,– говорит мама, уводя меня от толпы.

Мы направляемся к лестнице. Я все пытаюсь тащить ее к шеренге игровых автоматов:

– Мам, ну пожалуйста, ну пошли! Если хочешь, я тебе поглядеть разрешу!

«Ты мне дашь поиграть! Ты мне дашь поиграть!»

Она мало того что не подчиняется, но еще и нагло смеется:

– Ты очень добренький, Прентис, но как-нибудь обойдусь. Нам пора домой.

– Мам, а можно я на поезде, ну пожалуйста! «Ты разрешишь сыну ехать домой на поезде! Ты разрешишь своему сыну Прентису ехать домой на поезде!»

– Ах ты, маленький паршивец! Тебе что, не нравится, как я машину вожу?

– Мам, ну разреши, пожалуйста...

– Нет, Прентис, поедем на машине.

– Ну, мамочка...

– Купить тебе книгу? – Мама останавливается возле книжной лавки.– Она тебе понравилась?

– Гляди! «Судья Дредд»^[34], свежий номер! – с надеждой показываю я.

– Ладно,– вздыхает она.– Если тебя это успокоит...

Пока она платит, я приближаюсь к стопке папиных книг. Никто не глядит в мою сторону; я вырываю из верхней пару страниц, а затем кладу на папины книги несколько других, не им написанных, чтобы еще долго папины никто не увидел.

Да как он смеет отдавать чужакам истории, которые придумывал для меня, для Льюиса, для Джеймса, для всех нас? Какое право на эти рассказы имеют другие люди? Это наши истории! Мои!

– Ну, пошли, чудовище,– говорит мама. Между моими лопатками упирается ладонь, выталкивает меня из магазина. Ладно, спасибо и на том, что это не «вулканская смертельная хватка»^[35].

«Ты передумаешь и позволишь сыну ехать на поезде. Миссис Мэри Макхоун, вы передумаете и разрешите вашему сыну Прентису поехать домой на поезде... И поиграть в "Звездные войны" ...»

* * *

Признайтесь: никто вас не предупреждал, что секс – это дело шумное. Ведь никто, а? Сам половой акт под микроскопом изучили, и в фильмах все вам разжевывают, и в книжках все вам расписывают, со всеми кровавыми подробностями, со всякими техническими нюансами. И родители вас просвещают, и наставники вас наставляют, и соседские ребята-девчата расскажут вам все тайком за велосипедным сараем, но про звуки никто не скажет ни единого слова! Не скажут, и все! Помню, как я впервые в жизни занялся этим с девчонкой. Дело было летом, жара, духота, мы оба раздетые, в старой доброй миссионерской позиции, и я притворяюсь, будто прежде ничем, кроме секса, не занимался, а сам думаю: господи, все ли я правильно делаю? Достаточно ли было прелюдии, или я чересчур быстро сполз до лобка и вообще веду себя так, будто вычитал про это в «Космополитэне»? Я бы и еще поработал внизу языком, да только шея заболела. Вот и думаю: не вернуться ли к соскам, мне ведь нравится их посасывать. Или лучше заняться левой мочкой... А шея ноет... Размышляю я обо всем этом да еще размышляю о том, как буду собирать кухонный комплект фирмы «MFI»,– это специальный такой прием, чтобы не слишком быстро кончить. Но все равно уже не помогает, потому что я не могу не думать про толчки да про дырочки, про мужские и женские эрогенные зоны да про то, что я ее глажу, и это классно, и она тяжело дышит, и я тоже пыхчу... И в этот самый миг между нашими голыми

колышущимися телами рождается звук... такой звук!.. как будто носорог пернул!

Уверяю, подобного бздеха вы отродясь не слышали. Даже эхо отлетело от ближайших многоэтажек. Да что там эхо – тугоухие старушонки через три улицы схватились за швабры и давай стучать в потолки, чтобы соседи наверху угомонились...

Она – хохотать, а я не знаю, что и делать. Продолжаю, но тут же все повторяется, и она в истерике, а я в крайней растерянности, и снова – прр... прр... прр... каждый раз уже чуть-чуть по-новому, но уже без конца, потому что оба потные, и тут я думаю: почему не предупредили, сволочи?! Почему я не знал? Как с этим другие справляются, полотенце прокладывают, что ли?

Но я все-таки дело свое довожу до конца, а потом еще немножко обнимаюсь с ней и сюсюкаю, а потом встаю, но резинку пока не снимаю, потому что на упаковке велено не спешить, а иду в сортир—там-то от нее, грязнульки-висюльки, и избавлюсь, а мочевого пузырь уже распирает, заодно и отолю... Ха-ха-ха! Фигу! Это я так надеюсь, что отолю, да ни черта не выходит...

Я сокрушенно качал головой, вспоминая те времена, когда Льюис вот так же разливался соловьем – среди друзей в пивнушках и на вечеринках. Тогда мне его приколы даже нравились, и я воспринимал как особую привилегию то, что могу вживую внимать этим хаотическим бурным тирадам, и даже гордился родством с Льюисом. А потом я поумнел и решил: мой старший братеньник на самом деле тщеславный себялюбек с разбалансированной железой сарказма. А юморист он аховый. Берутся самые рядовые случаи из жизни, лишь бы в них было зернышко комизма, и из этого зернышка выращивается черт-те что. Лишь бы только денежки грести и срывать аплодисменты. Что ж, в моем роду такое случается.

Я посмотрел на Гава. Он рядом со мной, прижав стеклянную кружку с пивом к груди, покатывался со смеху. Аж взмок. Из глаз – слезы, из носа – сопли. Отлично проводил время дружище Гавин, один из двух моих соседей по комнате, парнишка более чем простой. Он ловит и впитывает каждое слово, он слепо верит всему, что травит мой брат, он сам переживает все, что якобы случилось с Льюисом.

Мой брат знает, на какие кнопки в человеческих головах надо нажимать. Расчет на узнаваемость. Шутки у него отточенные, с точки

зрения сексуальной политики корректные, но при этом совершенно пошлые. Самое то для Гава и ему подобных. Гав ржал так, что недопитое пиво выплескивалось на куртку, но мой сосед этого не замечал. Да если бы и заметил, ему, наверное, было бы начхать.

Я снова покачал головой и поглядел на низкую сцену, где Льюис рыскал взад-вперед, точно гиена в клетке, и ухмылялся, и потел, и лоснился под прожекторами, и орал в микрофон, и жестикулировал свободной рукой, и лукаво улыбался, и обращался к отдельным зрителям – то в первом ряду, то в середине, то в проходе переполненного зала, и шутил специально для нас, стоящих позади всех у стенки, и адресовал свои хохмочки всем присутствующим скопом.

Льюис был облачен в черные джинсы и белый смокинг, а под смокингом – белая футболка с тремя огромными черными буквами: «FTT». Под этими буквами были другие, гораздо меньше: «Познаем плотски консерваторов, юнионистов и их сторонников»^[36]. Маечки продавались у входа. Гав такой разжился, и она, упакованная в полиэтилен, торчала из кармана его куртки.

Мы были «У Рандана», это новейшая инкарнация бара, что некогда функционировал под именем «Рынок у коровника», а еще раньше назывался «У Пэдди Джонса». Это «у», похоже, на века. Хотя я первоначального названия уже не застал, признаться, меня гложет тоска по временам, когда бары носили довольно осмысленные имена и не предлагали претенциозные до идиотизма фирменные блюда и напитки с фольклорным закосом и десяток разных по названиям, но не по вкусу и не по цене (запредельной!) сортов светлого пива – в бутылках с аляповатыми этикетками, неподатливыми крышками и горлышками, раздувшимися, видимо, оттого, что в них затолкали кусок чего-то цитрусового.

Но если такова цена, которую мы вынуждены платить за круглосуточную работу подобных общественных заведений и за то, чтобы в них обслуживали женщин, то я смиряюсь – брюзжать неприлично. Когда-то я не верил отцу, думал, он меня разыгрывает: якобы в его молодости бары в первую половину дня были закрыты, и к десяти вечера (к десяти! господи! я редко выхожу из кабака до полуночи!) посетителей гнали вшаей, и в большинстве пивных не

было женских туалетов. Но это скорее всего правда, а ведь прошло всего-то навсего полтора десятка лет.

Я глянул на часы – долго ли еще Льюис будет засыпать аудиторию, выражаясь деликатно, рассудочными шутками, слепленными из наиболее привычного широким массам материала (причем массы еще и платят ему за это легкое развлечение сродни психоанализу),– и решил, что так может продолжаться без конца. Впрочем, мне и до этой минуты казалось, будто я слушаю братнин вздор уже целую вечность.

Льюис, можно сказать, свалился на меня как снег на голову: вдруг позвонил после ряда своих выступлений в позднем телеэфире. Программы эти записывались на фестивале юмористов в австралийском городе Мельбурне, куда пригласили Льюиса (и вследствие чего он не смог побывать на похоронах старушки Марго). Сегодня открывались его первые сольные гастроли по Соединенному Королевству, и все, к сожалению, говорило о том, что билеты разошлись без остатка,– спасибо рекламной мощи телевидения. Не пришли он мне пригласительные билеты, вряд ли мы с Гавином очутились бы здесь – даже взбесившийся табун одичавших клейдесдальских тяжеловозов не затащил бы меня одного в этот пивняк.

Я снова посмотрел на часы. Прошло полчаса. До сих пор только одна шуточка Льюиса показалась мне достойной внимания, да и та прозвучала в самом начале: «Любому из нас иногда кажется, что он – просто дырка в заднице.– Тут наступила обязательная эффектная пауза.– Но через это надо пройти!»

Смешно? Я – усмехнулся.

– ...О своей семье, леди и джентльмены, потому что я принадлежу к очень необычной семье. Да будет вам известно, это и правда очень странное семейство...—разглагольствовал Льюис.

Гав повернулся ко мне, пихнул локтем; широкая красная физиономия сияла. Я к нему не повернулся, даже не покосился. Я смотрел – нет, я пялился на сцену. Во рту мигом пересохло.

Он не посмеет! Или посмеет?

– Взять, например, моего дядю Альфреда...

Я чуток расслабился. Нет у нас никакого дяди Альфреда. И все же нельзя исключать, что Льюис намерен предать огласке какое-нибудь

подлинное или полуполегендарное событие из жизни нашего семейства и только маскирует его ложным персонажем.

– Дядя Альфред был крайне невезучим человеком. До того невезучим, что мы его так и звали: Невезучий Дядя Альфред. Правда-правда, так и звали. Невезучий Дядя Альфред до того был невезуч, что пал жертвой единственной в истории человечества лавины на искусственном горнолыжном склоне!

Я еще больше расслабился. Льюис не рискнул. Это просто шутка.

– Нет, честное слово! Он мчался на лыжах, и тут наверху не выдержал крепеж, и все поперло вниз... Его задавило насмерть тремьями тоннами нейлона. И с тех пор я на швейцарские рулетики смотреть не могу!

Тут меня снова пихнул в высшей степени довольный Гавин.

– Прентис, слышь, это ведь правда, а?

Я метнул в него взгляд – как мне казалось, уничтожающий – и снова повернулся к сцене. Хлебнул крепкого пива и отрицательно покачал головой.

– Прентис,– допытывался Гав, пропуская начало очередной зажигательной до идиотизма тирады,– это ведь правда?

Очевидно, мой убийственный взгляд требует серьезной доработки перед зеркалом. Я повернулся к Гавину.

– Каждое слово – правда,– сказал я.– Только на самом деле покойника звали Невезучий Дядя Этельред^[37].

– Ага,– глубокомысленно кивнул Гав, глотнул пива, ухитрившись не оторвать кружку от груди, и наморщил лоб. Это он уже пытался вникнуть в слова Льюиса, но уловил только вполне предсказуемый «хук» – разумеется, «ниже пояса». Все кругом надрывали животики, к ним присоединился и Гав – и. что примечательно, с тем же бурным восторгом, с каким он воспринимал все прежние шутки Льюиса, когда слышал каждое слово.

Какое-то время я следил за Гавом краем глаза и гадал уже не в первый раз и наверняка не в последний (исключим вероятность несчастного случая или могущего быть оправданным убийства), есть ли вообще хоть капля мозгов у человека, с которым я живу под одной крышей? Несколько часов назад, например, мы смотрели по телеку новости, и выяснилось, что интифада – это, по неоспоримому мнению Гава, итальянский спортивный автомобиль.

Я даже немножко завидовал Гаву, для него жизнь – сплошной прикол. К тому же он верил (наверное, привыкнув судить обо всем по себе), что она сравнительно несложна. Как в таких случаях и бывает, эти субъективно-позитивные взгляды на мироздание оказывают совершенно противоположного рода действие на настроение тех, кто имеет несчастье жить в непосредственной близости от обсуждаемой персоны.

А обсуждаемая персона, между прочим, не справляется даже с такой фундаментально-линейной по своей сути (за некоторыми оговорками) процедурой, как наполнение ванны водой нормальной температуры. Сколько раз заходил я в ванную и обнаруживал, что емкость полна чуть ли не до краев не просто горячей водой – кипятком! Это означало, что этак через часок Гав соизволит помыться. Гавин придерживался того мнения, что принять ванну – значит наполнить ее жидкостью из крана с алым кружком на ручке (тем самым сократив практически до нуля доступный на данный момент запас воды в квартире) и подождать, пока образовавшееся жидкое тело охладится примерно до того состояния, при котором в него может погрузиться человеческое тело, не приобретя тотчас окраску вареного омара. Обычно это занимает около тридцати минут посреди зимы и час с лишком в разгаре лета, и Гав склонен коротать этот срок перед телевизором, развлекаясь мыльными операми и самыми неинтеллектуальными телевикторинами, или жевать, например, бананы и сэндвичи из мармита^[38]. Между прочим, Гавин обожает изобретать всякую разную закуску; жаль, что в его широчайшем ассортименте кулинарная оригинальность целиком задушила такое пошлое качество, как съедобность.

Мои попытки объяснить тонкую диалектику последовательного или параллельного использования обоих кранов ради того, чтобы принимать ванну незамедлительно и без необходимости обращаться затем в ожоговое отделение «Вестерн дженерал»^[39], с вытекающим отсюда освобождением ванны для нас, соседей Гавина, и весьма существенной экономией электроэнергии, что, безусловно, выгодно и нам, и всей планете, неизбежно натыкались на глухую стенку. Напрашиваются автомобильные аллюзии: если у Льюиса рот как выхлопная труба, то у Гавина башка как фильтр с поперечной фильтрацией.

Я осушил кружку, уставился на тающие клочья пены на дне.

– Ну че, дружище, еще пивка?

– Да нет, Гав, спасибо, сам возьму.

Я давным-давно пришел к выводу, что Гавин верит, будто весь мир вращается вокруг регби и пива. Справедливости ради стоит отметить, что при злоупотреблении последним мир и в самом деле иногда вращался. Пожалуй, будет ошибкой напиваться вровень с Гавом.

– Да ладно тебе! Крепкого, да? – Он отобрал у меня кружку и был таков: вломился в толпу, прокладывая себе путь к светлой цели – барной стойке. При этом он знай себе невинно ухмылялся. Что ж, может, его экспедиция к стойке – не такая уж дурацкая затея. Льюис тем временем добрался до середины длинной псевдонаивной филиппики в духе времени – насчет пост-измов. Возможно, на сей раз Гав счел бы его умозаключения чуть-чуть сложноватыми. («Я спрашиваю: что такое постфеминизм? А? Кто-нибудь ответит? Что под этим словечком подразумевается? Может, я чего-то недопонял? Может, на прошлой неделе состоялись всеобщие выборы и никто мне не сказал про это и про то, что теперь половина Европарламента – женщины? Что пятьдесят процентов директоров всех крупных предприятий – бабы? И что если вы родились в Судане девчонкой, то теперь можете не трястись за свои гениталии^[40]? И что в Саудовской Аравии уже нет графы в водительском удостоверении: «Мистер, миссис или шейх, ненужное зачеркнуть»».)

Я ведь и правда собирался купить себе выпивку. Да и всякий, кому случалось сидеть на мели, скажет вам, что это самый простой способ оставаться номинально социабельным, не усугубляя при этом свой финансовый кризис. Но Гав, с его издевательством над ванной (и над чайником – стремясь угробить экосферу бесконечным производством горячей воды, Гавин никогда не поставит на плиту чайник, если тот не полон до краев, пусть даже требуется одна-единственная чашка), все-таки человек не жадный. И когда он проставляется, мне почти удается забыть, что я живу в одной квартире с изобретателем пудинга под заварным кремом и соусом «Тысяча островов».

Похоже, мой братец рассуждал на схожую эпикурейскую тематику. И, к ужасу моему (чуть-чуть сдобренному злорадным восторгом), он явно вознамерился запеть.

Я сощурил и потупил глаза, стыдясь не только за Льюиса, но и за все семейство. И это – острое английского альтернативного юмора?! Заканчивать выступление песней? Господи, боже ты мой!

Я сам опускаю занавес и гашу прожектора. Лишь упомяну для истории, что это была хвалебная ода госпоже Тэтчер, разумеется, ода пародийная, в которой Железная Леди сравнивалась с различными продуктами питания, причем сарказм проявлялся лишь в тончайших намеках («Мечтаю о глазунье я / при виде этих глаз...»), и заканчивалась она премиленьким куплетом: «Мэгги, ты – как овсяная каша, / которой так славится Англия наша. / Мэгги, ты – как все, что я ел... / Правда, после того, как поел».

В толпе я заметил озабоченных хозяев «У Рандана» – похоже, им начало казаться, что Льюис с его высоким полетом – не совсем их формат, что бы там ни сулил импресарио. Всякое бывает – нюхнул славы деятель эстрады, а может, и чего покрепче, вот и полез в эмпирию. Но уже миг спустя они успокоились: парень – то, что надо (фу-ух...), просто юмор у него такой вот незаурядный (хе-хе-хе!), другие комики и не то себе позволяют (ого-го!), и надо молодцу поплодировать (ур-ра-а!).

Но вот все кончилось (кроме бисирования, естественно), я облегченно вздохнул и даже чуток похлопал в ладоши, глядя при этом на осаждаемую стойку бара. К концу Льюисова выступления натиск на нее усилился. Как бы я ни презирал Гава, надо признать, что сегоднягодились его регбистские навыки, уже не говоря о неандертальском телосложении. Может, увлечение регби в данном случае объясняется атавизмом?

Я снова посмотрел на часы – интересно, будет ли Льюис оскорблен до глубины души, а Гавин – крайне разочарован, если мы с Гавом не пойдем за кулисы поздравить великого артиста с блистательным выступлением? Все прошло до того прекрасно, что Льюис сейчас наверняка в приподнятом настроении, а значит, совершенно невыносим.

Может, сослаться на головную боль? С Гавином этот номер вряд ли проканает. Наиболее вероятный ответ: «Да чего там, чувачок, лучше прими на грудь литр-другой пивка, крепеньким отполируй, и как рукой снимет».

– Простите, вы Прентис? Прентис Макхоун? Я уже несколько секунд назад заметил, как от толпы отделилась женщина и двинулась в моем направлении. Но особого внимания не обратил – может, я просто оказался у нее на пути.

– Да... – наморщил я лоб.

Лицо вроде знакомое. Невысокая, возраст, пожалуй, чуть за сорок. Вьющиеся каштановые волосы и симпатичное круглое лицо – совершенно, между прочим, свежее. Я тотчас возжелал ее кожаной куртки; впрочем, она бы мне не подошла по размеру. Глаза женщины блестели – может, животной похотью, но, вероятнее, это бликовали контактные линзы. Где я ее видел раньше?

– Дженис Рэй, – протянула она руку. – Вспоминаете?

– Тетя Дженис! – встряхнул я ее кисть и заподозрил, что краснею. – Ну конечно! Вы были с дядей Рори. Простите, не узнал. Ну конечно! Тетя Дженис.

Она улыбнулась:

– Да, тетя Дженис. Как поживаешь, чем занимаешься?

– Отлично поживаю, – ответил я. – В универе, последний курс. История. А вы?

– Да у меня все в порядке, – сказала она, – Как твои родители? Все ли у них хорошо?

– Хорошо, просто отлично, – кивнул я и оглянулся – не возвращается ли Гав? Еще нет. – Все там нормально. Гм... в прошлом месяце умерла бабушка Марго, а так все...

– Как?! – воскликнула она. – Марго? Какая жалость!

– Да, – подтвердил я. – Мы тогда все были на похоронах.

– Какой ужас! Если бы мне хоть кто-нибудь сказал... Как думаешь, ничего, если я напишу... твоим маме и папе?

– Да, конечно, напишите. Отличная идея. Они будут рады.

– До чего же мне жаль, что не смогла приехать на похороны... – потупилась она.

– Да... Все было путем... Только этот зануда не явился, – кивнул я на пустую сцену. – Не сложилось у Льюиса, а все остальные были.

У нее расширились глаза. Как будто огонь зажегся под кожей. И стал гаснуть, когда она спросила:

– Что, и Рори?

– Ой,—быстро замахал я перед ней ладонью, словно стирая с классной доски неприличное слово.— Нет, дяди Рори не было.

– Вот как? – уставилась она в свою кружку.— Жаль.

– От него уже давно никаких вестей. Несколько лет, кажется.— Я немного поколебался и спросил: – Вам он тоже все это время не писал?

Она, так и глядя в кружку, покачала головой:

– Нет, ни единого словечка.

Я кивнул и снова огляделся в поисках Гава. Дженис Рэй по-прежнему изучала свою посудину. Никакая давка не помешала бы мне предложить ей пива, но ее кружка была полна. Я поймал себя на том, что сосу губы, втянув их между зубами. Часто так делаю, когда чувствую себя не в своей тарелке. Хоть бы тетя Дженис что-нибудь сказала... На худой конец, просто бы отошла. Она наконец подняла взгляд:

– Всегда чувствовала, что твой отец знает больше, чем говорит.

Я заглянул в ее ясные очи:

– Правда?

– Да. Наверное, Рори как-то поддерживает с ним связь.

– Ну, я не знаю,— пожал я плечами.— Папа о нем упоминает как... —я хотел сказать «как о живом», но спохватился,— как будто знает, где сейчас дядя Рори.

Она вроде задумалась:

– Вот и я это чувствовала, когда там была, после того как Рори... уехал. А один раз даже...

Она снова покачала головой:

– Кажется, он хотел мне рассказать все, что знал, открыть тайну, но... В общем, ничего не сказал.— Она улыбнулась.— А как Лохгайр? Твои родители по-прежнему в том большом доме живут?

– По-прежнему,— подтвердил я, заметив наконец Гава: он пробирался через столпотворение, без остатка сосредоточившись на двух полных кружках, которые нес перед собой.

На лице Дженис Рэй появились ностальгические счастье и нежность, глаза чуть сузились, взгляд устремился куда-то в сторону.

– Хорошее местечко,— сказала она тихо.— У меня столько счастливых воспоминаний связано с этим домом...

– Да у нас у всех, наверное.

* * *

Дядя Рори познакомился с Дженис Рэй в Глазго, на какой-то литературной тусовке. Она была на десять лет старше, библиотекаря, разведенка, имела десятилетнюю дочь по имени Мэрион. Жила с матерью, та присматривала за Мэрион, когда тетя Дженис была на работе. Я помнил, как они с дочерью впервые появились у нас в доме. Дядя Рори и раньше приводил разных женщин, и я в конце концов стал их всех называть тетями, и Дженис так называл уже к концу первого уикенда, который они с дядей проводили на Лохгайре.

Несмотря на то что Мэрион была девочка и на пару лет старше меня, мы с ней сразу нашли общий язык. Льюис, тоже будучи старше меня на два года, вошел в ту неудобную возрастную фазу, когда не знаешь, обливаться ли девчонок презрением или угощать конфетами. Джеймсу, родившемуся на год позже меня, нравилось то же, что и мне, поэтому и Мэрион ему пришлась по душе. Ее приняли в Орду – так мой отец обобщенно и в высшей степени ласково прозвал компанию детей, которым он по Семейным Воскресеньям рассказывал всякие истории.

Семейное Воскресенье – это когда либо Макхоуны, либо Эрвиллы корчили из себя гостеприимных хозяев и принимали родственников плюс Боба и Луизу Уоттов. Тетя Луиза была урожденной Макхоун. Ее отец был братом Мэтью, моего деда по отцовской линии, и мужа бабушки Марго, сердце которой не выдержало лишь после того, как ушла в мир иной душа. Боб Уотт был братом Лахлана, который задразнил дядю Фергюса, когда тот спрятался в средневековой уборной, – задразнил до того, что произошло несчастье, Лахлан сделался четырехглазым, хоть и не носил очков. Боб Уотт никогда не приходил в Семейные Воскресенья, а тетя Луиза приходила, зачастую с густым макияжем, а порой и в темных очках. Но синяки все-таки проглядывали. А бывало кое-что похуже, она даже не пыталась это скрывать, и я припоминаю по меньшей мере два случая, когда она явилась с рукой на перевязи. Но тогда я не больно-то раздумывал об этом, лишь предположил, что тетя Луиза почему-то более хрупка, чем обычный человек, а может, она слишком неуклюжая.

А о том, что Боб Уотт лупит свою супругу, мне впоследствии рассказал Льюис. Я сначала не поверил, но Льюис убедил. Размышляя над этим недолго, в конце концов, мало ли необъяснимых и глупых вещей делают люди? Например, ходят в оперу или смотрят по телику передачи для садоводов, и им это не кажется дурацкой тратой времени, хотя всем остальным кажется. Может, это у Уоттов родовая традиция, такая же, как у нас – Семейные Воскресенья, как то, что минимум один человек в каждом поколении нашей семьи управлял «Галланахским стеклом». Мама и тетя Дженис подружились, мама с папой были гораздо ближе по возрасту к тете Дженис, чем Рори, и они тоже были родителями, так что, пожалуй, удивляться этой дружбе не стоит. После, когда исчез дядя Рори, тетя Дженис и Мэрион все равно часто гостили у нас. Через год после того, как исчез Рори, Мэрион, которой тогда было около пятнадцати, завела меня в гараж, где стояла машина. Мы на великах катались по лесным дорогам в жаркий и пыльный сентябрьский день, а все остальные отправились в Галланах за покупками, кроме Льюиса – он играл в футбол. У Мэрион Рэй были такие же каштановые кудряшки, как и у ее матери. И круглое, пышущее здоровьем личико, мне оно тогда казалось очень хорошеньким. Да и весила Мэрион примерно столько же, сколько и я, ну, чуточку побольше.

Мы увидели остов старого сгоревшего автомобиля, брошенного в канаве среди холмов. Я что-то сказал насчет машины, стоявшей под чехлом в нашем гараже, и Мэрион изъявила желание ее увидеть.

Я до сих пор считаю, что был соблазнен; но и любопытство, очевидно, сыграло свою роль. Девочки меня тогда интересовали меньше, чем модели «Тысячелетнего сокола»^[41] и игрушечная гоночная трасса «Скейлстрик», но все же я успел разок-другой помастурбировать на пробу и вообще кое о чем задумывался. Поэтому, когда Мэрион, исследуя вместе со мной теплое и темное подбрзентовое пространство, вдруг со словами «Фу-у... до чего жарко!» принялась расстегивать блузку, я не сказал: «Нет, только не это!» и не дал деру, и не предложил выйти из тесного и душного гаража на свежий воздух.

Вместо этого я на нее подул.

Действительно, она взопрела, я видел влагу на груди, над узеньким белым лифчиком, – струйки сбегали меж белых девичьих

выпуклостей. Мое дутье ей вроде понравилось: она легла на спину и закрыла глаза.

Помню, она спросила, не жарко ли мне, и пощупала мою ногу, и провела ладонью до бедра, а потом с удивлением – которое я уже тогда считал притворным – задала банальнейший вопрос: «Ой, что это?!» И рука ее при этом была в моих шортах. Мой ответ был не менее невинным, но не сохранился в памяти – то ли момент был слишком напряженным и голова соображала худо, то ли, уже задним числом, повлиял стыд. Не запомнились и многие другие детали того события. Однако я помню, как радовался, что все сложилось донельзя удачно, и старался не ударить в грязь лицом, и если бы наши взаимные толчки (смехотворно торопливые, как мне сейчас кажется) не сдвинули машину с подпорок, то чувство пребывания на высоте положения и почти интуитивное понимание, что надо делать, остались бы, наверное, самыми стойкими впечатлениями от того случая.

Но в самый пиковый момент, когда Мэрион начала выдавать особенно интересные звуки, под нами обрушилась машина.

Она с апокалиптическим грохотом ударилась о бетонный пол гаража. Едва ли важное в тот момент чувство симметрии заставило меня подумать, что не надо было нам укладываться на заднее сиденье, а лучше бы я примостился над коробкой передач, и тогда нижняя половина тела Мэрион была бы на мне, а верхняя – на заднем сиденье. Тогда бы «лагонда» не подалась назад, не соскользнула бы с деревянных брусьев, не врезалась бы багажником в штабель банок и канистр, не раздавила бы их о старый уэльский кухонный шкаф, сосланный в гараж несколько лет назад и набитый инструментами, запчастями и просто хламом, и не наклонила бы его так, что о восстановлении равновесия не могло уже идти и речи. С душераздирающим скрипом он кренился на машину, и хотя сам все-таки не упал, но зато щедро осыпал своим содержимым – красками, гаечными ключами, гайками, лампочками и тому подобным – прикрытые брезентом багажник, заднее стекло и крышу «лагонды».

Грохот был ужасающим и казался бесконечным. Я обмер от страха, челюсть отпала, оргазму – во всяком случае моему – тут же пришел каюк, а какофония все сотрясала гараж, машину и мое тело. В салоне поднялась пыль, Мэрион оглушительно чихнула и почти

вытолкнула меня из себя. По заднему стеклу ударило нечто тяжелое, и оно вмиг побелело, превратилось в микромозаику из фрагментиков.

Шум наконец прекратился. Я хотел предложить бегство – чем дальше от гаража мы окажемся в ближайшие минуты, тем больше у нас шансов остаться неразоблаченными, – но тут руки Мэрион стальной хваткой вцепились в мои ягодицы, она прижалась горячим, в струях пота лицом к моему лицу и прорычала слова, к которым мне – как и большинству мужчин, наверное, – пришлось впоследствии привыкнуть в похожих, хоть и не столь драматических ситуациях: «Не останавливайся!»

Спрашивается, отчего бы и не подчиниться? Но я в тот момент думал не о том, что делал. И это, возможно, тоже был прецедент.

У Мэрион, похоже, наступил оргазм – и совпал он с обрушением заднего окна. А может, и стал причиной этого обрушения. Нас обоих засыпало остроугольными стеклышками, они были зеленоватыми в брезентовом сумраке, смахивали на тусклые изумруды.

Мы какое-то время ничего не делали, только тяжело дышали, и вытряхивали из волос друг друга битое стекло, и нервно смеялись. Наконец приступили к непростой задаче: надо было одеться на заднем сиденье зачехленной и усыпанной битым стеклом машины.

Последние тряпки мы напяливали уже не в «ла-гонде», но внутри гаража. Заодно вытряхнули из одежды осколки. Мне хватило ума закинуть это крошево в салон и равномерно распределить по заднему сиденью, уничтожив на зеленой коже силуэт Мэрион (я с малой гордостью и большим страхом обнаружил там пятнышко, оставленное, скорее всего, не мною, а моей партнершей, но с этим поделаться ничего было нельзя, только растереть носовым платком). Мы заперли гараж, вскочили на велики и покатали к холмам.

Лишь через неделю папа обнаружил в гараже картину бедствия. Но так и не выяснил, что именно произошло.

Льюис грозился рассказать ему, но тут я сам виноват: выболтал братцу по глупости. А потом я узнал, что Льюис и сам сношался с Мэрион, причем дважды – в предыдущие выходные, когда она к нам приезжала. Я сразу посулил, что стукану в полицию – Льюис ведь старше, чем Мэрион, а значит, это дело подсудное, *рост лени не совершенно летний* (я смотрел по телевизору юридическую передачу).

Льюис пообещал: если настучу, он все папе расскажет про машину... Вот так-то: я был совсем мальчишкой, а уже не поделил с братом бабу.

* * *

– Как я рад тебя видеть, Дженис! – Льюис пожал руку тете, а потом взял ее за локоток и поцеловал в щеку.– Ты должна позвонить Мэри и Кену, они наверняка обрадуются.

– Позвоню,– улыбнулась она и застегнула ворот куртки из перчаточной кожи.

Льюис повернулся ко мне:

– Ну что, братец, мы точно не можем тебя соблазнить?

– Точно,– ответил я.—Работы невпроворот. Развлекайтесь без меня.

– Да ладно тебе, чувак,–дохнул пивом Гав, после чего обнял рукой за плечи и стиснул так, что из меня едва не вылезли внутренности.– Еще ж совсем рано.

– Да, Гавин, время детское, но мне надо домой. Тебе тут как, понравилось?

– Ага, все в кайф.

– Такси! – выкрикнул Льюис.

Мы стояли на Байэс-роуд, у входа в бар «У Рандана», который должен был вскоре закрыться. Льюис, его приятель еще с университетской скамьи, девчонка – то ли подружка Льюиса, то ли нет, и Гав договорились ехать в какой-то кабак в центре города. Я отказался, Дженис тоже.

– Ладно, Прентис, на выходных увидимся.– Льюис выдержал паузу, в течение которой распахнул для подружки (или не подружки) дверь такси, затем шагнул ко мне и крепко обнял: – Рад был тебя видеть, младшой.

– Угу, береги себя,– похлопал я его по спине.– Всего наилучшего.

– Спасибо.

Они уехали, а мы с Дженис пошли по Байэс-роуд туда, где она оставила свою машину. Зарядил дождь.

– Пожалуй, не откажусь, если кто-то предложит меня подвезти,– сказал я.

– Нет проблем.– Она вынула из наплечной сумки маленький зонтик, раскрыла – дождь пошел пуще. Вручила зонтик мне: – Держи, ты все-таки повыше.– Взяла меня под руку, и нам пришлось наклониться друг к другу, чтобы хоть головы остались сухими под хлипким матерчатым блюдечком. От нее пахло табачным дымом и духами «Наваждение». Мы с Гавом и тетей Дженис после представления нашли Льюиса – он устроил прием в маленькой гримуборной. Позже мы все спустились в бар, и Льюис объявил, что желает ужраться после закрытия. Дженис выпила пару бокалов какой-то шипучки и, похоже, нисколько не захмелела. Я решил, что не будет особого риска, если она меня подкинет до дома.

– Похоже, ты не в восторге от своего брата,– сказала она.

– Верное наблюдение,– ответил я. Мимо по Байэс-роуд с шумом проносились машины.– Иногда он мне действует на нервы.

– Я заметила, ты не очень охотно согласился, когда он тебя пригласил на выходные домой.

– Так не к себе же пригласил, а к отцу,– пожал я плечами.– Мы с отцом не разговариваем.

– Не разговариваете? – Похоже, она удивилась, а может, мои слова ее развеселили.– Почему?

– Религиозные разногласия.– Это был мой стандартный ответ.

– О господи!

Мы повернули на Ратвен-стрит, прочь от ярких витрин магазинов и транспортного потока.

– Еще немножко осталось пройти,– сказала она.

– Где ты бросила тачку?

– В Дауэнхилле.

– Серьезно? Среди даунов? Не самое уютное местечко для женщины с интеллектом.

Она рассмеялась и сжала мою руку.

Привет, подумал я. И перекинул зонтик из руки в руку, чтобы освободившуюся легонько положить Дженис на талию.

– Надеюсь, я не отнимаю времени? Могу и прогуляться. Мне недалеко.

– Ничего, Прентис, все в порядке.– Она обвила мою талию рукой. Гм, подумал я. Она хихикнула: – Ты всегда был такой заботливый.– Но

то, как это прозвучало, меня успокоило; тон ее был нейтральный, дружеский.

Мы сели в «фиесту», зонтик Дженис бросила в багажник. Положила обе ладони на баранку, полуобернулась ко мне:

– Вот что, Прентис, у меня... остались кое-какие бумаги Рори. Я их хотела твоему отцу отослать, но, если честно, засунула куда-то и забыла... А уже после того, как мама умерла, я стала вещи разбирать, наткнулась... Я, правда, не думаю, что это... ну... что-нибудь важное для семьи.

Я почесал в затылке:

– Кажется, отец все бумаги Рори хранит.

– Это просто старые стихи и заметки.– Она завела машину, и мы пристегнули ремни безопасности. Тетя Дженис достала из наплечной сумки очки.– Малость сумбурные...

– Гм...– сказал я.– Думаю, отец бы не отказался на них взглянуть. Да я бы и сам почитал, коли на то пошло.

– Хочешь сейчас забрать? – Она посмотрела на меня; ее круглое лицо казалось очень нежным в оранжевом свете натриевого пара. Волосы, точно кудрявый ореол.– Я близко живу.

– Да, пожалуй.

Я смотрел ей в лицо. Она улыбалась. Машина тронулась.

– Ты иногда говоришь в точности как Рори.

* * *

Дженис Рэй – последний человек, который видел дядю Рори. Это было в Глазго однажды вечером.

Накануне отъезда из страны Рори гостил у друзей в Лондоне. Он переговорил со своим агентом и встретился с какими-то телевизионщиками насчет серии документальных фильмов о путешествиях, но его переговоры с Би-би-си ни к чему не привели.

В то время Рори жил на доходы с «Траппов» – денежки капали только за них, а все гонорары за книги о странствиях и за статьи в периодике он уже потратил. В квартире он жил не один, делил ее с неким Энди Ничолом; тот был уже в летах и работал в мэрии. По словам Энди, Рори пару дней тоскливо слонялся по квартире, и не то

что слонялся – больше сидел, закрывшись у себя в комнате. Наконец, когда Энди пришел с работы, Рори попросил у него на вечер мотоцикл. Энди дал ключи, и Рори уехал. Недолго пробыл в доме у матери Дженис Рэй и там сказал, что его осенила гениальная идея: он-де знает теперь, как спасти свой гибнущий проект,– для этого надо добавить какой-то «новый компонент».

Он дал Дженис папку, которую она теперь, восемь лет спустя, пожелала передать мне, и уехал навстречу рассветному солнцу, и больше его никто не видел.

Ее квартира находилась на Крау-роуд, и это действительно было недалеко, возле Джорданхилла. Дженис показала мне свое жилье, провела по гостиной, со старыми киноафишами на стенах, и я спросил, доводилось ли ей слышать часто звучавшее в устах бабушки Марго выражение «по вороньей дороге». Или «тропую ворона» – если ей хотелось подчеркнуть мрачный смысл. Это означало идти навстречу смерти, на тот свет. «Он вороньей дорогой ушел» означало «он умер».

Когда я произнес эти слова. Дженис отвернулась, что-то пробормотала о бумагах и пошла за ними. А я себе сказал: «Ну, ты идиот!» Я стоял в гостиной, где было много массивной старой мебели, и выглядела она так, будто принадлежала не Дженис, а кому-то другому. На серванте стояла фотография покойной матери Дженис Рэй, было и фото дочери Мэрион с ее мужем. Мэрион служила в абердинской полиции. Я покачал головой и ухмыльнулся, почувствовав себя одновременно очень старым и совсем молодым.

– Вот,– Тетя Дженис вручила мне толстенную картонную папку с истрепанными бумагами. На корешке чернели фломастерные буквы: «ВД». Папка была бордовая, но корешок выблек до серого.

– «Вэ-Дэ»? – спросил я.

– «Воронья дорога»,– тихо ответила Дженис, глядя на папку, которую я теперь держал в руках.

Я не знал, что и сказать. Пока раздумывал, она подняла свои ясные очи, окинула взглядом стены и пожала плечами.

– Да, понимаю, это выглядит сентиментальным.– И улыбнулась.

– Нет,—сказал я.—Это... это...—напрашивались слова «прекрасно» и «замечательно», но они показались мне неуместными,—...нормально.– Я взял папку под мышку, кашлянул, чтобы прочистить горло.– Ну что ж...

Тетя Дженис уже сняла куртку, оставшись в блузке и вельветовых брюках. Она пожалала плечами:

– Кофе будешь? Может, чего покрепче?

– Ну...– протянул я и глубоко вздохнул.– Если ты не устала.

– Не устала,– сложила она руки на груди.– Я засыпаю поздно, в это время обычно читаю. Есть виски.

Она взяла мою куртку, налила мне виски.

Я сел на огромный и удивительно мягкий старый диван. Он был вроде коричневой кожей обтянут, но кожей не пахло – наверное, запах давно выветрился. Я поднял стакан с виски:

– Твой ход.– И подумал: «Как будто в шахматы играем».

– Пожалуй, пропущу, если придется тебя домой везти.

– Ну, я и прогуляться могу,– отважно улыбнулся я.– Тут мили три-четыре, не больше. От силы час пехом. Ты ведь мне одолжишь зонтик? А может, ночной автобус подвернется. Короче: наливай себе виски, садись и чувствуй себя как дома.

Она рассмеялась:

– Ладно, уболтал.– Подошла к столику, на котором стояли бутылки, налила себе. Где-то вдали звучал голос города: трели автомобильной сирены.

– Хочешь, оставайся,– сказала тетя Дженис, медленно затыкая бутылку пробкой.

Повернулась, облокотилась о стол и, потягивая из стакана, посмотрела на меня.

– Нет, если не хочешь – не надо. Я вовсе не стремлюсь, чтобы ты решил, будто я тебя соблазнить пытаюсь.

– Да ладно...– Я водрузил стакан на журнальный столик – плод фантазии маниакального дизайнера мебели – и упер руки в бока. Не самая естественная поза для сидящего, ну, да не важно.– Я вообще-то надеялся, типа, ты этого хочешь.

Она посмотрела на меня и нервно хохотнула, и я подумал было: «Ясно, проехали». Но она повернулась спиной к столику, поставила на полированное дерево стакан, сцепила руки за спиной и потупила взгляд; ее голова была чуть повернута влево. Тяжесть тела приходилась на левую ногу, чуть согнутую в колене. Я заметил, что тетя Дженис улыбается.

Где-то я уже видел эту стойку... Когда поднялся с дивана и подошел к тете Дженис, вспомнил: в точности так же стояла Гарбо в «Королеве Кристине», когда жила в лучшем гостиничном номере с Джоном Гилбертом (роль испанского посла), который вплоть до этого мгновения не понимал, что переодетая Гарбо – женщина, а не мужчина. Она как ни в чем не бывало начала раздеваться и добралась уже до рубашки, а Гилберт сперва отворачивается, потом снова поворачивает к ней голову и приглядывается, а она принимает такую вот позу, и тут он наконец смекает.

Подходя к тете Дженис, я вспомнил, что «Королева Кристина» – любимая кинолента дяди Рори.

Какая это была ночь... из тех ночей, когда между занятиями любовью не спишь, а только ненадолго задремываешь и когда уже решаешь: нет, теперь точно все, финита... но надо же ей сказать «спокойной ночи», а это означает поцелуй и новые объятия, и каждое прикосновение влечет за собой новое, еще слаще, а поцелуи в щеку или шею смещаются к губам, и губы размыкаются, и языки встречаются... Случайное касание превращается в ласку, ласка – в объятие, а объятие – в случку.

Ночью она повернулась ко мне и сказала:

– Прентис?

– М-м-м... гм?

– Ты думаешь, Рори... на вороньей дороге? Думаешь, его больше нет?

Я повернулся на бок, погладил ее; ладонь прошлась с бедра на плечо и вернулась.

– Чес-слово, не знаю.

Она взяла мою ладонь, поцеловала.

– Иногда я думаю, что он мертв, иногда – что, наоборот, скоро даст о себе знать. Знать бы, что с ним...

Сквозь шторы просачивалось чуть-чуть света – я видел, как вздрагивает ее голова.

– Я не знаю, потому что люди иногда совершают поступки, которых от них просто не ждешь.

У нее надломился голос, голова вдруг повернулась; тетя Дженис уткнулась лицом в простыню. Я придвинулся, чтобы обнять, утешить. Но она ответила крепким поцелуем и забралась на меня.

До сего момента я предавался мучительной борьбе с дрожью, болью и полным изнеможением всех мускулов. Тело кричало мозгу, что более не в силах терпеть эту пытку; мозг соглашался: надо абстрагироваться и уменьшить расход энергии. Но, с другой стороны... какого черта?!

«...Все твои правды и все твои неправды, все твои несуразицы и все твои суразицы, все твои шики и все твои шпики соединяются и сливаются в единый звук: и смех, и стон, и вопль, и вздох, и повторяется он вечно, и на любом известном тебе языке несет он тот кратчайший смысл, который только и нужен тебе. И этот смысл предельно прост – он лишь оброс сложностями по пути. "Существуй", – говорит тебе Вселенная, и она не толкает тебя никуда и не тащит, если сам этого не позволяешь. "Вселенная, дай мне влиться в твой бешеный хаос", – говоришь ты. И вливаешься...»

Все это она произносила уже сонно; ладонь, неторопливо ерошившая мои волосы, обмякла. Бормотание прекратилось, тихие слова уже не звучали в темной комнате.

Наверное, это слова Рори. Может, просто мантра для отсрочки эякуляции – более пристойная, хоть и слегка нарциссическая, альтернатива Льюисовым думам о сборке кухонного гарнитура. Наверное, она спросила однажды, о чем он думает, занимаясь с ней любовью: оказывается, чтобы подольше доставлять ей удовольствие, он про себя читал собственные опусы. Она убедила его читать вслух, и это превратилось в ритуал.

– Мне всегда... всегда это нравилось, – тихо проговорила она и прильнула ко мне поудобнее.

– Гм... – произнес я и услышал, как изменилось ее дыхание. И прошептал:

– Спокойной ночи, Дженис.

– Спокойной ночи, Рори... – шепнула она.

Я не знал, что и думать, какие испытывать чувства. В конце концов зевнул, натянул на нас обоих пуховое одеяло и улыбнулся, глядя в темноту.

Засыпал в раздумьях: блин, что же сподвигло дядю Рори написать эти нелепые, непостижимые слова: «все твои шики и все твои шпики»? Ну, «ши-ки» – куда ни шло, это из той же оперы, что и «суразицы». Но при чем тут эти чертовы шпики?

А еще меня покалывала совесть. Некогда я взял за железное правило: без гондона нет поебона! Мы с Дженис обошлись без презерватива. Правда, она вставила колпачок, но он, если верить буржуазной прессе, от СПИДа не спасает. Как ни крути, я вступил в случайную – пусть и бурную – связь с женщиной, о которой восемь лет ничего не слышал. Да за это время она черт-те что могла подцепить!

Женщина, правда, утверждала обратное. Может, она и сама в это верила, но ведь есть на свете хвори, которые убивают не сразу, а этак годков через десять.

Ладно, что сделано, то сделано. А чему быть, того не миновать.

Я уснул.

Среди ночи глаза мои раскрылись по собственной воле, и в мозгу прозвучали слова: «Все твои пшики». Опечатка, вот в чем дело.

И я мигом провалился обратно в сон.

Глава 6

Кто сидел, кто стоял, кто лежал в растрескавшемся коническом пне старого броха^[42], и все озирали вовсе даже и не старую, но такую же заброшенную, совсем уж никому не нужную квадратную котловину верфи для строительства буровых платформ. Ни одна платформа здесь так и не была сооружена. В небе пел жаворонок – крапинка на фоне синевы; его тонкий голосок выводил заливистые трели.

– Мистер Макхоун, ну пожалуйста, расскажите.

– Да, пап, объясни.

– Дядя Кен, пожалуйста! Ну пожалуйста.

– Ага, *мистюр* Макхоун, че это такое?

– Вы о чем?

– О том звуке, который можно увидеть! – вскричал Прентис, спрыгивая с полуразрушенной стены броха.

Эшли полезла выше.

– О звуке, который можно увидеть? – задумчиво переспросил Кеннет.

Он стоял, прислонившись спиной к нагретым солнцем камням; взгляд был устремлен вдаль, за травяной круг внутри руин, за россыпь серых камней на склоне холма, которые вывалились или были выломаны из броха, за острые зеленые верхушки сосен, к водам Лох-Файна. Там с попутным ветром скользила белобокая яхта, точно чайка. Яхта направлялась на северо-восток, к железнодорожному мосту у Майнард-пойнт. А еще дальше, в нескольких милях, проглядывало другое суденышко, спинакер был обозначен лишь крошечным желтым электрическим огоньком, напоминающим цветок в зарослях утесника.

– Но отсюда вам его не увидеть, – сказал Кеннет.

– О нет!

– Дядя Кеннет, а откуда его можно увидеть?

– Откуда? Ну, хотя бы с того места, где я вам о нем рассказывал.

Да, оттуда можно.

– Из Старого Дома? – На личике Дайаны появилось удивление.

– Точно.

– Значит, это не ветер,– решила Хелен Эрвилл и села рядом с Кеннетом.

Льюис презрительно фыркнул:

– Ветер! Чепухи не мели.

– Тетя Лиза мне сказала, что бывает жесткий ветер, а я и не верил, пока... э-э... бац! – Прентис звучно шлепнул себя ладонью по лбу и упал навзничь в высокую траву.

– Очень смешно, Прентис,– вздохнул Кеннет.

– Здрасьте, мистер Макхоун, гляньте, где я!

– О господи! Эшли, поосторожней!

Она была на самом верху стены разрушенного броха, что вдавалась в небо, напоминая вычерченный самописцем пик на серой бумаге.

– Мистер Макхоун, а я и не боюсь!

– Эшли, я ведь не спрашиваю, боишься ты или не боишься, только прошу быть поосторожней. А ну-ка, спускайся.

– Спустишь, если вы нам расскажете про звук, который видно. Расскажите, мистер Макхоун, я правда спущусь.

– Давай слезай, обезьянка! – рассмеялся он.– Я и так собирался рассказать, прежде чем вы распищались. Живо вниз!

– Мистер Макхоун, не надо так волноваться, а то штанишки придется менять.– Эшли потрянула белокурой головой и полезла вниз по горбтому краю стены.

– А я и не волнуюсь, юная леди,– сказал он. Дайана и Хелен изумленно посмотрели на Эшли и захихикали. Льюис и Прентис тоже прыснули.

– Мистер Макхоун, она сказала «штанишки менять»,– произнес Дин Уотт.

– А я маме расскажу,– пообещал Даррен сестре, которая преодолевала, в основном на коленках и попке, каменный горб.

– Вот что, Даррен Уотт,– сказала девочка, выбирая очередную опору,– отойди-ка ты в сторонку, отпедришь себя в попенку.

– Ух ты! – выдохнула Дайана.

– Эшли! – рассердился Кеннет.

– Мистюр Макхоун! Мистюр Макхоун! Вы слышали, че она кричит? Слышали, а? – возбудился Лахлан.– Эшли, знаешь, ты кто? Малявка-шалавка, вот кто!

– А ты... А ты...

– Юная леди, это очень неприлично! – погрозил девочке пальцем Прентис.

– Прентис, заткнись! – велел Льюис.

– Я не шалавка!..

– Дядя Кен, а что значит – отпед...

– Штанишки менять! Штанишки менять!

– Малявка-шалавка! Малявка...

– Ну, все! Все! – перекричал Кеннет пронзительный детский гам.– Уймись! Эй, орда несносная, вы хотите узнать про звук или нет?

– Но...

– Она...

– Я...

– Молчать! – взревел он, вскакивая на ноги и потрясая кулаком над головой и делая картинный пируэт, чтобы жест адресовался каждому.– Ведете себя как дети! Да кабы я мог терпеть такие пытки – учителем бы остался.

– Пап, но мы же дети! – выкатил глаза Прентис, замотал головой и снова рухнул в траву, на этот раз – с громким охом.

– «Невинность – не оправдание», Прентис Макхоун, – громогласно заявил Кеннет, грозя пальцем лежащему ребенку.– В школе, где я учился, это было девизом, и вам всем следует зарубить его на носу!

Одного только Льюиса не веселило это представление. Он играл с травинкой. Остальные – кто хохотал во все горло, кто сидел скорчившись, втянув голову в плечи, крепко обхватив себя руками, и давился смехом, и обменивался с другими выразительными взглядами и кивками.

– Господи Боже! – воззвал Кеннет к чистому голубому небу, задрал голову и раскинув руки, – обрати Взор Твой на младенцев сих, не ведающих, что творят, и удели им чуток ума-разума, прежде чем за них возьмется наш жестокий мир!

– Ха! Мистер Макхоун, вы же в Бога не верите! – закричала добравшаяся до середины стены Эшли – ее лицо было уже почти вровень с лицом Кеннета.

Он повернулся к ней:

– И что с того, дружок? Я не верю в Санта-Клауса, но ведь Прентис на Рождество всегда получает подарки.

– Ну, мистер Макхоун,— помахала ладошкой Эшли,— разве можно попу с пальцем сравнивать!

С таким видом, будто глубоко шокирован, Кеннет шагнул назад:

– Ах ты, уличный лингвист! Что еще за выраженьица заборные? – Он снова вскинул руки.

И тут Эшли спрыгнула прямо на него с криком «Джурмонимо!»^[43]

Девочка ударилась ему в грудь, головой стукнулась о его подбородок, обвила ручонками его шею, коленки вонзились ему в живот. Он тоже ее обхватил, чтобы не упала, резко качнулся назад, сам чуть не повалился, успев заметить, что позади него на траве сидят близняшки.

Он опустил на колени, сгруппировался и не задел Дайану и Хелен. Шатаясь, встал – Эшли вцепилась в него как обезьянка, ножками обвила его талию, и от девочки пахло... не только потом.

– Ладно,—проговорил он, чуть переведя дух,— спасибо тебе, Эшли, за участие.

Остальные немножко притихли. Эшли сильно терла ладонью лоб. Кеннет нахмурился, отстранил девочку от своей груди, чтобы заглянуть ей в личико. Грязное, а так все в порядке.

– Эшли, что ты такое сейчас прокричала?

– Мистер Макхоун,— ответил хрипловатый голосок,— я сказала: «Джурмонимо!»

Он рассмеялся и поставил ее на землю. Опустился на колени, сел, сделал кувырок. Дети охотно последовали примеру, только Эшли осталась на ногах. Она сложила руки на груди, далеко выпятила нижнюю губу.

– Не смешно! Я пошла домой, есть хочу.

– Ха, ха, ха, ха! – проговорил Кеннет с закрытыми глазами, держась за живот.—Ха, ха!

– Вы и в школе так веселились? Кеннет открыл глаза.

– Дядя Рори! – Прентис вскочил, и побежал к вновь прибывшему, и врезался точно так же, как Эшли только что —в прентисовского отца. Рори рассмеялся, схватил мальчика, закружился вместе с ним, отпустил руку, и схватил за ногу, и еще раз крутанул Прентиса.

– Ва-а-а-а!..—завопил Прентис. Рори опустил его на землю. Кеннет подошел к Рори, обнял:

– Как же я рад тебя видеть!

– И я рад, Кен.

– Давно приехал?

– Десять минут назад.

Объятия разомкнулись. Кеннет оглядел брата с головы до ног.

– Дядя Рори! Дядя Рори! Фокус покажите! Покажите фокус!

Каштановые кудри Рори были острижены почти до «ежика», загорелое лицо чисто выбрито. Рори, задумчиво пожевав губами, достал из кармана монетку, наклонился к детям, заставил денежку пройти по фалангам пальцев и исчезнуть в кулаке. Потряс кулаком, а когда ладонь раскрылась, монетки как не бывало. Наградой фокуснику был счастливый визг.

Рори похудел и казался слегка усталым; старенькие джинсы выблекли, на коленке – прореха. От рубашки из сетчатой ткани исходил слабый запах одеколona с пачули.

Монетка появилась из-за уха Дайаны. Она вытаращила глаза, прижала ладошку ко рту.

– Ва-а-а! – завопили остальные. Кеннет ухмыльнулся, покачал головой.

– Еще! Еще! Можно еще раз! – требовали дети.

– Позже, – напустил на себя серьезно-загадочный вид Рори и подмигнул.

– Ну и что? – спросил Кеннет. – Как там мир? Рори пожал плечами:

– Да что с ним станется?

– Надолго вернулся?

Новое пожатие плечами, беспечная улыбка:

– Не знаю. Как сложится.

– Так-так... – Кен обнял брата рукой за плечи и вместе с ним направился к тропинке, где куксилась, сложив ручки на груди, Эшли Уотт. Кен широко улыбнулся ей, посмотрел на Рори: – Лучше собрать всю семью, иначе замучаешься рассказывать каждому одно и то же. – Кеннет повернулся и помахал детям: – Пошли, орда. Наш дядя Рори вернулся из дальних стран, у него побольше интересных историй в заглазнике, чем у меня.

Дети пошли за взрослыми. Те приблизились к Эшли, Рори взъерошил ей волосы. Она еще пуще насупилась. Кеннет, крякнув,

поднял брыкающуюся девчушку:

– Эшли, извини, если чем обидел.

– Да ничего, мистер Макхоун,– сказала она.– Простите, что я ругалась.

– Прощаю.– Он поставил ее на землю.

Она посмотрела с холма на лесную дорогу, что вела к Лохгайру, взглянула на Кеннета, потом на детей и, выкрикнув: «Спорим, я первая буду дома!» – повернулась и припустила бегом.

Остальная детвора погналась за ней с воем и гиканьем, вмиг оставив позади Кеннета и Рори.

Кеннет сокрушенно покачал головой и сжал пальцами худое плечо Рори:

– Отощал. Кормили там тебя неважно.

– Да уж...– Рори окинул взглядом вересковый склон.– Вот и истории у меня тощенькие, поэтому лучше я их сначала тебе расскажу, а ты детям преподнесешь – в приличном упитанном виде.– Он рассмеялся.– Ты у нас профессиональный беллетрист, а я – просто именитый графоман.

– Это что, ложная скромность или черная зависть? – хохотнул Кеннет, снова сжимая плечо брата.– Ладно тебе прибедняться. Я остался рожать и учить сопляков, а ты отправился на поиски славы. Якшался с тиграми, слонялся по тадж-махалам, а потом взял да и утер всем нам носы: известность, богема, хлеб с маслом, литературные конгрессы и премии...

– Специальные премии – за путевые очерки,– вздохнул Рори.

– Ну, и что тут плохого? Да в последний раз, когда я тебя видел, ты выступал в телепередаче – что-то там насчет выживания в джунглях. «Как же низко нужно пасть, чтоб попасться к тигру в пасть». Это ты хорошо придумал! – хохотнул Кеннет, спускаясь вместе с братом по склону холма.

Рори раздраженно фыркнул, замотал головой:

– Кен, ты что, забыл?

Эти слова как будто привели в замешательство Кена:

– А что? Что я не так сказал?

– Да ничего, просто это твоя пенка, ты ее сочинил. Несколько лет назад. Как-то вечером. Мы напились, кажется, а может, и нет... Но говорил это ты, а не я.

– В самом деле? – Да.

Кен нахмурился:

– Уверен?

– Абсолютно, – буркнул Рори.

– Выходит, я умнее, чем себе кажусь. – Кен пожал плечами: — Ладно, как знаешь. Будем считать, что теперь мой ход. Надеюсь, ты не завидуешь бедному старшему братцу, которому удастся отвлекать детишек от телевизора на полчаса в день?

Рори отрицательно покачал головой.

– Что ты. Кен. – Он снова вздохнул. – Я не завистлив. – Он посмотрел на брата: борода; волосы по-прежнему черны; лицо в морщинах, но все же молодо, – До чего же все-таки это здорово – снова оказаться дома, – пожал он худыми плечами под рукой Кеннета.

Кен улыбнулся. Братья увидели Прентиса: запыхавшийся, он шел навстречу по траве. Остальные дети со всех ног пылили по лесной дорожке: к Лохгайру неслась маленькая, но очень шумная буря.

– Ну что? – спросил Кеннет.

– Папа! – хрипло выпалил мальчик издали.

– Ну?

– Что это за звук, – Прентис набрал воздуха в легкие, – который можно видеть?

– Саунд-оф-Джура!^[44] – взревел Кеннет. – А теперь бегом, не то без обеда останешься!

– Ага! – прокричал в ответ Прентис и умчался вприпрыжку, мотая головой.

* * *

Снова пошел дождь, терпеливо-беспощадно ливший уже неделю и готовый лить еще столько же. Он растворил горизонт, стер контуры далеких деревьев и испещрил плоскость лоха миллионами крошечных воронок, и расширяющиеся кружки пересекались друг с другом, интерферировали, исчезали в шуме и плеске своих предшественников. Но громче всего дождю удавалось стучать по капюшонам курток.

– Кен, ты и правда веришь, что в такую погоду будет клев?

– А куда он денется, Прентис? Надо верить.

– Ну-ну... Кто бы говорил...

Кеннет Макхоун посмотрел на сына: он выглядел довольно жалко в непромокаемой одежде, с веслами в руках.

– Это просто фраза. Я мог бы сказать «уж ты мне поверь».

– Ха! – сказал Прентис– По-твоему, это лучше? А кто всегда меня учил: если услышишь «верь мне» – не верь!

– Нет, – помотал головой Кеннет.– Это Рори. Я такого никогда не говорил.

– Говорил! – Но тут Прентис сообразил, что взял слишком капризный тон, и умолк. Он упер тупой конец удочки в днище лодки, сложил руки на груди, наклонился вперед, сгорбился, глядя вдаль.– Черт, у меня депрессняк.

– Не вешай носа, – с фальшивой сердечностью посоветовал Кеннет.– Выпей еще кофейку.

– Да не хочу я кофейку.

– Ладно, будем считать, что ты меня заставил. Я «на потом» приберег, но ты...

Кеннет расстегнул кнопки, полез в глубокий внутренний карман куртки от «Бергхауса», вынул плоскую фляжку и протянул Прентису. Тот покосился и отвел глаза:

– Вряд ли это что-нибудь решит.

Кеннет вздохнул, убрал фляжку, взялся за удочку, смотал леску, забросил снова и опять начал медленно сматывать.

– Прентис, нам всем очень жаль...

Не стало Даррена Уотта. В погожий денек он поехал на мотоцикле в Глазго. Обгонял грузовик на длинном прямом отрезке шоссе в начале Глен-Кинглас, и тут прямо перед ним с Ковал-роуд выехала машина. Даррен счел, что водитель его видит, но водитель лишь голову повернул в его сторону; он и не подумал убедиться, что никто не гонит по левой полосе. На скорости восемьдесят мотоцикл врезался в крыло автомобиля. Даррен, может, и пережил бы падение на асфальт или на поросшую вереском и травой обочину, но он начал уходить вправо, как только увидел выскочившую на магистраль машину, поэтому ударился по касательной и катапультировался через дорогу, на полосу для стоянки грузового автотранспорта. Там расшибся о большую бетонную мусорку и к прибытию «скорой» уже был мертв.

– Дело не только в Даррене,– сказал Прентис,– а во всех... В... дяде Рори, в тете Фионе и... Черт, да во всей истории дело, папа! Ну скажи: люди хоть когда-нибудь ладили между собой? Почему мы вечно рвем друг другу глотки?

– Ну, за Рори я спокоен,– терпеливо произнес Кеннет.

– А с чего бы вдруг? Он же умер. Наверняка умер. Шесть лет ни слуху ни духу. Мы, наверное, можем его официально объявить мертвым.– Прентис пнул удочку.– Отличный повод для поминок. И даже не надо тратиться на гроб и прочее.

– Прентис...– сказал Кеннет.

– Что – Прентис! – взревел Прентис– Ты всегда так уверен, что Рори жив! Что тебе известно? Почему у тебя не бывает сомнений?

– Прентис, успокойся!

– Не успокоюсь! Отец, да ты хоть раз думал о том, что бываешь просто невыносим? Мистер Всезнайка!

Прентис вернулся к прежнему занятию: рассматриванию серого ландшафта. Вода, тучи и мокрые деревья.

– Прентис, я не знаю стопроцентно, что Рори жив, но вполне уверен. В некотором смысле он поддерживает со мной связь. И это все, что я могу сказать.– Поколебавшись, Кеннет добавил: – Я просто не знаю, как объяснить. Сказал бы просто «верь мне», но... Такое впечатление, будто Рори сам это устроил. Не берусь утверждать, что он прав... Но я тебе не лгу.

– Может быть.—Прентис снова посмотрел на Кеннета,– Но ведь ты можешь и просто заблуждаться.

– Я же сказал, что не уверен.

– А как насчет Даррена?

Кеннет растерянно покачал головой:

– А что – Даррен?

– А то! Я не могу поверить, что он просто... взял и исчез. Я не могу поверить, что ничего не осталось, что не будет никакого продолжения. Если не будет, то какой во всем этом урок для нас, оставшихся?

Кеннет отпустил удилище и сложил руки на груди:

– Ты что, думаешь, душа... личность Даррена все еще здесь?

– А почему бы и нет? Он ведь был таким классным парнем. Умница... И просто... просто отличный друг, и вот попадаете какой-

то мудака, лень ему башкой повертеть – и все, нет больше Даррена... А может, и не мудака, обыкновенный парняга, задумался о чем-то своем, но какая разница...

Прентис спрятал ладони под мышками, наклонился вперед, опустил голову.

– Гадство! Ненавижу себя, когда не могу четко выразить мысль.

– Прентис, я тебе очень сочувствую. Боюсь показаться жестоким, но мир таков. Ум, доброта и все прочее – сиюминутны, в любой момент могут исчезнуть, как огонек свечи под дуновением. Раз – и нет человека. И такое происходит постоянно, во всем мире, прямо сейчас. И случай с Дарреном – может, самый яркий для нас пример несправедливости жизни, несправедливости смерти.

– Я понимаю! – Прентис перепрятал кисти рук под капюшон куртки, сцепил пальцы на затылке. – Все я понимаю. Знаю, что люди все время мрут как мухи, что эскадроны смерти пытаются детей, а израильтяне ведут себя как нацисты, а Пол Пот готовит свое второе пришествие. Ты нам об этом рассказывал, ты всегда в это верил! А люди только кричат, и умирают, и дают пытаться себя до смерти за то, что они бедные, или помогали бедным, или написали памфлет, или просто оказались не в том месте и не в то время, и никто не спешит к ним на помощь, и палачи не несут наказание, а просто уходят в отставку и даже переживают революции, потому что у этих гадов такие ценные навыки, и не является супергерой спасать несчастных, не вламывается Рэмбо... Нет воздаяния, нет справедливости, нет ничего... И что, скажешь, я должен с этим смириться? Нет, в мире должно быть хоть что-нибудь!

– Почему? – спросил Кеннет, скрывая раздражение. – Только потому, что нам этого хочется? Да кто мы такие? Крошечные дурацкие твари на крошечной дурацкой планете, что кружит вокруг крошечной дурацкой звезды в крошечной дурацкой галактике? Да мы только-только осмелились высунуть нос в космос, да мы едва способны прокормиться, а уже претендуем... А почему, собственно, мы решили, что можем на что-то претендовать? Только потому, что надеемся на продолжение?

Только потому, что несколько полоумных сект из пустынь заразили мир своими свирепыми бреднями? И это делает душу сущностью, а небеса обетованные – данностью? – Кеннет покачал

головой.– Прентис, от тебя я этого не ожидал. Думал, ты умнее. Черт! Все же просто: погибает Даррен, и ты скучаешь по Рори, и вот ты говоришь: «Блин, ну как же так, должен же быть старикашка с патлатой белой бородой...»

– Я так не говорил!

– Возьмем, например, тетю Кэй,– сказал Кеннет.– Подругу твоей мамы. Тетя Кэй знает: Бог есть. Она молится, каждый вечер ходит в церковь, паче того, утверждает, что однажды ей являлся ангел. И вот она выходит замуж, муж умирает через год от рака, а ребенок ночью перестает дышать в своей кроватке. Тут она и перестает молиться и ходить в церковь. Сама мне сказала. Как, мол, она может верить в Господа, если он на такое способен! Но что же это за вера такая получается? Не слишком ли близорукий взгляд на мир? Разве она не знала, что и раньше люди трагически умирали? Разве никогда не читала свою бесценную Библию – там ведь немало описано всяких зверств? Разве ничего не слышала о Холокосте, о концлагерях? Или все это не имеет никакого значения, потому что все это происходило не с ней?

– В спорах ты всегда так побеждаешь? – процедил Прентис.– Горлом берешь, все сводишь на прописные истины, а что другие тебе говорят, выворачиваешь наизнанку?

– Ну, извини. Я думал, у нас с тобой аргументированная дискуссия.

– Как же, дискуссия! Один морали читает, другой должен помалкивать в тряпочку.

– Ладно! – резко развел руками Кеннет.– Ладно.– Несколько секунд он сидел неподвижно, и Прентис тоже не шевелился: сгорбился, напрягся на банке и глядел в сторону. Не дождавшись ни слова от сына, Кеннет вздохнул:

– Прентис, тебе бы не мешало разобраться со всем этим. Я... Мы с твоей матерью всегда хотели, чтобы ты научился мыслить самостоятельно. И теперь мне больно думать, что ты позволишь другим людям... или какой-нибудь идеологии решать за тебя, пусть даже это удобно...

– Отец! – громко произнес Прентис, подняв взгляд к серым тучам,– Я не хочу об этом разговаривать. Замнем, ладно? Я лишь пытался... Все, проехали! – Прентис резко обернулся, и у Кеннета едва

слезы на глаза не навернулись, такое выражение было на лице сына: боль, отчаяние. Похоже, Прентис и сам был готов заплакать, а может, уже плакал – под дождем не разобрать. – Оставь меня в покое!

Кеннет опустил глаза, помассировал двумя пальцами крылья носа, сделал глубокий вздох. Прентис снова отвернулся.

Отец сложил удочку, и окинул взглядом испещренную дождевыми каплями плоскость маленького лоха, и вспомнил тот жаркий тихий день тридцатилетней давности, другую рыбалку, которая закончилась совсем иначе.

Он взялся за весла.

– Поплыли-ка к дому. Прентис ничего не ответил.

* * *

– Фергюс, дорогуша, да ты промок! О, как я погляжу, ты привел маленьких друзей!

– Да, мама.

– Добрый день, миссис Эрвилл.

– А, так это же юный Кеннет Макхоун! Не узнала – ты же с капюшоном. Что ж, я рада, входите, раздевайтесь. Фергюс, дорогуша, закрой-ка дверь.

Фергюс затворил дверь.

– Это Лахлан Уотт. Его папа на нашей фабрике работает.

– О, вот как?

– Ага.

– Ну что ж... Вы, наверное, весь день играли? Миссис Эрвилл взяла у детей верхнюю одежду, причем с ветхой и грязной курточкой Лахи обращалась, не скрывая брезгливости. Повесила капающую одежду на вешалки. На задней веранде старого дома Эрвиллов, стоявшего у подножия холма Барслойнох за северо-западной окраиной Галланаха, пахло одновременно сыростью и уютом.

– Осмелюсь предположить, что молодые люди не откажутся от чая?

Миссис Эрвилл была высокой, с аристократической внешностью. На памяти Кеннета она всегда носила головной платок. В этот раз его

не было, она вышла в твидовой юбке и свитере, с жемчужным ожерельем, и жемчужины перебирала, как четки.

Она приготовила чай и бутерброды с ежевичным желе. Все это расположилось на столике в комнате Фергюса, на втором этаже.

Фергюс съел один бутерброд, Кеннет – два. Больше не успели: все остальное уплел Лахи. Считанные месяцы назад закончилась война, продукты до сих пор выдавались по карточкам. Лахи откинулся на спинку стула, сыто рыгнул.

– Ништяк.– И вытер рот дырявым рукавом джемпера.– Видали б вы наш хлеб – он зеленый, во!

– Как это – зеленый? – спросил Кеннет.

– Что за ерунда? – Фергюс хлебнул чая.

– Зуб даю! – ткнул в сторону Фергюса грязным пальцем Лахи.

– Зеленый хлеб? – переспросил, ухмыльнувшись, Кеннет.

– Ага, зеленый. Я скажу, почему он зеленый. Тока обещайте никому не говорить.

– Ладно,– Кеннет наклонился вперед, подпер голову ладонями.

– Я тоже обещаю,– неохотно уступил Фергюс. Лахи покосился по сторонам и сказал шепотом:

– Бензин.

– Чего? – не понял Кеннет. Фергюс фыркнул:

– Чушь собачья.

– Не-а, это правда,– возразил Лахлан.– Видали военных мореманов с базы летающих лодок?

– Ну да,– нахмурился Кеннет.

– Они в бензин подливают зеленую краску, и если ее потом найдут в баке твоей тачки, тебя в кутузку посадят. Но можно пропустить бензин через хлеб, краска в нем останется – ездят сколько влезет, и никто ничего не узнает. Зуб даю! – Он снова откинулся на спинку стула.– Вот почему мы зеленый хлеб часто хаваем.

– Ничего себе! – поразился Кеннет.– Невкусно, небось?

– Это противозаконно,– решил Фергюс.– Моя мама с комендантом базы знакома. Если я ей расскажу, она ему расскажет, и тогда вас всех посадят в тюрьму.

– Ага,– кивнул Лахи.– Но ты же пообещал никому не рассказывать, или забыл? – Он ухмыльнулся, глядя на Фергюса,

который сидел по другую сторону столика.— Мамочка тебя всегда называет дорогушей?

— Нет.— Фергюс выпрямил спину и провел по лбу ладонью, чтобы убрать с глаз прядку волос—

, Редко.

Кеннет встал и отошел глянуть на большую модель, заключенную в стеклянный ящик у противоположной стены комнаты. К сожалению, это оказался заурядный пароход, а не боевой корабль, но и он смотрелся величаво, как те пароходы, которые Кеннет видел в большом музее в Глазго, когда его туда возил папа. Ему понравилось, что очень точно воспроизведены детали: пиллерсы, планшири, иллюминаторы, даже весла на крошечных шлюпках за высокой трубой.

— Ты у нее, стало быть, дорогуша? — спросил Лахи, собирая с тарелки крошки.—А, Фергюс?

— Ну, а если да, то что? — засопел Фергюс.

— Ага: если да, то что? — спопугайничал Лахи. Кеннет отвел взгляд от великолепной блестящей модели, посмотрел на своих друзей. У Фергюса лицо сделалось пунцовым.

— По крайней мере, мистер Уотт, меня мама не лупцует.

Лахи усмехнулся, заерзал на стуле.

— Ага, везет же кой-кому.— Он встал, обошел комнату, взглянул на деревянные модели самолетов на столе, потрогал.— Какой изячный коврик, дорогуша! — Он покачался на пятках на толстом коврике с мудреным узором.

Фергюс ничего не сказал. Лахи взял два-три оловянных солдатика с лотков, потарачился на развешанные по стенам карты: Шотландия, Британские острова, Европа, карта мира.

— Красные — наши?

— Вообще-то они королевские,—сказал Фергюс.— Это же империя. Красные они вовсе не потому, что большевики.

— Ага,— кивнул Лахи,— это я в курсе. Я-то хотел сказать, что они британские, значица, наши.

— Не знаю, «наши» или «не наши», но они британские.

— Ништяк,— безразлично сказал Лахи.— Ну, а я-то — британский или нет?

– Гм... пожалуй,– кивнул Фергюс– Но я не понимаю, как ты можешь про что-то говорить «наше». Тебе даже твой родной дом не принадлежит.

– Ну и че? – рассердился Лахи.

– Фергюс,– вмешался Кеннет,– мы живем в Британской империи, и мы все – британцы, и когда вырастем, сможем голосовать, ведь у власти не король, а парламент, согласно Великой хартии вольностей. И мы выбираем парламент, верно? Значит, это наша империя, правда? И все в ней – наше!

Кеннет вышел на середину комнаты, улыбаясь двум мальчишкам. Судя по лицу Фергюса, его не убедили слова друга. Лахлан выпучил глаза на узкую кровать, а затем на диванчик в углу.

– И че, вся эта комната – только твоя? – повысил голос Лахи.

– Да, а что? – проворчал Фергюс.

– Ни хрена себе! Все это – одному! Слышь, Кен? – Лахи подмигнул Кеннету и двинулся к модели парохода, заключенной в стеклянный ящик.– Ага,– постучал он по стеклу, затем провернул крошечный ключик в торце ящика, и освободилась боковая стенка.– Спорим, там тайничок: дорогуша Фергюс заныкал кой-какие штучки для ночных забав.– Он выдвинул боковую стенку.

– Прекрати! – вскочил на ноги Фергюс. Лахи наклонился, просунул руку и снял модель с двух подставок, сделанных из дерева и меди.

Кеннет увидел, как изогнулась, уперевшись в верх ящика, задняя мачта. Провисли черные нити-провода.

– Да как с ним поиграешь, когда он тут? – возразил Лахлан и потянул модель уже с силой.

– Лахи...—двинулся к нему Кеннет.

– Это не игрушка! – подбежал Фергюс и хлопнул Лахлана по руке,– Перестань! Сломаешь!

– Да ладно.– Лахи пихнул модель обратно. Кеннет с облегчением вздохнул – мачта выпрямилась, радиоантенны снова натянулись.– Не дрейфь, дорогуша.

Фергюс запер ящик, убрал ключ в карман.

– И хватит обзывать.

– Ну извини, дорогуша.

– Я сказал, хватит! – сорвался на визг Фергюс.

– Не надо так волноваться, мистер Эрвилл, а то штанишки придется менять.

– Ты, сучонок...

– Э, хватит! – вмешался Кеннет.—Давайте-ка по-взрослому. Фергюс,— указал Кеннет на застекленную витрину под окном,— что это?

– Мой музей.— Фергюс метнул в Лахи убийственный взгляд и направился к окну.

– А-а, музей! – протянул Лахи притворно уважительным тоном и тоже двинулся к витрине.

– Я сам эти вещи нашел, в округе,— объяснил Фергюс. Он уже стоял над ящиком с наклонным стеклянным верхом и показывал: – Монета, скорее всего, римская, а это – наконечник стрелы.

– А это че за зеленая фигня? – указал в угол Лахи.

– А это,— ответил Фергюс,— окаменелая груша. Лахи заржал:

– Это же мосол! Ну, Ферг, ты даешь! У мясника, что ли, спер из помойного корыта?

– Нет! – возмущенно ответил Фергюс— Это окаменелая груша, я ее на пляже нашел.— И повернулся к Кеннету: – Кеннет, ты у нас немножко образованный, скажи ему. Это окаменелая груша!

Кеннет пригляделся:

– Гм... гм... Ну, вообще-то не знаю.

– Старый мосол,— настаивал на своем Лахи.

– Ах ты, трепло несчастное! – вскричал Фергюс— Вон из моего дома!

Лахи пропустил эти слова мимо ушей и наклонился, чуть не ткнувшись носом в верх ящика.

– Вон! Убирайся! – выкрикивал Фергюс, показывая на дверь.

Лахи презрительно смотрел на ноздреватый зеленоватый экспонат с этикеткой «Окаменелая груша, Дантрун-бич. 14 мая 1945».

– Я что, шучу с тобой? Пшел вон!

– Фергюс...—начал Кеннет, положив ладонь мальчику на запястье. Фергюс ее стряхнул, его лицо побелело от ярости. Лахи скривил нос, который почти касался стекла:

– Чего еще ждать от парня, который по сортирам прячется?

– Ах ты, свинья! – взвизгнул Фергюс и обрушил оба кулака на затылок обидчика.

Лицо Лахи проломилось через стекло, очутилось в витрине.

– Фергюс! – завопил Кеннет, оттаскивая Фергюса, который уже принялся пинать Лахи по ляжкам. Лахи с воем отпрянул от витрины, разбрасывая осколки, замахал руками; его лицо было в крови.

– Гад! Урод! – выкрикнул он, шатаясь, – Я ж не вижу ни хрена!

– Лахи! – Кеннет выдернул из кармана носовой платок, подскочил к Лахлану, схватил за плечи. – Не двигайся! Не шевелись! – Он попытался стереть кровь с глаз мальчика. В крови был весь его джемпер, она капала на ковер.

– Я не вижу! Ни хрена не вижу!

– Дети, что вы не поделили?.. О господи! – появилась в дверях миссис Эрвилл. – Фергюс, что ты ему позволяешь?! А ну, брысь с ковра! Это же персидский!

* * *

Лахлан лишился глаза. На фабрике «Галланахское стекло», в отделе украшений, ему сделали искусственный. Фергюса отец выпорол и запретил гулять две недели. Эрвиллы выдали семье Уоттов тысячу гиней, и на этом проблема разрешилась. А о юридическом оформлении позаботилась адвокатская контора «Блок, Блок и Блок».

Лахлан рос, и, наверное, из-за этого, когда ему стукнуло пятнадцать, повадился выпадать глаз, поэтому сделали другой, покрупнее. Старый Лахлану разрешили оставить у себя. Через неделю он получил в больнице третий глаз, когда второй потерялся (несколько месяцев спустя он нашелся под шкафом в спальне Лахи и Роба – наверное, закатился, когда Лахи вынул его перед сном). Но он был неважного качества: потусклее и не такой натуральный на вид, поэтому стал играть роль запасного. Вот так Лахи стал мальчиком о четырех глазах.

«У кого четыре глаза, тот похож на водолаза» – это двустигшие было популярным у школьных товарищей, хотя никто не осмеливался декламировать его в присутствии Лахи, после того как одного мальчика, позволившего это себе – пускай не в пределах видимости, зато в пределах слышимости, – поймала шестерка крепких юных Уоттов и заставила проглотить карее око, а затем исторгнуть наружу.

* * *

В гостиной Мэри Макхоун принялась:

– Прентис, от тебя бензином пахнет. Прентис рухнул в кресло:

– Извини.

Мать глянула на него поверх «Гардиана». По телевизору беззвучно шла игра в снукер. Прентис посидел посмотрел. Мэри опустила газету, сняла очки для чтения.

– Где Кен? – спросил Прентис. Он так и не снял черную кожанку.

– В постели, читает.– Мэри сложила газету, подошла к сыну и снова принялась.– И дымом... И это... не кабацкий дым,—добавила она, возвращаясь к своему креслу.– Во что вляпался?

Прентис наклонился к ней:

– Папе не говорить. Обещаешь?

– Нет, Прентис,— произнесла она, разглаживая юбку. Взяла со столика, стоявшего обочь, чашку кофе, глотнула.– Ты же знаешь, я секретов не терплю. Не то что твой отец.

– Черт...—вздыхнул Прентис—Ладно, расскажу. В общем, понесло нас...

– Куда понесло? – встревожилась Мэри.

– Мы были в «Яке», и Билл Грэй сказал, что слышал, как Уотты говорили... Точнее, Эшли говорила, и я ему сначала не поверил – чтобы Эшли! – но он клянется, что собственными ушами... Они там все сидели, вся молодежь... Уотты... Короче, сидят там кислые такие, необщительные... Это потому что Даррен угробился... И, короче, Билл подслушал, как Эш сказала, что справиться можно только одним способом, а иначе они вообще этого толком не переживут... Короче, надо всем взять кувалды...

– Кувалды?! – вонзила пальцы в свои локти Мэри.

– Ну да! – кивнул Прентис, выпрямляя спину и расстегивая куртку.– Кувалды! Он собственными ушами... И ломы, и все такое. Я верю Биллу, он парень простой, сочинять не станет... И вот гляжу: допивают, встают, разбирают пальто и куртки... Я хотел поговорить с Эшли, но они уже пошли к двери, и Эшли только успела шепнуть, мол, давай за нами, у Билла там была машина, но он побежал отлить, Уотты нас ждать не стали, рванули на Диновой «кортине», а потом Билл

долго завестись не мог, и вот подъезжаем к дому Уоттов, глядим, они уже чешут мимо, мы развернулись и – следом, за их фарами, догнали только у Далвора, это где новые дома, глядим, они инструменты из своего вагончика в багажник переключивают, только тормозим, а они снова уселись в машину и – по газам, и мы опять в погоню. О господи, думаю, это же они узнали адрес парня, который сбил Даррена, Билл говорил, что этот чувак из Ист-Килбрайда, а ведь мы туда и едем! А они гонят всю, гляжу, Ист-Килбрайд уже проскочили, дальше Инверэри, интересно, думаю, что же они все-таки затеяли, и говорю об этом Биллу, а он мне: насрать, лишь бы только все закончилось благополучно.

– Прентис!

– Извини. В общем, прав я оказался. Они доехали до Кингласа – Глен-Кингласа, и мы держались у них на хвосте, и они остановились на той самой полосе для стоянки фур, ну, и мы там же, и никто из них ни словечка не проронил. Они вынули кувалды и ломы, обе машины мы развернули, но фары не гасили, так что света было вдоволь, а потом мы с Биллом сидели на поребрике и смотрели, как они... Мама, ты бы видела! Как они расхерачили эту сраную мусорку!..

– Прентис!

– Извини. Но что было, то было – в пыль размолотили помойку. Раздолбали, раскорезили, разломали на куски, а потом и их растолкли в мелкие дребезги. Внутренние железные баки расплющили, бетонный корпус – в порошок. Я тут Биллу говорю: все-таки это неправильно, нельзя же так, а он мне: ну, бывают ведь обстоятельства... Короче, сходил я к его машине и принес канистру с бензином, Билл у нас парень запасливый... И говорю: ну чего? А они стоят, потеют и отдуваются, и видок у всех такой опустошенный, и только Эш кивает, ну, я и вылил бензин на то, что осталось от мусорки, бросил спичку и —фурр! —до небес, а мы стоим и тащимся. И тут рядом коп тормозит! Я глазам своим не поверил! Ну, сама прикинь, какова была вероятность? И проехала-то мимо от силы пара машин, и не останавливались, правда, одна притормаживала, точно, но все равно уехала. И тут этот огромный муд... сержант выходит из своей тачки, не человек – дракон огнедышащий, помойка рядом с ним – фигня... А мы стоим, и я думаю: ну, теперь уж точно жди беды, он же нас кроет на все корки, а Уотты не слишком любят такое слушать, Дин, тот уже

рычит, но тут мне наконец удалось вставить словечко. Когда коп спросил, кто поджег, я говорю «я» и выхожу, и показываю ему канистру, и объясняю, в чем дело: ну, как Даррен врезался и все такое, и стараюсь не слишком длинно говорить, но так, чтобы дошло, и он слушает, ну, а я... Сама знаешь, как бывает, когда нервничаешь: начал и уже не остановиться, и я, кажется, все время повторялся и сбивался, в основном чушь нес. А он стоит туча тучей, и морда огнем освещена, и тут я спохватываюсь и говорю: мы понимаем, что поступили неправильно, совершили акт вандализма по отношению к общественной собственности, которую в обычных обстоятельствах стараемся оберегать и приумножать, и готовы понести наказание – Дин при этих словах еще громче зарычал, – но все же в содеянном не раскаиваемся, что случилось, то случилось.

Прентис сглотнул:

– Ну, я наконец заткнулся, и все молчат, и огонь уже почти погас, и тут сержантище говорит: «Разбежались по домам! И не вздумайте еще раз попасться мне на глаза». Ну, я под козырек: «Йеса, масса!» – и забрасываю грязью, что не догорело, а Уотты дуются, но все-таки покидали барахло в багажник «кортины», а мордovorот стоит, руки в боки, и пялится на нас. Так и стоял, пока мы не уехали. – Прентис развел руками: – Вот и вся история.

– Так-так... – Мэри укоризненно покачала головой, глянула на телеэкран со снукером, надела очки и снова уткнулась в газету. – Гм... наверное, я расскажу об этом отцу. Иди-ка руки вымой и избавься от запаха. Если хочешь хлопьев, молоко в холодильнике.

– Отлично, мам. – Прентис подошел к матери, поцеловал.

– Ну и вонь! Ступай мыться, вандал.

– Спасибо, мама, что выслушала, – произнес он по пути к двери.

– А что, у меня был выбор? – с притворным жеманством спросила

Мэри.

Прентис рассмеялся.

Глава 7

Полосу для стоянки грузовиков возле Ковал-роуд мы проехали на скорости под девяносто. Я успел бросить взгляд: пустая мокрая парковка, только появилась новая большая мусорка из бетона – и полугода не прошло, редкая оперативность. Был пасмурный день, чуть моросило, уже в тысяче футов гор не различить. Ехали с включенным ближним светом фар, приборная панель оранжево светилась перед очаровательным созданием с тонкими руками, одетым в черную юбку, обутым в «мартенсы», подстриженным под мальчика и восхитительно поджимающим губки. Верити, моя райская птичка, сидела за рулем, и машина неслась, как драпанувшая из ада летучая мышь.

* * *

– Здорово, Прентис! Ты уже встал?

– Как ты догадался?

– Особый талант. Заехать за тобой к часу?

– Гм... Да. Льюис. Ты где?

– В Эдинбурге, у Уокеров.

– А... И Верити там?

– Да, она тоже едет.

– Чего?!

– Едет в Лохгайр. Сегодня утром Шарлотта со Стивом улетели в Штаты на лыжах кататься, а Верити...

– В Штаты? На лыжах? А, ну да: паковые льды, экстрим...

– Цыц, Прентис! Верити собралась к Эрвиллам, на «фестивальный период». Она нас туда отвезет.

Я спянул, подумал я. Это глюк.

– Класс, – сказал я. – Неужели без Родни? Льюис рассмеялся:

– Без Родни. От Родни мы наконец избавились.

– Да разве такое возможно!

– Самому до сих пор не верится. До встречи в тринадцать ноль-ноль.

– Ага, до встречи.—Я положил телефонную трубку.

Над телефоном висел дартборд с пришпиленной к нему фотографией Тэтчер. Я ее поцеловал.

– Уррра-а! – выкрикнул я и ускакал обратно в спальню.

– Прентис, заткнись,— глухо простонал из койки Гав. Под пуховым одеялом его было не видно.

Моя кровать стояла у другой стены, далеко от окна, поэтому зимой я не так сильно мерз, как Га-вин. Я рухнул в койку, подпрыгнул на пружинах.

Вообще-то я мог занимать отдельную комнату вместо Норриса, потому что дольше всех прожил в квартире, но комнатка эта маленькая и шумная. Да к тому же Гав не храпит и без возражений перебирается в гостиную, на диван, если я в дамской компании... Есть и еще одно обстоятельство: вторую койку в комнату Норриса не воткнуть.

– Ты, урод, калорифер включи! – пробормотал Гав.

Я по-ниндзячьи запрыгнул на кровать и сдернул одеяло.

– Гавин,— сказал я,— ты – всего лишь тормозной след какашки в унитазае жизни, но именно за это я тебя уважаю.—Я повернулся, сгреб ночную рубашку и устремился к двери. Тепловентилятор получил меткий ниндзячий пендель, сразу по всем трем выключателям, и взвыл.

– Сейчас чайку сооружу и вернусь!

– Да погоди ты с чайком... Как там насчет погоды?

– Гм...— оглазел я потолок, прижав к губам палец.— Хороший вопрос. Насчет погоды я могу сказать следующее. Погода есть проявление энергообмена между частями газовой оболочки планеты, возникающего по причине их неравномерного нагрева солнечными лучами на разной высоте. Вообще-то странно, Гавин, что ты этого не знаешь.

Гавин высунул голову из-под одеяла и дал мне лишний повод подивиться тому, как чудно плечи этого парня переходят в голову, нисколько не сужаясь по пути (видимо, это главный плюс увлечения регби: спортсмен приобретает толстенную шею и столь же толстенный череп, и можно не опасаться за сохранность рудиментарного головного мозга и его двухстороннюю связь со спинным. С черепашкой у Гава тоже полный порядок, хотя надо признать, что по скорости прохождения сигналов через центральную нервную систему он далеко

не чемпион. Вот он приоткрыл мутный глаз и нацелил его на меня с точностью, которую можно ожидать от полицейского, привыкшего бить демонстрантов резиновой дубинкой по ногам.

– Ну, че ты нынче с утра такой несносный? Я хлопнул в ладоши и расплылся в улыбке:

– Гавин, я на седьмом небе! Вернее, скоро там буду: уже в час дня.

Последовала пауза – дежурные нейроны Гэвина тщились усвоить информацию. Очевидно, напряженная обработка данных слишком истощила тонкий слой серого вещества и в ближайшее время Гав не сможет воспользоваться даром речи. Он только хрюкнул и спрятался под одеяло.

Отплясывая буги-вуги и напевая «Walking on Sunshine»^{[45][46]}, я двинулся в кухню.

* * *

Я с восторгом смотрел, как белая с оранжевым отливом стрелка дрожит на риске шкалы спидометра. Девяносто. Класс! Я сидел позади Льюиса, а он занимал переднее пассажирское сиденье. Можно было бы сесть за спиной у Верити, но тогда бы я не видел ни спидометра, ни даже краешка изящного, гладкого лица, чуть хмуроватого от сосредоточенности – девушка моей мечты гнала большой черный «БМВ» к очередному повороту. Льюис казался равнодушным.

Я поерзал на сиденье: было малость не по себе. Ослабил ремень безопасности, убедился, что Верити не наблюдает за мной, и чуток поправил джинсы. Папка с рукописью дяди Рори покоилась рядом, я переложил ее на колени: прикрыл непристойную, но вполне объяснимую выпуклость.

Мы находились на отрезке скоростной трассы между Дамбартоном и Александрией – Верити и Льюис заехали за мной совсем недавно. В пути пару раз Верити напрягала все мышцы, вжималась лопатками в спинку кресла. Импульс передавался обтянутым нейлоном длинным ногам, и хотя основное давление оказывала левая конечность, какое-то остаточное усилие приходилось

и на правую стопу, и в каждый такой момент мы резко набирали скорость – армированная подошва «мартенса» беспощадно вдавливала педаль газа.

– Ты в порядке? – спросил Льюис; судя по голосу, он забавлялся.

Она состроила рожицу – «а то!» – и вернулась на четвертую передачу: машина, которую она собралась обгонять, свалила на медленную полосу. Нас всех вжало в спинки сидений.

– Проблема с чулочными поясами в том, что они иногда тянут.– Верити одарила улыбкой Льюиса, а затем меня и вновь стала глядеть вперед.

Льюис рассмеялся:

– Не буду утверждать, что мне об этом известно, но поверю тебе на слово.

Верити снова уперлась лопатками в спинку водительского кресла, да так, что даже попка оторвалась от сиденья. Летевшая на восьмидесяти пяти машина взревела и вмиг набрала сотню. Быстро приближался зад грузовика. Верити качнула тазом, вернула его на сиденье, мягко затормозила и сбросила скорость до пятидесяти, и мы поплелись за зеленым грузовиком «Парселайн»^[47] – Верити ждала, когда он обгонит бензовоз «Эссо».

– «Парселин», «Парселин»...– пробормотала она, стуча пальцами по толстой баранке. Она произносила это слово на французский манер, получалось в рифму с вазелином.

– Полегчало? – спросил Льюис.

– Угу,– кивнула Верити.

А у меня голова кружилась от одной мысли о том, что скрывает эта черная тугая миди-юбка.

Лишь только после того, как мы миновали поворот на шоссе, что вело к Глен-Кингласу, у меня наконец прошла эрекция, да и то благодаря голимому страху: Верити на секунду отвлеклась на повороте, и машину здорово повело. Жутко, когда на бешеной скорости задницу машины вместе с твоей выносит за бровку дорожного полотна. К счастью, трасса в этот час была почти пустой, но и перспектива влететь в валуны на обочине мало кому покажется радужной. Что уж говорить о перспективе столкновения со встречным металлическим чудищем, тоже несущимся на приличной скорости...

Превратиться в пятно на кожаном чехле баварской фуры – что уж тут заманчивого?

Верити лишь выкрикнула «вау-йеху!», как будто удачно выполнила задуманный трюк, крутнула баранку и вдавила педаль акселератора, и мы понеслись прямо.

В общем, обошлось без приключений, если не считать нетипичного случая детумесценции – когда под крайнюю плоть попадает выпавший лобковый волос. Вот почему я незаметно теребил одежду, пока мы притормаживали у поворота на Кеймдоу.

Я раскрыл на коленях папку «Воронья дорога» и перевернул несколько страниц. Читал вскользь, лишь задерживаясь на некоторых отрывках в поисках чего-нибудь глубокого и таинственного, но ничего такого не обнаружил. Я уже успел провести нечто вроде расследования, выведал через маму, что У отца в кабинете есть и другие бумаги Рори. Она пообещала их для меня вытащить, если получится. Взяв из папки лист, я положил его, испещренный цветными каракулями, на приподнятое колено, пробежал критическим взором... Интересно, Верити может увидеть в зеркало, чем я занимаюсь? Откашлялся. Я очень надеялся, что Льюис или Верити спросят, что это за папка у меня, но они – вот досада – не спрашивали.

Я тяжело вздохнул. Положил лист обратно в папку, а папку вернул на сиденье.

Мы обогнули Аппер-Лох-Файн, слушая старую кассету Мадонны; «материальная девушка» пела «Papa Don't Preach»^[48], и эта песенка выжала из меня наконец улыбку.

Назад в Галланах, на Рождество и новогоднюю ночь. В душе – удивительная смесь надежды и меланхолии. Огни встречных машин пронизывали пасмурный день. Я смотрел на эти огни, на морось, на серые бескрайние тучи и вспоминал другую автомобильную поездку – случившуюся год назад.

– По-моему, фигня это, Прентис.– Эшли зажгла новую сигарету.

– И по-моему, фигня,– согласился я, глядя на красный кончик ее сигареты. По другой полосе скоростной трассы навстречу проносились огни – мы ехали в потемках на север.

Уже два месяца прошло после гибели Даррена. Я поссорился с отцом и большую часть лета провел в Лондоне, у тети Ильзы и ее давнего приятеля мистера Гиббона – я так и не понял, фамилия это или

прозвище, а по имени его никто при мне не называл... В общем, я жил у них, в мрачном Кенсингтоне, в чопорном четырехэтажном особняке мистера Гиббона на Эскот-сквер, рядом с Эддисон-роуд, и работал в филиале «Мондо-фуд» на Виктория-стрит (тогда как раз запустили линию по производству хаггисбургеров, и директору пришла идея сбывать их с помощью моего акцента, да вот незадача: когда покупатели говорили: «Ой, что это?», я им честно рассказывал^[49]; не уверен, что хаггисбургеры удержались в меню после моего увольнения.)

Как бы то ни было, я подзаработал денег, смертельно устал от Лондона и фаст-фуда, а может, и от людей и теперь возвращался.

Эш в Лондон привело дело: собеседование в какой-то крупной страховой компании, вот она и предложила подбросить меня до дома, или до Галланаха, откуда я, так сказать, отправился в добровольное изгнание. Ее ржавый, латаный-перелатаный «2CV» никак не вписывался в картину Эскот-сквер – там даже двухлетний «гольф GTi», «пежо-209» или «рено-5» считались драндулетами.

– Прентис, извини, что опоздала.– Она поцеловала меня в щеку. Накануне вечером они с Льюисом поехали ужинать вместе. Старший брат остановился в Айлингтоне, там он зарабатывал на хлеб с маслом в юмористических телешоу, в числе двух десятков так называемых эстрадных комиков, чьи имена значились в рубрике «А также». Она и меня приглашала на этот ужин, но я отказался.

Я рассчитывал, что мы с Эшли сразу отправимся в путь, но выяснилось, что она давно не виделась с тетей Ильзой. Короче, обменом любезностями с ней и мистером Гиббоном дело не кончилось. .

* * *

Тетя Ильза была женщиной крупной, шумной и до крайности дружелюбной. Я всегда ее считал самым передовым форпостом клана Макхоунов (если не считать дядю Рори, которого вообще неизвестно где носят черти); и для меня она всегда олицетворяла хаотичную экспансию нашего рода. Она была на пару годков старше моего отца и

прожила в Лондоне три десятка лет, правда с перерывами. Большая часть этого срока приходится на перерывы: тетя путешествовала по миру вместе с мистером Гиббоном, ее верным спутником на протяжении двадцати девяти из этих тридцати лет. Мистер Гиббон был предпринимателем, его фирма снабжала заказами рекламное агентство, где работала тетя Ильза первые годы своей жизни в Лондоне.

Они познакомились, и он нашел в ней спутницу жизни, а она нашла в нем новый рекламный слоган. И года не прошло, как они стали жить вместе, и он продал фабрику и освободившееся время посвятил куда более требовательному бизнесу: сопровождению тети Ильзы в ее странствиях. И с тех пор их жизнь в основном проходила в пути.

Мистер Гиббон – сребровласый эльф, он на десять лет старше тети Ильзы и столь же subtilen, сколь она высока и широка в кости. Он вроде бы считался обаяшкой, но больно уж прост был секрет его обаяния: к каждой встреченной особе женского пола мистер Гиббон обращался по наиболее полной версии ее имени, и Джулия непременно становилась Джулианой, Дот расширялась в Доротею, Мэри превращалась в Марианну, Сью – в Сюзанну, и т. п. И еще мне показалось чутко противоестественной его привычка говорить юным девицам «мадам», а старушкам – «девочки». Короче говоря, если и был у него шарм, то я обладал врожденным иммунитетом к нему.

– А вы?.. – не договорил он, жестом пригласив Эшли в прихожую.

– Эш, – ответила она. – Рада познакомиться.

Я ухмыльнулся: нелегкая задачка досталась мистеру Гиббону, больно уж имя редкое. Как-то он выкрутится?

– Ашкеназия! Прошу, прошу! – Он повел нас в библиотеку.

Эш повернулась ко мне спиной и пробормотала на ходу:

– Он че, пианист^[50]?

Я, не врубившись, тихо хихикнул в спину мистеру Гиббону и подтвердил:

– Ага, и непростой.

В библиотеке была сильно простудившаяся тетя Ильза. И как не подмывает меня соврать, что она вычерчивала свой будущий маршрут на карте мира, но грубая правда такова: тетя в момент нашего прихода искала на полках запропастившуюся книгу.

Мы пообщались полчаса, причем большая часть этого времени была потрачена на рассказ о задуманной тетей Ильзой длительной побывке в Патагонии; причем говорила она чудовищно громко и с энтузиазмом, способным вогнать в краску весь персонал «Аргентинских туров».

Я сидел как на иголках и мечтал смыться.

* * *

Наконец я вытащил Эш из дома тети Ильзы; каким-то чудом «2CV» за это время не отбуксировали на свалку. Мы доехали до М-1, взяли голосовавшего автостопщика и, явно переборщив с благотворительностью, высадили его там, куда он чаял попасть, то бишь в Ковентри. Заблудились в Нанитоне, пытаюсь вернуться на М-6, и теперь в сумерках катили по Ланкаширу, будучи примерно в часе езды от границы.

– Прентис, поверь мне, для ссоры с отцом должна быть причина куда посерьезнее твоей.

– Я тебе верю, – сказал я. – А мать как?

– Да нет, она с ним разговаривает. Она фыркнула:

– Ты понял, о чем я. С ней-то хоть видишься?

– Ага. Она пару раз приезжала к дяде Хеймишу и однажды подвезла меня в Глазго.

– И что не поделили, спрашивается? Неужели нельзя было для виду уступить, но остаться при своем?

– Не получается, – замотал головой я. – Seriously, уже ни он не может это прекратить, ни я. Один что-нибудь скажет, другой почти стопроцентно воспримет не так, как надо, а как его мнительность истолкует. Как будто мы с ним не отец и сын, а муж и жена, ч-черт!

Эш рассмеялась:

– Да что ты знаешь о мужьях и женах? Почему-то я не сомневаюсь, твои мама и папа в браке счастливы.

– Наверное. Но ты меня поняла: когда брак или другие отношения портятся, что ни скажет один или чего не скажет, второй обязательно истолкует наоборот.

– Гм, – сказала Эш.

Я смотрел вперед, на красные габаритные огни едущих перед нами машин. Навалилась усталость.

– Наверное, он злится потому, что учил меня быть самостоятельным, а я не захотел доучиваться у него до конца.

– Прентис, что-то не похоже, что ты ударился в христианство или еще во что-нибудь... Черт, интересно, как ты себе представляешь... Бога.

Я заерзал на хлипком сиденье:

– Не знаю даже... Не как Бога в привычном понимании... в человеческом обличье... Некая сущность... просто поле... сила...

– «Используй свою Силу, Люк!» – ухмыльнулась Эш.– Помню, как ты в детстве торчал от «Звездных войн». Даже Стивену Спилбергу писал вроде? – Она засмеялась.

– Джорджу Лукасу, – поправил я с кривой улыбкой.– Но я не имел в виду ничего такого, лукасовская Сила – просто киношный антураж. Я имел в виду некую полевую форму, воздействующую на нас... Это как в квантовой физике, где материя – это главным образом пространство, а пространство, даже вакуум, без конца кипит синтезом и распадом, и ничто не абсолютно, и две частицы в разных концах Вселенной взаимодействуют между собой точно так же, как и с ближайшими соседями... Ну, и так далее. И он есть, он рядом, он смотрит нам прямо в лицо, но я просто... просто не могу его постичь.

– А может, он вообще непостижим? – сказала Эш. Держа в губах сигарету и подпирая баранку коленями, она покрутила плечами (к счастью, мы ехали по тихому участку автотрассы), вынула изо рта сигарету и вернула руки на баранку. Мне оставалось лишь надеяться, что она не уснет за рулем, – гул крошечного движка «ситроена» был гипнотизирующе монотонным.

– А почему? – спросил я.—Почему он непостижим?

– Может, он вроде твоих частиц – по природе своей неопределенный. Как только понимаешь какую-то часть его смысла, лишаешься шанса понять остальное.– Она посмотрела на меня, сдвинув брови к переносице.– Помнишь, Льюис как-то раз нес байдунасчет Гейзенберга?

– Не помню.– Меня это уже начало раздражать.

– Ну, типа, ты в школе, врываешься к нему в кабинет и кричишь: послушайте, Гейзенберг, вы тут директор или кто?! А он: ну-у... в

некотором смысле...– Она хихикнула.– Не, у Льюиса смешнее.

– Чуть-чуть,– согласился я.

– Льюис вроде это использовал в альтернативном юморе? – спросила Эш.

– Вроде,– отвел взгляд я.– Но не могу себе представить, чтобы Бен Элтон^[51] или Робин Уильямс^[52] подумывали о досрочной отставке.

– Все-таки он молодчина, согласись.

Я взглянул на Эш, она смотрела на дорогу – мы на всех семидесяти гнали под легкий уклон. На лице у нее – никакого выражения; длинный модильянистый нос – как нож, рассекающий тьму.

– Да,– уступил я, сразу почувствовав себя маленьким и слабодушным.—Да, он молодчина.

– Правда, что вы с ним в Лондоне почти не встречались?

– Правда. У него – своя тусовка, а я с работы едва до койки доползал.– Тут я соврал: после работы я слонялся по картинным галереям и кинотеатрам.– Да и билеты на него мне были бы не по карману.

– Ну, Прентис! – укоризненно произнесла Эшли и покачала головой (длинная грива соломенных волос была аккуратно увязана, поэтому не рассыпалась по плечам).– Льюис бы с радостью виделся с тобой почаще. Он по тебе скучает.

– Ну конечно,– протянул я.

Я еще какое-то время смотрел на огни. Эшли управляла машиной и курила. Сильно клюнув носом, я встряхнулся.

– Черт...– Я потер лицо и спросил: – Как тебе удается не засыпать?

– Помогают интеллектуальные игры,– ответила она.

– Например?

– Например,– облизала она губы,– «Узнай тачку по задним фарам».

– Чего? – рассмеялся я.

– Того,– сказала она,– Машину впереди видишь?

Я взглянул на два красных огонька: –Да.

– Видишь, они высоко, но не слишком далеко разнесены?

– Да.

– «Рено-пять».

– Шутишь!

– Ни фиги. А этот, что обгоняет?

– Ну?

– Фары разделены по горизонтали. Старушка «кортина», третья модель.

– Ничего себе!

– А эта, сзади – бээмвуха. Похоже, новье, пятая серия. Сейчас на обгон пойдет, у нее задние фары немножко скошены.

Мимо пронесся «БМВ» со скошенными задними фарами. Потом мы обогнали старый «форд», а чуть позже – «рено-5».

– Конечно, куда прикольнее – на быстрой тачке, – продолжала Эш. – Но даже и так, на семидесяти, иногда удивляешься, скольких удастся обогнать. А сейчас, – подняла она палец, – слушай и ощущай: уходим на медленную полосу!

Эш кинула древний «2CV» влево, затем выпрямила его ход.

– В чем дело? – спросил я.

– Да ни в чем, – ухмыльнулась она. – По катафотам соскучилась. Безопасная смена полосы – большое искусство, между прочим. – Она насмешливо глянула на меня. – К примеру, для «феррари» это совсем не просто: слишком широкие скаты. У меня колесики худенькие – почти идеал.

– Юная Эшли, позволь восхититься тобой! – сложил я руки на груди и повернулся в кресле, чтобы быть лицом к ней. – Даже помыслить не мог, что простая ночная поездка в автомобиле способна доставить все тридцать три удовольствия.

Эшли засмеялась:

– А уж какое удовольствие получаешь на брусчатке, если ты женщина!

– Н-да... Предлагаю вернуть нашу беседу в рамки приличий, лишь позволю себе выразить жгучую зависть счастливым клиторовладелицам.

Эш засмеялась громче, раздавила сигарету в пепельнице, а пепельницу задвинула в панель.

– Это и правда подарок судьбы – я бы стыдилась, если бы не такой кайф.

Она подняла голову и захохотала гомерически, а потом тряхнула «конским хвостом» и вновь уделила внимание дороге. Я тоже

посмеялся, а после стал глядеть в боковое окно. И вдруг подумал: а не спала ли Эш с Льюисом прошлой ночью?

Она включила поворотник:

– «Старинный придорожный сервис». Заедем, тетушка Эшли угостит тебя кофе и сладкой булочкой.

– Э, да ты, я вижу, знаешь, как сделать парню хорошо.

Эшли ухмыльнулась.

* * *

Когда я проснулся в разгар дня в квартире на Крау-роуд, Дженис Рэй уже ушла. Наверное, на работу. Осталась записка, голубой листочек бумаги для заметок: «Ты был лучше всех. Звякни, если еще захочешь. Дж.».

Вторую – многозначительную – фразу я перечитал, испытывая разом и печаль, и облегчение.

Вытираясь полотенцем после душа, я стоял в ванне, разглядывая на стене два застекленных кинопостера: «Париж, Техас»^[53] и «Опасные связи»^[54].

Я выпил кофе с гренками, вымыл посуду и отчалил. Папку «Воронья дорога» уложил в сумку от «Теско» и потащился домой под серым небом, сквозь ветер – средней силы, зато вихрящийся. Я помахивал сумкой и насвистывал. Квартира наша была на Грант-стрит, рядом с Сент-Джордж-кросс, и, что прикольно, рукой подать до Эшли-стрит. Соседи мои по квартире отсутствовали, и меня это очень даже устраивало: не тянуло выслушивать от Гава недвусмысленные высказывания (а двусмысленности – не для его мозгов), что бывает после любого сексуального приключения, моего или Норрисова, настоящего или придуманного – несущественно (вымысел от правды Гаву отличать не дано). В лучшем случае Гава до глубины души потрясет новость о моем вступлении в половую связь с тетей – без разницы, что это не настоящая тетя, – и он для самоуспокоения внушит себе, что этого ужаса вовсе и не было. Вот бы здорово, если бы он вообще перестал со мной разговаривать... но это маловероятно. Да и не очень-то хотелось, если быть с собой честным, – какая-то частица

моего сознания не прочь поддаться соблазну. Однажды я мельком увидел свою физиономию в зеркале прихожей, когда Гав корил меня за порочные наклонности,— в тот миг я улыбался.

Я сварил кофейку, растянулся на диване (ноги дрожали от усталости), раскрыл папку и принялся читать.

«Воронья дорога» – так дядя Рори думал назвать свою нетленку. Судя по разнообразию материалов, с окончательной формой он определиться не успел: что это будет — роман, киносценарий или эпическая поэма. На нескольких страницах даже обдумывалась возможность записи концептуального альбома. Я аж содрогнулся на диванчике – как это в духе семидесятых!

Содержавшийся в папке материал напрашивался на разделение по трем основным категориям: заметки, обрывочная проза и стихи. Некоторые записи были датированы – и все между началом и концом семидесятых. Бумага – самая разномастная, но чаще всего откуда-нибудь вырванная: простая, в линейку, в клеточку, а то и миллиметровка. Попадались и кусочки ватмана, и страницы школьных учебников, а также перфорированные компьютерные «простыни». Увы, я не обнаружил ресторанных салфеток и сигаретных пачек, зато в создании этих заметок приняла участие не менее пестрая, чем бумага, компания разноцветных пишущих инструментов: шариковые ручки, фломастеры, тонкие автоматические карандаши. Ко всему прочему, дядя не брезговал аббревиатурами и компрессивами:

«8P зле жд дрв и стн. Рзд пошт!! Без ума в ид али ? Мж испэт. Ран прор б-стар: пострд от жв и мртв((?)) Ф – хстпдб перс (изм имя чт нач с Т!!???); жниц-хрт ний эпх? Шотл мучц? Или идея Бирнам-лес – замаск арм??? (2 глупо)...»

По мне, так совершеннейшая околесица. И это был еще сравнительно удобопонятный фрагмент. Вот уж точно – «без ума видали?»

Проза относилась главным образом к тем краям, где побывал Рори,— похоже на черновики путевых заметок. «Сан-Хосе, Кал. И внезапно Винчестер-хаус кажется тебе символом неумной американской души...» Это про какой-то странный тамошний дом – Рори хотел использовать его в своем грядущем опусе, судя по очередной порции абракадабры после всех описаний.

А еще я обнаружил стихи:

Мы знаем, что жизнь – это лишь череда
Отвратительных, жутких образов,
Перемежаемых для пущего эффекта
Соответствующими мыслями.
Их отчаянный крик
Поначалу невнятен,
Но влечет нас к новому позору.

– В «Холлмарк Кардс»^[55] с таким лучше не соваться,—
пробормотал я и глотнул кофе.

Но от чтения не оторвался.

Мозги мои были не в состоянии все это воспринимать как следует, и тем не менее я сообразил: дядя Рори много лет пытался выдать что-нибудь *Креативное* (прописная его, курсив его). Выдать нечто такое, за что его будут считать *Писателем* (прописная моя, курсив мой) или *Сценаристом, Поэтом, Автором песен, Драматургом...* Не важно. Ему было мало успешной публикации дневника, написанного в блужданиях по Индии, когда он был юн и наивен. Нет, на сей раз дядя Рори затевал нечто серьезное. Вот этот труд, «Воронья дорога», и будет *Серьезным*. В нем речь пойдет о *Жизни и Смерти*, о *Вероломстве* и *Измене*, о *Любви* и *Смерти*, об *Империализме* и *Колониализме*. А еще – о *Шотландии* (или *Индии*, или *Чертовых Куличках*), о *Рабочем Класе* и о *Борьбе с Эксплуататорами*, и в книге будут персонажи, олицетворяющие все эти понятия, и работа над книгой сама по себе докажет *Субъективность Истины*.

Подобным рассуждениям были отведены целые страницы.

А еще были страницы текста, насильственно уложенного в нечто вроде ритмического строя,—при нужде это могло бы сойти за песни. Было несколько параграфов ссылок на критические труды (чаще всего на Барта; размашисто выведенное «Смерть автора!»^[56] служило заголовком целой странице дядиных наметок то ли повести, то ли поэмы, опубликовать которую предполагалось на разрозненных листах, не сшивая); попадались сюжеты фильмов и словесные портреты персонажей, а также списки актеров, способных этих персонажей сыграть (вокруг – непонятные фигуры, или лабиринты, или дилетантские рисунки лиц). Наличествовал и список ансамблей, могущих проявить интерес к записи альбома (вся гамма – от *Yes* до *Genesis*), и даже лист с эстрадными скетчами. Чего не было напрочь,

так это намеков на то, что дядя Рори действительно написал хотя бы часть этого великого труда. Разве что стихи тянули на издание сборничком, но и они, похоже, не имели ничего общего друг с другом, ну, только что во всех как-то упоминались смерть и любовь. На ум лезло словечко «неважнецкие».

Я снова перерыл папку: вдруг что-нибудь упустил. И ведь упустил. Нашелся листочек синей бумаги для заметок, исписанный рукой Дженис Рэй.

«Прентис, я проглядела это...» Затем слово «пока» было жирно перечеркнуто и заменено словом «прежде» – тоже почти целиком замалеванным. «Больше ничего найти не смогла. У Р. была еще одна папка(?), если найдешь, расскажи, что в ней. Он говорил, там какой-то секрет. Галланах(?)».

Я покивал, точно китайский болванчик. «Галланах?» – произнес я с дурацким аденоидным прононсом телевизионного чтеца-декламатора. Потянулся, крикнул от боли; мышцы ног решили отомстить за то, что полсуток назад я не уделил им должной заботы.

Я потянулся за кофе, но тот уже успел остыть.

* * *

– Господь Всемогущий, к Тебе взываем: да падет карающая длань Твоя на головы всей этой подлой сволочи, в первую очередь красных кхмеров, и на их главных палачей, и на их вожака Пол Пота. Сделай так, чтобы каждая мука, испытанная их жертвами – пусть и не христианского они вероисповедания, – стократ прошла по центральной нервной системе каждого изверга. А также, Господи Боже, молим Тебя: не упусти из виду злодеяния всех коммунистических так называемых следователей в сию пору – пору грандиозных волнений в Восточной Европе. Мы знаем, Ты припомнишь им преступления их, когда наступит Судный день и тщетно гортанные славянские голоса будут взывать к Тебе о милосердии, – Ты воздашь каждому по делам его, воздашь столь же рьяно, как рьяно калечили они те несчастные души, которые оказывались в их власти.

– Прентис!

Я подпрыгнул. Почти уснул под бубнеж дяди Хеймиша. Я открыл глаза. Дерево выжидающе глядело на меня.

– О!..– сказал я.– Гм... гм... Как раз собирался замолвить словечко за Салмана Рушди. Или хотя бы против старины Хомейни...

Я посмотрел на дядю Хеймиша: он показывал жестами, чтобы я молитвенно сложил ладони и закрыл глаза. Мы находились в симпатичном галланахском пригороде Баллименохе, сидели за карточным столом в передней гостиной викторианской виллы дяди Хеймиша и тети Тоуни.

Я закрыл глаза.

– Господи Боже,– сказал я,– плюс к адекватным неприятностям за его долю вины в страданиях многочисленных жертв Ирано-иракской войны еще, пожалуйста... э-э... антитворец, найди возможность доставить Рухолле Мусави Хомейни, проживающему в Тегеране и Куме, хотя бы долю тех огорчений и беспокойства, что выпали по его вине писателю Эс Рушди, проживающему в Бомбее и Лондоне, а то, что мистер Рушди – язычник и провокатор, в данном случае значения не имеет, аминь.

– Аминь,– повторил за мной дядя Хеймиш.

Я открыл глаза. Дядя Хеймиш, в прямом смысле этих слов пышущий здоровьем и лучащийся добродушием, уже встал со стула и возбужденно потер ладоши.

– Отлично.– И в своей скрипуче-неуклюжей манере двинулся к выходу.– Да не отстанет пища телесная от пищи духовной,—хихикнул, отворяя для меня дверь.– Не удивлюсь, если Антонайна приготовила кое-что под названием «треска по-креольски».

В коридоре он принялся к рыбному запаху – мы направлялись в столовую.

– Может, «омар по-креольски»? – спросил я.– Или «тоска по-креольски»?

Но дядя Хеймиш, кажется, не услышал меня. Он мурлыкал что-то монотонное и казался вполне довольным собой. Дядя Хеймиш придумал удивительную ересь. В ее основе лежал такой вот постулат: то, что ты делал другим людям, пока был жив, обязательно вернется к тебе после смерти. Мучители сами будут умирать в муках сотни, а то и тысячи раз, пока их изжеванные души не выпадут наконец из челюстей грозного и мстительного Господа. А тот, кто позволял палачам (да и

кому бы то ни было) совершать чудовищные злодеяния, также получит свою долю ретроспективной кары небесной от Господа или его ангельских счетоводов – каждому по делам его. Заинтересовавшись деталями, я выпытал у Дерева, что по окончании этой процедуры соответствующая порция кары небесной будет снята со счета ревизуемого лица, – и это только справедливо.

Похоже, дядя Хеймиш ожидал священного вдохновения, чтобы решить запутанную проблему: вернуться ли к человеку добрые дела, совершенные им при жизни, в виде своей полной противоположности или просто будут аннигилированы делами плохими. В данную минуту он явно склонялся к той мысли, что если ты в земной юдоли добра сделал больше, чем зла, то угодишь прямиком в небеса обетованные. По крайней мере, это предположение отличалось простотой и гуманностью; все же остальные умозаключения дяди Хеймиша здорово смахивали на грезы мстительного бюрократа, под дозой кислоты усевшегося рассматривать через лупу адские картины Иеронима Босха.

Тетя Тоуни и двое ее детей, Джордж и Бекки, и маленькая дочурка Бекки Иона уже собрались в столовой, заполнив ее возней и болтовней.

– Ну что, помолились? – весело спросила тетя Тоуни, водружая на стол блюдо с дымящейся картошкой.

– Да, спасибо, – ответил Хеймиш.

Последнее время мой дядюшка молился в одиночку – с тех пор как его сын ушел из дома, чтобы стать убежденным капиталистом. Ни тетя Тоуни, ни дочь не заинтересовались дядиной уникальной ветвью мстительного христианства; как правило, женщины, принадлежащие к роду Макхоунов, по крови или по замужеству, демонстрировали нежелание всерьез относиться к пристрастиям своих мужчин, по крайней мере за пределами спален. И я подумал: неужели поэтому дядя Хеймиш так рад, что я приехал погостить, и не по этой ли причине медлит с предложением своих услуг для моего примирения с отцом?

Мы поужинали острой рыбой – такой же рыбой меня потчевали каждый вечер в баре «Як», но только там ее можно было утопить в океане пива.

* * *

– С Новым годом! – вскричала Эшли, потрясая бутылкой виски и энтузиазма при этом проявляя больше, чем осторожности. Бутылка крепко приложилась к облицованной дубом стене вестибюля замка, но ущерб не причинила ни дубу, ни себе. Обтянутая жакетом с блестками и длинной черной юбкой, опутанная серпантинном, усыпанная конфетти, с прической «пучок», Эш заключила меня в теплые дружеские объятия – с поцелуем и винно-височным выхлопом. Я тоже ее поцеловал, и она со смехом меня оттолкнула.

– Гуляем, Прентис! – выкрикнула, перекрывая шум.

Вестибюль был набит битком. Из главного зала доносилась музыка: трубы и скрипки, гитары и пианино. И отдельные инструменты даже играли одну и ту же мелодию.

– А я думал, ты в завязке.– Я указал на сигарету у нее за ухом.

Джордж и Бекки остались в дверях, здороваться с теми, кого знали.

– А я в завязке! – Она сняла косяк с уха и сунула в рот. Несколько секунд подержала, затем вернула на прежнюю позицию.– Видел? Ни-ни. И ноль соблазна.

Мы с Эш двинулись через давку; я расстегнул куртку на ходу и попытался достать полбутылки виски из бокового кармана. Это удалось только в зале, не столь плотно нашпигованном людьми, но все же полном. В камине ревел громадный огонь, гости теснились на полукруглой скамье вокруг очага и на всех остальных насестах, включая ступеньки и пианино. В толпе немногочисленные энтузиасты пытались плясать шотландскую кадрили, что в данных обстоятельствах слегка смахивало на боксерский матч в телефонной будке. И не то чтобы совсем невозможно, а просто бессмысленно.

Мы с Эш нашли местечко возле пианино. Она потянулась к стоящей на инструменте стопке пластиковых стаканчиков, сунула один мне в руку.

– Давай хлопни.– Она плеснула в стаканчик виски.– Как дела-делишки?

– Отлично,– сказал я.– Правда, бабки кончились, и тачка исчезла за горизонтом событий, ну и черт с ними, а со мной по-прежнему моя

духовная целостность и шарф Мёбиуса, с такими багажом можно далеко уйти. А ты как, нашла работу?

– Чего?

– Давай отойдем от этого чертова пианино.

– Чего?

– Ты работу нашла?!

– А? Не-а.– Она положила ладонь мне на плечо.– Знаешь, как называется последний фильм с Дэвидом Боуи?

– Ты прямо как Льюис говоришь.

– Не-а,– помотала она головой.– «Счастливого Рождества, мистер Чаушеску»^[57].

– Очень смешно,—крикнул я ей в ухо.—Так не смеялся с тех пор, как подорвали генерала Зию^[58]. А кстати, где Льюис? Мы ждали, что он заедет к Хеймишу и Тоуни, но они с Джеймсом так и не заехали. Они здесь?

На миг появилось озабоченное выражение, но тут же улыбка вернулась на лицо Эш. Она положила руку мне на плечи.

– Совсем недавно Джеймса видела, с аккордеоном. Не хочешь ли пройтись вдоль парапетов? – Она наполовину вытянула из нагрудного кармана косяк, затем позволила ему скользнуть обратно.– У меня этого полно, но тут миссис Макспадден бродит. И я вроде припоминаю, что в последние годы она проявляет исключительно *громкий* интерес к тем закуткам, где балуются травкой. Так пойдешь?

– Не сейчас– Я окинул взглядом толпу, заметив несколько адресованных мне взмахов и разевание ртов, что, вероятно, означало крики. Чтобы оглядывать зал лучше, я поднялся на цыпочки. Похоже, в одном углу шла перестрелка бумажными самолетиками.

– Ты не видела Верити?

– Ни фига,– налила себе в стакан виски Эш, предложила и мне, но я отказался.– Эй,– пихнула меня локтем Эш,– наверху танцуют.

– Верити там?

– Может быть,– многозначительно подняла брови Эш.

– Давай проверим?

– Как скажешь, Прент.

В соларе Верити не оказалось – там стоял жуткий гам, тьма чередовалась со светом, но все же было менеелюдно. Мы с Эш поплясали, а затем ее пригласил на танец кузен Джош, а я посидел и

понаблюдавал – по мне, так это лучший способ получать от танцев удовольствие, а может, просто я такой феномен – не ловлю никакого кайфа от подобных телодвижений. Затем я увидел Хелен Эрвилл, она входила в зал с похожей на пивную банкой в руке. Я подошел к ней, лавируя между танцующими.

– С Новым годом!

– Здравствуй, Прентис. И тебе того же...

Я ее поцеловал, оторвал от пола, крутанулся вместе с ней; она взвизгнула.

– Как поживаешь? – прокричал я.

Элегантная, благоразумно-худощавая Хелен Эрвилл, обладательница густых и прямых, черных, как обсидиан, волос, платья в стиле «милитари», только что вернувшаяся со швейцарских курортов и на вид вообще холеная-лощенная, отдала мне банку.

– Отлично, – ответила она. Я поднял жестянку.

– «Карлинг блэк лейбл»^[59]! – не поверил я своим глазам. Как-то это не в обычаях Хелен.

Она ухмыльнулась:

– Да ты попробуй.

Ну, я и попробовал: пена вскипела, шибанула в нос. Я поперхнулся, отшатнулся, пролил. Хелен забрала банку, ухмыляясь.

– Шампанское? – спросил я, вытирая подбородок.

– «Лансон»^[60].

– Круто! Ах, Хелен, ты такая стильная. Попляшем?

Мы потанцевали, распили банку шампанского.

– Как Дайана поживает? – прокричал я, перекрывая музыку.

– Ее домой не затащить, – прокричала в ответ Хелен. – Осталась на Гавайях.

– Вот бедняжка!

– Точно.

Хелен продолжала кружиться, а я решил, что настало время отлить, а потом, может, и подкрепиться; каковые задачи и провели меня через сад (к туалету под лестницей выстроилась очередь, а верхняя часть замка была заперта) в кухню.

Там заправляла миссис Макспадден, контролировала линию по производству сэндвичей, мясных рулетов, тарелок с супом и чили,

кусков черного хлеба с изюмом и рождественского торта, а также ломтиков сыра.

– Прентис! – сказала миссис Макспадден.

– Мыффыф Мыфсфыфен...—Я уже успел набить рот тортом.

Она сунула мне в руку связку ключей.

– Окажи-ка нам услугу, спустись в погреб,— прокричала миссис Макспадден.— Принеси литр виски – вторая арка слева. Только никого с собой не води и дверь запереть не забудь.— Пикнула микроволновка, и миссис Макспадден вывалила на тарелку полуразмороженный кирпич чили и принялась разламывать его большой деревянной ложкой.

Я тяжело сглотнул:

– Ладно.

Я прошел в подсобку – там после кухонного шума и хаоса было спокойно, прохладно и темно. Включил лампу, позвенел ключами, нашел подходящий к замку погреба. Краем глаза уловил движение за окном, выглянул: похоже, я заодно включил и свет на дворе.

На крыше «рейнджровера» дяди Фергюса Верити Уокер, облаченная в короткое черное платье, извивалась в танце. На капоте сидел по-турецки Льюис и тарачился на нее. Он оглянулся, притенив глаза ладонью, и, похоже, увидел меня в подсобке за окном. Верити совершила пируэт. Держа в одной руке туфли, она другой провела сверху вниз по боку до бедра, потом —назад, до головы, и снова вниз, по коротко подстриженным светлым волосам,

На нее, точно луч сценического прожектора, падал свет, резкий, белый. И казалось, будто ее волосы охвачены бледным пламенем.

Льюис спрыгнул с «рейнджровера» (Верити закачалась, замахала руками, когда машина запрыгала на амортизаторах), встал рядом с машиной, между мною и Верити, и протянул руку вверх, к ней. Она продолжала увлеченно танцевать, но тут он, должно быть, что-то сказал, и она двинулась, по-прежнему пританцовывая, но уже медленнее, плавнее, к краю крыши; неторопливо качались бедра, губы растягивались в широкую улыбку. И вдруг, глядя на Льюиса, она прыгнула с крыши. Льюис ее поймал, отступил на пару шагов под ее тяжестью, затем шагнул вперед – Верити обвила его шею руками, а ногами обхватила талию – светлые бедра на черном фоне. Льюис толчком бедер подбросил ее вверх. Оба с шумом навалились на

«рейнджровер». Верити крепко приложилась спиной – но если и ушиблась, виду не подала. Руки-ноги по-прежнему обвивали моего брата, и его голова опустилась к ее голове. Пальцы Верити принялись гладить Льюисовы макушку, затылок, виски.

Через некоторое время рука Льюиса потянулась назад, за спину, ладонь замахала, палец указал на лампу, в ярком свете которой я видел происходящее. И – рубящее движение кисти: гаси!

Когда он это сделал во второй раз, я выключил свет.

Я прошел в погреб, запер за собой дверь. В погребе было холодно. Я нашел виски, вышел из погреба, запер его, выключил все лампы, отдал бутылку миссис Макспадден, получил от нее запоздалый новогодний поцелуй, прошел через кухню и коридор в заполненный гостями зал, где орала музыка и хохотали люди, и вышел через почти опустевший к этому времени вестибюль, и спустился по ступенькам замка, и прошел по подъездной дорожке до ворот, и двинул к Галланаху. Там я ходил по набережной, время от времени махал рукой или говорил «с Новым годом» каким-то незнакомым людям и добрал до старой железнодорожной пристани, а потом и до бухты, и там я сидел на краю, болтал ногами, пил виски и смотрел, как пара лебедей скользит по черной неподвижной воде навстречу далеким звукам хайлендерской джиги, что доносились из гостиницы «Стим-Пэкет-Хоутел», навстречу пению и громогласным пожеланиям счастливого Нового года, что разлетались по улицам города, и навстречу непрестанному шмыганью моего носа, что пускал влагу из сочувствия глазам.

Глава 8

Рори стоял на дюне, лицом к океану. Льюис топал вдоль воды, то и дело отвешивал пинка какой-нибудь деревяшке или пустой пластмассовой бутылке. Руки он глубоко засунул в карманы ветровки-камуфляжки, голова с коротко подстриженными на этот раз волосами была опущена.

Похоже, решение родителей провести летний отпуск с детьми на Гебридах Льюис воспринял как личное оскорбление. Все его спрашивают, что он делает на Саут-Уисте, если Льюис – дальше к северу^[61].

– Он ужасно не в духе, да, дядя Рори? Рори посмотрел вслед уходящему по пляжу мальчику.

– Ага, – пожал он плечами.

– Как вы думаете, почему он нас сторонится? – На худеньком лице Прентиса читалось искреннее недоумение.

Рори улыбнулся, еще раз взглянул на удаляющуюся спину Льюиса и двинулся по склону дюны к узкой дорожке. Прентис пошел следом.

– Это вроде называется трудным возрастом, – сказал Рори.

Кеннет, Мэри и мальчики приехали на Гебриды отдыхать – так они делали почти каждый год. Пригласили и Рори, тоже как обычно, и он, что было уже необычно, согласился. Пока им везло: атлантическая погода баловала, деньки стояли ясные и теплые, ночи – тихие и звездные; кромешная тьма не наступала еще ни разу. Набегали высокие волны, широкие пляжи пустовали, а между дюнами и вспаханнами землями лежал махайр^[62] – море ярких цветов на густой травяной зелени. Рори тут нравилось – он даже не ожидал, что понравится. Да и отдых был кстати. Не надо писать о самолетах и паромах, о гостиницах и ресторанах, о колоритных людях и видах. Не надо обдумывать книгу путевых очерков и сочинять газетные статьи – никакого напряжения. Можно полодырничать со спокойной совестью.

Он сам вызвался в это воскресенье после завтрака погулять с мальчиками. Джеймс остался, а Льюис полчаса куксился, а потом вдруг заявил, что хочет побыть один.

Рори и Прентис шли вдвоем, их обгоняли короткие тени. Скоро дорожка заберет на восток и выведет их на большак, и по нему они двинутся на юг, к дому. Льюис окрестности знает, не заблудится – Рори не имел ничего против того, чтобы мальчик погулял в одиночестве.

По узенькому грейдеру приближалась машина, держа курс на север; пришлось отойти на обочину, чтобы пропустить. Рори и Прентис помахали водителю, когда он помахал им. Вдали шуршал прибой, невидимые отсюда волны набегали на искрящийся махайр. Заливались жаворонки – певучие точки среди небесной синевы и пушистых облачков.

– Дядя Рори, а ничего, что мы в воскресенье гуляем?

– Ничего – чего? – взглянул на мальчика Рори. Прентис казался ужасно тощим в шортиках и рубашонке с короткими рукавами. Рори надел старую рубашку-сеточку и самодельные шорты – в прошлой жизни джинсы.

– Папа говорил, не на всех островах можно ходить по воскресеньям! – выкатил глаза Прентис и раздул щеки.

– А, да, – кивнул Рори. – У крутых протестантов на Льюисе и Гаррисе это вроде запрещено, но здесь-то католики живут, они на такие вещи смотрят поспокойнее.

– Но как это – чтобы нельзя ходить? – возразил Прентис, кивая на свою тень на серо-черном асфальте.

– Кажется, в церковь и обратно – все-таки можно.

– Ха! Подумаешь! – пренебрежительно отозвался Прентис и на какое-то время умолк. А потом сказал с хитринкой: – Но ведь бывают и окольные пути, и очень даже длинные.

Рори рассмеялся, и тут ему на глаза попался маленький белый цветок, лежащий впереди на дороге. Прентис недоуменно взглянул на него, а когда понял, чему смеется дядя Рори, улыбнулся. И ступил на цветок. Подпрыгнул и взвизгнул от боли.

– Ой, нога! Больно! Ой! Ой!

Рори на секунду замер с открытым ртом, глядя, как прыгает по земле Прентис, перекосившись в лице и держась за лодыжку. Сначала Рори подумал, что Прентис притворяется, но гримаса на лице мальчика убедила его: это настоящая боль. Прентис соскочил на траву и повалился, все так же держась за ногу; из сандалии торчало что-то белое.

– В чем дело? – опустился Рори на корточки рядом с Прентисом.

Мальчик дрожал; когда он повернул к Рори голову, тот увидел слезы на глазах.

– Не знаю! – проскулил Прентис– Наступил на что-то.

– Дай-ка взглянуть.– Рори уселся на траву и взялся за ногу Прентиса. Белый цветочек, который он заметил на дороге, вонзился в сандалию мальчика. И это был вовсе не цветок, а бумажный флажок «Королевского национального института спасения на водах» – такие прикалываются к одежде с помощью булавки. Булавка налицествовала – она-то и проткнула подошву. Рори, увидев ее, обмер: железка почти целиком вошла в ногу мальчика, почти в центре стопы.

У Прентиса по ноге бежали судороги, мальчик корчился на траве.

– Ой, как больно, дядя Рори,– произнес он дрожащим голосом.

– Это всего лишь иголка,– попытался ободрить его Рори.– Сейчас выну.

Он облизал губы, потер друг о друга большой и указательный пальцы, а левой рукой крепко взялся за ногу Прентиса. Ногтями нашел головку булавки, почти утонувшую в коричневой резиновой подошве. Прентис захныкал, чуть не вырвал ногу из руки Рори. Рори сжал зубы и потянул. Булавка вышла – добрый дюйм стали заблестел в лучах солнца. Прентис закричал, но тотчас утих. Рори осторожно опустил ногу мальчика. Прентис сел; у него дергались лицевые мышцы.

– Уже не так больно,– сказал он и рукавом вытер лицо.– Что это было?

– Вот.– Рори показал ему булавку.

– Ой! – снова перекопилось личико Прентиса.

– Надо бы укол от столбняка сделать,– сказал Рори.

– Опять колотья?! Ну уж нет!

Они сняли сандалию и белый носок. Рори пососал крошечную ранку и сплюнул – хотел удалить грязь. Прентис, со слезами на глазах, нервно засмеялся:

– Что, дядя Рори, плохо пахнет?

Рори бросил в мальчика его же носком и ухмыльнулся:

– Малыш, я ведь в Индии был. Это фигня по сравнению с тем, что я там нюхал.

Прентис надел носок и сандалию и встал – видно было, что это далось не безболезненно.

– Ну что, поиграем в разносчика угля и его мешок? – Рори повернулся к мальчику спиной и, пригнувшись, растопырил руки.

– Дядя Рори, а вы не боитесь? А если я слишком тяжелый?

– Запрыгивай, приятель, я же знаю, ты соломинка. Может, с тобой на закорках пойду быстрее – больно уж медленно ты плетешься. Полезай.

Прентис обвил руками шею Рори и вскарабкался на спину, и Рори припустил бегом. Прентис завизжал от восторга.

– Что я говорил? – сменил Рори бег на быструю ходьбу.

– Я правда не слишком тяжелый, дядя Рори?

– Для такого шкелета – не слишком.

– Дядя Рори, а вы не думали, что, если Бог накажет за воскресную ходьбу?

Рори рассмеялся:

– Ну, вот еще!

– Дядя Рори, а вы в Бога верите?

– Нет. То есть в христианского Бога не верю. В какого-нибудь другого – может быть.– Дядя Рори пожал плечами и усадил Прентиса поудобнее.– В Индии мне казалось, что я мог бы уверовать. А когда вернулся, все как рукой сняло. Наверное, это как-то зависит от того, где ты находишься.– Он поглядел вбок, на искрящийся махайр – бескрайний изумрудный простор, густо усеянный цветами, такими яркими, что, казалось, в них горят лампочки.– Место влияет на человека. Переезжаешь – и у тебя мысли меняются. По крайней мере, в Индии так.

– А в Америке? Она влияла на то, о чем вы думали?

Рори тихо рассмеялся:

– Да, еще как. Но чаще – совсем противоположным образом.

– А вы снова уедете?

– Думаю, да.

Прентис вытянул руки вперед. Рори глянул за запястья мальчика – худенькие, хрупкие. Одна рука гак и держала флажок института спасения на водах, булавка крутилась между пальцами.

– А когда вы в Бога верить перестали? – спросил Прентис.

Рори пожал плечами:

– Трудно сказать. Кажется, самостоятельно думать я начал примерно в вашем возрасте, может чуть пораньше.

– А-а...

– Я пытался понять, как создавался мир, и представил себе Сути. Ну, ты знаешь – кукла-рукавица...

– Знаю, знаю! У меня они есть – и Сути, и Свип^[63], – хихикнул Прентис.

– Ну так вот, я вообразил, как он стоит на крошечной планетке, с футбольный мяч...

– Но у него же ног нету!

– А в журнале, который мне на Рождество подарили, у него были ноги. Так вот, я вообразил, как он машет волшебной палочкой и откуда ни возьмись появляется мир. Я и в церковь ходил, и в воскресную школу и знал, что написано в Библии о сотворении мира, но почему-то мне казалось, что я должен сам это представить... Увидеть, но по-своему.

– Поня-атно.

– И вот я думаю: постой-ка, а откуда взялась планета, на которой Сути стоит? Ну, допустим, он мог махнуть волшебной палочкой и она бы появилась, но где он мог стоять, когда это делал? Совершенно непонятно. Допустим, он мог летать в космосе... И мне ни разу не пришло в голову спросить, а сам-то Сути откуда взялся и откуда взялась волшебная палочка. Но все же я, наверное, уже в те минуты на шагжок приблизился к неверию в Бога. Это как с драконами.

– С драконами? – переспросил Прентис и возбужденно, и встревоженно. Рори почувствовал, как задрожал мальчик.

– Ага, – ответил Рори. – По ночам, когда гас свет, когда никого рядом не было, я прятался под одеялом и воображал себе дракончиков. Сворачивался клубком, оставлял только дырочку, чтобы дышать, и затаивался. Через дырочку для дыхания свирепым драконам не пролезть, но если высунешь руку, или ногу, или, что хуже, голову – вот тут-то они и могли наброситься. Или цапнуть, или даже вытащить целиком и слопать.

– Ва-а-а! «Чужой»! – вскричал Прентис, и его ручонки сдавили шею Рори.

– Ага, – подтвердил Рори. – Да, наверное, много на этой почве появилось фильмов ужасов. В общем, я каменел от страха перед драконами, хоть и знал, что их на самом деле, может быть, и нет. В смысле, я понимал: нет ни Санта-Клауса, ни фей, ни эльфов, но все же

существование призраков и драконов вероятно, и они только и ждут, когда ты дашь себя прикончить... В общем, разве мог я не думать в такой ситуации: можно ли доверять взрослым? Даже маме и папе? Я тогда очень слабо разбирался в людях, в жизни. Обычно ты способен просто игнорировать многое из того, что не понимаешь. Но рано или поздно наступает момент, когда нужно узнать: а все ли правда, что тебе говорят?.. Почем ты знаешь, нет ли какой-нибудь великой тайны, которую от тебя скрывают? Или кругом одни злодеи, у них заговор против тебя... Что, если родители тебя просто откармливают и когда-нибудь ты сделаешься достойным блюдом для драконов? Или, может, это проверка на разумность: выживают только дети, достаточно смысленные, чтобы понять, что кругом – драконы, а те, которые доверчиво засыпают по ночам в своих кроватках, обречены, и родители не могут открыть им правды, не то их самих сожрут драконы, и сказки о драконах – это единственный ключик к разгадке, только с их помощью взрослые могут тебя предостеречь... Короче говоря, я со своими драконами сделался форменным параноиком. Иногда всю ночь напролет от страха не мог уснуть, а ну как ненароком высуну из-под одеяла голову и проснусь, когда она уже будет в пасти у дракона.

– Ух ты!

Рори крякнул, снова подкинув Прентиса на спине. А пацаненок – не такая уж и соломинка.

– Но однажды ночью, под одеялом... я уже подросток, и все-таки... я вспоминал события прошедшего дня и думал о школе, вспоминал, чему мы там учились, – а тогда шла Вторая мировая война, и мне очень не нравился Гитлер, и я спросил папу, просто для проверки, и...

– Так он еще был жив? Когда вам было десять?

– Да, он умер, когда мне было двенадцать. В общем, он принес книгу – историю войны в картинках, и там были фотографии лагерей смерти, где фашисты убили миллионы евреев, коммунистов, гомосексуалистов, цыган и всех остальных, кого не любили... Но больше всего – евреев, там были целые горы трупов, невероятно худые тела, кожа да кости... И скелеты обмотаны папиросной бумагой и уложены в штабеля выше дома или сброшены в ямы – длинные ямы, полные трупов... И металлические носилки, на которых мертвецов засовывали в печи, и груды обручальных колец и очков, и даже искусственные ноги – просто жуть... Короче, в тот вечер родители

принесли в мою комнату ночник – на случай, если будут кошмары. Но тени были еще хуже, чем потемки, и вот я лежу под одеялом и дрожу от страха, думая об этих проклятых драконах, и еще думаю: скорей бы Кен приехал на каникулы, потому что мне иногда позволяли спать в его комнате, и вот бы мне здесь разрешили не гасить торшер... В общем, до того себя довел, что разревелся. Лежу и плачу, как девчонка. И тут я вдруг подумал... Может, и есть на свете драконы. Может, они реальны и коварства им не занимать, но я-то – человек. И подонок Адольф Гитлер был человеком, и он убил миллионы людей... И я, вместо того чтобы дальше бояться и нюни распускать, отбросил одеяло, соскочил с кровати, выбежал на середину спальни – и ну орать, визжать, реветь и лупить по всему что попало.

– Ха! – заерзал на нем Прентис.

– На шум прибежали мама и папа, думали, у меня припадок. А я стою на ковре и гляжу на них, и на лице у меня такая счастливая улыбка, и я им твердо говорю: беспокоиться не о чем.

Рори улыбнулся воспоминанию и, подняв голову, огляделся. Здесь, в лощинке между дюнами, громче звучал прибой. Вдали виднелась машина, она приближалась.

– Блеск! – сказал Прентис.

Рори крикнул, в очередной раз подкидывая на спине Прентиса:

– И с тех пор у меня с драконами никаких проблем.

– Еще бы!

Гул автомобиля нарастал, а с другой стороны, в промежутке между дюнами, открывались вечно искрящийся пляж и сине-зеленый океан.

– Ну что, попробуем старый добрый автостоп? – спросил Рори.– Ты уже готов слезть?

– Ага!

Прентис съехал на траву. Он стоял на здоровой ноге, пока Рори потягивался и массировал поясницу. Когда машина была в сотне ярдов, он вытянул руку с оттопыренным большим пальцем. Прентис подался вперед и что-то сунул за воротник рубашки Рори. Это был бумажный флажок спасения на водах. Рори оттянул воротник, чтобы взглянуть на флажок, затем посмотрел на ухмыляющееся лицо мальчика.

– Это вам медаль, дядя Рори,– объяснил Прентис– За то, что вы такой классный дядя.

Рори взъерошил волосы мальчику:

– Спасибо, Прентис.

И снова посмотрел на машину: притормаживает или нет?

– А я часто Дарта Вейдера боялся,– признался Прентис, обнимая Рори рукой за талию и поднимая ногу, чтобы помассировать ее другой рукой.—Лежал под одеялом и звуки такие делал, ну, как он дышит, а потом резко прекращал, но иногда это продолжалось и после того, как я прекращал! – Прентис покачал головой и шлепнул себя по лбу ладонью.– Правда, я параноик?

Рори рассмеялся. Машина сбрасывала скорость.

– Да, вот что с нами иногда делают книжки и киношки. Твой отец пытался вам не лгать и не рассказывать ничего такого, что могло бы вызвать страх и суеверия, но...

– Ха! – воскликнул Прентис, когда ветхая «картина» остановилась, чуть обогнав их.– А я помню, как он нам про облака рассказывал: они выходят из «Стим-Пэкет-Хоутела»^[64]. Говорил, это они и есть – паровые пакеты. Ха!

Рори улыбнулся и повел, поддерживая, к машине прихрамывающего мальчика. Перед тем как сесть в салон, оглянулся на пляж, где длинные атлантические валы разбивались о широкую золотую ленту.

* * *

Он понюхал стакан: виски было янтарным, и было его немного. Запах шибал в ноздри. Он поднес стакан к губам, помедлил, затем махнул одним глотком. Защипало губы и язык, заболело горло, пары хлынули в нос и легкие. Он изо всех сил старался не закашляться – видел в вестернах, как люди кашляют, когда впервые пробуют виски,– и слишком громко прочистил горло. Оглянулся на занавеси – вдруг кто-то услышал. Потекло из глаз и носа, он достал из брючного кармана носовой платок. Высморкался. Ну и дрянь же, оказывается, это виски, неужели такое пьют ради удовольствия? Он надеялся чуть лучше понять взрослых, отведав виски,– но теперь их жизнь кажется еще бессмысленней.

Он стоял между занавесками и окнами бального зала «Стим-Пэкет-Хоутела», на железнодорожной станции под Галланахом. Снаружи был день – мокрый, жалкий, и свет под стать ему – водянистый и серый. В бухте гулял ветер, обдувал пароходы и паромы, выстроившиеся обочь пристани, и разбивался о темно-серые городские дома. Уже зажглись уличные фонари, и немногочисленные машины с горящими фарами и мотающимися дворниками пробирались по шершавым зеркалам улиц через дождевые завесы.

Позади Рори играла музыка. Он водрузил пустой стакан на подоконник, еще раз вытер нос и спрятал платок. Пожалуй, лучше вернуться в бальный зал. Бальный зал – эти слова ему были ненавистны. Не выносил он и звучащую там музыку – главным образом фольклорную горскую дребедень, – и вообще, паршиво ему было в этом сером городишке, среди серых людишек, которые слушают серую музычку на серых свадьбах. Нет бы зарядить «Битлз» или «Роллинг стоунз»... Да если уж на то пошло, то и жениться им бы не надо – современные люди не женятся.

Раздался возглас совсем рядом, и Рори подпрыгнул от неожиданности. В нескольких ярдах вздулась штора, почти коснулась подоконника – по ней будто волна прошла. Рори услышал топот, шлепанье подошв в ритме скрипок и аккордеонов – плясали джигу. Люди захлопали, закричали. Ну до чего же провинциально, господи!

Рори поправил галстук. Виски еще жгло горло да теперь вдобавок и живот. Он выскользнул через проем между шторами в зал, где за деревянными длинными столами сидели и пили люди, и между столами танцоры группами кружились в мудреной пляске – развевались длинные подола, хлопали ладоши, повсюду мелькали широкие красные потные лица, белые рубашки, галстуки, брюки в обтяжку, или – еще хуже – кильты.

Рори двинулся к эстраде, за столы, туда, где сидели, беседуя с мамой, Кеннет и Мэри. Зануда Хеймиш и Антонайна – кобыла кобылой – явились на свадьбу, он – в кильте, она – в белом подвенечном платье. Плясали как полоумные, не попадали в ритм, но были явно довольны собой.

– Вот что, – услышал он голос мамы, – вам лучше поторопиться, а то Хеймиш с Тоуни вас обскачут.

Она рассмеялась и хлебнула из стакана. На голове у нее была шляпа. Рори злился, когда мать надевала шляпу. Он подумал, что у нее пьяный голос. Кеннет и Мэри неуверенно улыбнулись друг другу.

– Да ладно, мама.– Кеннет сидел, откинувшись на спинку скамьи, и набивал трубку.– Мы пока тренируемся.

– Кеннет! – тихо сказала его жена. Мама покачала головой:

– Не берите в голову, времени еще уйма.– Она заглянула в опустевший стакан.– Не скажу, что мне без внуков невольно, но...– Она пожала плечами. Наступила неловкая пауза – тем временем играла музыка, а плясуны орали, хлопали в ладоши и топали ногами.

Рори увидел, как еще раз двинулись плечи матери, она на секунду опустила голову, шмыгнула носом и потянулась к лежащей на полу сумочке. Кеннет дал матери свой носовой платок, обнял ее за плечи. Мэри пересела к ней поближе, взяла в свои ладони руку пожилой женщины.

– Господи, как я тоскую без моего старого чертяки!

Мама высморкалась. Заблестели увлажнившиеся глаза; она взглянула на Мэри, а потом увидела стоящего позади нее и чуть сбоку Рори.

– Рори, дорогой,– постаралась она произнести как ни в чем не бывало,– а мы-то гадаем, где ты. Ну, как тебе, весело?

– Да,– солгал Рори, злившийся, когда она называла его «дорогим». Он остался на месте: не хотел, чтобы кто-нибудь почуял запах виски.

Мать улыбнулась.

– Хороший мальчик. Может, поищешь кузину Шейлу? Ты, помнится, говорил, что пригласишь ее на танец.

– Ага, ладно.– Он отвернулся.

Кузину Шейлу он тоже недолюбливал: та еще зуда. Но, похоже, кроме нее, здесь нет девушек его возраста. Паршиво, когда кругом взрослые или мелюзга и нет твоих сверстников. А все из-за его родителей. В основном из-за отца. Если б заботился о себе, если б не довел себя до инфаркта, сейчас был бы здесь. Нельзя же быть таким безрассудным. Рори подозревал, что именно по причине такого вот безрассудства мама с папой родили его так поздно, гораздо позже, чем других детей. Люди не задумываются о том, что делают, в этом вся проблема.

Он не пошел искать Шейлу, решил просто побродить. Можно и свалить потихоньку. Сваливать потихоньку – это он всегда любил. Уходил с вечеринок, когда никто не обращал на него внимания, и остальные очень поздно спохватывались, куда же он девался. Когда на улице с детьми играл в солдатики или в футбол жестяной банкой, часто ухитрялся ускользнуть, и его искали, опасаясь, что он свалился в канализационный люк, или в речку, или в лох. Как это классно – взять да исчезнуть; от этого чувствуешь себя особенным, не таким, как все. Ты сбежал, ты всех перехитрил, а им и невдомек, что ты это сделал нарочно. Мечутся там, где ты их оставил, и гадают, как дураки, куда же ты подевался, и ищут, и волнуются.

Когда ансамбль доиграл очередной шумный и невыразимо идиотский шотландский танец, Рори под восторженные хлопки незамеченным прошел за двери. В вестибюле было попрохладнее. Он выпрямил спину, расправил плечи и с целеустремленным видом двинулся в бар, где толпились мужчины с красными физиономиями: закатанные рукава, ослабленные галстуки, очередь за выпивкой, подносы с напитками, громкие разговоры, сопение и смех.

Он прошел через очередные двери, спустился по каким-то ступенькам, повернул за угол и нашел единственный на всю гостиницу лифт. С усилием раздвинул створки, вошел, сдвинул. Кабинка была чуть побольше телефонной. Он вдавил медную кнопку последнего этажа. Лифт дернулся, с гулом пошел вверх. Беленые стены шахты медленно ползли в противоположном направлении. Трафаретные цифры на пульте: 1, 2... Господи, вот занесет нелегкая сюда американцев – решат, что у нас тут каменный век. Стыдобища...

Верхний этаж – тоска зеленая. Он прошел из конца в конец по U-образной гостинице, поднялся и спустился по лестницам, которые отмечали границы двух крыльев «Стим-Пэкет-Хоутела». Окон здесь не было, только световые люки, забрызганные дождем и расчерченные ручейками сбегаящей воды.

Он-то надеялся обнаружить окна с видом на бухту или город. Рори снова пробежался по коридорам в поисках незапертой двери. Может, горничные оставляют номера открытыми, если в них постояльцев нет. Понажимал на ручки. Единственная незапертая дверь – кладовка со швабрами и прочим инвентарем.

Подходя к следующей двери, он услышал хихиканье. Взглянул на цифру. Номер 48. 48 —хороший номер. Не такой хороший, правда, как 32 или 64, но все же лучше, чем 49, и уж куда лучше, чем 47. Хотя это тоже интересно, потому что простое число. А наилучшие цифры – это 20, 23, 30, 40, 57, 75, 105 и 155. Это номера калибров, пушечные цифры. Они – самые классные. Но и 48 ничего.

Снова хихиканье. Он окинул взглядом коридор, затем опустился на корточки и заглянул в замочную скважину. Пусть это непристойно и банально, но чем еще можно заняться в сером отеле, в сером городе, в серой стране? Только этим вот.

В замочной скважине не оказалось ключа, так что ему было видно через большое старомодное отверстие. Перед большим окном-эркером стояло трюмо с высоченным зеркалом, в котором отражалась почти вся комната. В зеркале Рори увидел свою сестру Фиону, а затем и Фергюса Эрвилла. Они убирали большую двуспальную кровать.

Фиона еще не сняла персиковое подвенечное платье, очень длинное и прекрасно отутюженное. В волосах – цветы, отчего Фиона выглядела просто классно. Может, она потому так классно смотрится, предположил Рори, что больше здесь не живет, а живет она в Лондоне, тетя Ильза устроила ее в какую-то телевизионную компанию. Фиона продает время. Так она сама называет то, чем занимается. Размещение рекламы на телевидении – торговля временем. Рори понравились эти слова – показались довольно интересными.

Фергюс Эрвилл находился по другую сторону кровати. Он был одет в кильт, рубашку и жилет. Рори знал, что Фергюс – ровесник Кеннета, но почему-то он всегда выглядел старше. Может, потому, что учился в частной школе. Рори почти не знал Фергюса – тот хоть иногда и бывал в Лохгайре, разговаривал не так, как все,– *шикарно* разговаривал – и много времени тратил на стрельбу по птицам и зверям в компании других богачей. Рори всегда побаивался Фергюса Эрвилла. Несколько лет назад Кеннет рассказал о том, как Фергюс лишил Лахи Уотта глаза: воткнул в него окаменелую кость или что-то в этом роде. Рори думал, что брат преувеличил, на самом деле все было не так ужасно; и он конечно же не верил, что Лахи подался в дальние моря, чтобы там носить черную повязку и строить из себя пирата. Он нанялся на торговый флот – об этом Рори узнал от отца,– и у него искусственный глаз, а не повязка. Уж в этом-то Рори сам убедился,

потому что однажды они с мамой встретили Лахи с какой-то женщиной на улице Лохгилпхеда. Рори очень напряженно всматривался, но так и не смог понять, какой глаз – настоящий, а какой – искусственный.

Тут его собственный глаз дал о себе знать: заболел от нажима. Рори поморгал и прильнул к отверстию другим.

Фиона и Фергюс заправляли кровать, и делали они это очень смешно: сложенная вдвое нижняя простыня покрывала матрас только с изголовья. При этом оба хихикали и переговаривались напряженным шепотом. Фиона то и дело озиралась. Рори догадался, что она оглядывается на дверь, за которой он сидит на корточках.

Они убирали кровать – ну и, спрашивается, что тут такого? Однако Рори не спешил пойти дальше по коридору, потому что Фиона и Фергюс не собирались уходить из номера. Вместо этого они, поминутно хихикая, возбужденно болтали. И вдруг принялись опрокидывать мебель! Кровать, конечно, оставили в покое, но зато перевернули стол, комод, две прикроватные тумбочки, два стула и кресло. Не забыли опрокинуть торшеры и вазы. Постояли немного перед трюмо, наверное, решая, валить или нет, и в конце концов просто развернули его на сто восемьдесят, зеркалом к стене.

Тяжело дышащая Фиона прислонилась спиной к деревянной изнанке зеркала и замахала ладонью перед лицом – жарко. Щеки красные, из прически на виски упали выбившиеся прядки. Оттянула лиф спереди, дунула вниз: «Фу-у...» В этот момент Рори не видел Фергюса, а в следующий он появился рядом с Фионой, держа в руках ключ и два рулона туалетной бумаги. Что-то сказал, но Рори не услышал. «О нет!» – воскликнула Фиона и дотронулась до руки Фергюса. И лицо у Фионы было веселым, но встревоженным. «Это же гадко...»

Фергюс стоял не двигаясь, и Рори не видел его лица. «А я всегда гадкий», – услышал его слова Рори, а затем Фергюс шагнул вперед и, не выпуская ключа и бумаги, обнял Фиону.

«Что это?» – подумал Рори. Похоже, наконец что-то интересное. Сестрица Фи и крутой Ферг Эр-вилл. Вот дурочка! Ему же, небось, только ее тело и нужно!

«Ферг! – воскликнула Фиона, вырываясь, – в глазах испуг, щеки пунцовые. Держа Фергюса за локти, она широко улыбнулась: – Это

так... неожиданно». «А я всегда...» – Фергюс сбавил тон и наклонился поцеловать ее, зарылся лицом в ее волосы, накрыл ртом Фионин рот. Конца фразы Рори недослышал.

«Ну, давайте! – мысленно торопил он,– Давайте, посмотреть хочу!»

Фергюс выронил ключ и рулоны, схватил Фиону за ягодицы. Она попыталась отпрянуть. «Ферг!..» – У нее размазалась помада. «Фиона! – простонал, лапая ее, Фергюс.– Ты меня заводишь! Я хочу тебя!»

Фиона судорожно сглотнула: «Ну что ж... Я понимаю... Но не здесь же...»

Фергюс прижал ее к себе: «Давай отвезу тебя домой».

«Мне кажется, будет лучше на такси».

«Нет, лучше я. Фиона, пожалуйста! Ты не можешь меня понять...– Фергюс снова ткнулся носом в ее волосы, застонал сладострастно: – Зато можешь почувствовать!» Взял руку Фионы и прижал к своему кильту спереди.

«Опаньки!» – восхитился Рори. Огляделся по сторонам и вновь прилип к замочной скважине.

«Хм... Да уж, почувствовать могу...» – «Я хочу тебя!» – И Фергюс снова прижал Фиону. «Фергюс, не здесь!» – «Фи, умоляю!» – «Ладно, Ферг, ладно. Попробую. Как получится, хорошо?» – «Да, да, спасибо!» – Фергюс схватил ее за руки. «Ну, все,– рассмеялась она.– Пошли отсюда, пока не явилась счастливая чета. А это положи в туалет,– указала Фиона на рулоны и, поправив прическу, добавила с ухмылкой: – А на свою игрушку побрызгай холодной водой, не то решат, что у тебя спорран летать учиться»^[65].

Фергюс исчез из виду, а Фиона двинулась к выходу. Рори отвалился от двери, поднялся на одеревеневшие ноги и успел юркнуть в кладовку со швабрами за миг до того, как отворилась дверь. Через замочную скважину из кладовки он ничего не увидел. Доносился невнятный разговор, но шагов не слышать.

Рори ждал во мгле. Сердце колотилось, дыхание спирало, рука непроизвольно забралась в карман брюк и принялась гладить.

* * *

- А знаешь, где были зачаты близняшки?
- Без понятия, – ответил он и рыгнул.
- На Маккейговых руинах, блин^[66]!
- Чего? В Обане?
- Именно.
- Ну, ни хрена ж себе!
- Ничего, что я так говорю? В смысле, так – о Фионе?
- Ничего, ничего, – замахал он рукой. – Твоя жена, говори что хочешь. Впрочем, нет, это плохо, так нельзя. Я за свободу для всех женщин.
- Ну, еще бы! Чего еще ждать от Рори Макхоуна! Он же у нас бацилла коммунистической чумы.
- А ты, Ферг, – звериный оскал капитализма.
- Хватит на уши вешать большевистскую лапшу, ты, сволочь красная. И не смей меня называть Фергом.
- Прости засранца. Вмажем?
- Ну, а хрен ли?

Рори встал со скрипучего деревянного кресла и нетвердой походкой направился к Фергюсу, который лежал на голых деревянных половицах, прислонившись головой к старому дырявому дивану. В камине потрескивал огонь, его свет соперничал со светом маленькой керосиновой лампы. Рори осторожно свинтил колпачок с бутылки «Белле» и наполнил для Фергюса серебряную рюмочку-наперсток. Фергюс всегда брал в поход любимый комплект: три серебряные стопки и большая набедренная фляжка в кожаном футляре. Рори принес в рюкзаке бутылку.

- Ну, вздрогнули.
- Твое здоровье. Для марксистского ублюдка ты классный чувак.
- Рады стараться, ваше эксплуататорское ничтожество.

Рори осторожно вернулся к насиженному месту, взял с пола стопарик и перешел к единственному в комнате окну. Снаружи – хоть глаз коли. Когда они сюда добрались, была луна; пока они рубили дрова, набежали тучи; начали готовить ужин на допотопной двухконфорочной плите – зарядил дождь.

Он отвернулся от мглы. Фергюс клевал носом – вот-вот уснет. На нем были брюки гольф, твидовый жилет (пиджак и непромокаемая куртка от «Бар-бур» висели за дверью), шерстяные

носки, спортивные ботинки и бежевая рубашка в стиле «кантри». Подумать только, он даже галстук не снял! Рори носил вельветовые брюки, горные ботинки и обычную рубашку от Маркса и Спенсера. Его нейлоновая ветровка и спортивные брюки были развешаны на стуле.

Ну и странная же мы парочка, подумал он.

Его странствия закончились не очень давно. Он пожил в Лондоне, потом в Лохгайре, где пытался решить, как обустроить дальше жизнь. Было впечатление, что она проходит мимо. Он неплохо стартовал, но сейчас давал сбои, никак не мог сосредоточиться на главном. Даже не знал, что есть главное.

Вернувшись, он обнаружил, что Хеймиш занял должность управляющего на стекольной фабрике, хотя все ожидали, что это место достанется Кеннету. Однако Кеннет решил иначе: пошел в учителя. А сейчас Кеннет бросил эту работу, чтобы ставить опыты на собственной судьбе – например, писать книжки для детей. Хеймиша Рори всегда считал занудным и сумасбродным ослом, а Кена неудачником – он так мечтал путешествовать, но вот женился на Мэри, и наделал детей, и накрепко увяз в глухом углу, да еще не только растит собственных детей, но и чужих учить взялся. Было немножко жаль старшего брата. Но сейчас Рори испытывал зависть. Кен выглядит счастливым – доволен женой, детьми, а теперь и работой. Он небогат, но делает то, что хочет. И почему Кен не признавался, что он тоже пишет? Рори мог бы поспособствовать с изданием, но даже если Кен хотел все сделать сам, без помощи младшего брата, то, по крайней мере, мог бы в известность поставить. А так Рори узнал о литературском почине Кена, только когда был опубликован первый рассказ. Как будто они разминулись, путешествуя в противоположных направлениях: Кен неторопливо, но уверенно, по кирпичику, выстраивал свою репутацию детского новеллиста, тогда как у Рори ожидаемая карьера профессионального путешественника-очеркиста медленно закатывалась на западе. От нее остались только книги, уже забытые читателями, да статейки в воскресных газетах, по уровню лишь чуть-чуть выше рекламных турагентств.

Потому-то он и покинул Лондон, потому-то и приехал сюда. Надеялся зализать шрам, оставшийся после ампутации таланта.

Он подолгу блуждал по холмам. Иногда Кен составлял ему компанию или кто-нибудь из мальчишек, если Рори был в настроении. Но чаще он уходил в одиночку, чтобы как следует обо всем подумать, разобраться в себе. Итак, он на родине, здесь у него друзья и семья... И есть Лондон, там уйма приятелей и деловых связей, и там жизнь бьет ключом, и есть чем заполнить время, несмотря на душевный сумбур и нетерпение сердца... Конечно, можно и за границу махнуть, побывать в тех краях, где еще не бывал. Или вернуться в Индию (от нее пока самые яркие впечатления) – в Индии ты себе кажешься уэллсовским марсианином, пришлецом в стране чужой, и хотя материально ты гораздо богаче, зато духовно – гораздо беднее, чем люд, которым кишит эта страна; и в шумной потеющей толпе, среди острых запахов и частых прикосновений, ты еще более одинок, ты еще более чужд, и все, что есть в тебе, – далекий гулкий холод...

Однажды он на долгой прогулке чуть ли не в буквальном смысле этого слова наткнулся на Фергюса Эрвилла: тот сидел на корточках, держал наперевес винтарь с оптикой и поджидал раненого оленя сика. Фергюс жестом предложил забраться к нему в укрытие и сидеть тихо. Четверть часа ожидания прошла в безмолвии (Фергюс только шепотом поздоровался и в двух словах объяснил, что происходит), и тут появились несколько оленей, рыжевато-коричневые силуэты на фоне рыжевато-коричневого холма. Одно животное отставало, сильно хромя. Фергюс подождал, когда олени приблизятся – а они и впрямь приближались, – затем прицелился в подранка, отставшего ярдов на двести.

От выстрела у Рори зазвенело в ушах. Голова оленя дернулась, он упал на передние колени, потом завалился на бок. Разбежалось по вересковым холмам эхо. Рори помог Фергюсу оттащить маленький труп вниз по склону к дороге, где дожидался «лендрровер», и согласился подъехать до автотрассы.

– Я тебя, Родерик, с трудом узнал, – сказал, руля, Фергюс. – Не виделась сколько уж?.. Да с тех пор, как мы с Фи поженились.

– Я был в отъезде.

– Ну да, ты ж у нас путешественник. Я, между прочим, купил твою индийскую книговину.

– Угу.—Рори смотрел, как за боковым окном «лендрровера» проскальзывают деревья.

– Еще навалял что-нибудь?

– Да есть... про Штаты и Мексику. В прошлом году.

– Серьезно? – бросил на него взгляд Фергюс. – Я и не знал.

Рори чуть улыбнулся.

– Угу,—повторил он.

Фергюс хрюкнул, сменил передачу – машина запрыгала по ухабам грунтовки на подъезде к большаку.

– Кен говорил чего-то смешное... будто ты в Лондоне живешь, в каком-то гандоне... кондоме... Правда, что ль?

– Кондоминиум.

– Ага.— Некоторое время Фергюс рулил молча,— Всегда хотел глянуть на Индию, между прочим,— сказал вдруг он.— Может, и гляну. Все времени не хватает...

– Вообще-то просто приехать и глянуть – это ничего не даст. Не та страна.

– Серьезно?

– Серьезно.

«Лендрровер» выехал на магистраль между Лохгиллхедом и Лохгайром.

– Слышь, у нас сегодня вечером народ собирается, в городе...— Фергюс глянул на наручные часы,— Уже позновато, честно говоря. Но как насчет того, чтобы завтра утром к нам заехать?.. Слышь, а ты рыбу хаваешь?

– Да бывает.

– Это не против твоих вегетарианских убеждений?

– Нет. В этом отношении Индия мало на меня повлияла.

– Отлично, завтра с тобой едем на рыбалку. На Адде есть местечко, форель там – во! – показал Фергюс. – Я за этой скотиной несколько месяцев охочусь. Мелочи тоже хватает, конечно. Это я к тому, что перестану с тобой разговаривать, если мою выловишь. Ну что, годится?

– Ладно,— согласился Рори.

Так они подружились – в некотором роде. Большинство друзей Рори по Лондону состояли в Международной марксистской группе, ему же больше нравилось бродить по холмам с полудурком-богатеем, волею случая оказавшимся женатым на сестре Рори. Фергюс жил ради охоты и рыбалки, а жене и замку отдавал, казалось, сущие крохи

досуга. Не далее как год назад он сократил штаты на стекольной фабрике и половину рабочих вышвырнул на улицу.

Время от времени они вместе куда-нибудь ездили, и Фергюс оказался спутником недостающим, не то что Кен с его болтливостью, Льюис с его капризностью или Прентис и Джеймс с их тысячей «почему». Все равно что в одиночку бродишь по холмам.

А пару дней назад Фергюс предложил длительную велосипедную прогулку, по неезженным холмам, где «лендроверу» не пробраться. Они взяли телескопические удочки и дробовики – было решено питаться дичью и рыбой, а жить – чтобы не везти палатку – в старом охотничьем приюте.

И вот они на первом этаже приюта – сейчас тут никакой услуги, это просто крыша над головой. Комната, в которой они поселились, имела большое окно, очаг, диван, стол, два кресла и две койки. Были и другие комнаты, в том числе и с кроватями, но занимать одну комнату – значит, топить один камин. В эту осень похолодало рано.

– А все-таки, – Фергюс по-прежнему лежал, прислонив голову к дивану, и глядел вверх, – ничего, что я так о Фионе говорю, а? Она ведь тебе сестра, а мне жена. Ты не в претензии, а?

– Не в претензии.

– Молоток!

– Маккейговы руины... Надо же...

– Гм... Ну да. Во всяком случае, это скорее всего. А между прочим, идею подкинула Шарлотта.

– Твоя сестра?

– Угу. Она замужем за Уокером, ну, за этим, из Эдинбурга.

– Ах, да, помню. – Рори подошел к стулу, на котором висела его ветровка.

– Шарли – стремная девчонка... Задвинулась на древностях, вот и приспичило, чтобы Уокер ее дефлорировал в Пертшире, под старинным дубом. Не хило, а? Сама мне об этом рассказала.

– Ого! – Рори порылся в карманах куртки.

– Вот и мы с Фионой задумали что-нибудь отчебучить, когда были в Обане. Да так засвербило у обоих... Ничего, что я про твою сестру такое рассказываю?

– Ничего.— Рори достал из куртки жестяную табакерку и подкинул на ладони.— Ничего, если подымлю?

– Да ради бога. Холод собачий в этом сраном колизее. Пришлось сидеть на... Ой,— спохватился Фергюс,— у тебя что, непростой табачок?

Рори улыбнулся и сел:

– Точно.

– Да ладно,— замахал рукой Фергюс,— валяй.— Он настороженно смотрел, как Рори возится с бумагой.— Дело твое.

– Попробовать не хочешь, а, Ферг?

– Гм...— Фергюс запрокинул голову, заморгал.— Да можно, пожалуй. Если честно, еще ни разу не пробовал. Двоих ребят из школы за дурь вышибли, ну, я и решил не связываться.

– Так я же не принуждаю.

– Да ладно, давай.

Они раскурили косяк. Фергюс, лишь изредка позволявший себе сигару под виски, с тех пор как прекратил курить трубку, заявил, что дымок по кайфу. Он даже против запаха смолы не возражал, разве что не понравился ему сладковатый привкус дымка.

– В жизни все надо попробовать... Тебе, небось, сочинять помогает? — спросил Фергюс, возвращая косяк Рори.

Тот дернул напоследок и отправил окурок в камин.

– Может быть.

– Так ты уверен, что мне можно так — про твою сестру?

– Уверен.

– Молоток! Э? Слыхал?

Фергюс таращился на оштукатуренный потолок. Рори тоже поднял голову, прислушался. И услышал кое-что еще кроме потрескивания огня. Непрерывное поскребывание между потолком и крышей.

– Крысы, точно!—заявил Фергюс и перевернулся — лицом к рюкзаку.

Рори задумался. Они находились в безлюдном старом доме, в забытой богом глуши, под черным звездным небом одного из самых таинственных уголков Шотландии, и на потолке шурило, а в комнате рядом лежал пьяный, обкуренный мужчина. Рори пожал плечами. Наверное, и правда крысы. Или мыши. Или птицы.

Фергюс аккуратно подтащил рюкзак по половицам. Поднял. Винтовка и дробовик были в водонепроницаемом чехле, пристегнутом к боку рюкзака. Фергюс отстегнул чехол.

– Тсс! – сказал он Рори.

Рори, начавший скручивать новый косяк, помахал Фергюсу рукой. Глотнул виски.

Он уже набивал сигарету, когда к нему повернулся Фергюс и протянул дробовик.

– Держи! – приказал шепотом.

– Гм... – благодарно кивнул Рори и услышал хруст наверху.

Фергюс положил на пол рядом с собой старинный «ли энфильд». На коленях подобрался к Рори.

– Вон там засранка, – указал Фергюс и дотронулся до ружья, которое держал Рори. Трудно было делать косяк одной рукой.

– Положи, – прошипел Фергюс и, забрав с колен Рори жестянку, опустил на пол.

Рори почувствовал раздражение.

– Вот так, – сказал Фергюс, – снимаем с предохранителя. Когда шмальну, сади в то же место, понял?

– Ага.

Рори миг позабыл про косяк. Он взял дробовик.

Фергюс на корточках бесшумно двинулся по комнате, глаза и ствол были направлены на оштукатуренный потолок. Остановился. Рори различил звук: как будто паучок бежит по сверхчуткому микрофону.

– Ба-бах! – грянуло ружье. Рори чуть не выронил дробовик.

– Луни! – заорал Фергюс.

Из маленькой пробоины в потолке сыпалась штукатурка, в комнате повис дым. Рори взял на мушку отверстие, нажал на спуск. Приклад ударил в плечо, и Рори, опрокинувшись вместе с креслом, растянулся на полу.

– Мочи! Мочи! – вопил где-то рядом Фергюс.

Кругом все заволкло дымом. В ушах звенело. Рори встряхнул помповуху, загоня патрон в ствол. Снова резко ударил «ли энфильд». В потолке, почти над головой Рори, появилась новая дыра. Отлично – можно достать крысенюша, даже не поднимаясь с пола. Доски служат дополнительным упором для приклада. Он снова нажал на

спуск. Ба-бах! Уже не так оглушительно, как в первый раз, хотя в плечо ударило побольнее.

С потолка сошла лавина колотой штукатурки, засыпала Рори с ног до головы. Он выплевывал крошево, моргал забитыми белой пылью глазами. Услышал, как рядом на что-то налетел Фергюс. Послал патрон в ствол, оглянулся. Фергюс лежал на кушетке, целясь в середину потолка. Снова выстрелил «ли энфильд». Уже приноровившийся Рори прицелился и шарахнул в то же место еще до того, как утихло эхо выстрела Фергюса. Все было в дыму, из ушей, кажется, шла кровь, ну, так и хер с ней! Рори снова подготовил оружие к стрельбе.

Когда удалось разглядеть то место, куда указывал винтовкой Фергюс, Рори, так и лежа на полу, ноги на опрокинутом стуле, начал садиться. Голова и спина оторвались от пола... И тут же верхнюю половину туловища резко повело вправо, к Фергюсу.

– Ой!– Рори с помощью руки попытался восстановить равновесие, но в ней был дробовик. Длинное вороненое дуло смещалось в сторону Фергюса. Тот следил за беспомощным падением Рори, ружейный ствол кренился, как спиленное дерево, широкая мушка смотрела прямоком на Фергюса. Рори совершенно ясно понял, что сейчас произойдет, но предотвратить не мог. У Фергюса от ужаса округлились глаза. Он подпрыгнул изо всех сил, спеша укрыться за спинкой дивана.

Рори упал на бок, дробовик грянул, и спинка дивана взорвалась пылью и конским волосом.

Рори положил на пол оружие. Выстрел еще гремел в его ушах. Комната пропахла дымом, и огонь в очаге вдруг показался удивительно тихим.

– Ферг? – осторожно позвал Рори, но сам себя не услышал.– Ферг!– выкрикнул он.

Он сел, оставив на полу помповуху. С него градом посыпалась штукатурка.

– Чего ? – появился Фергюс над спинкой дивана. Он был без оружия.

Рори глядел на него. Оба моргали – слезились глаза.

– Не попало?– спросил Рори.

– Не знаю.– Фергюс, пошатываясь и хрустя штукатуркой, обошел диван и сел. Глянул на дымящуюся дыру в спинке дивана рядом с собой, затем на пробоины в потолке.

На эти дырки он таращился долго. Потом заплакал. Рори растерянно смотрел на него.

– В чем дело, приятель?

Фергюс не ответил. Он плакал, глядя на пробитый потолок. Потом судорожно наполнил воздухом легкие и опорожнил их громкими рыданиями, вздрагивая всем телом. Наконец закрыл лицо ладонями. Так и сидел, покачиваясь взад-вперед, вцепившись пальцами в волосы над ушами. Слезы текли, срывались с носа и пятнали белую пыль на половицах у его ног.

– Ферг,– подошел к нему Рори. Поколебался, но все же положил руку на плечи. – Фергюс, что не так, скажи?

Фергюс поднял голову, и вдруг Рори почувствовал себя старше него. Мясистое красное лицо Фергюса опухло, слезы пробороzdили пыль на щеках, исчезая в щетине на подбородке. Наконец он заговорил – голосом обиженного мальчонки:

– О господи! Рори, я должен это кому-нибудь рассказать, но ты обещаешь... дай слово, что сам – ни словечка ни единой душе! Поклянись!

– Ты что, прикончил кого-нибудь?

– Нет!– помотал головой Фергюс, воздев очи горе.– Боже упаси! Да это и не обо мне.

– Ладно, даю слово.

Фергюс посмотрел на Рори, и тот содрогнулся.

– Клянешься? – глухо спросил Фергюс. Рори кивнул:

– Клянусь.

У него кружилась голова. Казалось, полная дыма комната кренится, качается. Может, в патроны для дробовика или винтовки сейчас какую-нибудь химию добавляют? И почему я заговорил про убийство? Глупо. Глупо вести такие речи, в таком месте, безлунной ночью и т. д., тем более когда под рукой парочка единиц огнестрельного оружия.

– Хорошо.– Фергюс откинулся на спинку дивана, подышал глубоко и посмотрел на Рори почти трезвым взглядом.– Ничего, что я так

про твою сестру? – медленно проговорил он, и губы расплзлись в кривой улыбочке.

«Господи!» – подумал Рори, и его затошнило.

Но отступить было поздно.

На рассказ ушло минут пять. К его завершению Фергюс Эрвилл снова плакал, как дитя. Рори пришлось его утешать. И, сказав уйму самых добрых слов, какие только пришли на ум, он наконец признался – в уплату за доверие, да и самому захотелось исповедаться в свою очередь, – что на его совести пожар, уничтоживший пятнадцать лет назад амбар возле Порт-Энн.

Потом они над всем этим посмеялись, но то был тяжелый смех – растерянный и горький, и ничего им больше не оставалось, как тяпнуть виски и долбануть скрученный Рори косяк. Короче, Рори вздохнул с облегчением, когда Фергюсу круто поплохело и он до половины высунулся в мансардное окно – блевать на черепицы и водосточный желоб, пока Рори сбрасывал штукатурку с коек и укладывал оружие в чехол ~ от греха подальше. Проснулись они со свирепым похмельем в изувеченной комнате. Пахло черным порохом и рвотой. У очага валялась крыса – выстрелом ее почти разорвало надвое.

Перед уходом они не прибирались – взяли вещи и ушли. Никто даже словом не обмолвился о том, что было сказано ночью. Сошлись во мнениях: надо возвращаться к благам цивилизации и не мешать виски с марихуаной.

Больше не было таких походов с охотой, рыбалкой или просто стрельбой. Той же зимой Рори перебрался в Лондон.

Там он писал стихи.

Глава 9

Окутанный дождем, сотрясаемый порывами ветра, поезд стоял, дожидаясь разрешения выйти на магистраль. Не зная, чем еще заняться, я смотрел, как холодный ветер прижимает к земле грязную жесткую траву на пустоши возле Спрингберна. По пустоши топал человек, перед ним семенила дворняжка. Через прямоугольное поле тянулись две тропинки, образуя четкий андреевский крест из примятой травы. Пес остановился, унюхав что-то в бурьяне, задрал ножку, помочился. Шедший за ним человек был одет в дешевые джинсы и полупальто, руки он глубоко засунул в карманы. Бредя за собакой, время от времени давал ей пинка – от этого бедолага припускала, увеличивая дистанцию между собой и хозяином. Но через секунды бег вприпрыжку сменялся беспечной трусцой.

Смеркалось. Вдали зажигались уличные фонари – рассеянные искорки разгорались, меняли цвет с малинового на оранжевый.

Я глянул на часы. Серьезно мы застряли, вот уже минут десять ждем разрешения выйти на Квин-стрит. Тут часто приходится стоять и ждать, пока пройдет поезд на Эдинбург, но редко задержка бывает столь долгой. Станция отсюда в каких-то пяти минутах, и, что важнее, едой можно разжиться тоже в пяти минутах. Я не позавтракал, так как лег спать около четырех утра, ланч пропустил из-за похмелья и вообще едва не опоздал на поезд. И в поезде не оказалось вагона-ресторана – по распоряжению министерства путей сообщения до конца праздника этим вагонам стоять на запасных путях, такие вот дела. А на станции Квин-стрит, в какой-то паршивой миле, и гамбургеры, и сэндвичи, и пироги, и пирожные. Да будь там одни только хаггисбургеры, я бы и от них не отказался.

– Леди и джентльмены... – прохрипел с акцентом жителя Глазго вагонный динамик, и я упал духом – вот оно, «идеальное» завершение «идеального» отдыха – из-за неполадок в работе светофора...

Я выглянул из сотрясаемого ветром вагона, где люди стенали, ругались и клялись отныне ездить на автобусе, или в следующий раз взять напрокат тачку, или купить тачку и научиться водить... За стеклом, испятнанным дождем, я увидел холодный январский день, серые небеса над мокрым городом, тропинку среди примятой ветром и

дождем травы на пустыре. Картина вызывала уныние и жалость, в том числе и к себе самому. Интересно, по большому-то счету хоть что-нибудь имеет хоть какое-нибудь значение? Ты живешь, ты умираешь. Издали ты неотличим от этих травинок, и кто сказал, что ты важнее любой из них?

Трава может считать, что ей повезло, если она растет, если на нее падают солнечные лучи и дождевые капли и если ее не сжигают, или не вырывают с корнем, или не травят, или не закапывают при вспашке, разве что некоторые былинки волей случая оказываются на пути человеческом и их безжалостно топчут, ломают, мнут.

А люди?

Разум? Воля? Контроль? Кое-что в жизни мы контролировать не в силах, как не в силах трава контролировать человека, которому взбрело в голову распахать пустошь или построить на ней фабрику. Может, в великом гравитационном танце какой-нибудь астероид не удержится на своей орбите и упадет на Землю. Как пуля в лобешник: раз – и нет тебя. И никаких свидетелей твоей красивой гибели – разве что инопланетяне ее зафиксируют с ближайшей звезды. Только ничтожная вспышка, будто спичка загорелась в луче мощного прожектора... И больше ничего.

Неужели все-таки нет никого, кто увидит, кто узнает? Неужели нет Бога? Черт возьми, Ему ведь и пальцем-то шевелить не нужно. Не нужно отзывать на молитвы, делать нас своими избранныками, играть какую-то роль в нашей истории, в нашем развитии. Не нужно было и создавать нас, вообще ничего творить было не нужно. Все, что от Него требуется, – это существовать. Существовать ныне и присно... и даже не во веки веков, а до того момента, когда придут нам кранты. Чтобы зарегистрировать. И *объять*.

Я смотрел на траву, истязаемую дождем и ветром; налетая порывами, они прилизывали то один, то другой клочок пустоши – будто шрамы появлялись вдруг на ней под серым небом. И я даже представил, как отец спорит со мной и подпрыгивает от возбуждения – так ему нужно найти смысл, обрести веру.

Поезд дрогнул. Я тоже дернулся, выныривая из раздумий. Тут локомотив дал задний ход, загудели моторы, застонали пассажиры – и состав поплелся назад под шквалами дождя, чтобы пройти Мэри-хилл и сделать петлю через Эннисленд и над Грейт-Вестерн-роуд.

Мы некоторое время ехали параллельно Крау-роуд, а потом постояли в ожидании разрешающего сигнала возле станции Джорданхилл. Я глядел на пыльные стены многоэтажек, что передом выходили на Крау-роуд, прикидывал, где там квартира Дженис Рэй.

Я подумал о дяде Рори и вспомнил, что у меня с собой его бумаги, в том числе пачка листов со стихами. Их мама нашла в лохгайрском доме и отдала мне. Я потянул с полки сумку – творчество дяди Рори не так вгоняет в тоску, как сиюминутная действительность.

Все мои надежды на то, что новогодние объятия Льюиса с Верити – досадная случайность, разлетелись вдребезги на следующий вечер, когда они вместе заехали к дяде Хеймишу и тете Тоуни, где вели себя как свежее испеченная парочка влюбленных, и на шее у Льюиса под длинными темными кудрями и воротом белой рубашки, стянутой галстуком-шнурком, очень плохо пряталась россыпь засосов.

Льюис и Верити без конца переглядывались, хохотали над своими шуточками, даже если в этих шуточках не было ни крупицы юмора, и садились бок о бок, и находили сотни предлогов, чтобы друг к дружке прикасаться... Мне хотелось блевануть. Все мы собрались на традиционные новогодние посиделки у Хеймиша и Тоуни – на этом спокойном мероприятии народ обменивается байками о своих попойках и рецептами снятия похмелья, а также не упускает случая заполнить алкогольные провалы в памяти кого-либо из присутствующих.

Я помогал тете Тоуни на кухне, но и оттуда был вынужден уйти, когда Льюис с Верити вызвались поспособствовать с готовкой и тут же принялись скармливать друг дружке лакомые кусочки; их интимная возня нарушалась только взрывами бабуинского хихиканья и совершенно поросячьего хрюканья. Тогда я перешел в столовую и угостился пинтой полезительного для нервных клеток пунша, благо дядя Хеймиш всегда его варит в праздничные дни.

Позже приехали мама и папа. Всего нас собралось около двадцати – Макхоуны с примесью обслуги. Мы потягивали (в моем случае – выдували залпом) слабенький, но вкусный пунш, ели приготовленные тетей Тоуни закуски и отгадывали «альтернативные шарады». Это изобретение моего отца. Сначала надо угадать категорию, к которой относится загаданное слово. Когда пришла моя очередь, я попытался мимически изобразить «инфекционные заболевания», «известные

яды», «массовых убийц» и «природные катастрофы». Последнее, что помню,— как я хотел показать «редкие гинекологические нарушения» и «подготовку к снятию синдрома токсического шока». Публика, кажется, требовала исполнять роль стоя, но я, к тому времени успешно адаптировавшийся к горизонтальному положению, столь несущественное требование выполнить отказался и, в свою очередь, уступил кузену Джошу со всей учтивостью, на какую только был способен.

— Пусть мое место займет находящаяся слева от меня странно оджинсованная персона,— промямлил я, махнув рукой в указанном направлении, после чего позволил своей голове восстановить контакт с напольным ковром.

Кстати, насчет странных джинсов я сказал неспроста. Кузен Джош сколотил начальный капитал на торговле машинами, затем все вложил в джинсовую фирму, которая в тот момент стояла на краю банкротства. Благодаря Джошеву менеджменту джинсы не стали лучше или дешевле чужих, зато они выпускались с размерами талии 29, 31, 33 дюйма и больше, чем утерли нос всем прочим фирмам, как отечественным, так и иностранным, которые держались за привычные номера.

То была блестящая и простая идея, из тех, о которых обычно говорят: «Как же я сам не додумался!» Да при том еще и верят, что могли бы додуматься. Не нужно вкладывать лишних денег, или увеличивать количество размеров, или придумывать какой-нибудь особый дизайн. Достаточно сообразить, что половина потенциальных носителей джинсов чувствует себя не слишком комфортно в одежде стандартных размеров.

Смутно запомнилось, как я в ту ночь грезил насчет джинсов Верити. Как они графически и географически рельефны, и как здорово было бы их с нее стянуть. Потом вообразил Льюиса с повешенными на шею ботинками, и он почему-то был похож на Шейна Макгоуэна^[67], и это он избавлял ее от джинсов, а не я. А затем он вдруг превратился в Родни Ричи, и дело происходило у того дома, в присутствии родителей. Он крошечным ножом вспарывал шов за швом. И все семейство Ричи было одето в джинсовку, сидящую на них как на вешалке. В комнате всё из джинсовой ткани: и шторы, и ковры, и обои с одежными кнопками — можно ими прикноплять картины и фотографии... Вот

только мистер Ричи-старший здорово смахивал на Клода Леви-Стросса^[68], и это обстоятельство совсем спутало мои сонные мысли.

А ложились ли я в кровать, подумал я, проснувшись на следующее утро в стильной комнатенке на самом верху дома. Или мой «автопилот» набирается опыта и с каждым разом срабатывает все лучше?

Я принял ванну, оделся и заморил червячка какими-то обедками из холодильника, пинтовой кружкой воды и парой таблеток парацетамола; за этими делами я не встретил в доме никого. Было всего-то лишь восемь утра – видать, «автопилот» подгадал, когда все еще спят (возвращаясь из ванной, я услышал характерные пилорамные звуки из комнаты Хеймиша и Тоуни). День за окнами выглядел ясным, но холодным. Я завязал шнурки «мартенсов» и отправился на прогулку по холмам за Галланахом.

Чувствовал я себя препаршиво и изо всех сил старался не думать о Льюисе и Верити, но ни о ком и ни о чем другом больше думать не мог. Однако день и вправду задался: ясно и холодно, небо хрустальной синевы отражается в воде угнездившихся в холмах *лоханов* и в блистающем просторе Лох-Эдд. В такие дни холмы облиты смесью лазури и золота; в другое же время ничего подобного здесь не увидишь. Кобальтовое небо куда ярче, чем бывает даже летом, а соломенного цвета склоны ярко сияют в лучах низкого зимнего солнца. Под играющим зеркалом – поверхностью лоха – краски переливаются и пляшут. От этого зрелища дух захватывает и на какой-то краткий миг улетучиваются даже худые мысли.

Поднявшись повыше, к озеру, я обнаружил Эшли Уотт и самую экзотичную из ее кузин.

Бетонный водослив под резервуаром Лох-Эдд спускался уступами, под ним бежало несколько ручейков, орошавших ближние долины. Через водослив перекинулся мосток, там-то и сидели бок о бок Эшли и Элин, болтая ногами над потоком, а руки положив на нижний брус перил, и глядели на воду.

А с водой происходило вот что: покидая резервуар, она скапливалась на неровном верхнем уступе, переливалась через его кромку и собиралась ниже, и так, с нарастающей силой, преодолевала всю «лесенку». Наступало относительное затишье, пока вода снова копилась на верхнем уступе, чтобы повторить всю череду низвержений. Стоит ли удивляться тому, что не кто иной, как мой папа,

впервые заметил это странно классически-хаотическое явление и посоветовал нам, детям, обратить на него внимание. С тех пор никто из нас не смог выяснить, техногенный это феномен или же каскад появился только по прихоти случая. Да и не важно. Главное, что это чудесно, красиво, отдохновенно и психоцелительно.

– Здравствуй, Прентис,—сказала Эш.

Выглядела она немного усталой, под глазами тени, но волосы, длинной и цветом напоминавшие львиную гриву, отсвечивали в медных солнечных лучах – будто сами по себе лучились здоровьем.

– Приветик.– Я кивнул ей, затем Элин.

По происхождению франко-вьетнамка, Элин была помолвлена с Хью Уоттом, одним из многочисленных кузенов Эшли из той ветви рода, которая питала пристрастие к экзотике, что проявлялось в выборе спутников жизни из экзотических стран. Крейг, брат Хью, связался с долговязой нигерийской красоткой по имени Нур.

Рядом с Эшли Алин выглядела еще subtilнее и смуглее, чем была на самом деле.

– Элин, *за ва?*^[69]

— Волшебнo, Прентис,— ответила Элин со сносным глазговским акцентом.

– Хочешь освежиться? – сказала Эш, когда я сел рядом с ней. Она пошарила между собой и Элин, затем вручила мне ополовиненную бутылку «Айрн-Брю». Поутру я уже вылакал галлон ледяной воды из разных ручьев, но шотландское народное средство от похмелья – тоже неплохо. Я сделал пару глотков, вернул бутылку, вытер губы.

– Ну и видок у тебя,— сказала Эш.

– А самочувствие и того гаже,— хмурo проговорил я, глядя, как вода каскадами слетает по бетонной лестнице водослива.

– Прентис, я твой след на вечеринке Эрвиллов потеряла,— вспомнила Эшли.— Слиял по-тихому или просто вырубился?

– О господи! – простонал я и опустил голову на холодную стальную трубу.

– Э-э?...—тихо сказала Эш и погладила меня по голове.— Что за грусть-кручина, друг мой дорогой?

– Да ничего особенного,— вздохнул я, медленно поднимая голову и глядя на воду.— Просто увидел, как женщина, которую я люблю, липнет к моему хитрому и ловкому брательнику, точно клейкая лента к мухе,

и, похоже, им обоим это в кайф... Господи боже, меня тошнит, как... Даже приличного образного сравнения придумать не могу. Или хотя бы неприличного, что было бы куда уместнее в данном случае...

– Ну, а кроме этого, все в порядке? – обняла меня за плечи Эш.

– Эшли, помоги.—Я закрыл глаза и потерялся головой о ее плечо.—
Что мне делать?

– Вообрази ее в сортире,— хихикнула Элин.

– Цветная женщина говорит умные слова,— опустила Эш свою голову на мою.— Интенсивный курс лечения по ее методу быстро собьет температуру страсти.

– Нет,— вздохнул я, открывая глаза, когда очередь всплесков объявила о новом хаотическом низвержении воды.— Лишь привьет страсть к копрофагии.

– *Pardon ?*

— Интересно, это так же некрасиво выглядит, как звучит?

– Еще некрасивее.

– *Merde !*

– Угу.

– Что ж, Прентис, вижу, твой случай безнадежен. А о суициде не подумываешь?

– Ага. Как только все это кончится, залезу в туннель под Ла-Маншем и лягу на рельсы.

Под моей головой шевельнулось плечо Эшли:

– Ну, у тебя еще уйма времени, чтобы уладить все дела.

– А меня отнюдь не мои дела заботят.

– Да и вообще, Прентис, эта женщина тебе не подходит.

– Что? Недостаточно хороша?

– Нет, Прентис. Просто у нее слишком развит вкус. У тебя с самого начала не было ни единого шанса.

Я отстранился и озадаченно взглянул на Эшли, а та лукаво улыбалась.

– Это еще что? – спросил я.— В актрисы, что ли, собралась, готовишь для прослушки главу из Библии про самаритянина?

Эшли взяла мои ладони:

– Прентис, да брось ты переживать. Может, это просто судьба: твоя, ее, Льюиса... Или наберись терпения. Может, она еще

образумится. Может, ей с возрастом захочется перепробовать всех братьев Макхоунов...

– Или с весом.

– Или с весом.

– Может, выйдет замуж за Льюиса, а с тобой заведет долгий роман.

– Ух ты! Класс!

– Понимаешь теперь? Никому не известно, что принесет будущее, – бодро заявила Эшли.

– И вообще, Прентис, – зазвучал певучий голосок Элин, – в море всегда хватало рыбки.

Я глянул на Элин:

– Неплохо. Можно, я буду это цитировать? Элин подмигнула и постучала пальцем по ноздре.

– Сортир, – сказала заговорщицки. Я решил, что пора вставать.

– Бесплезно, – вздохнул. – Вы слишком меня обрадовали, не переживу такого восторга. – Я устало поднялся на ноги – мышцы ныли после пьянки и ходьбы.

– Увидимся в «Яке» вечерком? – спросила Эш.

– Возможно, – ответил я. – Я все пытаюсь утопить в вине горе, да только у него плавучесть покруче, чем у пенополистирола.

Снова вода поскакала по водосливу, шумя, как миллион топающих ног. Я пожал плечами:

– Впрочем, так и быть, сделаю еще попытку. Когда-нибудь ведь поможет.

– Вот этот парень в моем вкусе!

– До встречи, девочки.

– Пока, Прентис.

– Только постарайся до вечера больше ни в кого не влюбиться.

* * *

Примерно час спустя я увидел зеленый «шевроле метро» матери. Она как раз ехала по подъездной Дорожке от дома Хеймиша и Тоуни. Завидев меня, остановилась, опустила стекло.

– А вот и ты.

– А вот и я.

– Ждала здесь целую вечность.– Она глянула на ручные часы.– Сядешь?

Я уселся в машину, и мы задним ходом проехали пятьдесят ярдов по дорожке. Вот и славненько, а то ноги устали, и вообще – всегда лучше ехать, чем идти.

– Что нашла из бумаг Рори, прихватила,– сказала мама.– Твой отец думает, было еще кое-что, но надо рыться в шкафах.

Я посмотрел на заднее сиденье: там лежала папка.

– Правда, ты этого не заслуживаешь,– добавила мать.

– Огромное спасибо.

Я взял папку. На корешке было написано «ВД». Папка такая же, как та, что у меня уже есть. Разве что чуть потолще. Смутно припомнилось, как вчера вечером я напомнил маме, что ищу остальные бумаги дяди Рори.

– Ну? – спросила она.

Я огляделся, зевая, и повторил за ней:

– Ну?

Мы остановились у парадного входа.

– Что, не помнишь вчерашний вечер? Мама выключила зажигание. Она была одета в мохеровый джемпер и вельветовые брюки и пахла новыми духами. Вид у нее был не очень веселый, я бы даже сказал, слегка обеспокоенный.

– Ну... помню, но не все,– сознался я. Она укоризненно покачала головой:

– Боже мой, Прентис.., Ты так надрался.

– Гм...—Я покачал на ладонях папку, прикидывая ее вес—Да...— И соорудил лучшую улыбочку из разряда «я был и остаюсь твоим славным маленьким мальчиком».

Она подняла тонкие каштановые брови:

– И даже не помнишь, как вогнал в краску Льюиса и Верити?

Я оторопело посмотрел на нее.

– Не говоря уже о том, что вогнал в краску нас с твоим отцом,– добавила она.

Тут я почувствовал, как от лица отхлынула кровь, будто кто-то открыл клапан на лодыжке. Ох-хо-хо! Я сглотнул.

– Надеюсь, я не пытался изображать встречу в аду фаната из Брэдфорд-сити, жертвы Кингс-Кросса и работяги с «Пайпер Альфы»^[70]? – (Для этого номера требуются три сигареты; зрители плюются все, с гарантией.)

– Прентис, это не смешно. Ты чуть до слез не довел бедняжку Верити. Льюис тебя задушить хотел – едва оттащили.

– О господи! – У меня мурашки побежали по спине.– Что же я такого сказал?

– Ты ей сказал... ты всем сказал, что безумно в нее влюблен! – сверкнула глазами мать.– А после, поклявшись вечно боготворить бедняжку, сразу же принялся ее упрекать за связь с Льюисом.– Мать сердито потрясла головой, в глазах блеснули слезы.– Прентис! Чем ты только думаешь?

– Господи боже! – простонал я и положил папку на колени, а на папку положил собственное темя.– Какой же я кретин!

– Потом ты сделал несколько сомнительных ремарок насчет Лапландии... и еще упомянул какую-то «древнюю землеройную технику».

– Господи!

– И кажется, все мы правильно поняли, что значит «танцевать французский танец менаж де труа», прежде чем ты понес совсем уж полную околесицу.

– О господи!

– Не думаю, что восклицаниями «о господи!» можно что-то исправить. Прентис, я думаю, тебе необходимо извиниться перед Верити и Льюисом, и сделать это как можно скорее. Они в замке,– Мать с трудом совладала с голосом.– А еще я думаю, тебе необходимо попросить прощения у Хеймиша и Антонаины, ведь ты был у них в гостях, и это по твоей вине вечеринка закончилась рано и так некрасиво. Слава богу, ты хоть не спорил, когда Кеннет предложил тебе лечь спать. Впрочем, кажется, им с Хеймишем пришлось тащить тебя вверх, и всю дорогу ты бормотал какие-то гадости про Льюиса. В частности, что его надо бы бросить в ванну с голодными слоновьими пиявками.

Папа уложил меня в кроватку! О нет! Отец и Дерево! Позор!

– Мама, я хочу умереть,– пробормотал я в папку.

– Если ты это всерьез, то недостатка в добровольных помощниках не будет.

– Я всерьез.

– Прентис, хватит мелодрамы. Тебе не идет. Твой конек – сарказм.

– О господи!

– Прентис! – Мама положила ладонь мне на голову и погладила. – Прентис... Ты ведь у нас такой умница. Ну почему ты бываешь иногда таким дураком?

Я глубоко вздохнул:

– Эх, мама, мне и самому это интересно. Лучше не говорить, что в нашем роду такое бывает. Я шмыгнул носом, защипало глаза.

Она меня обняла, прижала к себе. Я, как всегда в такие моменты, удивился: до чего же она тоненькой и маленькой кажется.

Через некоторое время она меня отпустила, глянула в зеркало и заявила, что я ей до конца дня испортил глаза. Мы поехали к Хеймишу и Тоуни – попить чаю и попросить прощения, затем двинули к замку – навстречу самому мучительному моменту в моей жизни... который, слава богу, не наступил: Верити и Льюиса в замке не оказалось, они поехали навестить каких-то друзей Верити, живущих на Арднамурхане, и вернутся не раньше завтрашнего вечера.

Мама привезла меня обратно к Хеймишу и Тоуни. Согласилась передать отцу мои уверения в искреннем раскаянии. Просила, чтобы я поехал в Лохгайр и сам поговорил с отцом, но я молил о пощаде и, к большому моему удивлению, получил ее.

Я уже решил, что завтра поеду на поезде обратно в нашу – теперь уже официально – культурную столицу и там проведу следующие двенадцать месяцев. Верити с Льюисом четыре дня назад предлагали меня подвезти, но теперь этот вариант явно отпадал.

Я пообещал маме, что буду всем писать и принесу извинения лично при первой же возможности, а еще остановлюсь в Лохгайре перед возвращением в Глазго и повидаяюсь с папой.

В тот вечер мы с Эшли встретились в «Яке». Она выслушала мое нытье и угостила пивом, когда у меня вышли деньги (уверен, в баре мне недодали сдачу), и потом снова внимала моим причитаниям, когда мы отправились к ее маме и засиделись там черт знает до которого часа; но говорили мы тихо, чтобы не разбудить спавшего в соседней комнате Дина. Она мне сварила кофе, посидела со мной в обнимку, и в

какой-то момент я уснул, и никто мне не мешал. Проснулся на полу; нежная рука гладила мою голову, лежащую на коленях у Эшли.

– Эш,– прохрипел я,– ты – святая.

Она лишь улыбнулась.

Последняя чашка кофе, и я простился. Вернулся к Хеймишу и Тоуни, там соснул еще часок-другой, затем быстрые сборы и – в путь. Тетя Антонайна меня подвезла, иначе бы я опоздал на поезд. Через четверть часа он остановился в Лохгайре. Тут бы мне взять сумку, и сойти с поезда, и прогуляться до дома, и поговорить наконец – трезво и вне контекста альтернативных шарад —с отцом, и попросить у него прощения, и провести три часа до следующего поезда на Глазго с матерью и отцом в атмосфере долгожданного замирения. Вместо этого я опустил висок на холодное оконное стекло, закрыл глаза и позволил рту приоткрыться. И просидел так всю минуту, что поезд простоял на станции Лохгайр, да и потом не шевелился, лишь убедительно зевал, на случай если кто из пассажиров глядит в мою сторону,– пока не проехал виадук возле Саккотмора.

* * *

Поезд так и стоял на пути. До квартиры Дженис Рэй было рукой подать – вон ее дом, из окна виден. Я встал, снял с багажной полки сумку и вынул полученную от мамы папку. Нашел несколько сильно исчерканных маркером стихотворений плюс штук двадцать машинописных страниц формата А4 —похоже, отрывок пьесы или киносценария. Выбрал страницу наугад и принялся читать.

Господь: ...И вижу я их такими, какими станут они: падшими, безумными, оборванными, увечными и одинокими. И вижу я многих мертвыми на полях сражений и на обочинах длинных дорог, в канавах и пред высокими стенами, в гулких белых коридорах и туманных чашах, в полях и по берегам рек; сброшенных в ямы; сваленных в кучи; убитых и забытых. А кто остался жив, разум того обуреваем тщетной и горькой памятью и жгучим желанием довести до конца ту войну. О капитан, я вижу в этом кончину твою, пусть даже не пророчит ее твоя сверхъестественная интуиция. Истинные жертвы на войне –

солдаты. И первая жертва солдата – он сам, ибо жизнь свою отдал задолго до роковой битвы...

Больше я не осилил. Вернул листы в папку и папку – в сумку, а ее затолкал под сиденье.

Лучше смотреть в окно, на дождь – оно веселей.

От гостевания у мамы с папой я уклонился. Почему-то глаза щурятся всякий раз, когда я об этом вспоминаю. Что же со мной не так?

Они меня сделали, подумал я. На свет произвели. Во мне их гены. И они меня вырастили. Школа и университет не так сильно на меня повлияли, как родители. Возможно, даже вся моя оставшаяся жизнь не изгладит этого оттиска. И если мне слишком не по себе, если стыд не дает их навестить, то дело не только во мне. Тут и их вина, потому что они меня таким воспитали. Помнится, я отказался от этого довода, когда окончил начальную школу. Но все же здесь есть зерно истины.

Есть ли?

К черту, подумал я. Устал. Я ведь так и не отдохнул. Вечером позвоню, точно позвоню и скажу, что вырубился, уснул как убитый и никто не потрудился разбудить, и, в конце концов, не многовато ли извинений для одного дня? Конечно позвоню. Доброе слово и кошке приятно, как любит говорить папа.

Не дрейфь, Прентис, ты сумеешь их умиротворить. Все будет путем.

* * *

И был вечер, и было похмелье. Но не после выпивки, а после приступа малодушия на станции Лохгайр. Меня тошнило от всего, в том числе и от самого себя.

Поезд наконец доплелся до Квин-стрит, и я побрел, промокший, но почему-то уже не голодный, под дождем к Грант-стрит, где ждала пустая квартира. И матери пришлось звонить самой, потому что я так и не заставил себя взять трубку и набрать номер... Я даже ухитрился изобразить заспанность и легкий стыд, и пролепетал какие-то оправдания, и уверил ее, что здоров, правда здоров, не беспокойся, у

меня все в порядке, спасибо, что позвонила... И разумеется, после этого мне стало еще паршивее.

Я решил выпить чашку кофе. Самочувствие было до того мерзопакостное, что я счел моральной победой, когда сумел снизить уровень воды в переполненном Гавом (кем же еще?) чайнике до риски «минимум». Я стоял на кухне и ждал, когда закипит вода, и чувствовал себя спасителем экосферы.

И уже сидя в гостинной с чашкой в руке, я спохватился, что забыл в поезде сумку. Сначала даже не поверилось. Принялся восстанавливать в памяти: вот я поднимаюсь с сиденья, вот беру куртку, вот думаю, что надо бы перекусить, однако замечаю, что голод как рукой сняло, вот бросаю взгляд на пустую багажную полку, потом выхожу на платформу и спускаюсь на дорогу. Без сумки.

Да как же я мог? Я поставил чашку, выскочил из кресла, перепрыгнул через диванчик, подбежал к телефону и через десять минут дозвонился до станции. Бюро находок закрыто, позвоните завтра.

В ту ночь я лежал в кровати и вспоминал, что было в сумке: одежда, туалетные принадлежности, одна-две книжки, парочка подарков... и папка с бумагами дяди Рори. Вернее, обе папки, в том числе и та, которую я еще не прочел.

Нет, сказал я себе, отгоняя панический ужас. Не может такого быть, чтобы папка потерялась насовсем. Найдется. Мне в подобных случаях всегда везло. Люди в большинстве своем честные. Если кто и прибрал, то разве что по ошибке. А скорее всего, ее нашел охранник при обходе вагонов и сейчас она лежит себе благополучненько в бюро находок станции Квин-стрит или в Галланахе. А может, на запасном пути, в одной-двух милях от меня, на задвинутую мной под сиденье сумку как раз в этот момент натывается швабра уборщика... Но я ее верну. Ну, не могла она просто взять и исчезнуть. Найдет способ возвратиться ко мне. Никуда не денется.

Наконец мне удалось уснуть.

И приснилось, как возвращается домой дядя Рори, ведет старенький «ровер», в котором родилась Верити,— окно открыто, из него торчит рука с утраченной папкой. Сам он улыбается и папкой машет. В этом сне его шея была смешно обмотана белым полотенцем. И я, когда проснулся, понял, что это за полотенце.

Мой белый шелковый шарф. Незаменимый шарф-мёбиус, подарок Даррена Уотта, тоже был в той сумке.

– Не-е-ет! – провыл я в подушку.

* * *

Пробуждение было горьким – я постепенно вспомнил все то, что доставило мне вчера столько мук. Первым делом позвонил в бюро находок. Сумки нет. Выпросил номер телефона службы уборки, позвонил. Сумки нет. Попытал счастья в Галланахе – вдруг поезд успел туда доехать, прежде чем под сиденьем сумку обнаружил некий честный гражданин. Сумки нет.

Днем я снова обратился на обе станции. Эффект прежний.

В таких обстоятельствах я смог додуматься только до одного: если я – травинка, обреченная быть затоптанной, то надо с этим смириться. Смириться и лежать.

В кровати я провел целые сутки – посплю, глотну водички и снова на боковую. За все это время не съел ни крошки. Расчухался, только когда вернулся Гав (не гостивший у родителей, как я ошибочно предполагал) и громогласно доложил, что у него печень шалит и он по уши влюбился.

– Святые угодники! – был потрясен я.– Надеюсь, она хоть из приличной семьи?

– Ха-ха-ха! Это же твоя те... подруга твоего дяди, Дженис! – заявил Гав, демонстрируя ненатуральную пристыженность.– Зашла на днях, тебя искала, мы поболтали, решили перекусить в пабе, взяли по карри, пропустили по кружечке-другой, вернулись сюда, то да се, слово за слово, ну, а мне всегда нравились взрослые женщины, у них опыта побольше, ну, ты понимаешь, о чем я, гы-гы-гы, короче, Новый год получился что надо, мы его у нее провели, только к моим предкам заглянули, поздравили, кстати, она сегодня вечером придет, я обещал лазанью приготовить, может, ты к Норрису перекантуешься, его до завтра не будет, я ведь и тебя до завтра не ждал, ты же не против, а?

Я таращился с кровати на Гава, моргал и пытался хоть что-то уловить в катастрофически расширяющемся потоке информации. И изо всех сил убеждал себя, что это всего лишь сон, точнее, жестокий и

мерзкий кошмар, состряпанный некой частью моего подсознания, чтобы наказать сознание за столь недостойное поведение в последние дни... Напрасная попытка выдать желаемое за действительное – в моей подкорочной кладовой кошмарных архетипов просто не могло храниться ничего столь банально-извращенно-чудовищного, как Гав. Наконец я склотил из растрепанных желаний и чувств бригаду для экстренной реанимации если не мозга, то хотя бы желудка.

– Гав, чего-чего, а этого я никак от тебя не ожидал!

На микросекунду Гав насупился – что это, наезд? – но наезжать я был просто не в силах.

– Ты никогда не говорил, что умеешь готовить лазанью.

Глава 10

– Жил да был на белом свете во времена незапамятные богатый купец, и думал он, что в его городе слишком уж много плохих людей, особенно плохих детей.

– Это были *медленные* дети?

– Ну да, кое-кто, но в то время они ничем этого не выдавали.

– А медленные дети только в Лохгайре, а, пап?

– Нет. Медленные дети есть повсюду... следи за дорожными знаками. Но вернемся к нашему рассказу. Богатый купец считал, что дети обязаны ему честь отдавать и говорить «сэр» при каждой встрече на улице. Нищих он ненавидел и презирал стариков, которые больше не могли работать. Еще он терпеть не мог нерях и грязнуль: считал, что даже младенца, выбросившего что-нибудь из колясочки, необходимо наказывать, а если ребенок плохо ест, то пускай голодает, пока не начнет есть все, что дают на первое.

– Пап, а если тухлое дадут?

– Даже если тухлое дадут.

– Ух ты! Даже если смотреть противно и червяки ползают?

– Да. Купец считал, что это будет хорошим уроком непослушному ребенку.

– Бррр... Ы-э-э...

– Ну так вот, богатый купец был в том городе очень влиятельным человеком. Со временем стал там всем заправлять и добился, чтобы каждый житель города делал то, что купцу казалось правильным. Игру в снежки объявили вне закона, и детям приходилось есть все, что им давали. Листьям запретили падать с деревьев, чтобы не нарушали порядок на улицах, а когда деревья не послушались, листья приклеили к ветвям... Но и это не помогло, и тогда он велел деревья штрафовать: каждый раз, когда падал лист, у дерева спиливали тонкую веточку, а потом дошло и до крупных сучьев. Ну и, ясное дело, в конце концов не осталось ветвей, и тогда были спилены стволы. Подобная участь постигла и цветы и кустарники... Но некоторые горожане сохраняли деревца в потайных садиках и двориках и цветы держали в домах, но это было противозаконно, и если кто-нибудь из соседей доносил в полицию, то у нарушителя срубали деревья и отбирали цветы, а его

самого могли посадить в тюрьму, и там приходилось работать до седьмого пота, стирая написанные на разных бумажках слова, чтобы можно было снова использовать эти бумажки.

– Пап, это ведь не взаправду было?

– Да. Я это сочинил.

– Пап, а кто делает то, что взаправду?

– Никто и все. Оно само делается. Видишь ли, реальное событие, когда оно происходит, мало о чем нам говорит. Попадаются и интересные были, но чаще всего в них... слишком мало порядка.

– Значит, богатому купцу они бы не понравились?

– Именно так. В его городе никому не позволялось ничего рассказывать. Никто не имел права напевать, или насвистывать, или слушать музыку, потому что, по мнению купца, люди должны беречь дыхание точно так же, как они берегут свои деньги. Но людям не нравилось жить так, как требовал купец. И большинство мам и пап не пичкали детей тухлой едой, и им страшно не нравилось притворяться, что пичкают. Люди горевали о деревьях и цветах... И были вынуждены ходить, закрыв один глаз повязкой.

– Пап, а это еще зачем? Почему они закрывали...

– Потому что ходить с двумя открытыми глазами – это напрасный расход света. Почему бы не экономить свет точно так же, как экономятся деньги?

– Пап, эти люди были как мистер Лахи?

– Гм... не совсем. У Лахлана Уотта только один глаз, а второй, хоть и похож на настоящий, на самом деле стеклянный. Жители города могли день смотреть одним глазом, день – другим, а Лахлан...

– Пап, но ведь они все-таки чуток похожи на него?

– Ну, разве что чуток.

– А почему у мистера Лахи только один глаз?

– Потому что дядя Фергюс ему врезал! Правда, пап?

– Нет, Прентис. Дядя Фергюс его не бил. Это был несчастный случай. Фергюс и Лахи поссорились, и Фергюс толкнул Лахи, но лишать его глаза не собирался. Ну так что, вы собираетесь дослушать рассказ до конца или нет?

– Да, пап!

– Да, пап!

– Хорошо. Так вот, жить в городе из-за всех этих дурацких законов и запретов было тяжело, и люди стали его покидать, перебираться в другие города и страны, а купец придумывал все новые законы и добивался, чтобы они соблюдались, и так много времени на это тратил, что совсем забросил свою коммерцию. В конце концов город почти опустел, и купец обнаружил, что должен людям гораздо больше денег, чем есть в банке, и хотя он продал свой дом и все остальное имущество, это не спасло его от разорения. Купца выгнали из дома, да и из города тоже, потому что он стал нищим, а нищим запрещалось в этом городе находиться... И вот он долго бродил по сельской местности, голодал и выпрашивал еду, спал в сараях и под деревьями и вот наконец нашел местечко, где собрались все те нищие и все те старики, которых он сам вышвырнул из города. Конечно, они были очень бедны, но помогали друг другу и потому имели больше, чем было у купца. Он попросил разрешения остаться с ними; они подумали и согласились, но с условием, что он будет работать. Поэтому ему дали особую работу.

– Какую, пап?

– Да, пап, что за работа?

– Делать метлы.

– Метлы?

– Да, как их раньше делали: связка прутьев и деревянный черенок.

Помните, нам иногда в лесу такие попадались? Это для тушения огня.

– Хлопушки-колотушки?

– Точно. Куски старых шин, привязанные к Деревянным метловицам, чтобы хлопать по огню на земле и гасить. Так вот, в те незапамятные времена метлы делались из прутьев, ими подметали улицы, и даже в домах находилось применение. И не то чтобы очень уж давно это было, помнится, один человек такой метлой подметал дорожки в галланахском парке, когда я был постарше, чем любой из вас.

– Пап, да ведь ты у нас древний!

– Ха-ха-ха-ха!

– Все, посмеялись, и хватит. Слушайте дальше про метлы.

– Хорошо, папа.

– Слушаем.

– Человеку, который раньше был богатым купцом, а теперь сделался нищим, пришлось мастерить метлы. У него была маленькая хижина с каменным полом, а в ней – запас прутьев и метловищ. Но жители того местечка решили преподать ему урок: снабдили старыми, хрупкими прутьями, которые совсем не годились на метлы. И вот, пока он делал метлу, весь пол его хижины покрывался трухой, и ему приходилось только что изготовленной метлой подметать пол, прежде чем он мог приступить к изготовлению следующей метлы. И он, наведя в доме чистоту, обнаруживал, что метла уже пришла в негодность, от нее осталась одна палка. Он делает новую метлу, но и с ней та же история. И так далее – пока собираешь метлу, комната замусоривается, а пока выметаешь мусор, изнашивается метла. И к концу дня у порога хижины выростала большая грудa мусора – но ни одной законченной метлы.

– Но это же глупо!

– Это неэкономно, да, пап?

– И то и другое. Но ведь горожане хотели преподать урок этому человеку.

– Что за урок, пап?

– Ха-ха! А вот это вы должны понять сами.

– Ну-у, па-ап!

– Пап, а я понял!

– И что же ты понял? – спросил Кеннет Прентиса.

– Что не надо быть таким дураком, как этот купец.

Кеннет рассмеялся и, протянув руку в полутьме, взьерошил сыну волосы – мальчишечья голова свешивалась с верхнего яруса койки.

– Пожалуй, ты прав.

– Пап, – сказал Джеймс с нижнего яруса, – и что же потом было с купцом?

Кеннет вздохнул, почесал шею под бородой:

– Что было?.. Ходили слухи, что он так и умер в том местечке, пытаясь сделать метлу, которая осталась бы целой. По другим слухам, он махнул на все рукой и опустился, а по третьим – что он обзавелся помощником, который делал метлы, и нашел поставщика хороших прутьев, и стал продавать свою продукцию в другие города и деревни, и нанимал все новых работников, и построил фабрику по производству метл, и выручил уйму денег, и построил великолепный дом... А по

четвертым слухам, он, усвоив урок, тихо жил в этой деревне. С историями такое бывает: они заканчиваются по-разному, в зависимости от того, кто рассказывает, а иногда и не заканчиваются, а иногда заканчиваются не так, как хотелось бы.

– Пап, а...

– Но кое-что здесь совершенно однозначно.

– Что? Что, пап?

– День закончился, спать пора.

– Ну, пап...

– Спим, я сказал! Ложитесь как следует, головой на подушку.

Убедившись, что оба мальчика хорошо укрыты одеялами, он пошел к двери. Над комодом мягко светился ночник.

– Пап, а, пап?

– Что?

– Пап, а у этого человека была семья? – спросил Прентис – Ну, у купца из твоего рассказа. У него были родные?

– Нет, – ответил Кеннет, отворяя дверь. – То есть была у него раньше семья, но он ее выбросил из дома. Решил, что напрасно тратит время, рассказывая двум маленьким сыновьям сказки на ночь.

– Ну-у-у...

– Ну-у-у...

Он улыбнулся, прошел обратно, поцеловал обоих мальчиков в лоб.

– Но ведь он был глупый, верно?

* * *

Они оставили Марго присматривать за детьми и поехали на машине в Галланах. Кеннет улыбнулся, прочитав самодельную табличку «Спасибо вам» на окраине деревни.

– Что ты ухмыляешься? – спросила Мэри. Она сидела ссутулясь, глядела в подъемное зеркальце – продолжение крышки перчаточного ящика.

– Да знак смешной, – ответил Кеннет. – В пару к «медленным детям», что с той стороны деревни.

– Ха! – сказала Мэри. – Вот уж точно – медленные дети. Надеюсь, ты не рассказывал на ночь моим малышам всякие ужасы? А то ведь

они каждый раз не высыпаются.

– Нет,– ответил он. «Вольво-истейт» разогнался на прямом участке трассы, направляясь к Порт-

Энн.– Ну, может, совсем чуть-чуть – про мясо с червяками и одноглазых людей. Но это ж пустяки...

– Гм...– Мэри закрыла бардачок.– Я слышала, Лахи Уотт вернулся. Это правда?

– Наверное,– Кеннет, не убирая рук с баранки, подвигал плечами – хотел прогнать ноющую боль, она всегда появлялась, когда он выпивал на ночь лишку.

Они провели новогоднюю ночь дома, гуляли по деревне, встречались с другими веселыми компаниями. Марго помогла им немного прибраться в доме, прежде чем легли наконец спать, хотя Кен уже успел подремать с трех до пяти на плетеном диванчике в оранжерее.

День выдался ясным, но холодным. Дети отправились кататься по лесным дорожкам на новых велосипедах, а Мэри поспала три часа, прежде чем братья вернулись и шумно потребовали еды.

– Мы его уже сколько не видели... десять лет? – спросила Мэри.– И он что, все это время плавал?

– Вряд ли,– ответил Кен.– Он, кажется, в Австралии был... Пожил там какое-то время. Я слышал, в Сиднее устроился на работу.

– И что за работа?

– Не знаю, можешь сама его спросить. Он вроде обещал быть сегодня вечером на танцах у Хеймиша и Тоуни.

– Правда, что ли? – спросила Мэри. «Вольво» мчался по темной дороге; навстречу проскочила пара автомобилей – дыры белого света в ночи и тучи грязных брызг, но с последними живо справились омыватели и дворники. Мэри достала из сумочки аэрозольный баллончик с духами, брызнула на запястье и шею.

— Фергюс с Фионой тоже приедут?

– Обещали,– кивнул Кен.

– А ты знаешь, Лахи и Фергюс друг с другом разговаривают?

– Понятия не имею.– Он рассмеялся,– Даже не знаю, о чем они могут разговаривать – шотландский джентри-фабрикант и второй помощник, или кто он там по должности, который десять лет

промотался где-то у черта на рогах. Здравия желаю, капитан легкой промышленности!

– Фергюс – не джентри, – заметила Мэри.

– А разницы-то? Титула, может, и не имеет, зато ведет себя подчас вполне соответственно. Замок у него... Что еще нужно? – Кеннет снова рассмеялся. – Здравия желаю, второй помещик!

Снова появились огни Лохгилпхеда, в тот самый миг, когда дождь начал пятнать ветровое стекло. Кеннет, хихикая, включил дворники.

Мэри укоризненно покачала головой.

* * *

– Мир катится псу под хвост!

– Фергюс, такие люди, как ты, твердят это со времен изобретения колеса. Черта с два! Что ни делается, все к лучшему. Мир совершенствуется.

– Кеннет, ты по натуре большевик, тебе положено так думать.

Кеннет ухмыльнулся и глотнул виски с содовой.

– Хороший выдался год, – кивнул он. Фергюс глянул на него с должным отвращением и одним глотком допил, что оставалось в стакане. Они стояли в гостиной Хеймиша и Антонайны, глядели, как остальные угощаются у набитого закусками буфета. Ни Кеннет, ни Фергюс голода не испытывали.

– Зря ты так говоришь, когда из Австралии беженцы возвращаются, – кисло произнес Фергюс.

Кеннет посмотрел на него, затем оглянулся на Лахлана Уотта: тот сидел поодаль в кресле, держал на коленях блюдо с закусками и разговаривал с Шоной Уотт, своей невесткой.

Кеннет рассмеялся и спросил, когда Фергюс снова наполнил его стакан, взяв бутылку с сервировочного столика:

– Фергюс, ты не принцип ли домино имеешь в виду?

– Не важно, Макхоун, как ты это назовешь. Но что дальше будет – увидишь.

– Фергюс, не говори ерунды! Даже этот мудака Киссинджер больше не верит в принцип домино. Вьетнамцы, провоевав сорок лет, получили наконец контроль над собственной страной. Разбили и

японцев, и французов, и нас, и самую сильную нацию в истории планеты. Победили, имея велосипеды, ружья и силу духа, загоняемые бомбами в бронзовый век, а ты несешь чушь про каких-то желтопузых человечков, которые просочились в сырые джунгли равнины Налларбор и обратили азиатов в коммунистическую веру. Да скорее Хайленд-лига выиграет Европейский Кубок!

– Кеннет, а что, ты не допускаешь, что они просто взяли передышку? Знаешь, у меня стойкое ощущение, что тем из нас, кому дорога свобода, будущее не сулит ничего хорошего.

– Фергюс, ты – тори. Когда тори говорят «свобода», они подразумевают деньги. Свобода отдавать своих детей в частные школы означает деньги, чтобы отдавать своих детей в частные школы. Свобода инвестиций в Южную Африку означает деньги, которые вкладываются туда, чтобы получить еще больше денег. И не надо говорить, что тебе дорога свобода, если ты против того, чтобы черные свободно иммигрировали к нам, а ведь ты против, я знаю.– Кеннет звякнул стаканом о стакан Фергюса: – Выпьем. За будущее.

– Ха! – сказал Фергюс– Будущее! Я не стану обещать, что твои не победят, но надеюсь, этого не случится, пока я жив. Но мир и правда катится псу под хвост.

«Что-то ты, приятель, нынче унылый», – подумал Кеннет.

– Я понял, почему ты злишься: твоя шайка-лейка выбрала в лидеры женщину. Выходит, это все-таки хорошая новость... хотя избранница и из воровской породы.

– Мы избавились от старухи и поставили на ее место бабу помоложе, – сказал Фергюс и, опустив уголки рта, устремил взор над стаканом с виски на свою жену, которая вела разговор с Антонойной, – Это не прогресс.

– Это прогресс, Фергюс. Даже тори подвержены переменам. Ты можешь гордиться.

Водянистые глаза с мрачным презрением глянули на Кеннета. Тот широко улыбнулся. Фергюс снова отвел взгляд. Кеннет посмотрел в преждевременно обрюзглое, состарившееся лицо собеседника и покачал головой.

Чан Кай Ши и Франко в могиле, Ангола получила независимость, Вьетнам наконец свободен... Год получился прекрасным, считал Кеннет. Ток мировой истории, похоже, ускорился и неудержимо

забирает влево. Фергюса было даже чуточку жаль. Кончается ваше время, подумал Кеннет и ухмыльнулся.

Год получился удачным и для самого Кеннета. Би-би-си – да будут благословенны ее хлопчатобумажные носки – взяла несколько рассказов из его первого сборника. Целая неделя «Джеканори»^[71] отведена ему, и всего за полтора месяца до Рождества! Наводит на мысль: а не отдохнуть ли от учительства годик-другой?

– Хотел бы я разделять твою веру в перемены, – вздохнул Фергюс и хорошо приложился к стакану.

– А перемены происходят все время, Фергюс. Тасуются гены, проверяются новые идеи. Да сам посуди: что было бы сейчас с твоей фабрикой, если бы ты не внедрял новые технологии?

– Лучше бы жилось. – Фергюс уныло посмотрел на Кеннета. – Вся выручка за обычные пресс-папье идет на поддержание спецотдела. Больно нас бьют по карману эти высокие технологии.

– А может, ты просто недостаточно вкладываешь? Жмотишься? Гляди, сожрут тебя большие дяди. Так уж мир устроен: всяк капиталист о монополии мечтает. Все вполне естественно. Не стоит из-за этого переживать.

– Ты по-другому запоешь, когда нам придется закрыть фабрику и всех выгнать на улицу.

– О черт! Ферг, неужели все так серьезно? Фергюс еще больше насупился и пожал плечами:

– Да, серьезно. Мы предупреждали профсоюзников, что до этого может дойти. Новая забастовка или резкое повышение зарплаты – и вылетаем в трубу.

– Гм... – Кеннет глотнул виски и с тревогой подумал: он что, правда не шутит? Фабриканты часто выдвигают подобные угрозы, но вроде бы нечасто их выполняют. Кеннета немного удивило, что Хеймиш ни словом не обмолвился о тяжелом положении фабрики, а ведь он всегда ставил фабрику и церковь выше семьи и друзей.

– Не знаю, – покачал головой Фергюс. – Не будь мы так привязаны к этому месту, я бы, наверное, плюнул на все и махнул куда-нибудь: в Канаду, или в Австралию, или в Южную Африку.

Пришел черед Кеннету приуныть – хотя бы притворно.

– Да, Ферг, – сказал он, – в ЮАР бы тебе, небось, понравилось. Но все-таки не рекомендую, если хочешь держаться подальше от красного

прилива.

– Гм...– Фергюс кивнул, не сводя глаз с жены, говорившей теперь с Шоной Уотт.– Может, ты и прав.– Осушил стакан, повернулся к сервировочному столику с бутылками и снова щедро налил себе виски.

Антонайна хлопнула в ладоши и пропела:

– Эй вы, зануды, все идем играть в шарады! Кеннет допил виски с содовой и прошептал:

– Ненавижу шарады.

* * *

– Хендрхс-с... мне он никогда не нрлся. Выскчка тлстгубый... Да еще и пдрила...– слхала, что поет? «Прсти, а я цлую парня...^[72]» Выр-р-дык... Тшнит прсто...

– Фергюс, заткнись.

– «Прсти, а я цлую парня...» П-пидр чрнамазый.

– Лахи, ты уж извини, что тебе это терпеть приходится.

– Да ничо, миссис Эрвилл. А вы но, ремнем не пользуетесь?

– Нет... В коротких поездках – нет.

– Лахи? Лахи... Лахи! Лахи, извини, что так плчи-лось. Ну, с глазм... Прда, мне очень жль... Нкда ся не прицу, нкда... Дай я тя обнму...

Фергюс попытался сесть прямо на заднем сиденье старого «ровера» – не удалось. А удалось только голову поднять и оторвать от спинки сиденья одно плечо, но тут же он снова обмяк, привалился к кожаному чехлу и закрыл глаза.

Вокруг него рокотала машина... Рокотала еще успокоительней, чем стучали в былые дни колеса вагонов. Он пытался вспомнить былые дни...

– Точно – ничего, Лахи?– спросила Фиона, уводя машину с шоссе на подъездную дорожку перед замком. Фары проделали световой туннель между деревьям и рододендронов.

– Да ничо.

Лахлан Уотт уже собрался уходить с вечеринки Хеймиша и Антонайны, когда у пьяного в стельку Фергюса отказали ноги, и

Фиона решила, что пора везти мужа домой. Она предложила подкинуть Лахи до дома его брата, но в пути Фергюс уснул. Когда доехали, он громко храпел и на женины крики и встряхивания не реагировал. Лахи предложил ехать в замок, там он поможет вынести Фергюса из машины и дотащить до кровати, а после Фиона отвезет Лахи обратно.

– Господи, ну и позорище!— сказала Фиона, когда дорожка сделала поворот и впереди ночную мглу прорезали огни замка.— Я бы няньку попросила помочь, да только у нас сейчас другая, подменяет... Наша-то как регбист сложена, запросто унесла бы Фергюса на плече, а эта девчонка – совсем соплюха... Ее Ленни зовут, вот ее машина. В таком щенячьем возрасте за руль садиться...

Фиона остановила «ровер» впритык к бамперу битого «мини», ступила на гравий перед парадной дверью замка.

– Лахи, спасибо тебе, ты такой молодчина...

– Да без проблем, миссис Эрвилл. Фиона повернулась к нему и улыбнулась:

– Лахи, я – Фиона. Когда называешь меня «миссис Эрвилл», я себя старухой чувствую.

– Ладно, Фиона,—ухмыльнулся Лахи. Мальчишкой он был худым, субтильным, а вырос в долговязого, жилистого мужчину. Несколько лет службы на торговом флоте и жизни в Австралии сказались на его коже: она теперь смахивала на мелкозернистую наждачную шкурку. Стригся он не по моде коротко. Оба глаза блестели. Лицо было простецкое, но волевое и здорово выигрывало в сравнении с лицом Фергюса.

– Вот так-то лучше,—улыбнулась Фиона и повернулась, меняя выражение лица на брезгливое, к человеку на заднем сиденье. Фергюс как раз захрапел.— Ну что, будим эту тушу?

Разбудить «тушу» не удалось. Фиона пошла в дом – сказать няне, что она может ехать домой. Лахи тем временем пытался поднять Фергюса.

– Подъем! Ферг, проснись! Ферг!—Лахи хлопал его по щекам – тяжёлый подбородок колыхался как студень.

– Хр-р...

– Подъем!—Лахлан дал Фергюсу пощечину покрепче.— Хватит дрыхнуть,— тихо сказал он.

– Хр-р... Хендркс-с, вырдык...

Фергюс вдруг проснулся: руки бестолково размахивают, в глазах – дикий блеск, из горла – только слабое бульканье. В следующий миг он скатился с сиденья на пол и тотчас снова захрапел.

– Ну, как тут наша спящая красавица? – спустилась с крыльца Фиона вместе с тоненькой белокурой девочкой, которая на ходу застегивала ветровку.

Лахлан повернулся:

– Дрыхнет как убитый.

– Ну и денек, – пробормотала Фиона и глянула на Фергюса, а затем повернулась к девушке. – Ленни, милочка, спасибо. Поезжай, только осторожно, ладно?

– Ладно, миссис Эрвилл, – вынула девушка ключи из кармана и направилась к «мини». – Спокойной ночи.

– До свидания.

Фиона и Лахи взяли за Фергюса: Лахи – под мышки, Фиона – за лодыжки. И потащили бесчувственное тело вверх по крыльцу, через дверь. В вестибюле положили на пол, передохнули, а затем понесли по лестнице на второй этаж.

– Туда, – кивнула Фиона.

Лахи опустил Фергюса спиной на свое колено и нажал ручку потемневшей от старости деревянной двери. Дверь отошла, открыв мгlistый проем.

– Свет-то есть?

– Вот тут выключатель, чуть ниже. Комната оказалась маленькой, и лампа хорошо осветила ее. Односпальная кровать, туалетный столик с зеркалом, кресло и платяной шкаф. На стене, напротив оконца, репродукция картины с охотничьим сюжетом.

– Хватит с него на эту ночь и гостевой, – проворчала Фиона, пока вместе с Лахи тащила мужа к кровати.

– Фу-у-ух! – выдохнула Фиона и тяжело опустилась на пол.

Лахи сел на кровать, на подушку; он тоже тяжело дышал. Фиона стерла пот со лба. И с трудом встала.

– Тяжелая работенка. – Она сняла с Фергюса туфли и кивнула на дверь: – Все, идем пить лучшее виски старого пердуна. Ты заслужил.

– Годится, – улыбнулся Лахи. – Раздевать его будем?

– Еще чего!– фыркнула Фиона. В дверях она посторонилась, пропуская Лахи в коридор.– Пускай спасибо скажет, что в машине не оставили.– И выключила свет.

* **

Фергюс проснулся в кромешной темноте и не понял, где он находится. Такое чувство, будто он проваливается в черную бездну и это длится уже целую вечность. Мелькнула страшная мысль, уж не умер ли – до конца времен не будет никаких ощущений, кроме падения вниз головой... Услышал собственный стон, пошевелил руками и нащупал постельное белье. Охлопал себя – надо же, он в одежде! Вот рукава рубашки на запястьях. Вот брюки, свитер... Обуви нет. Он пошевелил пальцами – трутся о ткань носков. Ладонями легко нашел края матраса – значит, кровать односпальная.

И по-прежнему темно, хоть глаз выколи. Фергюс напряг память: где он был, прежде чем вырубился? На вечеринке у Хеймиша и Антонаины Макхоунов? Ну конечно. Он и сейчас, должно быть, у них. Это не его кровать. Его спать уложили. Наверняка в какую-нибудь собачью конуру, с них станется...

Он вытянул руку и нащупал стол. Поводил над ним – ладонь наткнулась на что-то длинное, холодное, металлическое. Настольная лампа. Нашелся и выключатель. Щелчок – все кругом ужасно яркое, ослепительно-белое. Он зажмурился. Как голова кружится, черт... И болит. И в горле сухо. Водички бы.

Он окинул взглядом комнату с белыми стенами и потолком – вроде знакомая комната. Наверное, он здесь и раньше спал, или сюда поставили что-нибудь из мебели, которую он отдал Макхоунам. Он напряг слух, но ничего не услышал. Дверь тоже казалась знакомой. И это почему-то немножко успокоило. Он встал, дотащился до двери. Как он, оказывается, замерз! Отворил дверь, за ней – темный коридор. Интересно: пахнет здесь не так, как в доме у Макхоунов. Камнем и лаком пахнет. Как в замке.

Он вышел в коридор, пошарил по стене в поисках выключателя. Нашел, нажал. Увидел лестницу, ведущую вверх. Коридор со стенами, отделанными деревом, вел к другому лестничному маршу, идущему вниз. По стенам – старые картины. Еще сильнее закружилась голова, и он опустился на нижнюю ступеньку. Он дома. Это замок.

Он встал, пошел вверх по лестнице. Увидел дверь – за ней, он вспомнил, лестничный пролет, ведущий к двум верхним этажам. Дверь оказалась на замке. Не понял. Пошарил в карманах – ключа не нашел. Снова надавил на дверь. Набрал воздуха в легкие – позвать Фиону («Дурища сонная, ты ж меня заперла!»), но вспомнил о детях («Еще разбуджу малявок»). Он спустился в нижний коридор, в кухню, попил воды. Ручные часы показывали два, настенные – тоже. У дверей в кладовку должны висеть ключи... но их на месте не оказалось.

Что за хрень? Фиона, что ли, спрятала? Неужто решила, что он, Фергюс, во хмелю опасен? Ага, еще надругаюсь в пьяном ступоре. «Хе, а ведь поделом бы», – пробормотал он. Голос в тихой кухне прозвучал хрипло. Фергюс откашлялся, и тупая пульсация боли в голове вдруг сделалась острой. К черту. Наверное, это ему наказание. Наверное, она мстит за то, что назюзюкался. Может, он там, в гостях, что-нибудь отчебучил? Напряг память – ничего не вспомнить. Нет, вряд ли. Он рюмку держать умеет, он всегда джентльмен, даже если хватит лишку.

Фергюс посмотрел на свое отражение в окне над раковиной. Провел по волосам мокрой рукой. Душ принять, что ли... Где у нас ванная? На первом этаже, где ж еще...

Фи, какая же ты дрянь! Нашла где запереть...

И тут он вспомнил про обсерваторию.

Сначала – по лестнице на крышу. Когда ставили купол, он часто бывал на чердаке. Следил за монтажом и все изучил не хуже, чем тот выпендрожистый молодой архитектор. Они ж весь чердак облазали вдвоем, светили фонариком и решали, где монтировать обсерваторию. Куда класть балки, где ставить стойки, откуда убирать стропила...

Довольный собой, Фергюс поставил в раковину чашку, вытер губы. Прошел коридором, поднялся на четыре лестничных марша до маленькой площадки, откуда можно было пройти либо напрямик, к парапетам, либо, через низкую дверку, в обсерваторию.

В алюминиевой полусфере было холодно. Эх, не догадался туфли надеть – мигом ступни превратились в ледышки.

Он отворил дверку, ведущую в низкий продолговатый чуланчик. Хоть глаз коли. Вот черт! – фонарик тоже прихватить не догадался.

– Ну и debil же ты, Фергюс,—упрекнул себя он.

После чего втиснулся в чуланчик. Нет, ему точно пора сбросить несколько кило. Ничего, праздники кончились, теперь можно сесть на диету или заняться гимнастикой.

Он продвинулся в темноте до самого конца чуланчика, нащупал деревянные нащельники на торцевой панели, повозился с ними в темноте. Панель наконец отошла, он положил ее на пол и на четвереньках пополз через отверстие дальше, во тьму.

«Староват я уже для таких приключений», – пробормотал он. На чердаке царил кромешный мрак, лишь чуточку света попадало сзади, из чуланчика. Ощупью он перебрался через балку, высвободил из чуланчика ноги. Посидел на корточках, подняв руки чуть выше головы, чтобы придерживать за неошкуренное стропило. Протянул ногу до следующей балки, затем рукой – до другого стропила. Осторожно переместил свой вес. Вот так, сделано. Потолок, он знал, из шпона и штукатурки; ступишь – и мигом окажешься внизу. Или в ванную угодишь, или в комнату близняшек. Папочка с потолка сверзился! То-то будет соплюхам пицца для кошмарных снов до конца жизни.

Он неуклюже перемахивал с балки на балку, от стропила к стропилу. Ну, точно макака, думал он. Мерзли ноги, и при этом он обливался потом! Жутко хрустели колени и шея – и поделом недоумку, возомнившему себя на старости лет акробатом.

Он оглянулся на свет – его источник, купол обсерватории, был теперь в добрых двадцати футах. Оглянулся и подумал, не вернуться ли. В самом деле, сколько можно дурака валять?

Но уж коли начал, надо закончить.

И тут он заметил впереди сияние. Слабейшее, оно просачивалось между двумя балками. Он улыбнулся: «То, что нужно!» Еще одна балка преодолена, и ближе свет. И уже виден край лючка, и вот уже Фергюс наклонился над ним. Мягким светом нарисован квадрат в потолке. Слышны голоса. Вот же корова безмозглая, радио, что ли, слушает посреди ночи?!

Снова он опустился на колени, уперся пятками в балку. В коленных чашечках здорово кололо – почти вся его тяжесть пришлась на них.

Он нащупал края квадратной крышки, аккуратно ее приподнял. Старушка наша голову свихнет над тайной запертой комнаты, если

сейчас возьму да спущусь неслышно, разденусь и лягу рядом! И шии когда догадается, как мне этот фокус удался! Впрочем, догадается – утром пройдет по следу и все поймет. Зря торцевую панель чуланчика на место не поставил – через нее светит из обсерватории. Хотя ерунда это. Вряд ли Фиона сюда полезет.

Ближайший край крышки приподнялся над балкой дюйма на три. Придерживая его, Фергюс наклонился, заглянул в комнату и улыбнулся: интересно посмотреть на Фиону под таким углом.

Голоса. Теплый воздух и голоса.

– О... Боже, боже, боже, боже... Да, да, да, да...

Не сразу до него дошло, что происходит.

Но дошло.

На постели лежала Фиона. Одеяло полуоткинута, в комнате горит только свечка возле кровати. Волосы рассыпаны по подушке, вторая подушка – на полу...

И здесь же – Лахлан Уотт. Обвил Фиону ногами, ритмично вздрагивает всем телом. Одна рука сжимает ей грудь, другая зарылась в волосы, пальцы обхватили шею. Одеяло ползло вниз, Фиона раскидывала руки, хваталась за край простыни, за край прикроватного столика. Голова ее моталась из стороны в сторону.

– Да, да, да, да...– снова забормотала Фиона, и Лахлан, худой, жилистый, сильный, точно степной бык, потянул ее на себя, раздвинул ей ноги, усадил верхом. Фиона прильнула, обняла его за шею, и через несколько вертикальных тычков он ее снова опрокинул на кровать. Фиона застонала, не отпуская его шею, потом выпрямила кверху ноги над его содрогающимися худыми ягодицами, стала гладить ступнями его ляжки и икры. Одной рукой схватила его за зад, прижала чреслами к себе, а другой водила по всему его телу, лаская ребра, талию, бедра. Еще раз простонав, сунула ладонь под него, взялась за мошонку. Стала гладить, пожимать, перебирать.

– Уй, ё-о!..– откликнулся на это Лахлан Уотт, выгибаясь в дугу.

Фиону затрясло, ее стоны перешли чуть ли не в визг. Несколько частых судорожных вдохов – и она замерла, вжав голову в ложбинку между плечом и шеей Лахлана Уотта.

Фергюс беззвучно опустил крышку люка.

Он очень замерз, и вдобавок не выдержал мочевого пузыря. Теплая жидкость текла по мошонке и ляжке, но уже колена – студила. И все

же уходить он не торопился. Постоял на коленях в потемках, послушал ослабевающие звуки страсти.

Наконец медленно повернулся и, удвоив осторожность, совершенно протрезвевший, двинулся к зыбкому свету в дальнем углу холодного и тесного чердака.

Глава 11

Если год нашего безумия 1990-й начался для меня неблагоприятно, то вскоре Рок, или госпожа Удача, или его величество Шанс, или Господь Всемогущий, или Жизнь, или Эволюция – кто бы то ни был, что бы то ни было – принялся (лась, лось) доказывать, что запутанный клубок ужасных неприятностей, пришедшихся на первые дни года, был всего лишь мягкой, скромной прелюдией катастроф, запланированных для меня на предстоящие недели и месяцы... И эти катастрофы посыпались на мою несчастную голову с такой скоростью и в таком количестве, что я, переживая их, даже испытывал некое противоестественное удовольствие... какое испытывает, вероятно, медведь от медвежьей болезни при встрече с охотниками.

Отношения между Гавом и тетей Дженис теперь смахивали на перманентный пожар в доме, и я подчас мечтал, чтобы они дотла сгорели в этом пожаре. Мечтал, лежа ночью без сна и слушая, как они занимаются любовью, и подозревая, что это навязанное хобби со мной разделяют не только жители окрестностей, но и все население Северной Европы. Ох, и сваял же я дурака, добровольно предложив спать на диванчике в гостиной, когда у нас бывает Дженис. Внесено это предложение было – как я полагал, с явным сарказмом – однажды вечером, когда Гав и Норрис пытались в микроволновке приготовить пападамы^[73]. Проблема локальной непропекаемости послужила поводом для напряженной и жаркой дискуссии, и результаты их первой попытки крайне походили на загогулины Брайля. Также Гаву и Норрису не давала покоя злополучная неустойчивость трех кучно расположенных друг к другу пападамов, обусловленная отнюдь не только судорожными рывками поворотного круга. Наконец мои соседи по квартире склонились к идее индивидуального распределения полуфабрикатов на стеклянной доске и организовали, по их словам, «мозговой штурм» для конструирования необходимой опоры. Я одолел соблазн заметить, что для мозгов с плотностью вакуума задача что-либо штурмовать так же непосильна, как для человека с фамилией Коган – получить лицензию на торговлю копчеными свиными ребрышками в Мекке в разгар Рамадана.

– Зажим «крокодил»! Только хром соскоблить нужно.

– Не-а, под хромом-то все равно металл. Может, заэкранировать?

– Не годится, должна быть пластмасса. И желательно – не терморезистивная.

– Слышь, Гав, – сказал я из дверного проема, – я с диванчика только на фут свешиваюсь, с обоих концов. Могу калачиком поспать, пока вы с Дженис в спальне прохлаждаетесь, и паче того, когда вы там горячитесь.

– Че? – изогнул Гав толстую шею, чтобы взглянуть на меня, и нахмурил тяжелый лоб. Почесал под мышкой через рукав регбистской футболки и кивнул: – Ага, годится. – Похоже, мое предложение ему понравилось. – Спасибо, Прентис, ты классный чувак.

И снова повернулся к микроволновой печи.

– Что, если подвесить вот здесь, в середине, на нитке? – проворчал Норрис, почти целиком засунув голову в печь.

Он так и не снял белый лабораторный халат. Норрис принадлежал к той категории прирожденных медиков, которым суждено к вершине своего профессионального мастерства продираться через густейшие тернии похмелья. Дай бог, доучится – будет по долгу эскулапией службы грозить пальчиком простым гражданам, которые за неделю выпивают меньше, чем он за вечер.

– Пусть тебя, Гав, не смущает то обстоятельство, что я из нас троих самый старый квартирорьемщик, – проговорил я чуть натянуто, но так, чтобы натянутость была заметна.

– Да ничо, Прентис, все нормалек, – отозвался Гав и скорчился рядом с Норрисом, уставился в освещенное нутро печки. – Нитку-то не привязать никуда, – сказал он Норрису. – А если и привяжем – как оно будет поворачиваться?

Оба задумчиво помолчали, висок к виску у открытой микроволновки, а я тем временем прикидывал: вот если запихнуть обе головы внутрь, будет ли шанс, что вмонтированный в дверцу предохранитель не сработает? – Нет, – сказал Норрис – Нужна какая-то подпора снизу, ты понял, о чем я? Ну, Гав, рожай, ты ведь у нас инженер...

– Старое одеяло худо-бедно прикроет важные части моего тела, и не так уж велика вероятность, что прохудится подводка к газовой плите и я отравлюсь во сне... – рассуждал я вслух.

– Гм...– Гав выпрямился, но тотчас снова наклонился вперед и постучал по белой пластмассовой ручке на двери печи, вмещающей в себя плод inferнальной кулинарной фантазии моих соседей.– Тока пластик.

– Может, деревяшку? – спросил Норрис.

– Разогреется,– ответил Гав, повнимательнее приглядываясь к пластмассовой ручке.– Все зависит от того, скока в древесине воды. Нет, думаю, пластик – самое то.

– Да если на то пошло, Гав, я могу тут ждать, пока не расползутся твои пьяные чуваки или пока не разойдутся Норрисовы студенты-картежники... Могу и вообще тут переночевать, если они попадают и захрапят по максимуму шкалы Рихтера... Ваши забавы редко заканчиваются до трех или четырех утра... А мне лишние четыре-пять часов сна перед лекциями не помешают...

– Да, Прентис, твоя правда,– сказал Гав, разглядывая подоконник. Потом вдруг выпрямился и щелкнул пальцами.– Есть!

«Что – есть? – подумал я.– Неужто голос моего здравого смысла прорвался сквозь оборонительные рубежи чудовищной тупости?»

Черта с два.

– «Блю-так»^[74]!

– Чего?

– «Блю-так»!

– «Блю-так»?

– Ага, «Блю-так»! Ну, ты понял: «Блю-так»! Норрис подумал и сказал возбужденно:

– Точно, «Блю-так»!

– «Блю-так»! – повторил Гав, лучась самодовольством.

– То, что надо,– энергично закивал Норрис. Я покачал головой и отошел, променяв дверной проем кухни на менее опасный для психического здоровья темный коридор.

– Ну, вы, ребята, даете,– пробормотал я.– Сейчас позвоню в оргкомитет Нобелевской премии, скажу, что лауреатов этого года можно уже не искать.

– «Блю-так»! Самое то! – неслось мне вслед из кузницы технического прогресса.

* * *

– Хочешь сказать, что ты все прочитал?

– Главную идею ухватил.– Я сидел в гостиной, которая теперь прекрасно справлялась с ролью будуара. Тете Дженис, по всему судя, больше нравилось ночевать тут с Гавином, чем по вечерам возвращаться на Крау-роуд.

Гав и Дженис в мятых незастегнутых пижамах расположились на диванчике, смотрели видак.

Я сидел за столом в эркере, пытался готовиться к завтрашнему семинару. Однако от беспрепятственно слышного полового акта в моей спальне (отдельные цепкие участки коры головного мозга, отвечающие за долговременную память, время от времени твердили, что это все-таки моя спальня) Гавин и Дженис перешли к столь же беспрепятственно слышному процессу поедания маисовых чипсов. Пронзительный хруст неизбежно привел к тому, что громкость телевизора была повышена до окносотрясающего уровня, дабы жевание не мешало счастливой парочке поглощать четко артикулируемые изречения Арнольда Шварценеггера.

Я был вынужден признать бесплодность своих , попыток нащупать связь между промышленно-аграрной революцией и британским империализмом и уселся смотреть фильм. Он назывался «Красная жара»^[75].

– А,– сказал я,– голливудский боевичок про двух мусоров из разных стран. Они сначала не ладят, а потом вместе ввязываются в дело с наркотиками, иностранцами, уймой драк и перестрелок, и кончается все победой дружбы и обоюдного уважения.—Я сокрушенно покачал головой.— Тут не захочешь, а задумаешься, откуда эти горе-сценаристы берут столь чудовищно идиотские идеи.

Гав на мои слова кивнул, не отрывая глаз от экрана, Дженис Рэй посмотрела на меня и улыбнулась. Ее волосы были в очаровательном беспорядке, щеки румяны.

– Да, Прентис,– сказала она.— Так что ты думаешь насчет бумаг Рори?

(См. наш диалог выше.)

Дженис снова повернулась к экрану и закинула ногу на колено Гавина. Я подглядывал и думал, что едва ли женщина в ее возрасте заслуживает таких классных ножек. И если на то пошло, их едва ли заслуживает парень с таким низким уровнем умственного развития, как Гавин.

– И никаких догадок насчет того, что там Рори запрятал? – спросила она.

– А я и не подозревал, что он там что-то запрятал, – ответил я и подумал, что Дженис не мешало бы все-таки запрятать нижние конечности.

Я натужно заговорил о стихах и прозе Рори – сумка, утраченная в поездке из Лохгайра в начале года, так и осталась утраченной. От затеи извлечь имя дяди Рори из литературного забвения или найти в его текстах какую-то великую тайну я давно отказался, и все же мысли о его творческом наследии не давали мне покоя. Даже сейчас, по прошествии нескольких месяцев, мне по ночам снилось, будто я читаю книгу, которая обрывается на середине, или смотрю фильм, а телевизор вдруг ломается, экран в серую крапинку... Обычно я просыпался в холодном поту, задыхаясь; снилось, будто блестящий белый шарф у меня на шее вдруг стягивается...

– Было что-то... Кто-то что-то видел, по-моему. – Дженис смотрела на экран. – И не просто видел, а подсмотрел... что-то этакое. Надеюсь, ты понимаешь, о чем я.

– Смутно. – Я наблюдал, как пришла в движение рука Гавина – явно инстинктивное (хотя для Гавина – совершенно сознательное) поползновение по обтянутому эластичной тканью – полиэстер с хлопком – бедру. – Может, Рори какое-нибудь открытие совершил, пока путешествовал?

– М-м... – промычала Дженис. – Ее правая рука легла на короткие каштановые волосы Гавина и принялась с ними играть, накручивать на пальцы. Он там что-то зашифровал, точно... — Она кивнула. – Кто-то что-то видел. Или кого-то. Это какой-то большой секрет.

– Ты серьезно? – спросил я.

Рука Гавина ерзала вверх-вниз по колену Дженис. Нельзя было понять по лицу Гава, сознает ли он, что делает. В голову мне пришла фантастическая идея: у этого парня, как у динозавра, есть дополнительный мозг. Палеобиологические прецеденты намекали, что

таковой орган находился бы у Гавина в толстой заднице и отвечал бы скорее за действия нижних конечностей, нежели рук, но как там обстояло с динозаврами на самом деле, никто не знает, и я допускал, что скромный передний мозг Гава, целиком и полностью занятый в эти ми-! нуты постмодернистскими диалогами и кайнозойским видеорядом «Красной жары», не отказался бы от любой помощи.

– Ты это всерьез? – повторил я.

– М-м... – кивнула Дженис – Он сам говорил. – И закусила губу.

У Гавина лицо сделалось сосредоточенным, как будто два его мозга приступили к сложной и непривычной процедуре налаживания контакта друг с другом.

– Это как-то связано... – Дженис пошевелила губами – похоже, наполняла воздухом легкие, чтобы договорить, – с замком. – И дернула волосы Гава.

Я недоуменно смотрел на нее.

– С замком? – переспросил я. Но сделал это слишком поздно.

Похоже, этот рывок за волосы, стимулирующий кровоток в непосредственной близости от головного мозга, подтолкнул Гавина к открытию, что рядом с ним происходит не только демонстрация видеофильма. Он посмотрел на свою руку, затем на Дженис (та лучезарно улыбалась ему). И наконец посмотрел на меня. Виновато ухмыльнулся.

Он зевнул, снова посмотрел на Дженис.

– Устал малехо, – сообщил ей и опять зевнул. И опять неубедительно.

– Устал, бедненький? – бодро спросила Дженис, хлопнув ладонью по мощному плечу Гавина. – Так отдохнуть надо!

– Прентис, расскажешь, чем кончится? – кивнул на экран Гавин, которому предстояло долгое путешествие в царство сна через территорию траха.

– О-хо-хонюшки, – пробормотал я в затворившуюся дверь. И зло глянул на экран. – Чем кончится! – буркнул я. – Это же видео, кретин!

* * *

Я вернулся к социальным переменам, позарез необходимым империи, над которой столь редко встает солнце здравого смысла. Ночь, по всему, предстояла долгая, надо ведь еще дописывать давно просроченный реферат о шведской экспансии в семнадцатом веке. И тут я должен постараться – на скучнейшем семинаре дал волю языку, соотнес со шведскими территориальными приобретениями на Балтике изобретение «шведского стола» (с этическим постулатом «бери, что душа пожелает»). И это ничуть не расположило ко мне профессора, как не сделали этого и дальнейшие мои рассуждения – на тему природной шведской фривольности. И насчет того, что нация, способная дать Генри Киссинджеру Нобелевскую премию мира, рискует получить упрек в отсутствии чувства юмора.

Я вспомнил анекдот про Киссинджера («Нет, Факинджер!»^[76]) и поймал себя на том, что прислушиваюсь к Гаву и Дженис. Они все еще находились в той части своей половой симфонии, когда играет только медь, то есть скрипит и ходит ходуном старая металлическая койка. Все прочее, и особенно *vox humana* ^[77] вступит позднее. Я укоризненно покачал головой и вернулся к работе. Но то и дело от нужных раздумий или писанины меня отрывали цепкие побочные мысли. Я вспоминал слова Дженис и озадачивался: что же мог скрыть в своих последних трудах дядя Рори, если он и правда что-то сокрыл. Впрочем, ясное дело, гадать не имело никакого смысла.

И вот, наверное, уже в сотый раз я проклял того клептоманокрохобора, что прихватил в вагоне мою сумку. Может, шарф развернется и негодяя постигнет судьба Айседоры Дункан^[78]?

– О-о... а-а... ы-ы... у-у...– приглушенно зазвучало в моей спальне.

Я заскрипел зубами.

* * *

– Поженились?! – ахнул я, пораженный.

– Так ведь они говорили, что собираются,– ответила мать, наклоняя голову к столу и придерживая у горла шаль с узором пейсли, пока осторожно пробовала большой кусок кремового торта.

Мы находились в «Чайных комнатах миссис Макинтош» на Вест-Найл-стрит. Нас окружали подвесные светильники, деревянные ширмы и скамьи со спинками, которые превращали обычное вешание пальто или куртки на оную спинку в операцию, напоминавшую подъем флага на высокую мачту.

– Но как они могли?! – Я чувствовал, что от лица отливает кровь. – Как они могли со мной так поступить?!

Моя мама, всегда аккуратная и подтянутая, с хрустом вгрызлась в меренговый бок кремowego торта, как белый медведь вгрызается в чрево тюленя. Она хихикнула, заметив у себя на кончике носа каплю крема, сняла его мизинцем, мизинец облизала, вытерла нос салфеткой, оглядела зал с его головокружительными скосами и вертикалями ширм и скамей – не заметила ли какая-нибудь посетительница, матрона из среднего класса, этой оплошности. А то, не ровен час, по Галланыху поползут скандальные слухи и в местном бридж-клубе маме накидают черных шаров. Но беспокоилась она напрасно. Насколько я знаю, испачкать здесь тортом нос – это дело обязательное, все равно что на дуэли получить в щеку укол, без которого пьяное прусское офицерье не примет тебя в свой круг. Окружающие нас бальзаковские дамы как одна излучали почти осязаемое желание увидеть что-нибудь этакое, ностальгически-неприличное.

– Прентис, не говори ерунды. Конечно, могли. Они же оба взрослые.

Мама вылизала крем из полости в меренге, затем меренгу разломала пальцами и отправила кусочки в рот.

Я возмущенно замотал головой:

– Льюис и Верити! Муж и жена! Никогда! И вообще, разве не... – Голос мой поднялся на добрые пол-октавы, кисти рук болтались, словно я пытался с них стряхнуть прилипшие куски упаковочного скотча, – ...слишком рано?

– Да рановато, пожалуй, – ответила мама, глотнув капучино, и ухмыльнулась: – Конечно, я не намекаю, что она беременна или еще что-нибудь...

– Беременна?! – вскричал я.

Какой ужас! Меня потрясло это слово. Мало знать, что они трахались, но представить, как Льюис обрюхатил это небесное создание, — уже слишком.

– Прентис! – сердито прошептала мать, подаваясь ко мне и снова оглядываясь.

На этот раз кое-кто уже на нас косился. Мама неискренне улыbnулась парочке матрон в прикиде от «Барберри», которые тарасились на нас через проход; они зафыркали и отвернулись.

Мать снова хихикнула, приложив ладонь ко рту, и захрустела меренгой. Жуя, откинулась на спинку скамьи, щеки ее покраснелись, но глаза сияли, и в этих глазах отражались две смотрящие на нас женщины. Мать подняла палец и показала сначала на меня, потом на себя и уже не хихикнула, а прыснула. Я воздел очи горе. Давясь смехом, она промокнула глаза чистым углом салфетки.

– Мам, это не смешно.– Я допил чай и набросился на очередной шоколадный эклер, уже четвертый, а желудок все еще урчал от голода.– Совсем не смешно.– Понимал, что несу чушь, как последняя истеричка, но ничего поделать с собой не мог. Настало время тяжелых испытаний, а люди, которые могли бы оказать поддержку, только обижали меня и унижали.

– Так вот,– снова глотнула кофе мама,– как я уже сказала, это дело решенное. И не то чтобы в наши дни была какая-то разница, но ты все-таки прав: слишком рано. Мы с твоим отцом поговорили с Льюисом, и он обещал не торопить события, но они с Верити, по его словам, так... подходят друг другу, что... чему быть, того не миновать. Ну, ты понимаешь: слияние двух душ...

Нет, я этого не вынесу. Мой одержимый мозг рисовал мерзкие сопутствующие образы: друг к другу подходят... входит-выходит... слияние-излияние... О господи!

– Они сообщили нам о своем решении,– сказала мать самым что ни на есть деловым тоном и легонько пожала плечами,– и я подумала, что ты тоже должен быть в курсе.

– Ну, спасибочки! – с сарказмом процедил я.

Такое ощущение, будто пинка схлопотал от верблюда. И жрать по-прежнему хочется. Так что я уплеел эклер, рыгнул – понятно, со всем возможным достоинством – и принялся разглядывать сласти.

– Они теперь в Штатах.– Мать облизала пальцы.– Судя по настрою, вернутся уже супругами. Ладно, если это случится, уже не будет для тебя слишком жестоким ударом.

– Угу,– жалко произнес я и взял пирожное. На вкус оно оказалось вроде подделанного картона.

Был апрель. В этом году я не ездил в Галланах, не разговаривал с отцом. Учеба в универе давалась плохо, пожалуй, от силы я мог рассчитывать на 2,2. А тут еще и проблема с деньгами: вырученные за машину я потратил, а стипендии уже не хватало, чтобы выплачивать растущие долги. Кое-что лежало на старом счету – отец переводил деньги с похвальной регулярностью,– но ими я воспользоваться не мог из принципа. Те же финансы, которые я считал своими, обещали, судя по тону участившихся банковских писем, вот-вот исчезнуть из физического мира.

За квартиру я заплатил вперед – последним чеком. Подушный налог платить не стал. Хотел устроиться на работу в какой-нибудь бар, но из этого ничего не вышло. Поэтому я занимал у Норриса, Гава и еще у нескольких парней на еду, главным образом на хлеб с фасолью и подозрительной кровяной колбасой, да позволял себе банку-другую сидра, если друзьям удавалось затащить меня в винный магазин.

Я отлеживал бока в гостиной на диванчике, смотрел по телику дневные передачи с брезгливой ухмылкой на лице и с книжкой на коленях, язвительно комментировал мыльные оперы и телевикторины. У меня даже появилась привычка допивать пиво после ночных заседаний Норрисова передвижного бридж-клуба. И я всерьез подумывал о том, что пора красть книги в книжных магазинах, а потом их где-нибудь «толкать».

В бюро находок на станции Квин-стрит я звонил каждую неделю, питая трогательную надежду, что сумка со стихами дяди Рори и шарфом-мёбиусом

Даррена Уотта каким-то чудом объявится. Но однажды я уловил сарказм в голосе собеседника, и сорвался, и наорал, и распек обслугу на все корки, и она перестала отвечать на мои звонки.

Это как же надо опуститься, чтобы даже бюро находок послало тебя подальше! Хорошо, хоть тетя Дженис больше ни разу не вспоминала при мне о том, что зашифровал дядя Рори в своих последних записях.

Мама попивала кофе. Я растерзал пирожное, воображая, что это плоть Льюиса или нижнее белье Верити. Последнее время у меня путались мысли. Ладно, пусть поженятся. И чем раньше это случится,

тем лучше. Кончится все слезами и криком. Они совершенно не подходят друг другу, и брак наверняка будет даже короче, чем была бы неформальная связь. Вынужденная близость скоро опостылеет обоим, и уже нельзя будет надолго расстаться, чтобы просто отдохнуть друг от друга и забыть, как тошно было вместе, а потом насладиться кратким и жарким мигом воссоединения...

Пока я исходил желчью, мама допила кофе и отпустила несколько озабоченных замечаний насчет моей бледности и худобы. Я съел еще одно пирожное. Мать сказала, что дома все хорошо.

– Возвращайся, Прентис, – протянула она руку над столом; в карих глазах появилась грусть. – Приезжай на эти выходные, поживешь дома. Отец ужасно по тебе скучает. Но он слишком гордый, чтобы...

– Не могу. – Я вытянул свою руку из ее ладони и замотал головой. – Заняты эти выходные, много работы. Диплом на носу.

– Прентис... – прошептала мать.

Я потупился и, глядя на блюдо, облизал палец, собрал крошки, отправил их в рот. Но знал, что мать подалась вперед, хочет встретиться со мной взглядом. А я только хмурился и мокрым пальцем подчищал тарелку.

– Прентис! Я тебя прошу, приезжай. Если не ради твоего отца, то ради меня.

Я все-таки взглянул на нее. Моргнул:

– Может быть... не знаю. Дай мне время подумать.

– Прентис, – тихо и терпеливо повторила мать, – скажи, что приедешь.

– Ладно, – снова спрятал я глаза.

Знал, что вру, но что мог поделать? Нельзя же было на прощание выставить себя перед ней бессердечным чудовищем.

Как бы то ни было, домой на выходные я не поеду. Найду предлог для отказа. И дело не в том дурацком споре о существовании Бога – это уже никакой роли не играет. Дело в том, что был вообще этот спор. Не то важно, что мы обсуждали, а то, как обсуждали. И это «как» не давало мне считать спор законченным. Не потому, что я такой гордый, а скорее потому, что мне слишком стыдно.

– Обещаешь? – спросила мать, и только легчайшее движение бровей, когда она откидывалась на спинку скамьи, выдавало недоверие.

– Обещаю,– кивнул я. Чувствовал при этом себя моральным уродом, гнусным лжецом. Давать обещание, не собираясь его выполнять, это ведь куда хуже, чем все мои прежние грехи.– Обещаю,– снова заморгал я и сложил рот в твердую, решительную линию. Пускай отступать будет некуда – пускай она мне верит!

До чего же мне было тошно в эту минуту! И будет еще тошнее, когда нарушу слово,– в этом я не сомневался.

Я энергично кивнул и лучезарно, но совершенно неискренне улыбнулся матери:

– Правда обещаю. Честное слово.

* * *

Попрощались мы снаружи, на улице, под накапывающим дождем. Она раскрыла зонтик, дала пару двадцатифунтовых, сказала, что будет ждать меня в пятницу, поцеловала в щеку и ушла по магазинам.

В это утро я надел самое лучшее, почти все то же, в чем был на похоронах бабушки Марго. Понятно, минус утраченный шарф-мёбиус. Я поднял воротник псевдобайкерской куртки и пошел.

На Сочихолл-стрит дал денег немому (и слава богу, что немому) флейтисту и побрел дальше, чувствуя себя великомучеником. Однако это настроение медленно, но верно сменялось крайней подавленностью. Это проявлялось в неравномерном перемещении чего-то жидкого в кишечнике и в холодном поту на лбу. Мне становилось все хуже и хуже, все гаже и гаже, и накатывала тошнота, и я не мог взять в толк, чего перебрал – крахмала или рафинированного сахара. Или дело в том, что мне в любви не повезло по вине удачливого братца? Как бы то ни было, желудок решил устроить забастовку.

Наконец я перестал внушать себе, что не заболеваю, и стал внушать, что все удержу внутри, пока не доберусь до дома, что не опозорюсь на виду прохожих.

Я сблевал в урну под навесом автобусной остановки на Сент-Джордж-роуд. Когда я исторгал из себя последние комки, кто-то врезал

мне в скулу, отчего вторая моя щека припечаталась к металлической стойке. Я развернулся и сел на мостовую. В голове гудело.

Надо мной склонился бродяга в замасленных рваных штанах и в парочке грязных пальто без пуговиц. От него несло прошлогодним потом. Он злобно показывал на урну.

– Че ж ты делаешь, урод? Там же что-нибудь хорошее лежать могло!

В крайнем возмущении покачав головой, он побрел прочь, что-то бормоча себе под нос.

Я встал, придерживаясь за стойку навеса. Седенькая старушка с платком на голове смотрела на меня из конца ожидавшей автобуса очереди.

– Сынок, ты как?

– Да ничего, – скорчил я рожу и добавил, потому что так казалось правильным: – Миссус – И кивнул на урну. – Насчет этого извините, брюхо забастовало, а жратва проявляет рабочую солидарность.

Она оглянулась:

– Мой автобус, сынок. Ты уж поаккуратней будь, пожалуйста.

Я ощупал ту сторону головы, которая контактировала с навесом. Распухает, и глаз болит. Старушка села в автобус и уехала.

* * *

– Ах, Прентис! – воскликнула Эш даже не с отвращением, а скорее с отчаянием. – Ты шутишь!

И оглядела меня в сиянии свечи. А я только что изжил чувство вины и стыда и перестал сокрушаться оттого, что все рушится и гибнет. Поэтому я смиренно выдержал ее взгляд и отрицательно покачал головой. После чего взял кусочек лепешки наан^[79] и стер им с тарелки карри.

Наан была велика. За обедом мы оба набивали ею животы, но осталось еще немало. А когда ее подали, для нее потребовался отдельный столик, К счастью, в ресторане было не слишком много народу.

– Больше похоже на стеганое одеяло, чем на наан, – пошутил я.

Эш рассмеялась.

За обедом мы его уменьшили до размера парочки подушек, уже не говоря о том, что слопали для начала по порции куриных потрохов и рыбы в пакоре^[80], а за ними последовали цыпленок под чесночным чили, барашек под соусом пасанда, одна порция риса пулао^[81], уже не говоря о закусках: картофель по-бомбейски и саг-панир^[82].

Два бокала сухого шерри и пара бутылок «Нюи-Сен-Жорж» смыли все это в желудки, и теперь настал черед кофе и бренди. Платила, разумеется, Эшли Уотт; я-то мог бы себе позволить только те деликатесы, что заворачивают на улице в бумажку.

Эш была в Глазго проездом и заехала ко мне. В Лондоне ее ждала новая работа.

Стояла середина лета, и для Глазго она выдалась необычно теплой. На Эш были длинная рубашка из грубого шелка и леггинсы. Со спинки ее стула свисала легкая хлопчатобумажная куртка. На мне был мой верный прикид: «мартенсы», черные плотные джинсы и позаимствованная у Норриса рубашка в полувойенном стиле; ее я носил как куртку поверх футболки с лозунгом, требующим отмены подушного налога.

Новость о том, что угодил под суд, я придержал до конца обеда.

– Ух ты! – обмякла на стуле Эш. В ее очках отражалась свеча.– Как же тебя угораздило, Прентис?

В «Анаркали» было темно и тихо, и львиную долю освещения давала горевшая между нами свеча. Эшли вроде опечалилась. Меня жалеет, решил я.

И мне это нравилось. Приятно было думать, что люди мне сочувствуют, хоть я их за это и презираю, потому что сочувствия их не заслуживаю, и, стало быть, они совершают большую глупость. Конечно, я и себя презирал за то, что презирал их за столь искреннее и неэгоистическое чувство, но к таким вещам приходится привыкать, когда ты так необратимо катишься по наклонной плоскости. Я пожал плечами:

– Бывает... Деньги были нужны.

– Но у тебя же богатая семья!

– Да при чем тут семья... Она-то, может, и богатая...

Я улыбнулся, придвинулся к столу, взял стакан с бренди и повел им перед огоньком свечи.

– Смотрела «Уловку двадцать два»? Классный фильм, зря все его ругают... Там есть один диалог ровно на эту тему, в книге его не было, так что Бак Генри, наверно, дописал... Ну, когда убивают Нейтли и Йоссариан отправляется повидать эту его шлюху в бордель Мило, а Мило подвозит его на вездеходе и говорит, что Нейтли умер богатым человеком – у него, мол, был такой-то пай в «Предприятии "М и М"»^[83], и Йоссариан отвечает...

Эшли пялилась на меня над огнем свечи, как ястреб – на мышшь-полевку. За миг до того, как мышшь навсегда распрощается с родным полем. Я заметил это хищное выражение – оно сгущалось на лице Эш, как на горизонте сгущаются тучи, – и умолк. Но не из-за страха умолк, а только из-за любопытства.

– Ты, кретин! – резко подалась вперед Эш и со стуком водрузила руки на скатерть. – При чем тут «Уловка двадцать два»? Какого гребаного хрена ты книжки тыришь? Обнищал, да? С голодухи вот-вот загнешься, да? Или просто лень предкам звякнуть, одолжить? Ну, что ты за чмошник, а, Прентис? Почему ведешь себя точно последняя дырка в заднице? Что твои родители подумают, если про это узнают? Как переживут? Или в этом как раз причина? А? Хочешь, чтобы им хреново было? Папаше мстишь за тот спор дурацкий? А ну, давай говори!

Ухмыляясь, я откинулся на спинку стула.

Я вертел в пальцах короткую ножку бокала, насмешливо глядел через огонь свечи на Эш. Ее длинные волосы были стянуты на затылке, от этого она казалась очень привлекательной. Интересно, есть у меня хоть один шансик ее в постель затащить? Небольшая сексуальная разрядка сейчас была бы как раз к месту. А как Эш смотрит на грубую порнуху, хотелось бы знать? Я понятия не имел, как сам на нее смотрю, но почему-то мысль показалась весьма интригующей. Я улыбнулся, даже рассмеялся.

– Эшли, лапушка, зря ты так мелодраматически воспринимаешь. Мелкие кражи из магазина – это же ерунда. Да и спер-то всего одну дурацкую книжку. Случаются вещи и похуже.

Я все ухмылялся. Нога за ногу, руки сложены на груди. Лицо Эш было совсем рядом с пламенем, оно желтым овалом отсвечивало на ее лбу, как загадочный знак касты. Еще б чуть ближе, и очки расплавятся.

Похоже, решила победить в гляделки. Ну, в этом-то виде спорта я при желании могу быть чемпионом. Даже не моргну ни разу.

За ее спиной приближался официант. Я заметил его, не сводя с Эшли глаз. Он ее отвлечет, тем более что заказывала она и платить ей. К тому же она, скорее всего, приближения халдея не слышит.

Эш протянула руку над столом и столкнула бокал с бренди мне на колени. В тот самый миг, когда я воскликнул: «Какого чер!..» и дернулся вперед, Эшли невозмутимо повернулась к халдею и сказала с широкой улыбкой:

– Счет, пожалуйста.

* * *

– Такой видок у меня, будто обоссался! – возмущался я, когда шли ко мне.– Весь кабак ржал, ну, спасибо тебе!

– Прентис, да заткнись ты!

– Не тебе меня затыкать! – рассмеялся я. Июльская ночь была сырой и теплой, и на Грейт-Вестерн-роуд транспортный поток рычал как гроза.– Совсем обнаглела: запустила в меня бухлом, собираешься спать в моей берлоге да еще приказываешь заткнуться.

Эш шла целеустремленно, шагала широко – мне за ней, высокой и длинноногой, трудно было поспевать. Взгляд ее по-прежнему был тверд и непреклонен, но, к счастью, устремлен вперед. Я заметил, что встречные прохожие стараются не оказываться у нее на пути.

– Я не бросила бокал, а опрокинула,– сказала она.– И в берлогу иду, только чтобы сумку забрать, если тебя это беспокоит. Переночевать могу и в машине или гостиницу найду.

– Меня это не беспокоит! – Я замахал руками и припустил за ней. Какой ужас, если это тело, с каждой минутой все более привлекательное, будет спать вдали от меня! – Я этого не говорил. Просто не люблю, когда мне заткнуться приказывают.

– Ну, извини.

– Нет, правда, я глубоко раскаиваюсь, что разозлился, когда ты швырнула... то есть опрокинула на меня бренди.

Эш остановилась так резко, что я испугался: вот сейчас повернется и уйдет. Я сам осторожно повернулся, взглянул на нее и

приблизился к ней. Ее лицо в свете бесконечного потока автомобильных фар казалось взбешенным.

– Прентис,– спокойно сказала она,– ты практически порвал с семьей, с родным городом, с друзьями. Провалил сессию и говоришь, что пересдавать не собираешься. Деньги кончились, а работу ты даже не ищешь. Поводился красть в магазинах, ведешь себя как чмо и, похоже, готов перестрелять своих последних друзей... И все, что у тебя осталось в записке,– это идиотские шуточки.

Я посмотрел через ярко-красные очки в светло-серые глаза и сказал:

– Ты права, все это довольно печально, но орлят...

Она наступила мне на ногу, на пальцы, отчего я испустил совершенно не достойный настоящего мужчины вопль, и зашагала дальше. Я захромал-запрыгал следом.

– Орлят по осени считают,– со смехом договорил я.

Она шла, не обращая на меня внимания. Я скакал вдогонку и кудахтал:

– Подайте шекель убогому здоровяку! Я прозябал себе, нужды не зная, пока не встретил Майкла. Как бы взять Палина за жабры? И зачем^[84]?

Эш вдавила пятку во вторую мою ступню. Чудо-девочка. Ее поступь при этом даже не сбилась. Она исчезла в винном магазине. Я ждал снаружи, почесывая подбородок и оценивая нанесенный «мартен-сам» ущерб. К счастью, царапина на правом носке не так бросалась в глаза, как если б я носил лакированные туфли.

Эш вернулась с полиэтиленовым пакетом. Решительно прошла мимо меня, мельком показав бутылку «Феймос Грауз». Я припустил следом.

– Так я прав, мадам? Подтвердите, пожалуйста, для телезрителей: вы с радостью отдадите две бутылки теплой мочи за одну бутылку нашего великолепного продукта?

Она отрицательно покачала головой, не глядя на меня:

– Прентис, мы с тобой как следует напьемся. И если я не добьюсь от тебя толку, прежде чем мы увидим дно этого пузыря, то расшибу его о твой толстый череп.

Эш обернулась, блеснула на микросекунду кровожадным оскалом и решительно зашагала дальше. Я пытался не отставать. При этом

смотрел на пакет с бутылкой.

– А может, ты просто оставишь виски, я сам выпью, а утром проснусь... нет, лучше днем проснусь с таким чувством, будто ты и впрямь меня шарахнула этой посудой по кумполу. А ты будешь спать в машине, набираясь сил для долгого и трудного путешествия по знаменитому авариями шоссе «А-семьдесят четыре»?

Эш снова отрицательно покачала головой.

Мы пришли на Гранд-стрит. Я задрал голову, увидел, что окна квартиры освещены. Подумалось: а ну, как Эш заведется при звуках бешеного совокупления Гава и тети Дженис и сорвет с меня одежду? А может, Норрис и его приятели отвлекут ее от нелепой затеи с герметическим распитием алкоголя, предложив перекинуться в картишки?

Эш проследила за моим взглядом. Подняла перед моим лицом бутылку.

– Прентис, ты готов?

– Спирт, как тебе известно, никаких проблем не решает,– ответил я.– Только растворяет клетки мозга.

– Мне это известно,– ответила она.– Но я считаю так: выпивка человеку не вредит, если он меру знает и не превращается в четвероногое. А ты уже и без выпивки – четвероногое, так что, может, она тебе только на пользу пойдет? Я принял скептический вид:

– Эш, да ты у нас мистик! Наверное, и в круги на полях веришь.

– Прентис, я верю в то, что ты твердо решил прогадить собственную жизнь, и мне только хочется узнать, в чем суть этого феномена.

– Ну,– бодро ответил я,– тут все просто. Страсть моя была отвергнута той, кому адресовалась. И чувственность этой юной особы целиком и полностью досталась моему старшему братцу-хитрецу. Папаша мой решил: пускай дети будут людьми свободными, пускай живут своим умом, пускай идут своей дорогой... в указанном им направлении. А тут еще сессия... Так вот,– вздохнул я и развел руками, озирая ночное небо, где тучи уже принялись затмевать немногочисленные звезды, которым удалось победить в конкурентной борьбе с городскими фонарями,– я обыкновенный прожигатель жизни. Никакой загадки.

Легкая хлопковая курточка не скрывала, как движется ее грудь. Вперед-назад, вперед-назад.

– Нет,— через несколько мгновений сказала Эш.—Ты обыкновенный слюнтяй.

Я пожал плечами:

– Может быть. Ладно уж, давай выпьем, если считаешь это необходимым, и ты объяснишь, почему я тебе кажусь слюнтяем.

По пути к лестнице я глянул на ручные часы:

– И лучше не откладывать, у нас только вся ночь впереди.

Мы поднялись по лестнице, подошли к двери квартиры.

– Интересно,— проговорила Эш, переводя дух и глядя в лестничный проем, пока я возился с замком,— у меня куча знакомых живет в квартирах, и все до одного почему-то на последнем этаже.

– Полезно иметь друзей «наверху»,— отворил я дверь и увидел за порогом Дженис Рэй.

Тетя Дженис была в «домашнем» – рубашке и джинсах. Она стояла в прихожей. И выглядела расстроенной: глаза красные, щеки потекшая косметика превратила в карты лос-анджелесских автодорог. Позади нее стоял Гав – баран бараном. Я перевел взгляд с Дженис на Гава, затем вернул назад, а Дженис смотрела на меня, и у нее дрожала нижняя губа.

«Дайте-ка сам догадаюсь: вы в конце концов это сделали – сломали койку!» – подумал я.

– О, Прентис! – Дженис вдруг бросилась ко мне и заключила верхнюю половину туловища в достойные гризли объятия. Мне оставалось лишь гадать, чем вызвано столь бурное изъяснение чувств и как бы мне отделиться от тети Дженис. Что подумает Эшли? Приревнует? Это в самом лучшем случае.

Дженис отстранилась, и я, снова обретя возможность дышать, не замедлил ею воспользоваться.

– О Прентис! – повторила она, прижав обе ладони к моей голове и качая собственной головой.

Через несколько секунд закрыла глаза, отвернулась, и отпустила мои скулы, и позволила мне пройти в прихожую. Гав у тумбочки переминался с ноги на ногу и бросал нервозные взгляды на телефон. Мне в глаза он старался не смотреть. Я сделал вперед пару шагов, но услышал шепот за спиной, оглянулся и увидел, как Дженис крепко,

почти неистово обнимает Эш. А ведь они никогда раньше не встречались. Как странно, подумал я. Где же приличия, где пресловутая британская сдержанности, коей можно поступиться только ради крепкого духа товарищества, сугубо под влиянием возлияния?

Эш смотрела из-за плеча Дженис Рэй на меня, серые глаза за ярко-красными стеклами очков наполнялись слезами.

– Это... тебе б домой звякнуть,—пробормотал Гав, обращаясь, похоже, к своим кроссовкам.

– А в чем дело-то? – услышал я собственный голос.

Наверное, доли мозга заработали асинхронно: сознание воспринимало самые разные вещи, и время будто замедлилось, и при этом какая-то частичка разума пустилась вскачь, пытаюсь логически объяснить происходящее.

– Это...– на сей раз Гав направил свои слова в затянутую регбистской футболкой грудь,— это твой отец,— прошептал он и заплакал.

Глава 12

А вот и наш специальный отдел,— отворил дверь Хеймиш.

Они очутились в длинном коридоре; одна стеклянная стена открывала вид на яркий, просторный, хорошо просматриваемый цех. Все там модерново блестело, а немногочисленный персонал поголовно носил белые халаты. Если бы не обнаженные кирпичные кладки двух широких печей, соединенных с потолком блестящим металлическим трубопроводом, это больше походило бы на лабораторию, чем на фабричный цех.

Стояла тишина, и никто из трех братьев как будто не испытывал желания ее нарушить. Хеймиш в безупречно чистом белом халате поверх костюма-тройки влюбленно смотрел на почти статичную панораму за стеклом, Кеннет, похоже, скучал, Рори стоял рядом с Дженис Рэй и насвистывал что-то монотонное. Одна рука обвивала талию Дженис и время от времени щекотала правое бедро.

— Очень чистенько,— сказала наконец Дженис.

— Да,— хмуро подтвердил Хеймиш и медленно кивнул, не сводя глаз с цеха.— Как положено.— Он повернулся к столам у стены, на которых лежали различные стеклянные предметы, некоторые в выставочных витринах, а большинство — просто так. Но над каждым на стене висела поясняющая табличка. Хеймиш взял с деревянной подставки матово-черную штуковину, похожую на шлем викинга, только маленький и без рогов.

— Носовой конус снаряда,— повертел он в руках изделие и протянул Дженис.

Та взяла:

— Ого, тяжелый!

Рори снова ее пощекотал, и она пихнула его локтем.

— Да, тяжелый,— серьезно подтвердил Хеймиш, забирая конус и аккуратно возвращая на подставку.— Строго говоря, это не обычное стекло, а стеклокерамика,— поправил он на калабахе экспонат.— В основе алюмосиликат лития, он прекрасно выдерживает высокую температуру. Из него еще делают конфорки для кухонных плит... А снаряд, ясное дело, должен выдерживать сильный нагрев при трении о воздух.

– Ясен пень,– подтвердил Кеннет, и они с Рори переглянулись.

Хеймиш повернулся к следующему экспонату: широкой чаше, тоже темной и тусклой, шириной в полметра – этакое исполинское блюдо. Приподнял, чтобы видно было дно с решеткой из ребер.

– Спутниковая антенна? – спросил Кеннет.

– Нет,– буркнул Хеймиш, однако на унылом лице мелькнуло нечто отдаленно похожее на улыбку,– Это основание для зеркала телескопа.

– Вроде того, что у Фергюса в замке? – спросил Рори.

– Совершенно верно. Здесь сделаны все зеркала и вся оптика для телескопа мистера Эрвилла. Но они, конечно, меньших масштабов, чем этот экспонат.– Хеймиш опустил чашу и смахнул с ее края пылинку.– Изготовлено из того же материала, что и носовой конус снаряда. Не деформируется при резких температурных перепадах.

– Гм...– произнесла Дженис таким тоном, будто изо всех сил пыталась заинтересоваться.

– А здесь у нас,– поплелся к следующему столу Хеймиш,–так называемые пассивационные стекла, близкие к боратовым стеклам, но с боросиликатом в основе...

– Я ведь только сказала, что хотела бы на фабрику глянуть,– прошептала Дженис, когда они с Рори пошли вслед за Хеймишем.– Хватило бы и взгляда снаружи.

– Крепись, детка.– Рори пощекотал ее на этот раз уже обеими руками, отчего она пискнула.

Из противоположного конца коридора к Хеймишу направился человек в белом халате.

– Извините, я на минутку,– сказал Хеймиш экскурсантам и отошел к незнакомцу.

Кеннет повернулся к Рори с Дженис, затеребил рукав Рори и заныл:

– Пап, мне скучно. Пап, а, пап, скоро это кончится? А? Пап, я домой хочу, ну, пап!..

Он уперся ладонью в стеклянную стену, оглянулся на завершающего беседу Хеймиша и закатил глаза. Посмотрел на Дженис и тихо добавил:

– Вот идет мой старший брат – прячься, боросиликат!

– А что тебя тут держит? – ухмыльнулся Рори.– Можем в любой момент сесть на поезд и махнуть домой.

Кеннет отрицательно покачал головой:

– Нет, все в порядке.– Он посмотрел на ручные часы.– Может, скоро удастся вытащить Дерево на ланч.

– Вы уж меня извините,– вернулся к ним Хеймиш.

Все ему улыбнулись. Хеймиш вытянул руку, давая понять, что можно идти по коридору дальше и там полюбоваться на восхитительные боросиликаты. Он достал из кармана девственно-белый носовой платок и стер еле заметный отпечаток, оставленный Кеннетом на стеклянной перегородке.

– Пассивация стеклом широко применяется в производстве полупроводников, и мы надеемся, что бурное развитие шотландской компьютерной промышленности – Силиконового глена^[85], как говорят остряки,– вскоре обеспечит большой спрос на нашу...

* * *

– Подумать только, все это могло быть моим,– с притворным сожалением вздохнул Кеннет, кладя ноги на низкую ограду террасы и качаясь вместе с креслом, на задних ножках; ладонью он притенял глаза, точно козырьком; другая рука держала у губ стакан.

Дженис и Рори ковырялись в тарелках с салатом. На террасе было полно туристов, и на улице перед гостиницей с шумом проносились легковушки, дома-фургоны и автобусы, направляясь в Лохгилпхед, Галланах или Кинтайр. С юго-запада дул порывистый теплый ветер с ванильным ароматом цветков утесника, пряным запахом сосновой хвои и привкусом соли с моря.

– Что ж поделать, Кен, такова жизнь,– отозвался Рори.– Не ты стал директором фабрики, а Хеймиш. Над пролитым боросиликатом не плачут...

Глядя с террасы на холмы по ту сторону Лох-Файн, Кеннет ухмыльнулся:

– Интересно, откуда эта поговорка взялась? В смысле, почему плакать именно над пролитым молоком? Если подразумевается нечто не слишком ценное, то почему не вода или не...

– Может, плакать из-за молока – к беде? – предположил Рори.

– Я в детстве и не догадывался, что это известная поговорка, – проговорил Кеннет, по-прежнему глядя на лох. — Думал, только мама так говорит. Помнишь ее пенки: «Селедку с тарелки не тащат» – что это может означать, а? Или: «Эх, бедняжка, ушел тропею ворона». Вот и гадай...

– Но все это может иметь... под собой какую-то реальную основу, – возразил Рори. – Например, плакать над молоком – это плохо: испортишь молоко.

– Это плохо, – кивнул Кеннет, – но только для непролитого молока. Может, какая-нибудь химическая реакция? Говорят, молоко скисает в грозу, ионы там и все такое.

– Угу, – сказал Рори. – Тогда, пожалуй, надо плакать над молоком, потому что оно дольше сохранится или, наоборот, проще будет сделать из него сыр. Так что плакать над пролитым молоком смысла нет.

– Пришли к тому, с чего начали, – резюмировал Кеннет. Щурясь, он смотрел на движущуюся по дороге к северу машину. – Это не Фергюс? – указал он кивком.

– Где?

– Зеленый «ягуар». На север гонит.

– А что, у Ферга появился зеленый «ягуар»? – Рори привстал, чтобы увидеть машину. Она сворачивала по пологой дуге – шоссе загибалось к лесу. Рори сел и снова взялся за вилку. — Да, на Ферга похоже.

– А фабрика принадлежит Фергюсу Эрвиллу? – Дженис откинулась на спинку белого пластмассового кресла, обмахиваясь салфеткой.

Кеннет взглянул на нее:

– Да, Фергюсу. Ах, ну да, ты же еще не можешь похвастать этим сомнительным знакомством. – Он поставил стакан на круглый столик и посмотрел на зонтик, что торчал из середины столика, как нераскрывшийся цветок.

– Нет, – ответила Дженис. – А какой он? Кеннет и Рори переглянулись.

– Он у нас молодец, прекрасно держится, – сказал Кеннет.

На миг выражение лица Дженис сделалось озадаченным, а затем она сказала:

– Ну да, конечно. Фиона. И смущенно умолкла.

Рори похлопал ее по лежащей на столе руке. Кеннет на несколько секунд отвернулся, затем кашлянул, прочищая горло.

– Ну...– он потянулся, подался назад вместе с креслом,– Фергюс у нас из высшего общества: охота, рыбалка, гольф, все такое... Наверное, бывает хуже,

– И все же счастливым его вряд ли можно назвать,– сказал Рори.

– Да, конечно,– тихо согласилась Дженис и прикусила нижнюю губу.

Кеннет нахмурился.

– Его любимая фабрика прибыль дает,– отрывисто проговорил он и допил, что оставалось в стакане.– У власти сейчас партия жадных. О чем еще ему мечтать?

– О новой жене? – предположил Рори. Кеннет опустил голову, посмотрел в стакан. Наступила пауза.

Рори стер пятнышко с белой поверхности стола. Дженис оттянула декольтированный ворот яркого ситцевого платья, дунула за пазуху.

– Как насчет тени? – спросил у Дженис Кеннет.

Она кивнула. Кеннет встал, вытянул до отказа наверх черенок, раскрыл широкий зонт. На Дженис и Рори упала тень.

– А тебе известно,– сжала руку Рори Дженис,– что в десятичной классификации Дьюи^[86] производство стекла идет под грифом три шестерки?

– Фьюу! – присвистнул Рори.– Число Зверя! Жуть, да и только.

– Об этом мало кто знает,– улыбнулась Дженис.

Кеннет рассмеялся. Он снова откинулся в кресле, даже поехал вместе с ним, чтобы оказаться в тени.

– Жаль, что Ферг не суеверен. Зато Хеймиш у нас мистик известный. Дерево совсем на религии повернулся, может, намекнуть ему, что он все это время работал на дьявола? Бросит все и пойдет бить окна.

– А он кто? – спросила Дженис– В смысле, по вероисповеданию.

Кеннет пожал плечами:

– Да обычный пресвитерианин. Но будь у шотландской церкви «временное» крыло, Хеймиш бы туда записался^[87].

– У него всегда была слабость к королевской фамилии...—начал Рори.

– Да, мозги слабые.

– Может, он сумеет основать Королевскую пресвитерианскую церковь.

– А может, он начнет думать, как положено рациональному человеческому существу, а не как троглодиту, который от молний шарахается,— резко проговорил Кеннет.

– Э, да ты суров,—сказал Рори.

– Знаю,— вздохнул Кеннет, крутя на столе стакан.— Пора по новой, что ли, заказать...

– Моя очередь,— поднялась с кресла Дженис.

– Нет уж, позволь...

– Сиди! – оборвала Кеннета Дженис, забирая из его руки стакан.— То же самое?

Кеннет нахмурился:

– Нет, лучше «Деву Марию»^[88]. Я же за рулем.

Мужчины смотрели, как Дженис идет к бару.

– Что тебе вообще рассказывал Фергюс? – спросил у Рори Кеннет.

– А? – озадаченно заморгал Рори.— Ты о чем?

– Вот чего я терпеть не могу, так это когда ты напускаешь на себя таинственность,— покачал головой Кеннет.— Ведь прекрасно знаешь, что я имею в виду. То, что было до аварии. Задолго до. О чем рассказал Фергюс? Ведь рассказал же. Когда ты во второй раз вернулся из Индии, перед тем как переехал в Лондон. Вы тогда с ним много по горам ходили. И старина Ферг не мог не разоткровенничаться. Ведь было?

– Ну, были у нас разговоры,— неохотно ответил Рори, вилок гоня по блюду кусочки салата.— Он мне кое-что рассказал, но... Кеннет, я не хочу об этом. Это только усложнит. И прямого отношения к тебе не имеет.

– А как насчет Фионы,— тихо произнес Кеннет, глядя на брата в упор.— К ней это имеет отношение?

Рори отвернулся, стал глядеть на озеро. Пожал плечами.

– Вот что, Кен. Если ты узнаешь, лучше не будет, поверь. Давай оставим как есть.—А вилка продолжала гонять по блюду салатные листья.

Кеннет еще несколько секунд смотрел на брата, затем откинулся на спинку кресла.

– Любопытному на днях прищемили нос в дверях... Н-да... Что ж, давай сменим тему. Как твой новый проект?

– Ну... я над ним еще работаю.

– А мне взглянуть позволишь?

– Еще не закончено.

– А когда будет закончено?

– Когда будет, тогда и будет, – нахмурился Рори и положил вилку. – Не знаю. И вообще, это немножко личное.

– Понял, – сказал Кеннет.

Рори подался к брату, склонился над столом.

– Вот что, – оглянулся он на французские окна, что вели в бар, – есть у меня несколько новых идей... Ну, я думаю о... – Рори отстранился, покачал головой: – Не могу сказать. Правда не могу. – Поднял взгляд на Кеннета. – Но скоро... скоро закрутится. А пока давай не будем,

Кеннет тоже покачал головой – раздосадованно.

– Да прямо сейчас закрутится, только позволь мне взглянуть на эту... оперу? или сериал? книжку-раскладушку? И разреши поговорить кое с кем. И если для тебя это слишком личное и если не хочешь, чтобы читал я, то у меня есть знакомые, они в таких вещах знают толк. Котлету от мухи как-нибудь отличат...

– Да ладно тебе, Кен. – На лице Рори появилась горькая мина, он запустил пятерню в прямые короткие волосы. – Это мое шоу, и я его буду вести так, как считаю нужным.

– Ну, не знаю, Рори, – пожал плечами Кеннет. – Иногда ты держишь карты слишком близко к груди, и не похоже, что сам их при этом видишь. Не надо быть таким замкнутым, делись своими проблемами с людьми, и секретами тоже.

– Я делюсь. – Рори закусил нижнюю губу и уставился в стакан.

– Рори, – Кеннет подался вперед и сбавил голос до заговорщицкого тона, – помнится, последний секрет, который я от тебя услышал, – это про сгоревший амбар на земле Эрвиллов.

Рори ухмыльнулся, размазал пальцем каплю по стенке стакана:

– А я все жду, когда же ты проболтаешься. Кеннет рассмеялся:

– А я – ни единой душе. А ты?

Рори ухмыльнулся, и одновременно втянул сквозь зубы воздух, и постучал ногтем большого пальца по стакану. Взглянул на брата.

– Не волнуйся, твой секрет – это мой секрет.– Он покачал головой, пожал плечами, вздохнул, пытаясь изобразить улыбку, и отвел взгляд.– Вроде с Би-би-си кое-что наклеивается.

– Чего? – рассмеялся Кеннет.– В телезвезды собрался?

– Я еще не решил,– пожал плечами Рори.– Но...– Он нахмурился, глядя на брата.– Но ведь глупо от халтурки отказываться. Би-би-си хорошо платит.

– О чем хоть речь?

– Ну, документальный сериал, ясное дело: кинопутешествия, всякая такая фигня.– Рори закатил глаза.– Но это еще пока вилами на воде. Я не решил твердо и не хочу никого обнадеживать, так что помалкивай об этом.

– Но ведь это же классная новость! – выпрямил спину Кеннет.

– Мальчики, надеюсь, разговор обо мне? – вернулась Дженис с подносом горячительного и прохладительного.

– ...Господи, Рори, я такого большого ни разу в жизни не видела! А я ей... а, привет, милашка.– Рори ухмыльнулся, притворяясь, будто только сейчас увидел Дженис.

Она села и улыбнулась:

– Мы о чем говорим, дорогой, о твоём долге перед кредитным банком?

– Ничего подобного! – Рори щелкнул пальцами и кивнул на Кеннета.– Опять он сказки рассказывает.

– Это у нас семейное.– Кеннет взял стакан.– Твое здоровье, Дженис.

И твое.

* * *

Больше они выпивки не заказывали. Поехали в лохгайрский дом. Рори с Кеннетом вырубил запущенные кусты, выкосили бурьян в дальнем углу сада – Мэри хотела протянуть туда лужайку. Богатый насекомыми день заставил их попотеть. Пока светило солнце, Дженис

принимала солнечную ванну, а позже помогала Мэри и Марго готовить ужин.

Дженис на этот день брала в библиотеке отгул. Вечером они с Рори на последней электричке поехали в Глазго.

С тех пор Кеннет не видел Рори.

* * *

Фиона с пассажирского сиденья смотрела, как навстречу из тьмы выплывают красные дорожные знаки. Ее клонило вбок – Фергюс увел «астон» с магистрали на боковую дорогу, что протянулась из леса к деревеньке под названием Фернис. Дорога выпрямилась, Фергюс газанул, Фиону вжало в спинку сиденья.

Они пошли на обгон – маленькая и медлительная тачка вмиг осталась позади, как будто и вовсе не ехала. Впереди засияли фары, встречная машина мигнула, и Фиона услышала через несколько секунд, когда автомобили оказались вровень, рев сигнала. Но этот звук тотчас потерялся в рычании движка «астона».

– Кому-то что-то доказать хочешь? – спросила она.—Давай, только не за мой счет.

Фергюс какое-то время молчал, затем будничным, сдержанным голосом произнес:

– Не волнуйся, я просто хочу домой побыстрее попасть. Все в порядке?

– Ну да, как только приедем, все будет в порядке,— процедила Фиона.— Поцелуешь детей в лобик, а миссис Макс закажешь чайку. Ну, и для себя – чистое виски, для меня – джин-тоник. Можно позвонить Маккинам, сказать, что добрались благополучно, и ты спросишь, как дела у Джулии...

– Фи, я тебя умоляю!

– Фи, я тебя умоляю! – передразнила Фиона.— Больше нечего сказать? Полчаса было, чтобы объяснение придумать...

– Да не должен я ничего объяснять! Кажется, мы с тобой договорились: хватит об этом.

– Да, Ферг, тебя бы это вполне устроило. Это же твой метод: все откладывать «на потом», делать вид, будто ничего не случилось

или все прошло.

Давай будем вежливыми, приличными и благоразумными, и тогда, глядишь, весь этот кошмар просто возьмет...— Она всплеснула руками и писклявым девчоночьим голосом закончила: — ...да исчезнет!

Фиона посмотрела на мужа: широкое лицо со скошенным подбородком в свете приборной панели казалось решительным, волевым.

— Так вот, Ферг,— сказала она, наклонившись как можно ближе к нему,— не выйдет.

Она добивалась, чтобы он на нее взглянул. Он нахмурился, чуть повернул и приподнял голову, пытаясь смотреть мимо жены в окно.

— Ничто никогда не проходит бесследно, Фергюс, — добавила Фиона.—Даже самый наипустячайший пустяк.— Она еще ближе наклонилась к нему.— Фергюс...

Он грубо отпихнул ее левой рукой. Она сидела прямо, раскрыв рот. Он, похоже, осознал, что пауза затянулась, и оглянулся с жалкой улыбочкой на лице:

— Извини, на дороге сосредоточился. Не сердись!

— Не дерись! — хлопнула она его по плечу. И снова ударила: — Никогда больше не смей меня бить!

— Хватит, Фи, прекрати,—произнес он скорее устало, чем раздраженно.—Достала уже: то я ее не люблю, то я ее не...

— То ты меня не?..— перебила Фиона.— Фергюс, о чем это ты? Не ебешь, хотел сказать?

— Фиона, я тебя прошу...

— Ах, простите-извините! — Фиона шлепнула себя ладонью по лбу, потом сложила руки на груди и повернулась к темному окну.—Я, кажется, выругалась! Ах, ебаная я коза! Что я себе, блядь, позволяю!

— Фиона...

— Слишком откровенные речи. Недопустимо! Стыд и позор! А ведь я сказала то, что у меня на уме, а на языке всегда у твоих приятелей по гольфу или дружков по регби. А может, и Джулия на таком языке говорит? Говорит? Ты любишь, когда она матом кроет? Ферг, тебя это заводит?

— Фиона, я начинаю от этого уставать,— процедил Фергюс и крепче сжал баранку.— И зря ты о Джулии так плохо думаешь. Я ведь

уже объяснял, это жена моего старого друга, мы просто поддерживаем знакомство с тех пор, как они развелись.

– Старую пластинку поставил, милый? Помнится, у нас еще в Аррохаре был такой же разговор. И что там дальше? Ах, да, у ее сыночка лейкемия, бедное дитя, ой-ой-ой. И по доброте душевной ты заботишься о ней и о бедной малютке, а то страховая компания не справляется...

– Да, я ей помогаю, и мне неприятно, что ты над этим смеешься.

– Смеюсь?—расхохоталась Фиона.— Фергюс, да это ты надо мной смеешься. Она же тебе ширинку расстегнула у меня на глазах!

– Не говори глупостей. Не моя вина, что Джулия немножко странная.

– Она не странная, Ферг, просто нажралась в хлам. И у нее только одна мысль в башке осталась: надо стащить с тебя штаны. Один бог знает, какое удовольствие она надеялась от этого получить.— Фиона придушенно рассмеялась, потом вдруг прижала к носу ладонь, отвернулась и всхлинула.

Машина ехала быстро, за окнами справа мелькали деревья, точно зеленые призраки, а слева тянулось озеро – черная пустота.

Фиона шмыгнула носом:

– Опять в молчанку играем, Ферг?

Из лежащей на коленях сумочки она достала носовой платок, высморкалась.

– Делаем вид, что все это от нас далеко. Зарыли тыкву в свой любимый чистейший кварцевый песок и ничего не видим.

– Фиона, может, завтра об этом поговорим? Когда ты...

– Когда я протрезвею? – посмотрела на него Фиона.— Ты это сказать собирался? Думаешь, опять дело в спиртном? Спиртное во всем виновато? Конечно, я же дура. Не понимаю простых вещей. Малютка Джулия напивается и по какой-то загадочной причине вдруг начинает щупать тебя под столом, пока ты закусываешь сыром и пирожными. И лепечет милые двусмысленности, и потом накидывается на тебя возле ванной, и все это, конечно, ничем не спровоцировано, и все это, конечно, невинная пьяная болтовня. Ля – просто истеричка, потому что слишком увлеклась крепким джи́н-тоником, а завтра утром все будет выглядеть по-другому, я приду к тебе и попрошу прощения, вчера вечером я была глупой, несносной

девчонкой, и ты меня погладишь по головке: так ведь, мол, и я был глупым, несносным мальчишкой... И мы поедem на коктейль к Фрейзером, и на бридж к Макальпинам, и на чай к Гордонам, и на пикник к Гамильтоном, рука об руку, единым фронтом, почтенная супружеская пара... Да, Ферг?

– Фиона, – проговорил Фергюс, играя желваками, – ну, чего ты из мухи слона делаешь. На вечеринках случаются несурзности. Под хмельком такое можно учудить, до чего трезвым никогда не додумаешься. Может, Джулия и перегнула палку. Может, западала когда-то на меня, а теперь ее вдруг пробило...

– Западала когда-то... – повторила Фиона. – Пробило вдруг... Подумать только! Что ж, Ферг, эта попытка была поудачней. Но я все-таки очень сомневаюсь, что ты такой великолепный враль, каким себя почему-то вообразил. Да и она актриса аховая. – Фиона сидела, опустив голову, накручивая на пальцы носовой платок. – Милый Ферг, кого ты пытаешься обмануть? Не «когда-то» и не «вдруг». Нет, я серьезно. Я знала: что-то происходит. И эти бесконечные разъезды по гостеприимным друзьям, и выпил лишку, и за руль не сесть, и заночевать уболтали... Ой, нет, позвонить не получится, он только вселился, телефон еще не подключили... А как ты со ссадинами приходил – ни с того ни с сего таким неуклюжим сделался, таким легкоранимым. Но раньше ты хоть не тыкал меня носом в это дерьмо!

– Фиона! – выкрикнул Фергюс, и его пальцы побелели на баранке. – Я тебя умоляю! Какое дерьмо, кто тебя тыкал носом? Мы с Джулией просто друзья! Я пальцем до нее не дотрагивался.

– А тебе и не надо дотрагиваться, она сама до тебя дотрагивается, – тихо проговорила Фиона, глядя не на Фергюса, а на темный лох. По ту сторону тлело несколько огоньков, и вдали, в двух темных милях, на Оттер-Ферри-роуд, проносились огни автомобилей. И тут же меркли, исчезали.

Машина проскочила очередную деревеньку, и снова дорогу обступили деревья. Фиона по-прежнему глядела вперед, на темный лес, рассекаемый вертикальной чертой света.

Проклятье! Даже тут от него не спрятаться. Она видела кривое отражение в лобовом стекле: темный фон, лицо подсвечено лампочками приборной панели.

И тут она подумала: «Боже мой, и с чего это мне взбрело в голову, что я его любила? И почему я так долго была с ним, когда поняла, что от любви, если и была любовь, не осталось ни шиша?»

Да, конечно, можно ответить: из-за детей. Так-то оно так, но... Как это страшно, когда слово «развод» перестает быть просто словом – из сплетен, из жалоб подруг, из газетных статей, из судебных телерепортажей – и становится твоим словом. Входит в твою жизнь/

О подобных вещах не думаешь, когда ты молода, когда ты влюблена... или тебе кажется, что влюблена, и будущее окрашено только розовыми тонами. Это у других могут быть проблемы, у тебя же – никогда. Нетрудно представить, как ты помогаешь другим в беде, говоришь добрые, успокаивающие слова, когда им это требуется. Но тебе не вообразить, как ты сама отчаянно нуждаешься в добрых, успокаивающих словах, – тебе слишком стыдно, слишком ты горда, чтобы это вообразить. Не представить, что ты сама нуждаешься в помощи, даже когда ты говоришь подругам: в жизни всякое может случиться, и если у тебя проблемы, не надо держать их в себе...

Ты остаешься с ним —ради детей. И ради взрослых, подумала она. Ради внешнего благополучия. Господи боже! Она-то считала, что сама выше всего этого. Она умная, свободная и волевая; она верила, что проложит свою дорогу в жизни, как это сделал каждый из ее братьев. Фиона стала феминисткой еще до того, как это вошло в моду. Времени на эту возню с «сестрами» не хватало, но зато она была уверена, что не уступит любому мужчине, и доказывала это... И на первых порах казалось, что брак с Фергюсом в план строительства судьбы вписывается отлично. И Лондон – прекрасный город... но в Лондоне она не блистала так, как здесь, и чувствовала: блистать никогда не будет. К тому же у нее так и не появилась привязанность к столице, не появились и друзья, по которым бы она скучала, и вообще достойных покорения вершин хватало и на родине. И она решила триумфально вернуться домой, чтобы выйти замуж за богатого помещика.

Но в действительности все оказалось не так, как она себе навоображала. Фиона мечтала очутиться в центре всеобщего внимания, в центре галланахских событий, но в роду Макхоунов

случалось столько всего интересного, что Фиона не могла не очутиться на периферии происходящего. Да и история Эрвиллов наводила на мысль, что Фиона – даже не побег, а пустяковый листок на фамильном древе, что бы там ни говорил Фергюс об ответственности, долге и обязанностях перед следующим поколением.

Мало-помалу развеялись все ее грезы. И теперь ей казалось, что ничего и не было, кроме мечты о том, чтобы иметь мечты. Кроме одной цели – иметь цели. Неисполнимая мечта, недостижимая цель. Сначала – Фергюс, потом – близняшки, потом – собственная роль Фионы в общественной жизни города. Маленькая роль, но она отнимала время. Провинциальные проблемы среднего класса, вращение в кругах посерьезнее, среди влиятельных и богатых людей, с которыми считаются и в Англии, и за Ла-Маншем, и в Штатах, – все это не только время отнимало, но и энергию Фионы, и волю, и ей уже было не до устройства собственной жизни.

«И вот я замужем за человеком, чьи прикосновения мне отвратительны, – подумала она. – За человеком, который и сам вроде не хочет ко мне притрагиваться».

Она посмотрела на темное, искаженное стеклом отражение Фергюса, затем попыталась взглянуть в собственное отражение.

«Наверное, его так же от меня тошнит, как меня – от него... Неужели я так плохо выгляжу? Несколько седых волосков, но их и не заметишь. Размер все еще двенадцатый, я ношу тугие джинсы и неплохо в них выгляжу. И вообще слежу за собой. Что же не так? Чем я провинилась? Почему он половину ночей проводит с пьяной бесстыдной шлюхой?»

Боже, а ведь я сама лучшую ночь за последние пять лет провела с Лахи Уоттом. Я была зла на Фергюса, и к тому же Лахи застал меня врасплох. Как он со всей пролетарской прямоотой запустил руку в мои волосы, когда мы стояли в большом зале и глядели на этот жуткий витраж, и заставил меня повернуться к нему, и притянул к себе, и засунул язык мне в рот, прежде чем я поняла, что происходит, и было все это как-то ужасно по-детски... Но ведь я – господи боже! – почувствовала себя желанной».

Фиона покачала головой: лучше не думать об этом, что было, то прошло. Лахи приезжал через год и звонил, но она сказала, что

встретиться не сможет, и положила трубку.

«Все, проехали...»

Она снова посмотрела на отражение Фергюса. Он крутил баранку. Машина углублялась в лес. Деревья обочь дороги слились в сплошную мглу.

«Я могу его бросить,— подумала она,— могу развестись в любой момент. Но рядом живет мать, и друзей кругом полно — слишком многие полезут в мои дела, пытаюсь отговаривать, мирить... Впрочем, можно и просто плюнуть на них. Начать жизнь с чистого листа. Увезти девчонок в Америку или в Канаду. Или махнуть в богемный Лондон, а то и в Париж и там пожить в свое удовольствие...

А можно и остаться. И я, наверное, останусь. Как-нибудь выкручусь. Буду воспитывать дочек, позабочусь о том, чтобы они благополучно прошли трудный возраст, помогу им проложить собственные дороги в жизни, чтобы не стали такими, как я...»

Она смотрела вперед, на серую полосу дороги, бесконечно бегущую навстречу машине. Автомобиль выехал из леса, миновал дома и несколько фонарей. Вдруг его слегка подбросило. Фергюс повернулся к жене, улыбнулся. Она не решила, следует ли улыбнуться в ответ. Поди угадай, что означает выражение его лица и какие мысли бродят в его голове...

Машина пошла враскачку, ее снова тряхнуло. Фиона, глядя вперед, вцепилась в сиденье. Взревел двигатель. Она посмотрела на Ферга, увидела слезы у него на глазах.

— Ферг?

Автомобиль чуть занесло, но он тут же выровнялся. Фиона снова посмотрела вперед, увидела деревья и угол здания. Обеими руками схватилась за «торпеду».

— Ферг!—закричала она.—Осторож...

Глава 13

Когда умерла тетя Фиона, мне было одиннадцать. Помню, я был и рассержен, и обижен, что меня сочли слишком юным и не пустили на похороны. Ведь это был шанс показать, каким я стал взрослым, и, кроме того, в кино и по телику похороны выглядели так романтично и драматично, так интригующе-торжественно-мрачны были люди в черном: губы поджаты, кое у кого слезы на глазах; и эти сочувственные объятия, и приглушенные голоса. Имярек был хорошим человеком и все такое. Но помимо причин для огорчения была и причина радоваться простому факту: она умерла, а я жив.

Как хоронили тетю Фиону, я не видел, но видел в больнице дядю Фергюса. Я тоже там лежал, у меня вырезали аппендицит. И я пошел в его палату – выразить соболезнования.

У него была сломана рука, треснуло несколько ребер, все лицо в синяках и ссадинах – Чингачгук в боевой раскраске отдыхает после битвы с ирокезами. Я в жизни ничего подобного не видал.

Тут и сказать-то было особо нечего, и я не помню, что говорил. Он все твердил, что не может ничего вспомнить – как проехали Лохгайр, так и память стерло начисто. И ему совершенно невдомек, почему Фиона не пристегнулась. Он-то думал, что пристегнулась, но, говорят, не было этого. Как же она так?!

Он заплакал.

* * *

Я сидел на огромной обшарпанной глыбе железобетона. Нога на ногу, руки сложены на груди. Смотрел, как волны внизу набегают на песок, и слушал уханье и завывание вмурованных в бетон чугунных труб и люков.

Был третий день после смерти моего отца. Только что солнце кануло за Норт-Джурой, оставило небо в сияющих кудрях облаков. Небо – сплошь густая синева, облака – широкая гамма красок, от золота до пурпура. Ветер, все еще теплый, налетал с юго-запада; он

имел резкий привкус соли. Атлантические волны разбивались о скалы с тучей пенных брызг – отсюда и привкус. Но, кажется (особенно если поднапрячь воображение), был и запах травы – с лугов далекой Ирландии, а может, с холмов Уэльса принес его круговорот воздушных масс.

Бетонный блок имел форму куба со стороной примерно четыре метра. Но выглядел параллелепипедом – нижний метр утонул в песке маленького пляжа, находящегося в нескольких милях к западу от Галланаха, почти на одной линии с южным краем острова Макаскин. Отлитый четыре года назад, этот железобетонный куб успел сплошь покрыться натеками ржавчины и пометом чаек.

Собственно говоря, это была единственная скульптура, которую Даррен успел сделать в натуральную величину. В спонсоры он заполучил компанию по производству цемента, согласившуюся дать деньги и материалы, но куда как сложнее оказалось найти место для установки изделия – муниципалитету не пришлась по вкусу идея, что поблизости от города может появиться фиговина величиной в четыре гаража. Да вдобавок парочка плюгавых газетенок подняла хай о возмутительной трате общественных денег и не менее возмутительном загаживании нашего хрупкого ландшафта псевдохудожественными и психопатомужеложественными по(д)делками. На выручку пришел не кто иной, как дядя Фергюс: замолвил, где надо, словечко, и участок выделили.

Даррену пришла мысль сыграть на газетной шумихе, дав своей штуковине какое-нибудь обалденно-претенциозное название. Помню, как однажды на вечеринке обсуждался «Диалектический кинетико-статический объект "Альфа" на Лузитанском побережье». Но окончательным стало наименование «Блок-1».

До ближайшей тропы отсюда было три километра, и даже рискованный яхтсмен, идя впритирку к берегу, если и замечал блок, то, скорее всего, принимал его за какую-нибудь развалину времен войны. Короче говоря, не та посещаемость, что у Сочи-холл-стрит. Но Даррен был счастлив. Его изделие работало: когда прилив достигал нужного уровня, получалась такая какофония, будто призрак блуждал в лабиринте из плохо настроенных органных труб. Да вдобавок притоком и оттоком воды с лязгом распаховало и захлопывало крышки люков, открывая и закрывая воде доступ к накопителям, и, в

зависимости от силы волн, из ржавых трубок били вверх фонтаны разной высоты – ни дать ни взять кубистский кит. Даррен уверял, что он многому научился у «Блока-1». Вы подождите, вот будет второй, а потом еще...

Я думал о тете Фионе, потому что вообще думал о смерти, и перебрал в памяти всех знакомых людей, до срока завернувших ласты, но что-то оставивших в моей душе. Тетя Фиона – лишь слабый след. Хотя мне и было одиннадцать, когда она погибла, я ее знал неплохо. Но как будто с ее ранней смертью потерял возможность регулярно обновлять воспоминания о ней, и они быстро истлели. Природа не терпит пустоты, и принадлежавшее тете Фионе местечко в моей голове заполнилось сведениями о других родственниках, еще живущих.

А ведь она мне нравилась, это я точно помню. Хорошая была женщина. Разрешала нам играть в замке и вокруг, водила иногда гулять на берег. Мне она казалась одновременно и молодой и старой. Тетя Фиона не принадлежала к поколению Фергюса и Лахлана и даже к поколению моего отца. Она выглядела моложе их, не говоря уж о настоящих стариках, таких как бабушка Марго. Нет, тетя Фиона была ближе к нам, когда мы были детьми. И этим напоминала дядю Рори.

Как в воду канувшего дядю Рори. Вот какая мысль пришла мне в голову: если сообщения о папиной смерти появились в нескольких газетах (отчасти из-за его хоть и скромной, но все-таки известности, а отчасти из-за того, что смерть была, как ни крути, необычной и эффектной), то Рори мог узнать и подумать: не мешало бы связаться с нами. Но этого не случилось, а похороны уже завтра. Живущий во мне романтик хотел, чтобы дядя Рори появился на церемонии, взял да и очутился во дворе лохгайрского дома. Но это, конечно, маловероятно – природа чудесами не разбрасывается.

Ветер трепал волосы на темени и затылке. Я взглянул в фиолетовое небо: звезд почти нет. Пока не заболела шея, я рассматривал небеса, а потом сказал вслух, громко:

– Понял?

Ничего. На песке шуршали волны. Я опустил голову. Над отражением неба в воде скользила на бреющем пара чаек. Дивясь всему этому, я покачал головой.

Скончался папа, как склонен был считать дядя Хеймиш, при обстоятельствах мистических. Точнее, его покарал Господь.

Более всего Хеймиш был потрясен и огорчен своей причастностью к этому событию. Не так беспокоила дядю его собственная роль в драматическом эпизоде, как жуткое предположение: а может, и правда существует Бог, который слушает, думает, решает и действует точь-в-точь как простой смертный, разве что у него больше возможностей. Видимо, папа был прав, когда утверждал, что дядя просто в игрушки играет и по-настоящему не верит в свою карательную протоересь.

Дядю Хеймиша, похоже, заботливые доктора накачали успокоительным. А папа упокоился сам, и заботу о нем взяло на себя похоронное бюро, и скоро он окажется под розами в глухом углу лохгайрского парка. При жизни так и не крестившийся, он будет похоронен в неосвященной земле.

Одно поколение, думал я. Может быть, дядя Рори тоже мертв – а кто говорит, что это не так? Мой дядя Хеймиш по прозвищу Дерево сейчас лежит в полутемной палате и жалобно бормочет. «Бог-ревнитель», «сторож брату своему», «нетварный божественный свет», «по делам их судите их», «запах дьявола» и все такое. Поминает своих антитворцов и просит меня передать матери, что Кеннет, при всем его атеизме, потерпевшем столь наглядное и драматичное фиаско, был человеком неплохим и, скорее всего, в послежизни не понесет наказания, пусть даже врата Царствия Небесного необратимо закрыты для него...

Вот и все, что осталось от некогда самого многообещающего из четверых Макхоунов. Лепечущее чепуху на больничной койке ничтожество.

Рори мы не видели уже десять лет, он для нас все равно что умер. Фиона погибла из-за того, что не пристегнула ремень безопасности. Мой родитель, злой во хмелю, решил что-то доказать... выходкой в манере подгулявшего оксфордского студентика. Остается только Хеймиш, да и тот сейчас в белой горячке от скорби, и чувства вины, и от новой прививки веры.

Так себе итог.

* * *

Известие о гибели отца застигло меня врасплох. Кажется, я был на грани обморока. Стоял смотрел, как плачет Гав, слушал, как всхлипывает позади меня Дженис Рэй, уткнувшись лицом в плечо Эшли, и вдруг почувствовал, что теперь не контролирую собственное тело. Я даже не связан с ним; я вне его. Не то чтобы я стоял или витал снаружи себя, а просто знал: какая-то часть моего существа отключилась от коммуникативных каналов и действует автономно.

Я слышал шум, вроде непрерывного шороха прибоя, и картина перед глазами приобретала серый цвет, и это немного напоминало туннель. Вдруг я осознал, сколь зыбко равновесие любого из нас – человека, стоящего на двух жалких ножках. И казалось, будто кожа моя сокращается, и вжимается в плоть, и мерзнет, и истекает потом.

Должно быть, я зашатался. Эш взяла меня за плечи и усадила за стол. Попросила Дженис приготовить сладкого чая. Я поблагодарил, выпил чай, подрожал, а потом Эш позвонила в Лохгайр.

Телефон был занят, но Эшли это не смутило. В конце концов удалось дозвониться в деревню, до маминой подруги, и она сходила к маме.

Пока я разговаривал по телефону, мой разум был спокоен и ясен. Я тихо задавал вопросы, а мамин голос был блеклым, дрожал. Она рассказала, что случилось. Но когда я положил трубку, обнаружил, что на глазах набухли слезы и щеки мокры. Слезы капали с подбородка на грудь, в расстегнутый ворот рубашки.

«О господи!» – сказал я, понимая, что должен испытывать душевное смятение.

Эш дала чистую салфетку, я утерся.

– Я тебя отвезу.– Эш опустила на корточки передо мной, взяла за руки. Ее удлиненное лицо было серьезным, глаза блестели.

– Ты слишком много выпила,– сказал я.– Мы оба слишком много выпили. И вообще, тебе в Лондон надо, на новую работу.– Я набрал полную грудь воздуха: – Впрочем, спасибо.– Я наклонился и поцеловал ее в нос. Она потупилась. Я откинулся на спинку стула и посмотрел через голову Эшли на покрашенные белой краской обои в прихожей.

Эшли взглянула мне в глаза:

– Прентис, как это случилось? Я пожал плечами:

– Кажется, он спятил.— Мой взгляд соскользнул с печальных глаз на ковер, изношенный, с винным пятном, оставшимся после вечеринки двухлетней давности,—Да, просто спятил. Эш погладила меня по плечам:

– Утром я тебя отвезу. И договорюсь, чтобы местечко для меня придержали. Никакой спешки. Но только если ты хочешь.

– Я и сам не знаю.

Я и правда не знал. Наклонился вперед, уткнул голову между коленями и устался на обшитый черной лентой край ковра и на грубые половицы. Чувствовал, как Эш гладит меня по голове: ладони у нее были мягкие, ласковые. Ложиться в кровать я не хотел, да и все равно бы не уснул. Эш осталась со мной в кухне, и мы выпили весь настоящий кофе, а потом весь растворимый.

Я говорил о своей семье, о Рори, Фионе, маме и папе. Перед самым рассветом над городом раскатывался гром, и я смеялся, сидя на диванчике в гостиной рядом с Эшли. Смеялся под грозу. Она меня обнимала, успокаивала.

Наступил рассвет – сначала серый, но потом облака на западе разошлись. Вот и ясный день. Эшли оставила для Гава и Дженис записку, помогла мне собрать сумку – сам я не был способен ни на что. И мы уехали, ушли. Старенький, но блестящий свежей краской «2CV» почти безлюдными улицами вывез нас из светлого и тихого города и вразвалочку покатил к Галланаху. Погода стояла великолепная, я без умолку болтал, а Эш слушала, иногда улыбалась. И у нее всегда было припасено доброе словечко для меня.

В Лохгайр мы прибыли к десяти утра, и солнце сияло сквозь деревья, и в парке громко щебетали птицы. Эшли остановила машину, отворила ворота в конце подъездной дорожки.

– Здесь тебя высажу, ладно?

– Слышь, зайди, а? – попросил я.

Она отрицательно покачала головой, зевнула. Длинные соломенные волосы засияли в снопе солнечных лучей, падавших через боковое оконце машины.

– Как-нибудь в следующий раз, Прентис. Домой поеду, поспать надо. Если могу еще чем-то помочь, вякни.

– Хорошо,— кивнул я.

– Обещаешь? – улыбнулась она.

– Обещаю.

Она наклонилась вперед, положила ладонь мне на голову и поцеловала в темя. Я услышал, как она набрала в легкие воздуха, будто хотела что-то сказать. Но затем выдохнула, промолчала, лишь погладила меня по голове. Я обнял ее одной рукой, удержал на мгновение, затем отпустил, протянул руку назад и взял сумку. Отворил дверь и вышел.

– Спасибо, – сказал я.

– Да не за что, Прентис.

Я захлопнул легкую дверцу. Машина газанула с места, развернулась; при этом узенькое переднее колесо опасно выпирало из своей ниши. Крошка «ситроен» залязгал, уезжая. Эшли высунула из окна ладонь, помахала. Я поднял руку и не опускал, пока автомобиль мчался сквозь частокол солнечных лучей под кронами деревьев. Она задержалась у шоссе, повернула направо. Вскоре шум движка потерялся среди птичьего пения и шороха листьев.

Прохладный утренний воздух был чист и свеж. Я глубоко вздохнул и потер зудящие глаза. От недосыпа мозги были как контуженные.

Затем я поднял сумку и повернулся к дому.

* * *

Эта страна никогда не бывала пустынной, говорил нам папа. В океанских глубинах времен, что лежат под тонким слоем нашего времени, осталась эпоха, когда целое море отделяло горы будущей Шотландии от гор, которым суждено было стать Англией и Уэльсом. Первое объединение произошло свыше миллиарда лет назад. Некоторые из этих гор были уже тогда древними: образовавшись два миллиарда лет назад, они кочевали по лику планеты, а тем временем первичный океан сужался и закрывался, и все то, что потом станет Британскими островами, тогда лежало южнее экватора. Будущие шотландские горы, а тогда – часть континента Евразия, подвергаясь все новым тектоническим процессам, все-таки сохранили под измятыми до неузнаваемости осадочными слоями

кристаллический фундамент, благодаря которому Шотландия имеет свои нынешние очертания.

Примерно треть миллиарда лет назад этот участок Евроамерики находился на экваторе и был покрыт обширными папоротниковыми лесами. Они сгнивали и превращались в отложения; органика уходила в глубину и подвергалась давлению и нагреву; и таким образом получались нефть и уголь для грядущего человечества. Кристаллический массив на растопленной породе медленно плыл на север, дробясь по пути. Климат становился жарким, а дожди – редкими, и огромные динозавры, высотой с дерево и весом с танк, неторопливо брели по полупустыне; а на западе открывался новый океан. Исчезли динозавры, но Атлантика все еще росла; извергались вулканы, старый камень плавился в недрах, и выбрасывался на поверхность, и растекался широкими и глубокими морями лавы.

На суше тогда были горы выше Эвереста, но природа их постепенно сточила – не твердым резцом, а всего лишь ветром и водой. И вот Шотландия оказалась на одних широтах с Канадой и Сибирью, а планета остывала – приходили ледники, и лавовые покровы очутились под соразмерными толщами замерзшей воды. И столь велика была тяжесть этих льдов, что они протачивали горную породу, как алмаз протачивает стекло, и корни плавающих на огне холмов все глубже уходили в тугое море магмы.

Потом снова изменился климат: льды отступили, а талая вода стекла с суши, так что уровень Мирового океана поднялся и острова, которые со временем будут названы Британскими, оказались вдали от материковой Европы.

Освободившись наконец от великой тяжести льда, они медленно всплыли и снова превратились в горы, и их снова заселили растения и животные. И люди.

Когда мы вместе гуляли по выходным и праздникам, он находил и показывал нам следы минувших эпох, объяснял мазки, нанесенные кистью природы на холст земли. В Галланахе мы увидели слой белого мелового песчаника – он служил стекольной фабрике сырьем вот уже полтора века. На Арране он показывал нам удивительные складки – настоящая гармошка; на Стаффе – ровные, в аккуратные ряды выстроенные столбы остывшей лавы; в Эдинбурге – окаймленные щебеню пеньки древних вулканов; в Глазго – черные окаменелые

остатки деревьев, росших триста миллионов лет назад; в Лохабере – параллельные дороги, во времена незапамятные бывшие берегами ледниковых озер. По всей Шотландии мы видели висячие ущелья, друмлины^[89] и карры^[90]. На Гебридах ходили по возвышенным берегам, выросшим когда-то из океанских пучин, и прикасались к скалам, зная, что им два с половиной миллиарда лет – вдвое младше самой Земли и вшестеро моложе Галактики.

«Это волшебство», – помнится, думал я, когда мы путешествовали однажды на Бенбекулу. Я тогда был уже достаточно большой, чтобы вникать в отцовские рассказы, но и достаточно маленький, чтобы вникать по-детски. «Волшебство. Время – это волшебство. И геология тоже. Физика, химия – все эти красивые и важные слова, которые произносит отец, все это – волшебство».

Я сидел, прислушиваясь к двигателю. Мама рулила, отец находился на переднем пассажирском сиденье; его локоть, обтянутый рукавом рубашки, был высунут из окошка «вольво». Мы с Джеймсом и Льюисом сидели сзади.

Двигатель ровно урчал, и я, помнится, подумал: смешно, что эти давным-давно отжившие растения превратились в нефть, а нефть превратилась в бензин, и машина, заправленная бензином, обрела голос. Это сейчас в наших лесах даже змею редко встретишь, а когда-то здесь кишели огромные динозавры, и динозавры тоже умирали и превращались в нефть, и голос машины похож на гневный утробный рев доисторического ящера. Выходит, что его последний смертный вздох, его последний крик земная твердь сохраняла все эти миллионы и миллионы лет, и сейчас он звучит снова – на узкой дороге безвестного островка, по которой отдыхающее семейство Макхоунов катит на север.

Я выглянул в открытое окно: слева от нас под лучами летнего солнца блистал махайр.

* * *

– Прентис! Прентис! О Прентис, помолись за своего отца!

– Здравствуйте, дядя Хеймиш,– сказал я, когда тетя Тоуни привела нас в спальню, где лежал мой дядя, одетый в хлопковую пижаму и красный шелковый халат с синими драконами. Сдвинутые шторы создавали в комнате полумрак. Пахло яблоками.

– Мэри! О Мэри! – увидел дядя Хеймиш мою мать.

Он сложил ладони, прищепив между ними черный носовой платок. Небритый, на голове колтун. Никогда я не видел его таким неряхой. Перед ним стоял широкий лоток на коротких ножках, на лотке – полусобранная мозаика-головоломка.

Я подошел к кровати, протянул руку, сжал молитвенно соединенные ладони дяди, чуть подержал и отпустил.

При ближайшем рассмотрении выяснилось, что дядя Хеймиш составляет мозаику картинкой книзу. Каждый картонный фрагмент был обращен к нам серой изнанкой. Мама ненадолго обняла Хеймиша, и мы опустились на стулья по обеим сторонам кровати.

– Я приготовлю чай.– Тетя Тоуни бесшумно скрылась за порогом.

– И печенья принеси! – крикнул в уже затворенную дверь дядя Хеймиш и широко улыбнулся – сначала маме, потом мне. Но уже через секунду казалось, что на лице вот-вот появится плаксивая гримаса, а из глаз потекут слезы.

Дверь снова отворилась.

– Что ты сказал, дорогой? – спросила тетя Тоуни.

– Ничего,– ответил дядя Хеймиш, и вновь его губы – только губы – тронула улыбка и вновь исчезла через миг.

Дверь затворилась. Дядя посмотрел на мозаику, шевельнул пару фрагментиков, поискал для них места в сложенной части мозаики. Ее перекошенный нижний край, большие щели между отдельными фрагментами, крошечные обрезки пестрого картона, а также лежащие у подушки маникюрные ножницы разоблачали мухлевщика.

– Спасибо, что пришли,– рассеянно произнес он, возясь с серыми картонками. В голосе звучала такая скука, как будто к дяде Хеймишу по какому-то рутинному делу притащились рабочие с фабрики.– Я вам очень благодарен.

Мы с мамой переглянулись. Похоже, она опять была готова заплакать. Мы оба наплакались, когда Эшли высадила меня у ворот лохгайрского дома, но с тех пор мама держалась молодцом. В первый же день мы посетили милейшего адвоката Блока, а на следующий он

соизволил нанести нам визит, какую услугу, судя по тону звонившей нам секретарши, мы обязаны ценить, как ценят простые смертные благодеяния особ королевской крови и высших церковных иерархов. Я даже слегка удивился, что он, высадясь из «мерса», не стал ждать, когда мы преклоним колени и поцелуем его туфлю.

Мы связались с похоронным бюро, отшили несколько репортеров, а Льюис из Лондона уверил нас, что он сейчас ничем помочь не в силах. Наконец удалось разыскать Джеймса, который вместе со своим классом путешествовал по Австрии. Он должен был успеть к похоронам, одна из сопровождавших учительниц согласилась приехать с ним.

Папа остался верен себе: его архивы пребывали в жутком беспорядке. Разрозненные листы бумаги, безымянные папки, непонятные картотеки. И солидного вида компьютер – вот если бы только кто-нибудь из нас умел с ним обращаться... В тот день, когда я вернулся, мы с мамой долго стояли и глядели на эту машину, понимая, что внутри может находиться что-нибудь ценное и надо бы заглянуть, но даже не представляя себе, как эта чертова штука включается. Инструкция по использованию куда-то запропастилась, а мама отродясь пальцем не дотрагивалась до клавиатуры. Мой же опыт пользователя ПК состоял из тактики отстрела хищных инопланетян и перманентного давления на клавишу непрерывного огня.

– Я знаю, кто нам поможет, – заявил я и набрал телефонный номер Уоттов.

За двадцать четыре часа до похорон позвонила тетя Тоуни: не могли бы мы навестить дядю Хеймиша? Это он попросил о встрече. И вот мы здесь, мама сидит по ту сторону кровати, глаза на мокром месте.

Я откашлялся:

– Ну, как вы, дядя Хеймиш?

Он посмотрел на мою мать. С таким видом, будто решил, что это она говорит, а не я. Пожал плечами.

– Извините, что оторвал вас от дел... – Голос был ровным, бесстрастным. – Я только хотел сказать, что мне очень жаль. Это ужасная потеря, и умоляю вас: ради бога, простите, хоть я и не... не подговаривал его... Он сам... А я ему: не надо. – Дядя Хеймиш вздохнул и попытался вдавить картонный фрагмент в ячейку – не

получилось.— Мы оба были немного не в себе, но я... я пытался его остановить, хотел поговорить с ним, но... но...— Он умолк, раздосадованно фыркнул и взял ножницы. Срезал с фрагмента два крошечных кусочка и вставил его на пустующее место.— Халтурщики, совсем разучились мозаику делать,— пробормотал он.

Тут я забеспокоился: можно ли оставлять дяде Хеймишу ножницы, пусть даже маленькие.

Он посмотрел на меня.

— Упрямый! — произнес он звонко и снова уткнулся в мозаику.— Всегда был упрям. Он хороший, я его любил, как-никак брат... Но... не чувствовал он в себе Бога. Правда ведь? — Хеймиш посмотрел на маму, на меня.— Не чувствовал, что есть в нем нечто большее, чем он сам, правда, Мэри? — Дядя Хеймиш снова повернулся к маме.— А доказательства — вокруг нас. Доброта и сила. Но он не верил... Я ему пытался объяснить, мол, ищи и обрящешь, не будет получаться — в церковь иди... А он в ответ: я-де не стал бы людей в церковь загонять. А почему — не стал бы? Раньше ведь так и делалось. Почему сейчас нельзя? — Дядя Хеймиш взял новую картонку, повертел перед глазами.— Тогда это было правильно и сейчас правильно. Так и сказал ему. Это же для людей, ради их блага.— Он хмыкнул, на лице появилось недовольное выражение.— А этот дуралей мне говорит: не позорься! — Дядя Хеймиш мрачно смотрел на фрагмент мозаики, будто остротой своего взгляда пытался убрать лишний картон.— А я говорю: так я и не позорюсь, это ты позоришься, Бог все видит...— Дядя Хеймиш заплакал, нижняя губа затряслась, как у ребенка.

— Ну что ты, Хеймиш! — Мама наклонилась и погладила его по руке.

— Дядя Хеймиш, а что конкретно случилось?

Я уже пришел к выводу, что дядя свихнулся напрочь, но все же задал вопрос — вдруг да проскочат в бреду какие-нибудь важные детали.

— Простите,— шмыгнул носом Хеймиш и вытер глаза, а затем высморкался в траурный носовой платок.

Он убрал платок в нагрудный карман, обеими руками вцепился в край лотка с мозаикой и наклонил голову, словно решил адресовать свои слова картинке. И принялся водить большими пальцами друг вокруг друга.

– Мы с ним по кружечке-другой пропустили – в городе встретились. Я в «Стим-Пэжете» поселился – нужно было кое с кем встретиться, а утром фабрику показать. Да и кормят там хорошо... Я искал подарок Антонайне на день рождения и тут натыкаюсь на Кеннета. Ну, решили пивка хлопнуть, вспомнить старые времена.

– А вот и я,– появилась тетя Антонайна с увесистым подносом. Наступила пауза – тете нужно было налить чай, разложить печенье.– Милый, можно, я останусь? – спросила дядю Хеймиша тетя Тоуни.

Я решил, что она выглядит похуже, чем мама: лицо осунувшееся, под глазами черные тени. Даже каштановые волосы заметно поседели.

Муж не обратил на нее внимания. Он продолжил рассказ, хотя теперь обращался не только к картинке, но и к чашке чая, поставленной тетей Тоуни прямо на лоток. Большие пальцы по-прежнему вращались друг вокруг дружки.

– И мы двинули в «Аргайл-лаундж» – оттуда хороший вид на залив. Взяли по большой – точь-в-точь как в молодости. Сигару выкурили. Поболтали на славу. Я позвонил в офис, что сегодня прогуливаю. Кеннет позвонил в Лохгайр. Потом решили взять китайской еды – тоже ностальгии ради. Но так до лавки и не добрались. Решили прогуляться по кабакам и начать с бара «Гэлери», там-то и зашел разговор о вере.—Дядя Хеймиш умолк, взял чашку, глотнул, не отрывая глаз от лотка, и возвратил чашку на блюдце.

– Он сказал, что я чокнулся.– У дяди Хеймиша брови полезли на лоб, голос тоже поднялся, но тут же сразу упал.– А я его обозвал дураком.

Хеймиш быстро, украдкой глянул на мою мать.

– Простите,– шепнул он и снова уставился на лоток с мозаикой. И вздохнул. А большие пальцы все двигались.

– Я ему говорю: тебя Господь любит, а он только смеется,– пожаловался Хеймиш.– Никак не желает понять, никак не желает увидеть. Я ему говорю: ты же слепец! То есть зрячий, но живешь с закрытыми глазами. Тебе и надо-то всего лишь принять Христа в свою жизнь, и тогда все моментально встанет на свои места. И мир покажется совсем другим – новая плоскость бытия откроется. Я ему объясняю: все, чем мы тут занимаемся,– это подготовка к следующей жизни. Там будем судимы, наказаны и вознаграждены.– Хеймиш

покачал головой, на лице – смятение.— А он все издевается, спрашивает, когда это мне успели шунтирование мозга сделать.

(Господи Боже, или кто там за него? Помоги мне не расхохотаться!)

Я кашлянул и промокнул внезапно увлажнившиеся глаза салфеткой.

А Хеймиш тараторил:

– Я ему говорю: только религия способна объяснить, в чем смысл жизни. Только Господь, как абсолют, дает нам... дает нам тот крючок, на который мы можем повесить свою философию. Иначе для чего жить? А он говорит, что значит —для чего жить? Какого цвета ветер?

Дядя Хеймиш снова покачал головой:

– Я ему: вера – это любовь! Самая прекрасная на свете. А он говорит: чепуха на постном масле, измена нашей человечности. Человечности! – Хеймиш фыркнул.— Религия дает нам правила. Она удерживает людей от неверных поступков и помогает совершать поступки верные. А он не воспринимает, не слушает. «Религия – это политика». Несколько раз это повторил. Как будто чушь, если ее повторять, станет истиной. «Религия – это политика. Религия – это политика!» Какое богохульство! Выходим мы из последнего бара – даже не могу вспомнить, который он был по счету,— и двигаем сюда, кажется, чтобы на сон грядущий по рюмашке пропустить. Плетемся по Шо-руд – я же машину на площадке у «Стим-Пэкет-Хоутела» оставил,— и заходит у нас спор насчет церкви, что на Шо-стрит. Ему, мол, нравится, архитектура любопытная, но ведь это же памятник человеческого искусства, а не Божьего, и всего лишь символ. Я в ответ: это дом Господень, и лучше б тебе не кощунствовать.— Хеймиш снова глянул на маму: – А он вдоль стены шел...

Мама кивнула. Хеймиш уже опять смотрел на лоток.

– Он говорит: любая церковь, любой храм – не более чем гигантский пустотелый идол. Я его спрашиваю: ты чего, на голову прихворнул? Он говорит: точно, заразился здоровым смыслом. А я ему: твой бог – здоровый смысл, и это ложный бог, но истинный идол.— Хеймиш тяжело вздохнул.— Дорога была мокрая, только что дождь прошел... Кеннет давай на меня кричать...— Хеймиш покачал головой.— Говорит: Хеймиш, все боги ложные, вера – это идолопоклонство.— Дядя Хеймиш опять качнул большой седой головой

и мрачно посмотрел на меня. Глаза были холодны и смахивали на медуз. Или на лягушачьи икринки.— Все боги ложные, вера — идолопоклонство,— шепотом повторил дядя Хеймиш.

Я содрогнулся.

— Ты можешь себе такое представить, а, Прентис?

Он потупился, покачал головой. Снова взор дяди Хеймиша вернулся на лоток. Большие пальцы не успокаивались.

— Не помню в точности, что он тогда сказал,— прошептал дядя Хеймиш и вздохнул.— А затем он отскочил от стены и побежал к церкви. И полез!

Мать всхлипнула. Очень тихо, но я услышал.

— Мне пришлось перебираться через стену,— пробормотал Хеймиш.— Ворота были на запоре. А пока я карабкался, он уже скрылся. Я подумал, что он по водосточной трубе лезет. Просто догадался. Грохотало вроде, но... я не подумал, чем это грозит. И молний не было, это я помню. Кеннет кричал, ругался, проклятиями сыпал, всяческие кары на свою голову накликал, а я пытался его уговорить, говорил, что он свалится, и что полиция уже едет. «Подумай о семье»,— кричу, а он все лезет.

* * *

Я рассматривал в розоватом свете пальцы, поворачивал кисти и вглядывался в линии на ладони, в вены на ее тыльной стороне. Пытался представить, как папа залезает на крышу церкви, выбирает опоры, подтягивается, потеет, напрягает мышцы во тьме, веря в свои силы, веря в холодную жестяную полосу карниза, которую сжимают его руки.

Глыба подо мной молчала, последняя волна откатилась от нее и впиталась в берег. Был отлив. Небо по-прежнему цвело багряными облаками, но яркости изрядно ubyло. Я взглянул на часы. Надо слезать с этой штуковины и выбираться к дороге: местность очень уж неровная, в темноте можно свалиться и шею сломать. Впрочем, алые разводы облаков растворялись — кончался закат, очищалось небо надо моей головой. И это почти в середине года да к тому же вечером. Значит, ночь будет довольно светлая. У меня еще есть время... но

лучше не слишком задерживаться, мама будет волноваться. Если и я сейчас уйду по вороньей дороге, она этого не переживет.

* * *

Дядя Хеймиш снова глотнул, нахмурился, глядя на чашку, и выплюнул в нее чай.

– Холодный,– смущенно сказал он жене и промокнул губы носовым платком.

Только в этот момент я заметил, что так и не прикоснулся к чашке, наполненной для меня тетей Тоуни. А Хеймиш продолжал:

– И был очень странный звук, такое гудение, и гудело как будто у меня под ногами, прямо из церковной брусчатки. Я не понял, что происходит, думал, это из-за выпитого или оттого, что я долго вверх смотрел и шея затекла. А гул не проходит, он все громче, и тут у меня аж волосы на затылке зашевелились. Я кричу: «Кеннет», а он уже на середине ската и дальше лезет. Потом – вспышка, ослепительная вспышка. Передо мной светящаяся яркая полоса, как будто струя горячей крови, как будто поток лавы на склоне вулкана. Прямо передо мной. И звук – ужасающий! И запах серы. Запах дьявола... Правда, я подумал, что это лишь совпадение. Упал. Ослеп наполовину... Думаю, может, это бомбежка? И слышу звон, как будто разом грянули все церковные колокола.– Дядя Хеймиш вновь поднес к губам чашку, но передумал и вернул ее на блюдце,– Тут сообразил: это ж молния! До сих пор не могу поверить. Оглянулся назад и увидел Кеннета, он упал на траву и на камень какой-то большущий. На могилу упал. Руки обгорели. Лез по громоотводу и сорвался вместе с ним. Не знаю, может, и остался бы жив, не упали он на камень. Я к нему бросился, а у него из головы кровь течет.– Хеймиш медленно поднял взгляд на маму. Та молча плакала.– Прости,– сказал он. Она ничего не ответила.

* * *

«Идиот,— прошептал я, сидя на громадном сером бетонном блоке Даррена.— Идиот.— И на этот раз я обращался уже не к себе.— Идиот! — прокричал я небесам.— Идиот! — взревел я, сдавливая пальцами щербатый бетон под собой.—Идиот!» —верещал я, выбрасывая из легких теплый морской воздух.

Я давился кашлем, я плакал, я тяжело дышал. Потом вытер нос рукавом рубашки, снова почувствовав себя мальчишкой, ребенком, шмыгнул, сглотнул, задышал медленнее, стиснул зубы, чтобы не дрожал подбородок.

Я выпрямил спину, уперся руками, вытянул перед собой ноги; ладони были распялены на грубом бетоне. Я подумал о них, о всех. Отец упал с церковной крыши, бабушка Марго — с лестницы, Даррен разбился о белый, как надгробная плита, бетон муниципальной помойки. Тетя Фиона вылетела через лобовое стекло «астон-мартина», сломала шею, угодив в деревце на обочине. И одному богу известно, что случилось с Рори. Ладно, еще денек-другой — и я начну это выяснять. Пока мы с мамой, с помощью Эшли, занимаемся самыми важными отцовскими бумагами, улаживаем юридические формальности. А потом дойдут руки и до остального, и, может статься, среди этих залежей найдется какая-нибудь подсказка о судьбе дяди Рори.

И почему отец всегда был так уверен, что его брат еще жив?

* * *

— Он был еще жив, клянусь.— Ко мне повернулся дядя Хеймиш, кивнул, нахмурился.

Я поднял брови; внутри меня царил холод. Хеймиш снова кивнул:

— Он жив был и кое-что мне сказал. Клянусь, Кеннет сказал: «Понял?» — Хеймиш снова покачал головой: — Так и сказал: «Понял?» Не открывая глаз: «Понял?» — Дядя посмотрел на свои неумные пальцы и нахмурился — как будто усилием воли пытался их остановить.—Да, так и сказал. И это было так... неправильно, так глупо... И я подумал: может, ослышался... Нет, не ослышался, он спрашивал: «Понял?» — Дядя Хеймиш все качал головой.— «Понял?» — Обратил ко мне лицо: — Трудно в это поверить, да, Прентис?

Он отвернулся, прежде чем я придумал ответ.

– «Понял?» – сказал он подносу с мозаикой и опять покачал головой.– «Понял?»

– Простите, – поднялась мама и в слезах вышла из комнаты.

Тетя Антонайна сидела на краешке кровати, пустыми глазами смотрела на умолкшего супруга. На ногах дяди Хеймиша стал подрагивать лоток. Одеяло на бедрах тоже вздрагивало. Койка закрипела. Дядя изумленно уставился на лоток: серые картонки мигрировали по дрожащей плоскости и постепенно собирались на одном краю.

Судороги в ногах дяди Хеймиша, похоже, разыгрались не на шутку: чашка чая, поставленная мной на прикроватный столик, покрылась концентрическим узором из стоячих волн. Мне вдруг вспомнилась сцена из «Невыразимой клевоности ебатия», когда танки входят в Прагу^[91]. Дядя Хеймиш вдруг захныкал. Тетя Тоуни погладила его ногу через одеяло и встала.

– Дорогой, я тебе таблетки принесу.

Она вышла из комнаты. Хеймиш повернулся ко мне; его уже трясло целиком. Картинка на лотке начала разваливаться.

– Ревнитель, – проскулил Хеймиш сквозь стиснутые зубы.– Он ревнитель, Прентис. Бог-ревнитель! Ревнитель!

Я медленно встал, пожал его дрожащие руки и улыбнулся.

* * *

Однажды в моем воображении нарисовалась картина, и с тех пор она меня преследует. Как дядя Рори одалживает у своего соседа Энди мотоцикл, и уезжает в закат, и где-то разбивается, может на спуске к Галланаху. Съезжает с дороги и улетает в какую-нибудь лошину, куда никто не заглядывает последние десять лет. Или, что даже вероятнее, падает в воду, и сейчас «сузуки-185GT» лежит на мели под волнами Лох-Ломонда, или Лох-Лонга, или Лох-Фаина, и седока опутали водоросли, и теперь это лишь скелет в одолженной кожанке. Возможно, он где-то на полпути отсюда до Глазго, и мы регулярно

проезжаем мимо, в каких-то нескольких десятках метров, и, скорее всего, так и не узнаем об этом.

Мне было известно, что сразу после того, как Энди, а затем и Дженис подняли тревогу, папа несколько раз ездил по дороге в Глазго, искал следы аварии: тормозной след, пролом в ограждении дороги. Боялся, что брат лежит без чувств или парализованный где-нибудь на поле или в канаве и с дороги его не видать. Но находил только забытые ремонтниками дорожные конусы и разный хлам да изредка – сбитую кем-нибудь овцу или оленя. Короче говоря, ни папа, ни полиция так и не нашли следов исчезнувшего мотоциклиста. И не было в моргах неопознанных трупов, похожих на него, и в больницу не поступали безымянные коматозники с такими же, как у дяди Рори, приметам.

Кажется, никто из нас не заговаривал о самоубийстве, но я в конце концов задумался: а что, если? Ведь у Рори как раз была депрессия. Единственный успех в его жизни – книга о путешествиях, написанная десять лет назад, а все, что ни пробовал он с тех пор, заканчивалось фиаско. Напоследок из него не получился телеведущий. Дядя и сам считал, что профессия эта не для него, но нуждался в деньгах и потому был раздосадован, когда не прошел конкурс. Возможно, он в конце концов понял, что так никогда и не напишет свой магнум-опус.

Да, жизнь легендарной не получилась, а люди, как известно, сводят с нею счеты и по менее уважительным причинам.

Если дядя покончил с собой, то вероятность того, что он лежит где-то под волнами, значительно возрастает. Он мог направить мотоцикл напрямик на ограждение на краю обрыва. На севере в горах сколько угодно подходящих мест. Может, он привязался к мотоциклу, чтобы не всплыть...

Но все же какая ему в этом выгода? Не похоже на то, что здесь замешана большая страховка, или долги по кредитам, или семейное наследство. Рори достался кое-какой капиталец, когда умер дедушка, деньгами распоряжался банк, пока наследнику не исполнилось восемнадцать. На эти средства Рори в первый раз путешествовал по Индии, а потом он жил на доходы с «Траппов», а под конец перебивался авансами под будущие книги и гонорарами за газетные статьи. Перед тем как пропасть, он вообще сидел на мели.

Может быть, его убили? Несколько лет назад и такая мысль приходила мне в голову. Еще в тот вечер, когда мы услышали о его

исчезновении. Я играл на берегу Лохгайра с Хелен и Дайаной, потом мы пошли чай пить и увидели во дворе полицейскую машину.

Полицейская машина! Помнится, я тогда здорово разволновался.

Разумеется, в воображаемых сценах не кто иной, как я, обнаружил подлого убийцу и отдал его в руки правосудия, или в роковой схватке толкнул под хлебоуборочный комбайн. Но как ни ломал я голову, так и не сообразил, кому была бы выгодна смерть Рори. Мне приходило на ум, это может быть связано с «Вороньей дорогой» – подлый плагиатор задумал украсть идею будущего шедевра и убраться к дядю Рори. Хотя вроде и красть было нечего. наброски и стихи – на что тут можно позариться?

Я встал на молчаливом бетонном блоке и стряхнул пыль с рук. Рассеивающиеся облака приобрели цвет спекшейся крови, даже с фиолетовым оттенком. Проглядывали все новые звезды. Розовел и поблескивал инверсионный след – в Америку летел самолет. Я взглянул на часы: пора. Маме я сказал, что погуляю часок-другой и вернусь к ужину. Мы ждали в гости Льюиса и Верити – они прилетели из Лондона, где работал Льюис, и собирались в Глазго взять такси. К моему возвращению они, наверное, уже приедут.

* * *

– Зря я тогда про тебя сказал, – произнес дядя Хеймиш, уже когда я двинулся к выходу из плохо освещенной спальни.

Я повернулся. Он все дрожал. Неприятно было смотреть на него – как неприятно слушать царапанье ногтей о классную доску.

– Не надо было мне это делать, Прентис. – Слова с присвистом сочились между стиснутыми зубами. Я услышал на лестнице шаги тети Тоуни. – Зря я это, Прентис. Не надо было говорить.

– Чего не надо было говорить, дядя? – спросил я, положив ладонь на дверную ручку.

– Что я тебе был ближе, чем он, что я тебя отвоевал, спас от его ереси. – Глаза на дрожащем пепельно-сером лице не двигались, взор был устремлен на меня.

Я кивнул и улыбнулся:

– Ну да.

Отворилась дверь, и я освободил проход тете Тоуни – она принесла таблетки и стакан воды.

– До завтра, Прентис,– прошептала она и погладила по руке.– Спасибо.

– Не за что, тетя Тоуни. До завтра.

Из коридора я посмотрел вниз, на ступеньки. Там стояла моя мать, у входной двери, надевала куртку. Я на секунду прислонился к затворенной двери спальни и, никуда не глядя, очень тихо сказал себе: – Понял?

* * *

Я перешел к той грани бетонного куба, что была обращена к суше, и посмотрел на угасающий закат, и попытался угадать, что почувствую, когда встречу Льюиса и Верити. Мы не виделись с той новогодней ночи, когда я набедокурил. Но как ни копался в душе, я не обнаружил страха или ревности. Даже хотелось увидеть их поскорее. Должно быть, холод, поселившийся несколько лет назад во мне, добрался и до моих чувств к Верити. Ревнивая страсть растворялась, как тучи над головой.

Подмывало лихो спрыгнуть на землю, но я решил не искушать судьбу. А то разве мало трагедий в нашей семье? Поэтому я спустился, прошел до конца изогнутого пляжа и травянистым берегом ручья направился к Галланаху.

* * *

...Он рассказывал нам и о флоре этих островов – почему широкие болота между дюнами и пахотными землями так богаты прекрасными цветами. Оказывается, здесь кислый торф смешивается с щелочным песком и образуется благоприятная для растений нейтральная почва. И названия этих трав звучали чарующе, как молитва: морской фенхель, мшанка лежачая, торичник красный, дубник осенний, лен

слабительный, язвенник обыкновенный, вероника дубровная, лебеда копьелистная, асплениум северный, очанка лекарственная.

От папы мы узнали о народах, которым Шотландия давала пищу и кров. Восемь или девять тысяч лет назад здесь жили племена охотников и собирателей, временами они кочевали по лесу, который покрывал всю эту землю, временами жили у моря, и теперь только груды ракушек напоминают об их стойбищах. Затем появились земледельцы, они начали выжигать лес. Люди неолита построили обсерваторию на Маэс-Хоув еще до того, как в Египте придумали воздвигать пирамиды, и на острове Льюис круг из стоячих камней появился задолго до Стоунхенджа.

Потом приходили люди бронзового и железного веков, викинги и пикты, римляне и кельты, скотты, англы и саксы; все они нашли дорогу в этот глухой уголок Северной Европы и оставили здесь следы: безлесые склоны холмов, дороги, ограды из плитняка, пирамиды из камней, крепости, могильники, истуканы, фермы, дома, церкви, нефтеперегонные заводы, атомные электростанции, а также ракетные полигоны.

Отец сочинял рассказы о тайных горах, о лесе, утонувшем в песке, о потоке, который превратился в дерево, о торфе-зомби, о каменных бурильщиках. Иногда место действия или тема рассказа как-то соотносились с действительностью. Прообраз тайных гор – настоящий холм, на нем растет цветок, которого больше нигде в мире не сыщешь. Известно, что ураганные ветра загоняли целые гряды дюн в глубь острова, песок засыпал леса и даже деревни. Торф, можно сказать, «бессмертен» – кислые минералы из окружающих скал, холодный атлантический воздух и вечный дождь не дают отмершим деревьям разлагаться.

Другие истории были целиком придуманные – наверное, дело в том, что в отце всегда жил мальчишка. Если смотреть издали на дерево, особенно растущее на дне глена да еще покрытое листвой, то оно и правда похоже на огромный фонтан зеленой воды, которая ударила из земли и вдруг одеревенела.

Пусть от всего этого веяло наивностью, пусть отцовские образы смахивали на галлюцинации, но они тем не менее впечатывались в нашу детскую память, в мозгу всегда создавалась картинка. Взять хотя бы магмитов – людей, которые жили в магме под земной корой. Они

бурили скважины вверх, чтобы глотнуть воздуха, как мы добуриваемся до нефти. Магмиты, наверное, порождены той частью папиного разума, которая любила все переворачивать с ног на голову. Он обожал рассматривать противоположности, фантазировать «от противного», доводить до абсурда и в абсурде находить смысл. Не воображение, а неиссякающий рог изобилия – наверное, дядя Рори за такой душу бы отдал не задумываясь.

Чередую научные факты с вымыслом, сказки – с прямыми нотациями, отец учил нас, что суть вещей переменчива и мы, как и все остальные люди, самые важные существа во Вселенной и при этом полные ничтожества, все зависит от обстоятельств, а также от того, как поглядеть. Но индивидуум всегда важнее общества, и люди – это люди, они везде одинаковы. И если тебе кажется, что человек совершает глупый или дурной поступок, то ты, скорее всего, просто не знаешь всей правды. Впрочем, иногда люди действительно творят худые дела, особенно если ими овладевает какая-нибудь навязчивая идея и они ее считают оправданием для своего гадкого поведения. И ты не всегда твердо знаешь, что сам прав, а другие ошибаются, но надо стремиться к пониманию своих поступков, надо смотреть правде в глаза. Потому что правда – это очень важно.

Наверное, все мы дорожим своими убеждениями. Кажется, они для нас даже роднее, чем полученные от отца и матери гены. Убеждения, вероятно, мы тоже наследуем – даже если это подчас абсолютная противоположность того, что в нас пытались заложить родители.

Иногда я чувствовал, что отец перегибает палку. Как будто он хотел лепить наши души по своему образу и подобию, чтобы мы думали и поступали, как он, – словно это помогло бы ему обмануть старуху с косой, обрести своего рода бессмертие. И тогда от его притч и нравоучений здорово веяло эгоцентризмом, а его мудрые, великолепно аргументированные теории смахивали на догмы.

Но так бывало редко, обычно он вел себя как настоящий альтруист. Мне даже казалось иногда, что я чувствую его отчаяние, – он так старался подготовить нас к будущему, чтобы мы могли справиться с превратностями судьбы, – но мир вокруг нас менялся слишком быстро, и отцовские идеи и принципы, казавшиеся ему такими важными, жизненно необходимыми, становились

неприменимы. В лучшем случае они оказывались маловажными, а в худшем – ложными.

Мать всегда обращалась с нами иначе. Не помню, чтобы она хоть раз читала нам морали. Она предпочитала действовать исподволь. Мы знали, что мама нас любит, и понимали, какой поступок она одобрит, а какой – нет. Она учила нас на примерах, позволяя совершать ошибки. Пожалуй, лишь в одном ее можно упрекнуть: приучила нас к утешительной мысли, что она обязательно будет рядом, если у кого-нибудь из нас возникнут неприятности.

Возможно, ее науку мы усвоили лучше, чем отцовскую.

* * *

Через полчаса после того, как я ушел с постпостмодернистского бетонного блока, я стоял на холме Бак-Хром – отсюда в сумерках были видны нужный мне грейдер, огни деревни Слокавуллин, восточная окраина Галланаха (цепочка оранжевых искр справа от меня) и шоссе на Обан; а весь север пестрел желтыми, оранжевыми и красными огоньками, подвижными и неподвижными; и внизу раскинулся темный ландшафт, волнистый, с каменными пирамидками, с кольцами из меченых валунов, с могильными холмами и старинными крепостцами.

Все боги ложны, думал я, глядя в эту пеструю мглу. Вера суть идолопоклонство.

Глава 14

Ну, чего, братишка, как дела-делишки?

Льюис глубокомысленно покачал головой. Поднял стакан с виски и подверг детальному рассмотрению сначала одним сощуренным глазом, прикрыв второй, затем – наоборот.

У меня сложилось впечатление, что он пытается запечатлеть посудину в памяти. К этому моменту я уже так надрался, что идея мне даже показалась неплохой, и я бы, наверное, попытался взять с брата пример, когда бы верил в свою способность координировать действия руки, глаз и мозга. Если бы не долговременная практика, мне бы в этот вечерний час ни за что не осуществить полноценный контакт стакана и рта. Хотя какое там – полноценный: я уже дважды промахнулся и окропил подбородок и рубашку. Впрочем, утирался я с достоинством.

А Льюиса, похоже, от выпитого клонило ко сну. Другая версия: его гипнотизировала высшая истина, заключенная в стакане. С кем не бывает.

– Слышь, Льюис?

– Че... чего? – озадаченно глянул он на меня.

– Как жизнь, спрашиваю.

– А-а...– Он вздохнул.– Да как сказать...– Нахмурился.– Верити мне вчера такое выдала... Говорит: «Льюис, кажется, мы с тобой перестали понимать друг друга».

– Что-что? – Мои губы осторожно состыковались со швыряльником.

– А я ей: «Как прикажешь это понимать?»

И расхохотался. Наверное, это был заразительный смех. Я тоже заржал, и мы дружно покатывались минут пять, ну, десять максимум. И так же дружно прекратили.

– Правда, что ли? – вытер я глаза. Льюис покачал головой:

– Не-а конечно. На самом-то деле у нас полное взаимопонимание.

– Вот и хорошо,– сказал я в пьяном благодушии и снова тяпнул.

Утром мне уже не будет хорошо оттого, что им хорошо. Но зато сейчас-то мне хорошо, и это хорошо.

Я глянул на Льюиса и сказал:

– Хорошо!

И снова заржал.

– Хорошо тому живется...– Но до конца Льюис договорить не смог, потому что мы оба оказались на полу.

Я хохотал так, что ушам было больно.

* * *

Я прятался от дождя под лиственницей, хоть и держал раскрытый зонтик. На мне был килт, и чувствовал я себя малость некомфортно. За последние недели стена мокрых деревьев пожелтела и подрастеряла хвою, земля под ними обрела белесый цвет – как будто зеркально отражала пепельную серость неба. Я дотронулся до скромного черного обелиска, скользкого и холодного под холодным октябрьским дождем. Позади меня, в павильоне, нарастал шум: людская болтовня заглушала шорох дождевых капель, падавших меж ветвей и хвои на пропитанную влагой землю. Суетные возбужденные голоса так и норовили надругаться над имманентным кладбищенским покоем.

«Что это за парень? – думал я.– Кого хотела мне показать Эш?»

Но я, кажется, уже догадался.

Черт, до чего раздражает эта болтовня.

Дождь усиливался, я слушал, как он барабанит по натянутой ткани зонтика. И вспоминал, вспоминал...

* * *

– Помнишь игру «Река»?

– «Черная река»? Еще бы!

Мы копали папе могилу. По пояс углубились в жирный чернозем на берегу Лохгайра, между домом и густыми зарослями собачьего шиповника. Джимми Террок, бывший одноклассник Льюиса, а ныне муниципальный рабочий, официально присланный рыть могилу, сидел за баранкой своего экскаватора, сложив руки на груди, запрокинув голову и раскрыв рот. Спал. Близился полдень, и мы с Льюисом

решили, что сами выроем могилу,— на худой конец, это отвлечет нас от тяжелого похмелья.

Игру «Река» придумал папа. Для нас с Льюисом придумал. Сначала начертил все необходимое в большом альбоме для рисования, разработал правила. Отшлифовав задумку, на огромном листе белого картона нарисовал игровое поле, раскрасил, побрызгал лаком и окаймил черной лентой. Купил несколько разных пачек «Лего-техник» и сделал корабли, а также грузы, которые якобы этими кораблями перевозятся. Правила были отпечатаны на машинке, фишками служили обычные игральные карты с новыми этикетками, наклеенными на рубашки. Все это досталось нам с Льюисом в качестве подарка, одного на двоих, на Рождество 1981 года. Джеймс был тогда еще слишком маленький, он мог только грызть пластмассовые кораблики и плевать крошками на «грузы».

Льюис, клянчивший новый плеер и телик в свою комнату, поблагодарил отца без восторга, только из вежливости. Я тогда праздновал геройскую победу — уломал-таки папу и в доме появился компьютер,— и атаки имперских ходунов на повстанческие снежные окопы не позволяли мне уделить должное внимание дилетантски разрисованному картону, горстке примитивных немеханизированных фигурок, колоде испорченных карт и листам, здорово смахивающим на экзаменационные билеты. «Да, пап, класс! У тебя нет еще батарейки «пэ-пэ-девять» для моей машинки? Которая из твоего калькулятора, уже сдохла».

Но позднее я снизошел до «Реки».

Это была экономическая игра. Папе не нравилось наше чрезмерное увлечение военной тематикой: «солдатики», беготня с друзьями по лесу, рукопашные схватки на игрушках и подушках, компьютерное стрелялово-рубилоро. Уж лучше капитализм, чем милитаризм, решил он и придумал «Реку». И сказал нам, что создаст более правильный вариант, когда будет свободное время. Но сначала посмотрит, как нам понравится «Река».

У игрока два-три корабля, их надо провести из порта на одном краю поля в порт на другом. Путь лежит через большое озеро, усеянное островами, либо по сети рек и каналов. Во втором порту надо взять груз и плыть назад. Доставленный в «родной» порт груз уже имеет цену, и на выручку можно купить новые корабли, с разной

быстроходностью и грузоподъемностью. Маршрутов предлагается полдесятка, и чем короче путь, тем он опаснее. Водовороты, рифы, камнепады с крутых берегов, песчаные косы с постоянно меняющимися очертаниями и тому подобное. Погода тоже меняется через каждые несколько ходов, и от этого сильно зависит стоимость перевозимого игроком товара. А также от того, что перевозят его противники, и от того, есть ли буква «р» в названии месяца, и от других условий – всего не упомяну.

В целом игра была довольно забавная, средней увлекательности, требовала поровну умения и везения, и мы с Льюисом постепенно втянули в нее несколько друзей. Но, сказать по правде, она сделалась куда интереснее, когда Льюис (с моей помощью) ввел дополнительные правила, позволявшие строить... боевые корабли!

Мы играли несколько недель, пока наконец папа в один дождливый майский день не застал нас в оранжерее и не осведомился, почему это суда с пестрыми товарными фишками держатся кучками во вполне безопасных местах да еще окружены обломками.

Опаньки!

Мы переименовали игру в «Черную реку». Папа не пришел в восторг. Он обдумывал новый, улучшенный вариант, чтобы можно было за деньги строить железные дороги – кладешь рельсы, возводишь мосты, пробиваешь туннели, воюешь с камнепадами, болотами и несговорчивыми землевладельцами. И тот, кто первым проложит свой путь, и есть победитель. Но у папы руки опустились, когда он застал нас в разгар свирепого морского побоища на любовно разрисованном им картоне. Впрочем, игру он не отобрал. Кажется, какое-то время отец обдумывал новый вариант, начисто исключая военные действия, но тот остался на стадии проектирования, так и не увидел света божьего.

Я перестал копать, стер пот со лба футболкой, что до этого лежала на земле в изголовье могилы. Оперся на заступ, глянул на храпящего Джимми Террока. Льюис тоже пошабашил. Он тяжело дышал.

– А мы его так разочаровали, – сказал я. Льюис пожал плечами, достал из заднего кармана брюк носовой платок, вытер лицо.

– Да ладно, Прентис. Мы ж мальчишки были, взятки гладки. Папа это понимал.

– Да, но он от нас ждал чего-то большего.

– Отцы всегда ждут чего-то большего от своих детей, это традиция. А мы не такими уж и плохими выросли.

– Мы оба его разочаровали, когда в университете учились.– Я уже передал Льюису через мать, что в провале грядущих выпускных экзаменов не сомневаюсь.

– Ну, для начала, он про твои дела не знал,– соскреб Льюис грязь со штыка лопаты.– И он был умный человек, понимал: диплом – не самое главное в жизни. Мы с тобой не в тюрьме с ворами и наркоманами и не в рядах юных тори.– Он комично подвигал бровями.– И это само по себе немалое достижение.

– М-да, пожалуй.—Я снова принялся копать.

Зря Льюис про тюрьму упомянул – я ведь ему не сообщил, что меня прищучили за кражу в магазине. Сидеть я, правда, не собирался, но зачем сыпать соль на раны, пусть даже не подозревая о том?

Льюис тоже вонзил заступ в землю.

– Могло быть и хуже,– задумчиво сказал он.

– Но могло быть и лучше.– Я энергично выбрасывал землю из ямы.

Какое-то время Льюис молчал, затем тихо произнес:

– Лучше чем... вчера? – Он намекал на то, как мы вчера покатывались со смеху.

Я рассмеялся, хотя кладбищенская обстановка не располагала. Как не располагало и самочувствие: трещала башка и на сердце скребли кошки.

– Заткнись, пожалуйста.

Льюис заткнулся. Я перепилил садовой ножовкой очередной корень и снова взялся за лопату, смаргивая с глаз пот и отгоняя мух.

Потом сделали перерыв, чтобы освежиться «Айрн-Брю» и посидеть, болтая ногами, на краю могилы. А Джимми Террок знай себе посапывал блаженно по ту сторону ямы.

Я надолго присосался к бутылке и вручил ее Льюису. Он допил, соорудил рожу, заглянул в горлышко.

– Наконец-то понял, что мне эта хреновина напоминает.– Он звучно рыгнул.

Я решил не отставать и потревожил несколько сонных ворон на ближайшем дереве. Даже старина Террок пошевелился.

– Ну, и что?

– Жевательную резинку.– Льюис навинтил колпачок и запустил бутылкой в муниципального могильщика, но промахнулся.

Я с глубокомысленным видом кивнул:

– Действительно, определенное сходство наблюдается...

Мы посидели помолчали. Я посмотрел на веснушчатую физиономию Джимми Террока, на его разинутый рот и рыжие патлы. Из рта вырывался храп – как будто там кто-то не оставлял надежды завести раздолбанную бензопилу. Я послушал, любовался на парочку мух, совершавших замысловатые пируэты возле его рта, как будто каждая подбивала подружку «на слабо» начать разведку в этой заманчивой пещере. Но вскоре мухи сдались и занялись изучением сильно пересеченной местности: клетчатой рубашки Джимми. У меня болела голова. Да если на то пошло, у меня почти все болело. Впрочем, это были членовредительские раны.

А Джимми Террок храпел, и на все-то ему было наплевать.

* * *

Льюис с Верити приехали к нам накануне вечером, за час до того, как я вернулся из закатного паломничества к прибрежной скульптуре Даррена. Самолет опоздал, и с такси были проблемы, так что счастливая парочка явилась на два часа позже, чем мы рассчитывали. Льюис решил не звонить из аэропорта, а нанять машину с телефоном – и тот оказался неисправен. Поэтому мы с мамой разволновались не на шутку, даже запаниковали, и я боялся смотреть новости. А ну как услышу: «...А сейчас – экстренный репортаж из аэропорта Глазго... Подробности мы сообщим позже...» Как утверждает статистика, вероятность того, что именно с твоими родственниками произойдет подобная трагедия, крайне низка, но... с тех пор как погиб папа, меня такими доводами не успокоить. Все, кого я знаю, теперь кажутся слишком уязвимыми, и за всех страшно. При каждом телефонном звонке екает сердце, и если кто-нибудь сообщает, что собрался куда-нибудь махнуть на автомобиле, так и подмывает ему сказать: ради бога, не втыкай передачу выше второй, не пожалей денег на аварийные подушки, и действительно ли эта поездка так необходима, и будь осторожен, будь осторожен, будь осторожен... И вот мы с мамой

смотрим телевизор, сидя рядом на диванчике, бок о бок, крепко взявшись за руки, и даже не понимаем, о чем там говорят; глядим на экран – и ничего не видим, и боимся услышать телефонный звонок, и ждем, ждем, ждем рычания движка на подъездной дорожке.

Наконец я его услышал. Соскочил с дивана, рывком раздвинул занавеси, и машина подъехала, и Льюис вышел и мне помахал, когда из нее вышел, и я замахал в ответ. «Они!» Мама улыбнулась и успокоилась и вмиг стала такой же красивой, как прежде.

В прихожей имели место крепкие трехсторонние объятия, а потом мама увидела стоящую в дверях Верити, та нарочно тянула время, раздеваясь и вешая куртку; так что и ее затащили в нашу толпу, и впервые в жизни я ее обнял, пусть даже только одна моя рука легла на ее тонкие плечи. И всем нам было хорошо...

И тут зазвонил телефон. Мы с мамой подпрыгнули от неожиданности. Я взял трубку. Мама увела Льюиса и Верити в гостиную.

– Алло?

– Алло! С кем я разговариваю? – осведомился мощный командирский бас.

Это была тетя Ильза. Два дня назад мы записали сообщение на ее автоответчике. Сама она находилась в Ладакхе – этому городу понадобились несколько международных аэропортов, большой железнодорожный вокзал и система восьмирядных автомагистралей, чтобы получить статус центра тамошних чертовых куличек.

– Тетя Ильза, это Прентис.

Последовала задержка – вероятно, сигнал проходил через наземную станцию спутниковой связи, расположенную где-то между Исламабадом и Улан-Батором. Помехи были сильные – как будто кричало множество людей и им вторил мул.

– Здравствуй, Прентис, – взревела тетя Ильза, – Как дела? Почему ты хотел, чтобы я позвонила?

«Может, она стероиды принимает, – подумалось мне, – и это сказывается на голосовых связках?»

– Я... Тут у нас...

– Алло?!

– Боюсь, у нас плохая новость...

– А? Что? Прентис, душечка, ты уж не молчи, пожалуйста, а то у нас тут несносный хозяин гостиницы...

– С папой беда.– Я решил: чем быстрее все выложу, тем дешевле отделаюсь.– С вашим братом Кеннетом. Он... Его больше нет. Погиб три дня назад.

– Господи боже! Как же это случилось? – протараторила тетя Ильза.

Я услышал крики. Мул, или тот, кого я принял за мула, похоже, решил откашляться.

– Мистер Гиббон! – взревела тетя Ильза.– Усмирите этого скота!

– Молния ударила,– ответил я.

– Молния? – вторила громом тетя Ильза. – Да.

– Иисусе! Где он был, на лодке? Или...

– Он...

– Ну конечно же гольф... У мистера... Алло? У мистера Гиббона был друг, так его в Марбелле убило молнией, прямо на поле для гольфа. Как раз в момент обратного удара. И клю...

– Нет, он...

– ...Железная, конечно?

– ...Полез...—сказал я.

– «Семерка», небось... Что?

– Он на церковь полез,– прокричал я. Послышались странные звуки – как будто на том конце линии завязалась драка.

– На крышу, и там...

– На церковь?! – изумилась тетя Ильза.

– Вот именно. Тетя Ильза, послушайте...

– Но как его угораздило забросить мяч на крышу церкви?

Я оскалил зубы и зарычал на телефон. Моя тетя – комик по призванию, хотя сама о том не подозревает.

– Что случилось, то случилось,– проговорил я самым спокойным тоном.– Завтра похороны. Мы, конечно, понимаем, что вам никак не приехать.

Некоторое время слышалась возня, а затем фортиссимо:

– Извини, Льюис, я сейчас вынуждена прекратить разговор...

– Прентис,– процедил я сквозь скрежещущие зубы.

– У нас як сбежал. Передай маме, что всеми мыслями мы с ней и...

Я посмотрел на запищавший телефон: не уверен, тетя, что у вас найдется хоть одна мыслишка для нас. И положил трубку, испытывая облегчение.

– Надо выпить,– сказал я себе и целеустремленно двинулся в гостиную.

* * *

В тот вечер, накануне похорон, Льюис показал себя парнем куда более здравомыслящим, чем его младший брат. Он ушел спать около трех ночи, оставив меня в гостиной наедине с виски. Я бы тоже мог отправиться баиньки, но предпочел допивать, унывать и вспоминать другой вечер с бутылкой на двоих, имевший место в этой же комнате больше года назад.

– Но это несправедливо!

– Прентис...

– И не надо мне говорить, что в жизни нет справедливости!

– Ну, подумай сам, сынок,– сказал папа, наклоняясь вперед в кресле и ладонями сжимая стакан.

Его взгляд уперся в мое лицо. Я опустил глаза, посмотрел на его отражение в стеклянной поверхности разделявшего нас низкого столика.

– Справедливость – это то, что зависит от нас. Это идея. Вселенная не может быть справедливой или несправедливой, она подчиняется законам математики, физики, химии, биохимии... В ней просто что-то случается, и нужно иметь разум, чтобы эти события воспринимать как справедливые или несправедливые.

– Значит, что случилось, то случилось, и все на этом? – произнес я горько.– Он просто взял и погиб, и больше ничего не будет? – Меня распирали чувства – до дрожи. Только бы не заплакать!

– Будет лишь то, что он после себя оставил. В случае с Дарреном – это искусство. Многие и этого не оставляют. И еще кое-что в памяти людей. Ну, могут быть и дети...

– В случае с Дарреном – вряд ли,– усмехнулся я, не теряя возможности отыграть у отца хотя бы пустяковое, риторическое очко.

Он пожал плечами, глядя в стакан:

– Все же остальное – это просто клетки, молекулы, атомы. Приходит день, когда в твоём мозгу перестают действовать электричество, химия и прочее. Вот и все, ничего больше. И ты — история.

– Это пораженчество! Трусость и малодушие! Он отрицательно покачал головой.

– Нет. Малодушие – это по твоей части.– У отца слегка заплетался язык.– Ты слишком труслив, чтобы признать, какое все кругом большое, как велика Вселенная по сравнению с нами. В ее пространстве и времени мы – ничто. Индивидуально ты не способен смириться с тем, что мы – микроскопические пылинки, живущие лишь мгновение ока. Может, мы и идем к чему-то лучшему, но – никаких гарантий. Человек не способен поверить, что не он центр мироздания, вот в чем проблема. Вот откуда проистекают все эти трогательные сказочки про Боженьку, про загробное существование, про жизнь до рождения. Это просто трусость. Толи-мая трусость. «Господь – пастырь мой...» Вот мы и живем как бараны. Кругом скотство и жестокость. Ничего, все в порядке, ведь мы всего лишь выполняем предписанную Господом работу. Хрен с ним, с силикозом, лезь в шахту и вкалывай, ниггер. А ну-ка, ребятаки, освежите грешницу заживо и бросьте в соляную варницу. Ничего, мы же это не со зла, а только ради спасения ее души. Боженька, Боженька, дай мне старую добрую религию с первородным грехом. Где тут ребеночек на заклятие... Первородный грех, блин! И какой мудака его только выдумал...

Папа осушил стакан и поставил на столик.

– Прентис, ты можешь сколько угодно корить себя в смерти друга,– заговорил он внезапно спокойно и трезво,– только не надо это соплежуйство облагораживать метафизическими исканиями. Тебе не вбивали в голову предрассудки, и говорить на языке мракобесов тебя не учили.

– Ну, блин, папочка, спасибо за цензуру! – возопил я, вскакивая и припечатывая к столику посудину. Стеклопанная поверхность стола не выдержала удара, на ней появилась глубокая зеленая кривая трещина, точно лента тусклого шелка вдруг оказалась заключена в толстом стекле. Она протянулась от края до края, почти под нашими стаканами.

Папа глянул на трещину, мрачно усмехнулся:

– Ну надо же! Как символично! – И пробормотал, откидываясь в кресле: – Терпеть не могу мудозвонов.

Я помолчал, глядя на расколотое стекло. Может, инстинкт подсказывал, а может, воспитанность: попроси прощения. Но я сделал то, что было мне больше по душе: ринулся к выходу.

– Пошел ты в жопу, папочка! – выкрикнул я, прежде чем хлопнуть дверью.

Он поднял глаза, пожевал губами и кивнул, как будто я напомнил, что надо выключить свет перед сном.

– Да ладно.– Он помахал рукой.– Спокойной ночи.

Лежа в кровати, я перебирал все остроумные доводы, все убийственные фразы, так и не сказанные мною отцу. Перебирал, пока не погрузился в тревожный сон. Проснулся рано и смотался, когда все еще спали. Гнал свою колымагу до Глазго и орал на медлительные фуры, что оказывались на пути.

Больше мы с отцом ни разу не говорили по душам, начистоту, с глазу на глаз.

* * *

– Жалко, что он так рано умер,– произнес я, не глядя на Льюиса. Глядел я по-прежнему на Джимми Террока, который так и спал за рычагами муниципального экскаватора.– Эх, если бы я... Если бы мы с ним могли вернуться к тому разговору.– Одна из двух мух, изучавших хлопковый рельеф рубашки Джимми, вдруг с жужжанием перелетела к нему на лоб. Храп прервался, но возобновился сей же миг.– Как это было глупо...– Я покачал головой.– Какой я был мудозвон...

– Ага,—сказал через несколько секунд Льюис—Ладно, Прентис, в жизни чего не случается. Ты ж не знал наперед.—Я услышал Льюисов вздох.—Я бы тоже хотел ему кое-что сказать. Собирался ведь на прошлой неделе звонить.

Я посмотрел на Льюиса:

– Серьезно?

Льюис, кажется, смутился. Он сложил руки на груди, закусил нижнюю губу, взглянул на меня:

– Ты правда... запал на Верити? Скажи честно.

Я стукнул каблуками о стенку могилы, заметил пару-тройку корней внизу – надо будет их перерубить, чтобы дальше копать. Пожал плечами.

– Ну, это, пожалуй, просто юношеское увлечение. Сам знаешь, она мне всегда нравилась, но... вся эта фигня в Новый год... Это было... ну, отчасти – пьяный вздор, но... В основном – просто ревность к брату. Ревность к брату, – повторил я.

Мы оба ухмыльнулись. А ему, очевидно, по-прежнему было неловко. На этот раз вместо нижней губы он закусил верхнюю.

– Так вы женитесь? – спросил я, сглотнув. Льюис посмотрел на меня, округлил глаза.

– Она беременна? – пропищал я натуральным контральто.

У Льюиса отпала нижняя челюсть. Он тотчас закрыл рот. Вытер лицо носовым платком. Брови и глаза выражали удивление.

– Вообще-то и то и другое. Почти наверняка.

Он сдвинул мокрый платок над ямой, но не выжал ни капли (пока мы рыли, пот с нас катился градом). Льюис кивнул; его улыбка была кратко-живущей и нерешительной. Таким неуверенным в последний раз я его видел, когда ему было шестнадцать. Тогда я его почти убедил, что боксерское восстание случилось из-за спортивных трусов^[92].

– Фу-ух... – выдохнул я. Мне это словечко показалось вполне подходящим к ситуации. Моргая, я посмотрел на Джимми Террока.

Льюис пощелкал языком. Прочистил горло:

– Если честно, точных планов мы не строили, но... Короче, мы оба этого хотим, так что... Ты знаешь, какого я мнения о браках и о всем таком, однако... Блин, это ведь все упрощает. – Тон был такой, будто он каялся.

Я укоризненно покачал головой и, поглядев на него с широкой улыбкой, сказал:

– Ты законченный ублюдок. – Я уперся ладонями в бедра. Он, похоже, обеспокоился, но моя ухмылка, наверное, выглядела искренней. – Подонок, сволочь и падла. Как я тебя ненавижу! – сказал я. – Но все-таки надеюсь, что ты будешь счастлив до тошноты. – Я помедлил, совсем чуть-чуть, и обнял его. – Чтоб ты подавился семейным счастьем. – Оставались бы слезы – наверное, заплакал бы.

– Братишка! – выдохнул он мне в плечо.— Я ж не знал, как ты к этому отнесешься.

– Переживу,—отпихнул я его.—Маме сообщил?

– Лучше после похорон... Я и тебе собирался только потом сказать. Да все равно Верити, небось, уже проболталась.

– Ну, и когда празднуем?

– Что именно празднуем? – улыбнулся Льюис, должно быть, до крайности смущенный, и пожал плечами.— Мы свадьбу на октябрь прикидываем, роды – на март.

Я выдохнул – долго, с дрожью; голова малость кружилась.

– Созрел, значит? – снова покачал я головой, оглядев брата с ног до головы, и вскинул бровь: – И что, думаешь, семейная жизнь – это для тебя?

Льюис ухмыльнулся:

– Да я в ней, как лемминг в воде.

Я посмеялся. Сначала негромко, а потом так разошелся, что разбудил Джимми Террока, и он с нескрываемым страхом посмотрел на меня – как я сижу на краю отцовской могилы в день отцовских похорон и гогочу точно полоумный.

Как лемминг в воде! Льюис не хуже меня знал, что милые зверушки оклеветаны зря,— они пловцы отменные.

* * *

Джеймс вернулся примерно в середине дня. Он был... ну, скажем, не в духе. И хрупкая оборона против горя, которую мы создавали в последние дни (мы с Льюисом шутя, мама – спокойно и деловито), рухнула тотчас. Джеймс, похоже, был склонен винить в случившемся и отца, и нас. Да что там, он был склонен винить всех на свете! Некрасивый от злости, он гнал волну в нашем маленьком пруду, точно гоночный катер. Дом превратился в ад, и мы принялись рывкать друг на дружку. Снаружи, в углу сада, тарахтел экскаватор, докапывал яму. Движок взревывал и затихал – ни дать ни взять машинный храп. Джеймс пожелал всем нам поскорее сдохнуть и, хлопнув дверью, убежал в свою комнату. Только тогда мы вздохнули с облегчением и

пошли к могиле – помочь Джимми Терроку с «последними штрихами».

Настало время принять душ, переодеться и ждать катафалк и родню. Похороны прошли в надлежащей мрачной атмосфере, в пику солнечному сиянию и тепленькому ветерку. Сказанные Льюисом над могилой слова прозвучали неестественно, натянуто. Мама была белая, как простынка. Джеймс стоял рядом, в бешенстве кривил губы. Ушел, как только гроб коснулся дна могилы. Я бросил горсть земли на крышку из светлого дерева и чуть отступил от ямы, которую сам же помог выкопать.

Но в целом все прошло гладко, собравшийся люд, числом не меньше сотни, вел себя пристойно. Потом мы захлопотались в доме, надо было всех кормить и поить – и с этой работенкой тоже справились.

* * *

На следующий день мой старший брат и его нареченная попросили меня быть на их свадьбе шафером. Я, как и должно, поломался и ответил согласием. Две семьи договорились, что бракосочетание произойдет в Лохгайре. После этого Льюис и Верити остались еще на день, а потом вернулись в Лондон – у Льюиса накопились ангажементы. При следующей нашей встрече он почти со стыдом сказал, что никто не замечает перемены, – после отцовской кончины он на сцене точно такой же, как и до.

Перемена заключалась в том лишь, что Льюис перестал рассказывать хохму про дядю, задушенного нейлоновой лавиной на искусственном лыжном склоне.

Я посоветовал не беспокоиться – в роли ты и должен быть постоянным. Измениться на сцене имеешь право в исключительном случае: если тебе, к примеру, сообщат о смерти отца. Кстати, может, тебе когда-нибудь пригодится тема насчет атеиста, полезшего на церковь и погибшего от молнии.

Льюису хватило порядочности с негодованием отместить эту подсказку.

Мы с мамой занялись папиными бумагами. А еще сумели, под руководством Эшли, включить компьютер и покопаться в файлах.

Папино завещание, написанное в ту пору, когда умерла бабушка Марго, хранилось в кабинете, в сейфе под половицами. Сейф – не ахти какой секрет, мы все про него знали. Он предназначался для потенциальных воров – чтобы осложнить им работу. Мама уже видела завещание, когда открыла сейф наутро после папиной смерти, в компании одной из своих подруг-соседок. Она прочла только первый параграф, который подтверждал папино желание быть похороненным на прилегающем к дому участке. Читать дальше мама не смогла, слишком была расстроена, и возвратила завещание в подполье.

Так что сейф был снова открыт, мы разделили бумаги, каждый уселся за отдельный стол – посмотреть, что тут у нас. Завещание оказалось в моей стопке листов. Я бегло прочел – и упал духом:

– О нет!

– Что такое? – спросила мама, сидевшая у окна, за самым большим столом.

– Завещание.—Я снова перевернул последний лист, впился в него взглядом. Но так и не нашел того, что искал.— Не заверено...

Мама подошла, встала позади меня. Взяла два исписанных от руки листа, нахмурилась. Она была бледна, глаза казались очень темными. На ней были черные джинсы и темно-синяя рубашка, а волосы на затылке стянуты синей лентой. Мама вернула мне завещание.

– Думаю, все в порядке,— медленно произнесла она и, подумав, кивнула.— Я позвоню Блоку – удостоверимся на всякий случай. Да ему все равно надо это увидеть.— Мама снова кивнула, вернулась к своему креслу, села читать другие бумаги. Вдруг подняла на меня глаза: – Давай ты ему позвонишь?

– Нет проблем...

Я смотрел, как она вновь склоняется над бумагами и притворяется, будто читает,— даже смешно, до чего вид рассеянный. Она подняла голову, посидела, глядя меж раздвинутыми бархатными шторами на лужайку заднего двора.

Так она провела добрые две минуты. Не шевелилась; лицо было бесстрастным. Я улыбнулся. Одновременно хотелось и плакать, и смеяться. Но я лишь тихо сказал:

– Мам...

– А?..– Она повернулась ко мне, на худом лице – вопросительная улыбка.

Я поднял со стола бумаги.

– Это папино завещание.– Я тоже растянул рот в улыбке.– Тебе не хочется узнать, что тут написано?

Она заметно смутилась, даже явно расстроилась. Поднесла ладонь ко рту:

– Ну да, конечно. Давай-ка прочтем. Я передвинул свой стул к ее креслу.

* * *

Мудрейший адвокат Блок утверждал, что документ в полном порядке. По шотландскому закону для написанного от руки завещания нотариальное заверение не требуется. Он даже изъявил желание прочесть собственными глазами, тем самым почтив нас вторым визитом за одну неделю. Похоже, квоту его любезности мы тем самым израсходовали начисто.

– Да,—сказал адвокат Блок, прочитав завещание в гостиной.– Да, я никаких ошибок не усматриваю.– Вид у него при этом был не очень жизнерадостный.—Бесспорно, это его почерк...

Он перечитал вновь.

– Да,—кивнул наконец.— Вообще-то я не советовал так делать, но он, очевидно, решил по-своему.

Похоже, цаплеподобного адвоката огорчила юридическая неоспоримость последней воли моего папы. Он уныло улыбнулся, и мама поспешила предложить ему еще виски.

По завещанию, лишенному столь милых адвокатскому сердцу длиннот и двусмысленностей, маме доставались дом, участок и т. д., вместе с двумя пятыми капитала, состоящего из отцовских сбережений и всех тех денег, которые можно будет выручить после его смерти. Льюис, Джеймс и я получаем по одной пятой. Отдельным пунктом шли поистине архетипические пожертвования: Коалиция за ядерное разоружение, Международная амнистия и Гринпис, по десять тысяч. По десять тысяч! Я сначала был ошеломлен, потом – раздосадован,

потом – пристыжен, а еще позже – маленько даже восхищен. Мама лишь вздохнула – должно быть, чего-то подобного и ожидала.

Признаюсь, я испытал облегчение, узнав, что отец не лишил меня наследства. Но если бы и лишил, я бы зла не держал. Думаю, жадность тут ни при чем, важно было узнать, что я, несмотря на размолвку, оставался любим. К тому же я весьма сомневался, что доля моя, с вычетом всех этих пожертвований, останется приличной.

Денежными расчетами занялись папин литагент, его бухгалтер и адвокат Блок. (А я впоследствии все проверил.) Душеприказчик пригласил всех нас в его контору через две недели после папиной смерти. Только Джеймс не явился. А Льюис, тот специально прилетел.

Процедура оказалась совсем даже немудреной. Блок огласил итоговые суммы, и я был приятно удивлен. Я, когда жил в Глазго и питался хлебом, творогом и «рыбными ужинами» и дрожал над каждым пенсом, даже не догадывался, что папочка за эти годы сколотил целое состояние. Но теперь его благотворительность (тридцать кусков чокнутым борцам за мир и справедливость!) уже не казалась такой запредельной. После того как государство урвало свою долю, выяснилось, что папа оставил больше четверти миллиона фунтов.

Мне доставалось чуть больше сорока тысяч. Рисовалась радужная перспектива. В ближайшем будущем мне предстояло ежегодно получать по пятнадцать штук. А может, и не только в ближайшем – все зависит от того, выстоят ли папины сказки в борьбе со временем... уже не говоря о борьбе с Томасом Танкомотором, черепашками-ниндзя и другими конкурентами на рынке детских удовольствий.

Короче говоря, я нежданно-негаданно очутился если не на вершине богатства, то на склоне комфорта. А еще через несколько дней выяснилось, что в | оценке своих шансов на сдачу выпускных экзаменов я был более точен, чем в ответе на любой из вытянутых билетов. Словом, такого блистательного провала, как мой, факультет не видел уже давно.

Спасти, что можно, – вот такая мысль пришла тогда ко мне первой. Не все потеряно, еще год на студенческой скамье, и степень магистра гуманитарных наук – моя...

Решать надо было быстро, привалившие как с куста деньги существенно повлияли на мой выбор. Перспектива возвращения в

Глазго уже не пугала соседством с Гавом, тетей Дженис и их акустически экстровертированными страстями. Думать о куске хлеба больше не придется, и если я втянусь в учебу – а я, наверное, втянусь, есть же у меня характер, в конце концов, – то она из мучения превратится в развлечение.

Мы с мамой и Льюисом стояли на тротуаре на Мейн-стрит, в Галланахе, возле конторы адвоката Блока.

«Сорок кусков!» – снова и снова повторял я в уме и старался не выглядеть чересчур обалделым. Мама неторопливо натягивала черные кожаные перчатки.

Мы с Льюисом переглянулись.

В Лондоне мой брат не с хлеба на воду перебивался, но и у него отпала челюсть, когда Блок назвал заветные цифры. А вот мама была сама сдержанность: вежливо поблагодарила адвоката, справилась о его семье.

– Как насчет тяпнуть? – сказал мне Льюис. Я кивнул. У меня голова шла кругом.

– Ма... – произнес Льюис.

Она обернулась на голос моего брата. Мама была в темно-синем. Выдался ясный и теплый день, я видел серебро в ее темно-каштановых волосах. Какая она хрупкая! И мне почудилось, будто вернулся в детство, когда с каждым проходящим годом мама казалась все ниже и ниже.

– Что? – спросила она.

Я поймал себя на том, что принохиваюсь. Ветер с их стороны, но я улавливал только запахи грушевого мыла и одеколona «Арамис». «Арамисом» пользовался Льюис. Похоже, мама перестала душиться.

– Выпить бы – нервы успокоить, – сказал Льюис.

– А, ну да, – задумчиво кивнула мама и улыбнулась. – Да, он бы это одобрил.

И мы пошли в бар «Стим-Пэкет-Хоутела», откуда открывался вид на заполненную туристами пристань и забитую машинами стоянку. Между причаленными яхтами поблескивала вода, вдали чернел силуэт уходящего к острову Малл парома.

Мы пили дорогое шампанское и пятнадцатилетний виски. Думаю, папа бы это одобрил.

* * *

Льюису в тот же вечер пришлось ехать в Лондон. Мы с мамой провели неделю в хлопотах. Безвременно уйдя из жизни, папа, человек общительный и предприимчивый, оставил немало незавершенных дел.

Потом мама возилась в саду, а я разбирал не самые важные бумаги, распечатывал все, что было на дисках, находил рассказы и отсылал их в Лондон, отцовскому литагенту и издателю. Я мало-мальски освоил комп (основные навыки привила Эшли, хотя компьютер – не ее конек), даже научился менять картриджи в принтере, не заливая краской его внутренности.

На одной из ранних дискет, записанных отцом вскоре после того, как он наконец вступил в компьютерную эру и купил «Компак», то есть в 1986-м, я нашел файлы со стихами Рори – должно быть, папа ввел их в компьютер с оставленных дядей бумажек. Эти стихи я распечатал. Видимо, папа был не в восторге от них, как еще объяснить, что этих произведений не оказалось на жестком диске или на другой дискете. Как бы то ни было, мне снова пришлось иметь дело с творческим наследием Рори. Я по-прежнему надеялся, что утраченные мною бумаги когда-нибудь найдутся.

Дневники папы обнаружались за буфетом, в картонной коробке. Мама их быстро просмотрела и отдала мне. *«Л/, и я в Гол. Помаг проглк нзд чаепит; декларац о дох.»* Или: *«Глзг—Фрнкф 13.15. Опозд, размин с др. Позвон. Гостин ТВ»*. И тому подобное. Ничего интересного за последний год. Папины рабочие тетради, в основном альбомы формата А4, выглядели куда занятнее. Ладно, дневниками займемся позже.

И вот однажды я нашел подлинное сокровище в недрах ветхого картотечного шкафа. Сокровище имело облик трех разваливающихся от дряхлости картонных папок, набитых старыми тетрадями и блокнотами, кипы больших желтых конвертов с билетами, расписаниями и просто разновеликими бумажками, и разрозненными, и скрепленными по нескольку; все это было исписано рукой дяди Рори. Наличествовал и один запечатанный конверт.

Тут были все стихи, которые я уже читал раньше. Были и другие. И напечатанные на машинке отрывки из путевых очерков, и черновики

«Траппов», и индийские дневники Рори. Изнутри к задней обложке тетради была приколотая скрепками сложенная карта Индии, а на ней синяя шариковая ручка вывела беспорядочный дядин маршрут. Задняя обложка второй тетради была в поблекших железнодорожных и автобусных билетах, от скрепок по дешевой синеватой бумаге расплозились пятна ржавчины. На обложке последней тетради был только один билет – «Эр Индия», память о дядином возвращении домой. Отдельные страницы были запачканы чем-то цвета шафрана, и я готов поклясться, что от одной тетради пахло карри.

Я уселся на пол перед картотечным шкафом и принялся торопливо листать тонкие хрусткие страницы, улыбаясь орфографическим ошибкам и слабеньким любительским рисункам и выискивая уже знакомые пассажи.

Просмотрел я и остальной материал и нашел одну пьесу – опять что-то военное, о смерти и предательстве. И, похоже, безымянное. Там был не только отрывок о солдатской судьбе, прочитанный мной еще в январе, в поезде, застрявшем под дождем возле Крау-роуд. Но этот текст заканчивался строками, которые я слышал еще за несколько недель до того дня, в квартире у Дженис Рэй. А если точнее, в постели у Дженис Рэй.

«...Все твои правды и все твои неправды», – прочел я и добавил про себя: «Все твои шики и все твои шпики».

Была там и дядина антикончалая мантра, до последних слов: «И вливаешься...» Если учесть, в какой ситуации пребывал в тот момент автор, строки эти обретали дополнительный смысл, иронию, которой прежде я не улавливал. Это было обведено красными чернилами, а ниже дописано большими буквами: «*Использовать для кнц ВД*».

Я читал текст, я смотрел рисунки, и постепенно тихий восторг сходил на нет — я понял, что ни в одной из папок больше не найдется ничего, имеющего отношение к «Вороньей дороге». Обнаружилась лишь шифровка на изнанке обшарпанной папки, похоже, самой свежей. Короткая запись карандашом: «*8P убвт CP!!! рвнсть. Фгдок*».

«8P» и «CP». Смутно припомнилось, что эти аббревиатуры были в утраченных мною записях. Я покачал головой, проклиная свою идиотскую небрежность и возмутительное пристрастие дяди Рори к ничего не говорящим сокращениям.

«Рвнсть»... Ну, эта тема в творчестве Рори повторяется...

«Фгдок»... О черт, что еще за фгдок?! – подумал я. Вроде бы же 8Р вр мж стен и дер! Зараза!.. Я закрыл папку. Потом какое-то время вертел в руках пухлый, тяжелый запечатанный конверт формата А4. Вскрыл. Компьютерные дискеты. Вот-те на! Насколько мне известно, у дяди Рори никогда не было компьютера. Восемь больших флоппи-дисков, каждый в конверте из коричневой бумаги. «Хьюлетт-Паккард. Двусторонние гибкие магнитные диски. #92195А (10 шт. в упаковке)». Ну да, конечно, двух должно не хватать. Помечены цифрами, с единицы по восьмерку, в остальном же вид имеют совершенно девственный. Отверстия защиты от записи все еще заклеены.

Я посмотрел на «Компак», стоящий на папином столе. Большие устаревшие диски не вошли бы в «компаковский» дисковод, даже сложи их пополам.

Надо будет позвонить в Лондон, посоветоваться с Эшли насчет этих дисков. С такой мыслью я и уложил их в конверт, а конверт уложил в выцветшую папку.

А потом долго листал индийский дневник дяди Рори, поминутно с грустью улыбаясь. И кажется, так же потерялся на чарующих просторах далекой страны, как некогда потерялся сам Рори... Наконец меня позвала снизу мама – пора пить чай.

* * *

Через несколько дней я уехал на поезде в Глазго. Самые срочные вопросы, возникшие со смертью отца, были улажены. День выдался просто идеальный: по-летнему теплый, по-весеннему свежий. И воздух чист, как зимой, и краски – ярче, чем осенью.

По дороге я обрел спокойствие сродни оцепенению, удалось ненадолго забыть об отцовской кончине и о ее последствиях.

В тот день и привычный наш маршрут выглядел свежо и ново. Поезд ехал из Лохгайра на север вдоль нижнего озера. Пересек в узком месте Лох-Файн у Минарда, сделал остановки в Гарбхаллте, Страхуре, Лохгилпхеде, Портинкапл-Джанкшне, там я перебрался на Вест-Хайленд-лайн и северным берегом Клайда покатыл к Глазго. Вода и небо отливали синевой, травы и деревья восхитительно покачивались

под напоенным запахом цветов ветерком, и вершины холмов вдали играли пурпурными и коричневыми тонами.

Я глядел на бесконечный летний пейзаж за окном, и уже от одного этого поднималось настроение. И даже уродливая злокачественная опухоль базы подлодок «Трайидент» под Фаслейном не стала каплей дегтя в бочке меда. А когда поезд подъезжал к Квин-стрит (на этот раз я, конечно, помнил, что не надо оставлять багаж в вагоне), глазам моим открылось зрелище нерядовое, даже, я бы сказал, поразительное.

А ведь было оно не чем иным, как прямоугольным участком земли. На этот заросший бурьяном пустырь я мрачно глядел из окна застрявшего поезда дождливым январским днем. И тогда невесть кем протоптанные тропки придавали этой картине безысходности – под стать той, что приросла к моей душе, как кровожадный лишай – к раненой плоти.

И вот это поле выгорело. Причем совсем недавно; ни пятнышка свежей растительности на почерневшей земле. И все же участок не был совсем темным. Огонь уничтожил всю траву, кроме огромной зеленой буквы «X» – яркая и четкая, точно отпечатанная, лежала она на черном флаге опаленной земли. Две пересекающиеся тропки на невспаханном клочке сияли под солнцем, как изумрудные. Огонь прошел над притоптанными былинками и сожрал их более благополучных соседей – вот так, не было бы счастья, да несчастье помогло.

Я застыл, любуясь этой картинкой. Застыл в тот самый миг, когда снимал сумки с багажной полки.

И, улыбаясь, я спросил себя: «Понял?»

* * *

Папа не давал подробных распоряжений насчет своих похорон. По этому поводу в завещании лишь говорилось, что ему угодно быть погребенным где-нибудь на прилегающем к дому участке. Мы поспорили, и мама наконец решила, что достаточно будет простогоobelиска из черного мрамора, с именем и датами рождения и смерти.

И вот я, в фатоватом горском прикиде, стою и вспоминаю прошлогодние летние похороны и думаю, до чего же уродливым

получился черный обелиск.

Я грустно покачал головой, повернулся и зашагал к разбитому на газоне шатру. Приходилось ступать осторожно, чтобы не запачкать белые носки из толстой шерсти. Подол кильта бил по коленям.

Интересно, не вернулась ли Эш?

* * *

– Что, что, что? Прентис, отвяжись! Я с твоим братцем, с тех пор как он женился, по-французски еще ни разу не целовалась, это мой шанс, не смей оттащить... Ха-ха-ха! Откуда тряпки спер?

Холл лохгайрского дома кишел народом. Гости толпились, смеялись, обменивались подарками, пожимали друг другу руки, требовали выпивку, хлопали Льюиса по спине, обнимали Верити, шептались с мамой, ломались к дверям, чтобы поприветствовать вновь прибывших, и толкались, и улыбались, и гомонили, и подводили меня к мысли, что список приглашенных составлять – задачка посерьезнее, чем я считал раньше. Поэтому я вздохнул с облегчением, увидев, как от входной двери пробирается Эшли. Вспомнив о компьютерных дисках, я метнулся за ними наверх, потом сбежал вниз по лестнице, чтобы ее перехватить и затащить в гостиную.

– В папином кабинете нашел, – объяснил я, протягивая диски.

Эшли положила на стул подарок в яркой обертке, вынула из бумажного конверта диск. Ухмыльнулась. Затем подняла голову, нахмурилась и, раскинув руки, шагнула назад.

– Прентис, – произнесла она с упреком, – почему ты до сих пор не сказал, как я классно выгляжу? Сколько я должна ждать?

На ней были широкие черные брюки и блистающий серебром топик; волосы стянуты на затылке в пучок; очки сменились контактными линзами.

– Ты выглядишь прекрасно. – Я кивнул на диск в ее руке. – Надеюсь, удастся с этим что-нибудь сделать.

Эш глубоко вздохнула и покачала головой:

– Не знаю... Хоть машина-то к ним есть? Я развел руками:

– Спрашивал маму. Она думает, что это диски Рори.

– Такая древность? – Эш с сомнением постучала ногтем по конверту дискеты, как будто боялась, что он рассыплется в труху.

– Я раньше и не знал, что у него был компьютер. Просил маму напомнить, чтобы я к тебе с этими штуковинами подкатил, и она сказала, что у Рори был то ли компьютер, то ли текстовый процессор— что-то в этом роде. За год до того, как исчезнуть, дядя его из Гонконга привез.

– Из Гонконга? – еще сильнее засомневалась Эш.

– Какая-то... копия? Клон? Мама, кажется, апельсин упоминала, но она, наверное, имела в виду яблоко. Помнит, как он жаловался на эту машинку или на программу – к ней не было инструкции на английском, но он все-таки освоил.

– О-хо-хонюшки.

– Папа ее оставил в квартире у Рори, в Глазго, когда увозил оттуда дядины бумаги. В то время он не хотел держать компьютер в доме.

– Мудрый человек был твой папа.

– Я попытаюсь найти чувака, с которым Рори на двоих снимал квартиру, да только машина, скорее всего, давно на помойке... Вот я и подумал: а что, если... ну... может, ты знаешь кого-нибудь, кто способен это... расшифровать? – Я пожал плечами, вдруг почувствовав себя очень неловко.

А Эш уже смотрела на диск, как будто ожидала, что из него полезут гадкие мокрицы. Я кашлянул, прочищая горло; вдруг стало очень жарко, и я вспотел.

– Может, тут и не записано ничего, но на всякий случай...

– Вот что, – медленно произнесла Эш, – давай напрямик: что это за машина, ты не знаешь, но нельзя исключать, что самопальная копия доисторического «Эппла», почти наверняка – из бракованного железа. Собрана косоглазыми детишками в арендованном на месяц ангаре и снабжена восьмидюймовым дисководом, софт – из одних глюков?..

– Хм... Да. Что уж тут спорить...

Эш плотно сжала губы и взвесила диск на ладони.

– Ладно, так и быть. – Она кивнула на диски, которые я держал в руке. – Давай и эти заодно.

Я отдал ей диски, и она повернулась к двери.

– Увидимся.

Она пошла в шумный зал. Я двинулся следом. На каждом шагу говоря «извините», она пробиралась к парадной двери.

– Эш! – догнал я ее.– Не сейчас же! А вечеринка?!

– Не волнуйся,– оглянулась она.– Я вернусь. Закину их домой, чтобы не забыть, когда поеду в Лондон. Есть у меня знакомые, которые могут помочь... И я там кое-что забыла. Это для тебя. У мамы оставила.– Она посмотрела за дверь: там начинался дождь.– Черт!

В холле возле вешалки для шляп стояла огромная гильза от артиллерийского снаряда времен войны, сейчас она была полна зонтов и тростей. Я выдернул зонт. Ко мне повернулась Эш, на лице – беспокойство.

– Я опять видела того парня. Покажу его тебе. Передай счастливой чете мой подарок!

– Что за парень?..

Но она уже лавировала меж вновь прибывшими гостями к красному малютке «2CV», запаркованному в добрых пятидесяти метрах от дома, на забитой машинами подъездной дорожке. Диски Эш прижимала к груди. Ее высокие каблуки мелькали над гравием, и некоторые гости оглядывались на нее, но тут же находили себе другое дело: обмен приветствиями и рукопожатиями.

Зонтик мне и самому пригодился: я прогулялся в сад, к отцовской могиле. Просто хотелось чуток отдохнуть от людей.

* * *

В доме я едва не столкнулся с официанткой из «Лохгайр-хоутела», несшей большой поднос с шампанским из кухни к шатру. Я помахал маме (смотревшаяся просто шикарно в черном с белыми полосками платье, она разговаривала с Хелен Эрвилл) и двинул в зал. По пути сунул зонтик в гильзу. Через секунду спохватился: он же совсем мокрый. Вернулся, раскрыл и поставил в уголок сушиться.

– Прентис! – окликнула меня, спускаясь по лестнице, Верити. Она была упакована в белый шелк – творение какой-то приятельницы, подвизавшейся в Эдинбурге на ниве дизайна одежды. Номинально это были блузка, юбка средней длины и пиджак, но на Верити все казалось цельношитым и донельзя изящным, а беременность еще не бросалась

в глаза. Дополняли наряд белые леггинсы и туфли на высоком каблуке, отчего она казалась выше меня. А еще было фульгуритовое ожерелье – мама угадала, что Верити была бы рада его надеть, да побоится вызвать болезненные ассоциации. Поэтому мама шепнула Льюису, что ожерелье будет вполне к месту, если оно подойдет к выбранному Верити наряду. Волосы были коротко подстрижены, но это нисколько не портило облик, и белая микрошляпка на голове, с откинутой прозрачной вуалью, тоже очень ей шла.

Верити подошла ко мне, обняла за плечи и поцеловала в щеку.

– Отличная была речь, молодец.

Она не отпустила мои плечи, даже сжала крепче. Выглядела она, как и надлежит выглядеть молодой женщине, когда она беременна и выходит замуж. Сияла, блистала, лучилась, цвела. А кожа – просто идеальная. С правдоподобным акцентом британской аристократии Верити произнесла:

– Дорогой, вы лучший из лучших, в этом не может быть никаких сомнений.

Я осторожно положил ладони на ее ничуть не пополневшую талию и слегка поклонился:

– В любое время к вашим услугам.

И ухмыльнулся. Она засмеялась и покачала головой. Шагнула назад, сложила руки на груди, окинула меня взглядом с ног до головы:

– Ты такой душка!

Верити снова рассмеялась и протянула руку:

– Пойдем-ка разыщем моего супруга. Держу пари, он уже с горничными флиртует.

– А я думал, это моя обязанность.– Я взял ее под руку, и мы пошли через зал. Позади нас отворилась парадная дверь. Я оглянулся и остановился и снова повернулся к Верити.– Пардон, но сейчас вынужден отойти.

Она улыбнулась Эшли Уотт, которая отряхивала только что снятый блестящий дождевик, и кивнула:

– Ничего, прощаю.– Подмигнула мне и ушла.

С Эшли мы встретились под лестницей, она махала видеокассетой:

– Нашла! Где тут твой видак?

– За мной! – Я устремился по лестнице, разом перемахивая через две ступеньки.

– Ничего, что я снизу, а ты – в кильте? – прозвучало вслед.

– А ты под ноги смотри, и тогда – ничего.

В кабинете я зажег свет – мы решили не раздвигать шторы. Тут был и телевизор, и видеомагнитофон. Я все включил и сунул куда надо кассету.

– Класс.

Уперев ладони в бедра, Эшли стояла посреди кабинета. Каблучки угодили точно в середину папиного персидского ковра. Стянутые в пучок волосы оказались как раз под большой люстрой из меди и темного стекла, что экстравагантно сияла под диковинной гипсовой розеткой. Эш оборачивалась, разглядывая книжные стеллажи, карты, эстампы и полотна и прочие интересные вещи – их была уйма на полках, стенах, столах и полу.

– Многовато барахла, – сказал я, включая воспроизведение; по экрану побежали какие-то титры, – А для отца было в самый раз – творческая обстановка и все такое.

– Перемотай вперед, – посоветовала Эш.

Буковки пустились вскачь, и перед нами замельтешили кадры девятичасовых новостей Би-би-си. Эш отвернулась, и я снова включил перемотку.

Эшли подошла к битком набитому книгами стеллажу. Наверху, на кипе растрепанных бумаг, стояла пустая хрустальная ваза. Эш легонько постучала по ней пальцем, взяла вазу одной рукой, щелкнула ногтем по резному узору. Наклонила к ней голову, как будто прислушиваясь. Мне оставалось лишь недоумевать.

Она поднесла вазу к липу, высоким голосом воскликнула: «А!» и снова прислушалась, наклонив голову. И на этот раз улыбаясь.

– Эшли, что это ты вытворяешь? Она кивнула на вазу:

– Хрусталь. Можно добиться, чтобы звенел, только нужен правильный тон. – Она ухмыльнулась, как девчонка: – Здорово, да? – И повернулась к телевизору. – Вот оно, – кивнула Эшли.

Я нажал на кнопку «воспр.». Мы стояли и смотрели.

– ...Встретился с Рупертом Пакстоном-Марром из «Инквайрера», одним из журналистов, которых Ирак удерживает в заложниках, и спросил, как он себя чувствует, – докладывал репортер Би-би-си из

Аммана. Я не сдержал ухмылочку. Журналист интересуется самочувствием журналиста!

Руперт Пакстон-Марр оказался высоким голубоглазым блондином именно с таким подбородком, обзавестись которым я всегда мечтал. Смазлив до тошноты, и манера речи под стать внешности.

– Что ж, Майкл, я не думаю, что мы действительно подвергаемся опасности. Внимание мирового сообщества, безусловно, приковано к Ираку, и иракское руководство, очевидно, понимает, что нам это известно, и не считает... гм... что мы представляем для него угрозу. Все это лишь досадное недоразумение, просто наш водитель ошибся поворотом. Конечно, все мы помним, что случилось с Фарзадом Базофтом^[93], но не думаю, что это вас остановит. Все-таки мы выполняем свою работу.

– Спасибо, Руперт. А сейчас репортаж из... Я нажал «стоп» и повернулся к подошедшей ко мне Эшли. Экран опустел, только в углу еле заметно дрожали нолики. Эшли втянула щеки, пожевала губами, молча глядя на телевизор. Где-то внизу грянул взрыв смеха. Эш медленно кивнула и посмотрела на меня.

– Это он, тот парень, – сказала она.

– Ты уверена?

– Уверена.

У нее было очень серьезное лицо. Теперь-то я смог присмотреться – Эш выглядела великолепно. Уже и забыл, когда в последний раз видел ее в косметике. Но она не утратила навык, разве что слегка перестаралась с тенями.

Она кивнула:

– Не смотри на меня так. Я правда уверена.

Я перемотал ленту назад, снова включил воспроизведение. Эшли положила ладонь на мою руку и прижалась подбородком к плечу, к пиджаку а-ля принц Чарли.

– Выключи звук, – сказала она. – Этот парень будто фольгу жует.

Я выключил звук. Доносились смех и болтовня из шатра, потом снаружи усиленный техникой голос: «Проверка». Наверное, это был Дин Уотт – Льюис с Верити пригласили на вторую половину дня его ансамбль. А на вечер запланировано более традиционное развлечение: пляски под аккордеон и поочередная игра на волынке.

Я опять воспроизвел отрывок из репортажа.

– Это он, господин следователь,– постучала Эшли по верхнему углу телевизора.– Я его всегда узнаю, даже в одежде.

Я выключил телевизор и вынул кассету. Несколько секунд стоял молча, мям подбородак.

– Пардон.– Эшли деликатно стерла следы макияжа с моей куртки и отошла к телевизору.

– Итак, когда ты встречалась с этим Пакстоном Марром в Берлине, в гостинице, в джакузи...– Я шагнул к письменному столу, отпер и выдвинул лоток – пластмассовый такой, с сотней перекидных целлулоидных конвертов на скобах. Посмотрел на Эшли, которая в скептической позе стояла у телевизора, опираясь на него локтем, и смотрела на меня.– Как называлась та гостиница?

– Говорю же, не помню,–вдохнула Эш.– Я звонила Джун, она тоже не помнит. Она не может не прихватить в гостинице чего-нибудь: полотенце там, мыльницу. А тут единственный раз в жизни не стащила ничего. Вот и не помнит названия...–Эш пожала плечами.—Я тогда, Прентис, почти все время травку курила, мало чего соображала. Помню только, в подвале гостиницы был огромный бассейн, с джакузи в углу. И кормили по утрам отлично.– Она тяжело вздохнула.– Отличный там хопль-попль.

– Хопль-попль? – наморщил я лоб.

– Омлет,– улыбнулась она.– Отвези меня в Берлин, найду. Это рядом с зоопарком.

Я повернулся к Эш, держа в руке кусочек картона. Это была передняя обложка спичечной книжечки.

– Случаем не «Швейцерхоф»?

Она посмотрела мне в глаза, затем взяла картонку, перевернула.

– Двадцать семь, одиннадцать, восемьдесят девять,– пробормотала Эшли, кивнула и возвратила мне обложку.—Да,— нахмурилась она.—Да, она. Та самая гостиница.

Я вернул картонку в целлулоидный конверт. Это была вторая по хронологии поступления, а всего их в ящике лежало около сорока.

– И что означают эти цифры? – подошла к столу Эшли.

Снаружи прозвучал аккорд электрогитары, несколько раз ударил барабан.

– Дата, наверное. Когда папа бумажку получил.– Я вынул последнюю картонку,– А вот это пришло вскоре после его смерти.

Мы сидели на краю стола. Эшли смотрела на кусочек глянцевого картона.

– Фью-у! – присвистнула она.– «Амман Хилтон». Наводит на размышления.

– И еще на какие.– Я постучал по картонке ногтем.– И уверен: этого Пакстона Марра я знаю. Он или из Глазго, или из Эдинбурга, или местный. Я его и раньше видел. Причем такое подозрение, что во плоти.

Эш положила локоть мне на плечо:

– Между прочим, это чертовски крепкая и загорелая плоть.

Я посмотрел в ее серые глаза и улыбнулся:

– Но не такая крепкая и загорелая, как у твоего техасского программиста.

Эш рассмеялась и соскользнула со стола.

– Он системный аналитик. Но ты прав: в Техасе научились выращивать то, что надо. И побольше, чем тут, и покрепче.

Из шатра грянула музыка – «Kiss The Bride»^[94]. Эш вернулась на персидский ковер, приставила к уху ладонь:

– Чу! Младший братец сотоварищи.– Она нахмурилась: – До Марка Э. Смита или Морриси не дотягивают^[95]. Как пали сильные!^[96]

– Она покачала головой и опустила ее так низко, что если бы носила очки, то теперь смотрела бы на меня поверх них.– Хочешь совет?

– М-м...– протянул я.

– Пойди попляши. А с этим мы разберемся... Или ты разберешься, когда будет время подумать.

Она подалась ко мне, протянула руку и сказала с киношной томностью: – Пойдем-ка, бэби, станцуем буги!

Я улыбнулся, задвинул лоток со спичечными картонками и запер ящик.

– Правильно, парниша.—Держась за руки, мы пошли к двери.– А ключик можно спрятать в спор-ран.

– Да уж, хоть на что-то стодится,– сказал я. Она улыбнулась. Я запер и дверь кабинета.

– Между прочим, между прочим,– бормотала мне на ухо Эш по пути к лестнице,– у меня в пудренице завалилась щепотка боготского «снежка». Закинемся потом?

– Ты что, серьезно? – ухмыльнулся я. – А я-то думал, твое ширево – это скорость.

– Правильно, но сегодня случай особый: я гуляю.

– Ах ты, шалунья. Ладно, детка, будь по-твоему, только держись рядом.

– Как скажешь, мой господин!

Дальше мы спускались вприпрыжку, взбрыкивая ногами, точно в канкане. Рискованное это дело, когда на тебе кильт, а под кильтом, как полагается, ни шиша... кроме шиша.

* * *

Я танцевал и с Эшли, и с Верити, и с Хелен Эрвилл, и с мамой, которую вырвал из лап Льюиса, когда он затащил ее в середину зала. Вообще-то она предпочитала сидеть в окружении гостей и смотреть на нас, и с лица ее при этом не сходило удивленно-боязливо-радостное выражение: а ну как внезапно привалившее счастье окажется недолговечным, ах, как жалко, что папа не дожил до праздника семейного замирения.

Я не танцор по призванию, но уж на свадьбе Верити расстарался. Не только плясал, но и общался, и потел, и пил. Уж и задал работенку кровяным тельцам: они носились от клетки к клетке с живительными порциями семейных новостей и сплетен...

– И куда же теперь, тетя Ильза? – спросил я, кружась в танце с означенной особой. Пока мы не виделись, тетя Ильза как будто еще больше выросла и уж точно набрала вес. Одетая в дикую помесь персидского ковра и многофункционального пончо, она двигалась с грацией и напором слона. Я даже малость пенял себе, что вместо нее не ангажировал на танец ближайший сарай.

– Теперь, наверное, в Канаду. Река Черчилл, это возле Гудзонова залива. Займемся поведением полярного медведя.

Признаться, я лишь с третьей или четвертой попытки сообразил, что тетя не воспитывать мишку собралась, а наблюдать за его жизнью.

– Круто! – улыбнулся я.

* * *

Наша семья сидела за столом. Был здесь и дядя Хеймиш, и он медленно напивался. Я плясал с тетей Тоуни. Справился у нее о здоровье мужа.

– Выздоровливает,– оглянулась на него тетя Тоуни.– Кошмары давно прошли. Он правильно сделал, что на работу вернулся. Это помогает. Фергюс молодчина, отнесся с пониманием... И священник навещает, они с Хеймишем подолгу беседуют. Очень добрые люди... Ты с ним сегодня еще не говорил? – критически посмотрела на меня тетя Тоуни.

– Сегодня – еще нет,– широко улыбнулся я в ответ.– Но поговорю.

Дядя Хеймиш наблюдал за танцующими. Вот он поднес к губам стакан, глотнул виски, покачал головой, да так осторожно, что я невольно напряг слух: а вдруг заскрипит?

– Нет, Прентис. Я был глуп, даже тщеславен.– Он снова глотнул, снова покачал головой.– Не уделял должного внимания слову Божьему. Думал, лучше Него понимаю...– И опять покачал головой; его как будто пробрал озноб.—Да, я был не прав. Мои идеи, мои представления о загробной жизни – суета сует...– И впервые в этот день он посмотрел мне в глаза.– Прентис, Он покарал нас обоих.– Взгляд дяди Хеймиша переметнулся к верхушке шатра,– Обоих,– повторил он и опустил глаза.– Господь знает, что все мы чада Его, но иногда Он бывает суровым отцом. И даже чересчур суровым.

Я подпер голову кулаком и посмотрел на дядю. Надо же такое придумать: Боженька – не только ревнивец, но и детоненавистник! Хеймиш взялся за стакан и вновь затряс головой, и я не на шутку струхнул: а ну как отломается? Но обошлось.

– Суровый отец...

Я погладил его по руке и дал дельный совет:

– Не берите в голову.

* * *

Я танцевал с тетей Шарлоттой, матерью Верити. Тетя Шарлотта сохранила красоту и все свои предрассудки. Она мне сказала, что новобрачные обязательно будут счастливы, потому что их звезды хорошо подходят друг другу.

Я же, проявив широту души, для меня самого поразительную, согласился: да, звезды в их глазах тоже пророчат счастье.

* * *

Был момент, когда я наткнулся на мистера Гиббона возле буфетной стойки. Он выглядел меньше своей натуральной величины, а во мне разгулялся стадный инстинкт, врожденная моя общительность раскрепостилась настолько, что разговор с этим субъектом доставил мне удовольствие. Мы сошлись во мнениях насчет того, что тетя Ильза была бы совершенно чудесной женщиной, если бы не шило в заднице. Мистер Гиббон покосился на тетю Ильзу, которая захотела потанцевать с дядей Хеймишем и добилась своего путем применения силы. Собственно, танцем это назвать было нельзя – больше смахивало на маневры тяжелой гаубицы на гиппопотамьей тяге под ураганным неприятельским огнем.

– Увы,– вздохнул мистер Гиббон и потрепыхал ресницами,– я для нее постоянный балласт.– И улыбнулся мне снисходительно-самодовольно, как самый счастливый человек на свете, и на цыпочках двинулся в толпу с двумя стаканами шерри.

– Постоянный балласт? – Я бы в затылке почесал, но и в моих руках были стаканы.

* * *

– Что, Прентис, тоже решил воздухом подышать?

Я действительно вышел из шатра «воздухом подышать» – пошла крутая попса, и сделалось совсем жарко. Оглянулся и увидел в тени Фергюса Эрвилла. Дядя вышел на свет, что лился через открытый проем из шатра. Он курил сигару. Дождь наконец прекратился, в саду

пахло землей и мокрой листвой. В дорогом национальном костюме дядя был просто образцом шотландского великолепия. На жилете искрились хрустальные пуговицы, сияли черные обсидиановые бисерины на спорране, за правый гольф заткнут хайлендерский кинжал – покруче моей расфуфыренной открывалки для писем, настоящий атрибут шотландского мужского наряда; рукоятку венчал большой рубин; если бы не огранка, он, поблескивая на фоне волосатой ноги, смахивал бы на громадную каплю крови.

– Да,– сказал я,– Запарился. Фергюс заглянул в шатер:

– Красивая пара.

Я тоже заглянул и увидел Льюиса и Верити: они стояли в обнимку и разговаривали с кем-то из родни Верити. Он был в темном костюме и при галстук-шнурке, а она переоделась в темную юбку и длинный золотистый пиджак.

– Да, красивая,– кивнул я.

– Сигару? – Фергюс извлек из кармана куртки алюминиевую трубу. Я отрицательно покачал головой.

– Нет? – снисходительно посмотрел на меня Фергюс– Ну конечно, как же иначе.

– Никак,– невинно улыбнулся я.

И удивился, до чего неуютно мне в его присутствии. И до чего трудно притворяться, что это не так. Интересно, в чем тут причина? Мы чуток поболтали. О моей учебе – спасибо, уже лучше. И о возвышенном – Фергюс учился летать, ездил в Коннел, там, в нескольких милях от Обана, аэродром. «Что, правда?» – «Да, планирую уже в конце года летать самостоятельно». Он спросил, какие у меня мысли насчет кризиса в Персидском заливе, и я трусливо ответил, что все зависит от того, как на это смотреть.

Я добился, чтобы к концу разговора ему стало так же неуютно, как мне – в начале, и когда в шатре зазвучала новая тема, я не упустил повода вернуться туда и пуститься в буйный пляс.

В перерыве на ужин, когда народ вышел в сад передохнуть, а ансамбль, четыре перестарка с одним на всех таинственным названием «Трио Дуги Макти», собрались наклюкаться, мы с Эшли и Дином перекантовались в мою комнату.

Там раскатали по дорожке, долбанули пару косячков, и я, отвлекаясь на единственный вопрос Дина, рассказал обоим про игру

«Река». Поведал историю ее возникновения, изложил все правила и условия, дал подробное описание игрового поля, проанализировал различные стили: свой, Льюиса, Джеймса, папы, мамы и Хелен Эрвилл. На все про все ушло минут десять. Кажется, я ни разу не повторился и ничего не упустил и в конце сказал, что все это, конечно, фигня по сравнению с тайной, запретной версией «Черная река».

Оба глядели на меня и помалкивали. Судя по выражению лица Дина, он не поверил ни единому слову. Эшли, похоже, просто забавлялась.

– Так-так,– сказала наконец она.– А чего, неплохой «снежок».

– Угу.– Дин снова завозился с зеркалом и бритвенным лезвием. Он глянул на сестру, потом кивком указал на меня.– Эш, сделай одолжение, дай ему в зубы, пускай заткнется.

Я с благодарной улыбкой принял косяк.

* * *

Взбрыкивая, точно в канкане, мы втроем спустились по лестнице.

– Слышь, я насчет игры,– прокричал Дин, когда мы вернулись в шатер, где шотландская кадриль под максимум мощности усилка переросла в пляску дервишей,– это ведь лажа, да?

Я повернулся к нему и сурово насупил брови.

– Ничего подобного,– решительно покачал головой,– это чистая правда.

* * *

Позже я одиноко сидел за столом, посасывал виски, смотрел на людей. Голову я опустил; одна ладонь лежала на столе. Мне было очень покойно, и я был холоден и трезв. Черт, да если на то пошло, я себя чувствовал Майклом Корлеоне. Сквозь меня прокатывались волны смеха, музыки, крика, и казалось, будто в тот миг люди, что пляшут вокруг меня, пляшут для меня, и я тут *шкворень*. И я молча выпил за бабушку Марго. А потом за своего отца, каким он был в

последние годы жизни. Подумал о дяде Рори – где его черти носят? – и выпил за него. Даже за Джеймса, тоже отсутствующего, выпил.

Джеймс очень медленно спускался с пика праведного гнева. Он и сейчас был такой угрюмый и неприступный, что я, чего греха таить, испытал облегчение, когда он заявил, что не желает почтить своим присутствием свадьбу брата. Решил провести уикенд с какими-то школьными друзьями в Килмартине, к северу от Галланаха. Маму, наверное, огорчало, что его сегодня с нами нет, а мы с Льюисом не были в претензии.

Я пил виски. И думал.

Мимо пронеслась в танце мама. Ее партнером был потный Фергюс Эрвилл. Рядом с ним мама выглядела совсем крошечной. Лицо ее не выражало ничего определенного. «Рвнсть», – подумал я и выпил за дядю Рори.

* * *

Льюис и Верити уехали в полночь. Их такси явно направлялось в Галланах, и только мы с мамой знали, что ночь молодые проведут в Обане. в отеле «Колумба», а завтра двинут в Глазго, в аэропорт.

Трио из четверых знай себе наяривало, танцы продолжались. Мама уехала с Хеймишем и Тоуни: переночует у них. Я, оставшись в доме за старшего, отплясывал, пока ноги держали. И болтал, пока не охрип. Аккордеонисты и примкнувшие к ним волынщики угомонились часа в два. Мы с Дином врубили магнитофон, и танцы не прекратились.

Позднее, когда гости частью расползлись по домам, частью выпали в осадок, мы с Эш пошли гулять по берегу Лох-Файна, вдоль тихо плещущих вод. Был прохладный ясный рассвет.

Помнится, я нес всякую чушь. Вроде и еле жив от усталости, а все равно в кайф. И пьян, и башка ясная. Мы сидели и смотрели на бархатно-серую водную гладь; чайки летали туда-сюда на бреющем, лениво взмахивая крыльями. Я почитал своей спутнице отрывки из стихов дяди Рори – кое-что уже выучил наизусть. Эш предложила вернуться в дом, а дальше на выбор: пить кофе или спать. Ее большие глаза были усталыми. Я решил: пусть будет кофе. Последнее, что

помню,—как я потребовал, чтобы мне налили в кофе виски, и задрых в кухне, опустив голову Эш на плечо. При этом я мямлил о своей любви к отцу, и как я любил Верити, и другую такую никогда не найти, а она оказалась бессердечной стервой. Нет, она не такая, нет, она не такая, нет, она не такая, просто Верити не для меня, и будь у несчастного Прентиса хоть капля мозгов, он бы нашел девушку, которая могла бы стать ему доброй и нежной подругой и с которой ему было бы хорошо — такую как Эш. Но стоит влюбиться в нее, бормотал я Эшли в ухо, и она непременно найдет себе другого, или умрет, или уедет работать в Новую Зеландию... И почему мы всегда влюбляемся не в тех, кто предназначен нам судьбой?

Эш великодушно промолчала, только погладила меня по плечу.

* * *

Мама меня разбудила уже во второй половине дня. Я застонал, она принесла пивную кружку воды и два пакетика алказельцера и поставила на столик возле моей головы. Я попробовал сфокусировать взгляд на воде. Мама вздохнула, разорвала пакетики и высыпала шипучий порошок в кружку. Я изучил обстановку глазом, который к этому времени удалось открыть. Находился я в Лохгайре, у себя в комнате, на своей кровати; на мне были кильт, рубашка и носки. Самочувствие такое, будто голова служила мячом в долгом, жарком и трудном баскетбольном матче, а тело кто-то подменил студнем в прентисообразной упаковке.

Мама была одета в выцветшие джинсы и старый дырявый свитер. Волосы она собрала на затылке, а на руках были ядовито-желтые резиновые перчатки — они самым негативным образом подействовали на мой зрительный нерв. Из кармана на мамином боку свисала ядовито-желтая тряпка. Не придумав себе никакого другого занятия, я вновь застонал.

Мама села на кровать, положила мне на голову ладонь и обрезиненными пальцами провела по кудрям.

— Что это у тебя в волосах? — спросила она.

«Клетки мозга?» — предположил я. Такое впечатление, будто они выдавились через уши. Встречу барабанщика — убью. Но делиться

чудовищным предположением с мамой не стал – по той простой причине, что не мог говорить.

– Черное что-то,– Она сомкнула пальцы и снова двинула кистью; резина противно скрипела,– Да хватит тебе стонать, Прентис. Выпей воды.– Она понюхала пальцы.– Гм...– Мама встала и направилась к двери,– Похоже на тушь для глаз...

Я монокулярно глянул на затворяющуюся дверь, вспомнил, что стонать запрещено, и только сморщился от похмельной муки.

Туши газ?

Глава 15

Я потягивал «Кровавую Мэри» и глядел на облака: огромные, белые, они напозлали друг на дружку и были такими яркими в лучах полуденного солнца, что даже казались желтыми. Только что наш полет выровнялся, запахло едой. Впереди, в кухонном отсеке, готовили ланч. Я еще полюбовался облаками, а потом уткнулся в журнал. Путь мой лежал обратно в Лондон. В кармане грелась пара спичечных обложек; я надеялся на встречу с мистером Рупертом Пакстоном-Марром.

* * *

- Спасибо, мама... Эш?
- Прентис, салют. Как житуха?
- В кайф.
- Кильт еще носишь? Вот что, мой компьютерный...
- А ты как?
- Чего?
- Сама-то как живешь?
- Спасибо, регулярно. Слышь, отозвался мой компьютерный маг и чародей.
- Чего? Насчет дисков?
- Точняк.
- И чего? Удалось что-нибудь...
- Не гони лошадей! Сначала надо ему эти диски отправить.
- А-а... А он где?
- В Денвере.
- В Денвере?
- Угу.
- Денвер, штат Колорадо? – Да!
- В Америке?!
- Да, Северное полушарие, планета Земля, Солнечная система...
- Ладно, ладно... Так это и есть твой техасский программист?

– Системный аналитик! И это последний гребаный раз, Прентис! И ты ошибся – он не мой. Мы просто иногда по e-мэйлу переписываемся.

– Понял. И что, ты ему отправила диски?

– Конечно нет. Никаких дисков я ему не отправляла.

– Чего? Так как же...

– Он получил информацию с них. Точнее, с него. Семь – пустые, даже неотформатированные.

– А, понял... И что же там? На диске? Записи Рори?..

– Все чуточку посложнее, Прентис.

– А?..

– У меня тут на экране письмо от этого парня. Я и подумала, тебе может быть интересно.

– Так ты на работе! Времени-то уже... Что, часто допоздна задерживаешься?

– Да... Прентис, так читать или не читать?

– А я пойму?

– Суть уловишь.

– Ладно...

– Приступаю. «Исходя из предпосылки, что твой знакомый с туманных гленов дорожит данными...»

– Туманные глены? Покровительственный тон, ты не находишь?

– Заткнись, Прентис!

– Пардон!

– «...Дорожит данными файлами, в то время как мы даже не догадываемся, в какой самопальной программе, инсталлированной на этом мутантном клоне желтой сборки, они создавались, для извлечения информации пришлось прибегнуть к исключительным мерам. Доктор Клер Симмонс из Лондонского университета, забравшая диски, в поисках машины с необходимым восьмидюймовым дисководом обратилась в их музей вычислительной техники, где ей предоставили доисторический "Хьюлет-Паккард тачскрин". Ей придется вытягивать биты в сыром виде, сектор за сектором, молясь при этом, чтобы в Юзнете попался вывешенный кем-нибудь эдигер^[97] и ей бы удалось разобраться с физической разбивкой по адресам. После этого она бы могла разбирать содержимое диска слово за слово, переставляя байты по мере необходимости, меняя порядок битов, если

оно совсем уж не похоже на ASCII, отсекая лишние восьмые биты и раскодируя все, без чего нельзя обойтись. Результат будет перекачан в мини-компьютер «Прайм» (тоже антикварная редкость), где-то подключенный к сети кампуса. Затем доктор Симмонс все полученные данные загрузит в свой «Айрис», двукратно зашифрует и e-мэйлом отправит по интернету (через «Янус» или «Битнет» на, может быть, nsfnet-relay.ac.uk) через Корнелл на аккаунт, которого мне вообще-то не полагалось бы иметь в суперкомпьютерном центре штата Миннесота на «Крэе-два» (сверхмощный и сверхбыстрый сервер, на втором месте после «Коннекшн-мэшин», так что чего ему зря простаивать, попробую начать декодирование прямо на нем, прежде чем пересылать данные дальше). Оттуда через выделенную линию я отправлю файлы на SGI 380SX-VGX в одну из «белловских» лабораторий «АТ & Т» – скорее всего, в Боулдере, тоже на неофициальный аккаунт, – а уже оттуда перегружу, попутно отфильтровав лишние управляющие символы, на «Мак-два» в моем офисе. Результаты скину на дискету, сам на велосипед – и домой; вот здесь-то и начнется настоящая работа». Ну, Прентис, понял что-нибудь?

– В общем и целом. И к какому сроку можем ожидать результатов?

– Почему я знаю? Не забывай: парень за это дело взялся развлекухи ради, но он человек занятой. Через неделю я ему напомню, если сам не отпишется.

– Пообещай от меня ящик шампанского – по факсу.

– Обязательно. Так когда... А, черт! Опять сортировщик заело, чтоб его!.. Пошла с ним воевать, Прент.

– Ладно, удачи. Пока. Да, и спасибо!

* * *

Теперь я уже лучше представлял себе, чем занимался Рори непосредственно перед своим исчезновением. Похоже, он работал над «Вороньей дорогой», после того как вернулся из Лондона, повидав там своих друзей, и перед тем как исчез, вечером уехав на позаимствованном у соседа мотоцикле. Засев в Глазго, в своей комнате, он что-то дописывал на своем хитромудром компьютере.

Рори все-таки решился. Бросил писать заметки, взялся за настоящую работу.

Я переговорил с одним старичком: до того как выйти на пенсию, он служил в полиции и участвовал в кратком расследовании пропажи Рори. Полиция ни к какой версии не пришла. Детективы опросили Дженис Рэй и Энди Никола, дядино соседа, и просмотрели бумаги, которые Рори оставил у Дженис. Записки самоубийцы не обнаружили, вот и решили, что бумаги важного значения не имеют. Собственно, полицейские больше ничего и не сделали, разве что обзвонили больницы-морги и в конце концов занесли Рори в список пропавших без вести.

Короче, никакой полезной информации я от легавых не получил – кроме того что Энди Никол уволился из мэрии и подался в мытари. Я нашел его в плимутской налоговой инспекции, позвонил, однако ничего нового не услышал – Рори одолжил мотоцикл и уехал. Имея на то дядино разрешение, сосед пытался работать на неандертальском компьютере, но толку не добился и продал чудище техники вместе с двумя пустыми дискетами приятелю из университета Стратклайд. В течение нескольких дней перед исчезновением Рори в его комнате непрестанно тархтела клавиатура, но больше ничего интересного Энди не сообщил.

Что же это получается? Дядя неделю увлеченно творил, а потом вдруг сорвался с места – и поминай как звали. Может, записанный на дисках материал способен объяснить этот странный поступок? Если только он существует, этот материал. Ведь стук клавиатуры ничего не доказывает... Я же видел «Сияние»^[98].

Над центральными графствами разрывался облачный покров; я как раз уплетал ланч. Холодной закуской была копченая осетрина. Я подумал о Верити и Льюисе, проводивших на Багамах медовый месяц, и не без грусти пожелал им счастья.

* * *

В паб вошла Эшли. Встала у двери, повертела головой, с первого раза меня не обнаружила – народу было изрядно. Сделала пару шагов вперед, снова осмотрелась. На ней был темный костюм (юбка и старенький, но вполне приличный пиджачок); я вспомнил, что в этом прикиде она была на похоронах бабушки Марго. Волосы стянуты на затылке и схвачены лентой, а очки в этот раз отсутствовали. Выражение лица неприветливое, настороженное. Эшли изменилась: посуровела и заматерела, что ли? В эти несколько секунд в шуме и дыме прибрежного кабака, в четверти мили от Тауэра, в огромном жестоком безголовом монстре, которым сделали Лондон десять лет правления Гиены, я задумался о своих чувствах к Эшли Уотт. Я не влюблен в нее – ничего похожего на то, что испытывал к Верити,—и все-таки я ждал этой встречи, скучал по Эш, и теперь, увидев ее наконец, я... стал счастливее, кажется. Все головоломно просто. Может, выражаясь избитым стилем, она заменила сестру, которой мне всегда так не хватало? Я вспомнил, как мама после свадьбы Верити и Льюиса обнаружила у меня в волосах косметику, и подумал: сама-то Эшли как бы отнеслась к идее «побрататься» со мной?

Я попытался восстановить в памяти, каким тоном говорила со мной Эшли пару дней назад, то есть примерно через неделю после того, как я отважился на первое в своей жизни погружение во всемирную компьютерную паутину. Уже созвонившись с тетей Ильзой и договорившись, что погощу у нее и у Постоянного Балласта, я набрал номер Эшли. Вот сейчас она снимет трубку и узнает о моем намерении пожить в Кенсингтоне – интересно, прозвучит ли в ее ответе хоть малейший упрек?

Эшли сказала, что у нее найдется кресло-кровать и одеяло, если окажется, что тетя Ильза махнула в антарктическую экспедицию, забыв предупредить о моем визите служанку-филиппинку. И добавила, что две девушки, на паях с которыми Эш снимает квартиру, очень хотят меня увидеть.

Я догадался, что на самом деле они хотят познакомиться с Льюисом.

Когда ко мне подобрался взгляд Эшли, я поднял руку. Она заметила движение, и городские напряженность и деловитость мигом сошли с лица. Оно подобрело, появилась широкая улыбка. Эшли приблизилась.

– Ну, здравствуй, малыш.– Она стукнула меня кулаком по плечу, потом крепко обняла.

Я в долгу не остался. От нее пахло духами «Пуазон».

– Как живешь? – спросил я. Она ухмыльнулась:

– Слишком трезво.

* * *

– Так ты выпутался?!

– Да.– Я круговым движением взболтнул в кружке недопитое пиво.

Эш посмотрела мне в глаза:

– А вроде собирался признать себя виновным.

– Собирался,– кивнул я и потупил очи.– А потом встретил хитрую адвокатессу, она сказала, что стоит побарахтаться. Дошло до суда присяжных, но теперь я чист.

– Неплохо.– Эшли рассмеялась и встретила мой снова поднятый взгляд.– Э, в чем дело?

– Да как сказать...—попробовал улыбнуться я.– Мне удалось выпутаться, потому что на мне добротный костюм, и я могу нанять дорогого адвоката, и присяжные читали папины книги и слышали о его трагической кончине, вот и посочувствовали. А явился бы я из какого-нибудь Мэрихилла без гроша в кармане и не умел бы гладко болтать, то наверняка бы срок схлопотал, даже если бы не спер книжку, а просто забыл за нее заплатить. Спасибо денежкам: я нанял адвоката, способного даже сатану оправдать на Страшном Суде. И спасибо моему лживому языку... Я уже подумываю, не пойти ли в «Сан» репортером – блестящая карьера обеспечена.

Эш наклонилась над столиком и заговорщицки сказала:

– Осторожней, солдат, ты на вражеской территории.

– Верно,– вздохнул я.– И не водичку из крана пью.– Я повертел головой, озирая публику и дым. Вроде и по-английски говорят, но больно уж акцент непривычный.– Не проявлялся? – спросил я.

Эш тоже огляделась, отрицательно покачала головой:

– Нет.

– А ты точно знаешь, что он здесь пасется?

– Абсолютно.

– Может, опять в командировке, на Заливе к примеру?

Эш снова покачала головой:

– Я с его секретаршей разговаривала. У него тут кое-какие дела, провозится до конца следующей недели.

– Может, стоило ему встречу предложить? – Я вздохнул.—Талант лжеца пропадает... А так бы намекнул, что у меня есть фотка, как Саддам Хуссейн мучает ослика.

Мы помуссировали тему. Эш предлагала звякнуть ему: так, мол, и так, увидела тебя по телику, узнала, что ты в Лондоне, так и я сейчас в Лондоне, и как насчет пропустить где-нибудь по кружечке. Но я не пришел в восторг от идеи. В Берлине Пакстон-Марр не пожелал представиться, в остальном же дал волю языку. Звонок Эшли может ему напомнить об этом проколе, и он насторожится. Вот о чем говорила моя интуиция, к этому времени грозившая перерасти в паранойю. Предпочтительней устроить «случайную» встречу – так мне казалось, когда я звонил Эш из папиного кабинета в Лохгайре.

Но теперь я готов был допустить, что мог тогда и ошибаться.

– Как у твоего мага и чародея дела? – спросил я.

– У кого? – недоуменно взглянула на меня Эш.— А, ты про доктора Гонзо... Все еще возится с файлами. Ты ж ему не просто труху подсунул, а битую труху. И где твой отец это все хранил? В телевизоре? Впрочем, доктор Гонзо надежды не теряет.

– Доктор Гонзо^[99]? – резковато переспросил я.

– Да не пялься ты на меня так, Прентис,— осерчала Эш.— Чувак тебе добро делает, из любви к искусству. И у него докторская степень.

Я улыбнулся:

– Извини.

– Ладно. Предположим, добрый доктор расшифрует твою труху. В каком формате тебе нужны файлы?

– Что значит – в каком формате?

– Вот черт... На твоём «Компаке» что за текстовый редактор?

– Э-э... «Уордстар», – кивнул я с видом знатока.

– Версия? Номер?

– Э-э... чтобы это выяснить, придется к тебе его везти. Впрочем, можно сделать проще. Попроси, чтобы доктор Гонзо распечатал и прислал мне. Годится?

Она пожала плечами:

– Дело твое. А можно и через модем скинуть. Электронная почта работает в миллионы раз быстрее любой другой.

– Знаешь, не очень дружу с компьютерами, если нет джойстика и кнопки «пли». Меня вполне устроит авиапочта. И обычная бумага.

– Как скажешь.– Она встала и звякнула нашими кружками.– Повторить?

– Мне – крепенького.

– Сорт значение имеет?

– Да нет, без разницы.

Я принципиально чередовал пиво и виски. Уютней, когда один стакан всегда перед тобой.

Эш пошла к стойке бара. Я по-прежнему нервничал, ожидая встречи с Пакстоном-Марром. И твердил себе, что все не так уж и плохо складывается, мы, потрясенные папиной гибелью, приходим в себя (разве что за исключением дяди Хеймиша), и я, может быть, узнаю, что написал дядя Рори, и с деньгами нет проблем, и судимость я не схлопотал. Вновь я добропорядочный представитель молодого поколения, прилежно учусь в универе. Будни в основном провожу в Глазго, а на выходные езжу в Лохгайр, кроме тех случаев, когда мама, иногда вместе с Джеймсом, приезжает ко мне. После смерти папы я только один раз нажрался как свинья, и то по уважительной причине: Тэтчер подала в отставку.

В Глазго мне предстояло жить еще год, и адвокат Блок подыскал приличную квартиру. Раньше эта жилплощадь принадлежала некой миссис Иппот. В преклонном возрасте она скончалась, не оставив завещания, а при жизни обещала разделить свое немалое состояние между многочисленными родственниками, засыпав их противоречивыми письмами. Такие клиенты, как миссис Иппот, снятся адвокатам в сладких снах. Ветви ее большой семьи люто ненавидели друг друга, и смерть богатенькой дамы обрекла враждующие группировки на бесконечное сутяжничество.

У меня возникло предположение, что миссис Иппот ненавидела всех своих родственников и придумала идеальный способ им насолить. Судебный процесс затянется на десятилетия, а потом денежки, не доставшиеся законникам, приберут к рукам налоговики. Уж лучше бы она отдала все свое состояние Обществу защиты

животных – на строительство кошачьего приюта. Это было бы стократ гуманнее. Хотя, имея возможность сказать из могилы своей родне все, что ты о ней думаешь, трудно удержаться от такого соблазна.

Итак, я жил в огромном особняке миссис Иппот в Парк-терис, с видом на Келвингроув-парк и текущую через него реку Келвин. Слева вздымалось величавое здание музея и картинной галереи, а на холме справа, окаймленный черными кронами деревьев, в серое осеннее небо возносил свою викторианскую спесь университет.

Высокие потолки и широкие окна бывшего дома миссис Иппот наводили на мысль об архитекторе, мечтавшем строить ангары для самолетов. Однако внутри яблоку негде было упасть: повсюду картины, ковры, канделябры, статуэтки, статуи и статуищи, и иные произведения искусства. Особое пристрастие покойная домовладелица питала к керамическим представителям семейства кошачьих, изображенным в натуральную величину. Хватало и мебели: темной, массивной, покрытой резьбой, такой рельефной, что невольно подумаешь, уж не вулканического ли она происхождения. С домом меня знакомил клерк, хмурый по той причине, что вынужден обслуживать зеленого юнца, даже младше его самого. Прыщавый этот джентльмен продемонстрировал мне инвентарную ведомость – в трех томах!

Я дал райскому уголку название Ксанаду^[100].

Друзья, с которыми я теперь встречался гораздо реже, узнавая о моем новом жилище, предлагали устраивать вечеринки. Приходя же в гости, соглашались со мной: добрый кутеж в такой обстановке нанесет мировой культуре ущерб, сравнимый с ущербом от серьезной войны или концерта Джеймса Ласта^[101].

Один приятель, получивший диплом и устроившийся на денежную работу, решил сменить тачку и продал мне подержанный «гольф». Я проводил в Лохгайре большинство выходных, выезжая обычно в ночь с четверга на пятницу, если по пятницам не было занятий в университете. Мы с Джеймсом помогали матери. Он взялся за косметический ремонт дома, а мама поговаривала о сносе старой оранжереи и строительстве новой — даже, может быть, с маленьким плавательным бассейном внутри. Еще у нее созревала идея отреставрировать клавесин и научиться на нем играть. Иногда мы пили чай в «Стим-Пэкет-Хоутеле». А Джеймс отмечал на большой

географической карте Великобритании все наши прогулки по холмам и лесам вокруг Галланаха.

Мы с мамой начали разбирать папины дневниковые записи. Частью они содержались в карманных блокнотах, частью – в настольных ежедневниках. И пара ранних – в самодельных тетрадах. Папа начал вести дневник в шестнадцать лет. Я предложил маме первой ознакомиться с самыми ранними записями – вдруг там что-нибудь такое, чего мне знать не следует. Впрочем, ничего скандального или просто нескромного не ожидалось, мы уже прочли первые страницы – когда обнаружили в недрах буфета коробку с дневниками. Остальной текст был в том же духе: какими делами следует заняться, что интересного случилось за день, где побывал папа, с кем встретился. Все в рамках приличий.

На самом дне коробки, в яркой жестянке от пятнадцатилетнего подарочного «Лафройга», я обнаружил дневники Рори – записные книжицы, две страницы на неделю. Видно, папа решил хранить их отдельно от других бумаг.

Я сначала обрадовался, но оказалось, что дядины записи еще скуднее папиных и куда непонятнее. Уйма инициалов, аббревиатур, пропусков длиной в неделю, а то и в месяц – подробная история жизни дяди Рори не складывается. Дневника за тот год, в который он исчез, нет. Я попробовал было разобраться с этими текстами, но там сам черт ногу сломал бы. Например, в день, когда я родился, имелась следующая запись:

К р. мальч 8 ф Прентис?!? М з здрв ок отмч кбк.

Дядя в то время находился в Лондоне. На следующий день его дрожащая рука начертала: «ОТП». И больше ничего. «ТП» и «ОТП» (а иногда «т. п.» и «о. т. п.») часто встречались в связи с имевшими накануне место вечеринками и посиделками в пабах, и у меня зародилось подозрение, что речь идет о тяжелом похмелье и очень тяжелом похмелье. «К» означало «Кеннет», «М» – «Мэри», тут двух мнений быть не могло. «Ок» говорило само за себя, тем более что наличествовала противоположность – «нок» («не о'кей»), да к тому же впервые написанная после новогоднего «48 чс т. п.». Одинокая строчная «з» – это «звонила». И я в самом деле весил по своему рождению восемь фунтов.

Несколько раз попадалось «ВД», как в текстах, уже читанных мною в прошлом году. Но больше – ничего нового.

Итак, в сухом остатке я получил не решение проблемы – скорее очередную тайну. Она поджидала меня в конце последнего дневника, за 1980 год. Вначале стоял загадочный заголовок: «Используй это!» Страница была покрыта заметками, частью сделанными карандашом, частью шариковой ручкой, частью тонким фломастером. И что любопытно: единственно в этом месте дядя не только стирал и вымарывал, но и переправлял. В итоге осталось вот что:

вдл с чер СР тр с П?» (она!) пдхдт ??

Но первоначальная запись была сделана шариковой ручкой, и я, поднеся под нужным углом бумагу к лампе, разглядел под намалеванным черным фломастером «СР» заглавную букву «Ф», а «П» оказалась не чем иным, как подправленной «Л».

Эти сокращения не встречались в других материалах дяди Рори: ни в тех, что относились к «Вороньей дороге», ни в каких-либо других.

Зачем понадобилось вымарывать? И кто эти «Ф» и «Л»? И к чему относится «опа!»? И что там подходит и к чему? Я невольно проклинал дядю Рори за непостоянство. «Ф» в дневниках иногда означало «Фергюс», иногда «Фиона» (она же «Фи»), а иногда «Фелисити» – так звали девушку, с которой Рори познакомился в Лондоне (она же «Фел», «Фл», «Флс»).

Одинокая «Л» в дневниках, вероятно, относилась к Лахлану Уотту, хотя он, упоминавшийся в тех редких случаях, когда возвращался на родину, был преимущественно «ЛУ».

Иногда в Лохгайре, после долгих вечерних корпений над скудными записными книжками, я засыпал прямо за широким столом в папином кабинете, и мне снились знаки и аббревиатуры, буквы и числа, и все это кружилось смерчком передо мной, будто каракули вдруг превращались в пылинки и взмывали, потревоженные моим чтением.

Одна находка меня поразила. К форзацу дневника за 1979 год порыжевшая скрепка прижимала выцветший от старости бумажный флажок института спасения на водах. Без булавки.

Живущий во мне сентиментальный слюнтяй едва не расплакался.

* * *

В Глазго я повадился ходить в церкви. Главным образом ради атмосферы. Для этого больше годились католические, в них я себя чувствовал как в настоящих храмах Божьих. Там всегда происходило что-нибудь религиозное: горели свечи, исповедовались прихожане, пахло благовониями. Я подолгу не засиживался, слушал, но ничего не понимал, смотрел и не видел. Но меня очаровывал и успокаивал сам этот мирок с его приглушенными голосами, с неспешным течением ритуалов. Время от времени ко мне подходил какой-нибудь священник, но я не признавался, что просто зашел побалдеть.

Я много ходил, в джинсах и «мартенсах», в твидовом пальто, что досталось от отца. Дядя Хеймиш слал мне длинные письма с оригинальными трактовками Священного Писания, и я почитывал, когда не спалось. Но больше двух страниц за раз не осиливал.

Частенько я бывал в центральном кинотеатре, а в гостиной поставил телевизор и видеомэгнитофон. Купил и мощный кассетник, держал его в основном на кухне и лишь изредка брал с собой на прогулки по квартире – полезно, говорят, иногда тяжести таскать. Я любил подолгу стоять и смотреть на потемневшую от времени картину или гладить пальцем холодную мраморную зверушку, и чтобы стены вокруг тряслись от *Pixies*, *R. E. M.*, *Goodbye Mr. Mackenzie*, *The Fall* и *Faith No More*. [\[102\]](#)

* * *

— Он здесь, — сказала Эш, возвратившись с выпивкой. Села.

Я огляделся. И вскоре увидел его. Он оказался чуть пониже и помоложавей, чем выглядел на видеопленке. Разговаривал с парочкой незнакомых мне парней. Оба в серых тренчах, один положил на стойку мягкую шляпу американского киношного фасона – в таких ходят гангстеры, частные детективы и отмороженные журналисты. Я предположил, что они журналисты.

Руперт Пакстон-Марр, иностранный корреспондент. Акула пера, репортер с бульдожьей хваткой, циник с острым, как бритва, умом. Такой в «раздираемой войной» стране как рыба в воле; такой, в лучших традициях британской журналистики, сунет микрофон под нос

бедолаги, только что потерявшего семью и кров при взрыве фугаса, и попросит поделиться своими соображениями.

Эш выжидающе смотрела на меня.

– Что ж...– Быстрее забилося сердце, вспотели ладони. Я вынул из кармана спичечные обложки.– Пойду попрошу сказать пару слов телезрителям.

– Хочешь, я? – шевельнулась на стуле Эш. Я отрицательно покачал головой.

– Не знаю, черт... Всю дорогу думал: вот схвачу его за шкирятник и рывкну: отвечай, зачем папе бумажки слал! А теперь... не знаю. Как-то нелепо все...—Оглянувшись на троицу, я рассмеялся.– Тренчи! Надо же!..

Эш тоже глянула на них.

– Вино взяли, не виски,– улыбнулась она.– Значит, решили посидеть. Так что и ты посиди подумай. Время есть.

Я кивнул, перевел дух и глотнул виски. Совету Эш я последовал: раскинул мозгами. И сказал наконец:

– Ладно, может, и правда лучше вдвоем. Ты меня, типа, представишь... Я могу выйти и войти, как будто только что явился... Черт, или лучше напрямик сказать?.. Хрен знает.—Я в досаде закрыл глаза – куда подевалась моя изобретательность?

Эш встала, положила мне на плечо ладонь.

– Сиди. Я скажу ему, что узнала. А ты подойди попозже. Скажи про спичечные книжки. И не показывай, то есть сразу не показывай. Годится такой план?

Я открыл глаза. Опять покачал головой и сказал:

– Ну, не знаю... Не лучше и не хуже...

– Вот именно.– Эш направилась к мужчинам. По пути что-то вынула из волос, тряхнула головой, и длинные соломенные пряди рассыпались по плечам. Длинные – значит, на всю длину пиджака. «Вот молодчина»,– подумал я с улыбкой.

Мужчины осмотрели ее с головы до ног. Руперт сначала глядел рассеянно, а потом, когда она возбужденно говорила и жестикулировала, он сделался озадаченным. Наконец рассмеялся. На красивом загорелом лице появилась улыбка, и взгляд его снова обежал Эш сверху донизу. Выражение лица чуть изменилось, теперь оно мне казалось слегка встревоженным. Он протянул руку – похоже,

здоровался. Эш кивнула. Он указал на стойку бара – Эш отрицательно покачала головой, а затем кивнула на меня.

Лицо Руперта Пакстона-Марра повернулось ко мне, и тут же взгляд резко потупился. Через миг Руперт снова посмотрел на Эшли. Она что-то говорила. На его физиономии отразилось недоумение – или это была озабоченность? – и вновь оно сделалось встревоженным, и наконец появилась натренированная бесстрастность. Он кивнул и прислонился спиной к стойке бара. Эшли взглянула на меня, на миг раскрыв глаза шире, и снова повернулась к троице.

Пока я шел, выражение лица Руперта не менялось. Мне пришлось пропустить две парочки, что лавировали между столиками. Когда они перестали закрывать обзор, оказалось, что Руперт уже движется к двери: широко улыбаясь, он то махал рукой, то показывал на часы. И пятился. Когда я подошел, Эш и двое парней в тренчах уже вставали, а Руперт выходил на улицу.

Я стоял насупясь и глядел на дверь, за которой скрылся Руперт Пакстон-Марр. И то, как он вдруг сорвался, и то, как он пятился, вызвало у меня дурное дежа-вю. Эш была неприятно удивлена, парни, видимо, тоже. Один оглядел меня с головы до ног.

– Надо же! – восхитился он. – Как тебе это удалось? Руп так реагирует только на дамочек с детьми, которые вопят ему: «Папочка».

«Вспоминай, вспоминай», – пнул я себя мысленно и улыбнулся. Повернулся к говорившему и пожал плечами:

– Это у нас семейное.

– Он тебе что, денег должен? – спросил второй.

Обоим было лет по тридцать, худощавые, хорошо сложенные. И оба курили.

Я отрицательно покачал головой. Эш расхохоталась.

– Нет, просто мы тут в последний раз надрались в хлам, помнишь, Пресли? И вот Руперт видит его и думает...

«Пресли?» – удивился я. Произнося это имя, Эш показывала на меня.

– ...А ну как Пресли решит, что Руперт специально его нашел, хочет сделать нескромное предложение... Он, конечно, и не собирался, но все равно получалось малость неудобно, правда, дорогой? – Счастливая улыбка адресовалась мне, взгляд требовал подтверждения.

Я осоловело кивнул. Двое незнакомцев тоже смотрели на меня.

– Неудобно, – подтвердил я.

По залу разлетались улыбки Эш, точно лучи свихнувшейся лазерной пушки.

– Руперт ведь не гей, правда же? – поправила она волосы.—А Пресли...—сделала паузу и, опустив взгляд с моего лица на пах, закончила театральным шепотом: – ...он-то у нас точно не из этих.

Журналиги изобразили должное смущение.

* * *

– Пресли? Пресли? – вопил я, семена по Томас-Мор-стрит.— Да как ты могла? – всплескивал я руками. Черное с оранжевым отливом небо сыпало мелким дождиком.

Эшли широко шагала, ухмыляясь. Каблучки цокали. У нее был маленький зонтик.

– Ты уж извини. Просто это первое, что мне в голову пришло.

– Но ведь близко к Прентису! – бушевал я. Она пожала плечами и рассмеялась:

– Может, потому-то и пришло в голову.

– Не смешно.—Я сунул руки в карманы, перешагивая через пустые коробки от пиццы.

– Смешно другое: твоя реакция, – возразила Эш.

– Класс! – сказал я.— Теперь по городу слоняются двое парней, считающих, что меня зовут Пресли, а для тебя это – так, проходной прикол.— Под ногу подвернулась коварная плитка мостовой – грязная вода брызнула прямо на светлые штанины.

– Ладно, – посерьезнела Эш, – извини, дурака сваяла. Не возьму в толк, чего он так сорвался. Я ведь и сказала только, что со мной друг. Даже не намекнула, что ты хочешь с ним поговорить. Странно.— Она покачала головой.— Более чем странно.

Из бара мы сбежали после того, как все допили и потолковали о пустяках с приятелями Руперта Говардом и Жюлем. Эшли трепалась, я цедил слова, журналисты вежливо реагировали. В конце концов пришли к общему мнению: старина Руп все-таки нормальный мужчина.

– Не имеет значения.– Я увидел такси с зеленым огоньком. Вдруг спохватился, что теперь богат.– Я уже вспомнил, где его видел.– Я сошел на проезжую часть и поднял руку.

– Точно вспомнил? – спросила Эш с бордюрного камня.

– Угу.– Машина приткнулась к тротуару. Я открыл перед Эшли дверцу.

– И что, расскажешь или будешь корчить загадочного? – спросила она, усаживаясь.

– За ужином расскажу.– Я сел рядом и захлопнул дверцу.– Сохо, Дин-стрит, пожалуйста,—сказал я водителю и ухмыльнулся Эшли.

– Дин-стрит? – вопросительно изогнула она бровь.

– Я тебе много чего должен, в том числе и карри.

* * *

Первое свое настоящее похмелье я испытал в пятнадцатилетнем возрасте. Обычно по пятницам мы с несколькими моими школьными приятелями собирались в галланахском доме Дроида. Сидели вечерами в его спальне, смотрели телик и играли в видеоигры. И пили сидр, его для нас за небольшие комиссионные покупал старший брат Дроида в местном винном магазине. А еще мы курили дурь, ее для нас за большие комиссионные покупал мой кузен Джош Макхоун, сын дяди Хеймиша, в баре

«Якобит». А иногда мы закидывались спидом^[103], поступавшим из того же источника. И вот однажды зашел Дэйв Макго с литром «Бакарди», и мы раздавили пузырь на двоих, а на следующее утро я, разбуженный отцом, испытал странное и даже страшное ощущение. «О. т. п.», как написал бы дядя Рори. И «нок».

Мне тогда позвонил Хью Роб с расположенной возле замка фермы, напомнил о моем обещании помочь с сооружением костра к ночи Гая Фокса. Он собирался заехать за мной. Разумеется, я бы прекрасно мог без этого обойтись, как и без папиной лекции: жечь костры в ночь на пятое ноября – дурацкий обычай, торжество сектантства, разве ты не в курсе, что это антикатолическое действие, ведь сжигаемое чучело олицетворяет Папу Римского и т. п. Но не мог

же я признаться маме и папе, что уквасился и страдаю похмельем. Когда я одевался, башка раскалывалась, да и желудок намекал, что не заслужил такого скотского обращения.

Я ждал на крыльце, глубоко дыша холодным чистым воздухом и мечтая, чтобы похмельюга свалила побыстрее. А потом вдруг подумал, что это, может, и не бодун, может, пульсация в голове – первый симптом опухоли мозга... И тут я взмолился: Господи, пусть это будет похмелье!

Хью Роб был рослый, здоровый. Славный парень, горский парень. На целый год старше меня. Но учились мы в одном классе, потому что он остался на второй год. Хью прикатил на тракторе с прицепом, полным веток и пней; я поехал вместе с ним в кабине, страдая от чудовищной тряски и от выбранной спутником темы разговора: о выпадении матки у какой-то коровы.

Вокруг холма, на котором стоял замок, лежало большое поле, со всех сторон обсаженное деревьями. Большею частью поле было обращено на восток, и с него открывался вид на Бридженд.

Мы с Хью выкинули древесину из прицепа. Сначала работали вместе, потом я остался укладывать дрова, а Хью уехал за новой партией. Он сделал пару рейсов, вывалил после каждого с тонну дров и объявил, что съездит на другую ферму, где горючего мусора еще больше. Я подождал, пока трактор ускачет на ухабах в направлении замка, и завалился на огромную кучу топлива. Лежал, раскинув руки и ноги, утонув в пружинящих ветках, и смотрел в голубое ноябрьское небо, и надеялся, что скоро утихнет басовый барабан в голове.

Казалось, будто небо пульсирует в том же ритме, что и кровь в черепе, – огромный синий свод вздрагивал, словно живая перепонка. Я подумал о дяде Рори, открывшем, что можно воздействовать на телеэкран издали посредством мысленного пения. Интересно, подумал я, как думал всегда, вспоминая о нем, – где он сейчас? Его уже года два как не было с нами.

Над кронами деревьев появилась птица. Я лежал и смотрел на нее: большое туловище, маленькая вертлявая головка, перья на концах широких крыльев врасстопырку.

– Красивая, – улыбнулся я и даже позабыл про боль в голове.

И тут птицу подбросила невидимая сила. А затем канюк полетел вниз, слабо взмахивая крыльями, и упал где-то позади меня. По полю

дважды раскатился грохот.

Я оторопело моргал – не верил в случившееся. Затем перевернулся на живот, посмотрел в ту сторону, откуда донесся треск дуплета. Разглядел сразу за деревьями лесополосы человека с дробовиком – он посмотрел вправо-влево и выбежал на поле. На нем были зеленые резиновые сапоги, брюки из плотного коричневого вельвета, куртка из кожзаменителя с вельветовым воротом, тартановый боннет. Очередной хмырь в куртке от «Барбур», только этот у меня на глазах застрелил канюка.

Хмырь что-то углядел в траве и разулыбался. Он был высок и белокур, смахивал на голливудского супермена – подбородок что надо. Идя по траве, на что-то наступил, пригляделся и двинул назад. Вскоре повернул к лесополосе и живо скрылся с моих глаз.

Я бы мог закричать. Я бы мог отнести птицу леснику – канюк занесен в «Красную книгу». Не сделал ни того ни другого. Когда барбуриносец исчез за деревьями, я перевернулся на спину и прошептал: «Урод!»

Ночью он пришел к костру. Смеялся, болтал. Не отказался от глотка из набедренной фляжки Фергюса. Я на него косился, он это заметил, и мы несколько секунд пялились друг на друга, и он отвел глаза, и все это – в отсветах бешено корчащегося пламени моего костра, в котором сгорала убитая им птица.

Глава 16

Мы стояли возле купола обсерватории на парапете Гайнем-касла, лицом к холодному западному бризу. Льюис, одетый в вельветовые брюки и засаленную коричневую куртку от фабричной спецовки, смотрел в бинокль, его черные кудри слегка шевелились под ветерком. Рядом с ним стояла Верити, запрокинув голову и глядя в холодное зимнее небо. Она казалась пухлой в спортивном зимнем комбезе, руки в лыжных перчатках были крепко сцеплены под выпуклым животиком. Внизу, за лесом, равнина, вмещающая в себя Галланах и охватывавшая бухту, тонула в щедрых на тени ранних сумерках. В вышине ползали перистые облачка, обещая чистую погоду. Вдалеке по виадуку Бридженд катил скоростной поезд, стекла поблескивали закатным солнцем. Я глубоко вздохнул и унюхал море.

Невскрытый авиапочтовый конверт из Колорадо лежал на моей груди, между рубашкой и курткой. Похрустывал при легком сгибании, это забавно отдавалось в животе.

– Не видать? – спросила Верити. Льюис отрицательно качнул головой:

– Не-а.

Верити задрожала, зябко подняла и опустила плечи:

– Бр-р...

И обеими руками взяла Льюиса под локоть.

– Э! – запротестовал он, невольно оборачиваясь, но бинокля от глаз не оторвал.

Верити с восхитительной гримаской возмущения перешла от мужа ко мне. Ее рука змейкой обвила мою талию. Я обнял Верити за плечи. Она склонила голову мне на руку; я посмотрел на нее сверху вниз. У нее чуть отросли волосы. Виски она больше не брила. От нее пахло детским маслом. Льюис растрепал, что смазывает им живот супруги, чтобы не было растяжек. Я незаметно улыбнулся и проследил за ее взглядом.

– Дунадд. – Верити смотрела на скалистый холмик, что находился в километре к северу. – Там след.

– Точно, – подтвердил я.

Льюис покосился на нас, ухмыльнулся, чуть опустил бинокль:

– Да, он там, только отсюда не видно. Дунадд был столицей Далриады, одного из первых королевств Шотландии. След ноги, больше похожий на след подошвы ботинка, всего лишь небольшое углубление – якобы оставлен там «кандидатом» в короли, клявшимся, что провалится на этом месте, если не выполнит своих «предвыборных» обещаний.

– А можно и мне глянуть? – спросила Верити. Льюис отдал бинокль, и она, защищая левой рукой живот, прислонилась к каменному зубцу.

Мой брат встал позади нее, опустил подбородок ей на плечо.

– На самой верхушке? – спросила Верити.

– Угу, – ответил Льюис.

С минуту она смотрела на Дунадд.

– А что, если отпечатать там след ноги в момент рождения нашего ребенка?..

Я рассмеялся. Льюис округлил глаза, отшатнулся от жены и снова качнулся к ней. Она повернулась, коварно ухмыльнулась Льюису, затем мне, похлопала Льюиса по локтю.

– Шутка. Предпочитаю уютную и теплую родильную палату в комфортабельной современной больнице. – И снова повернулась лицом к холму.

Льюис посмотрел на меня.

– Я тоже клюнул, – пожал я плечами. – Это ж фамильное.

– А ты видишь там каменный круг? – спросила меня Верити, приподнимая бинокль и глядя дальше на север.

Ранее в тот день мы с Хелен, Верити и Льюисом решили заняться туризмом. Окрестности Галланаха нашпигованы памятниками старины: могильниками, каменными истуканами, хенджами и валунами с непонятной резьбой. Шагу не ступить, чтобы не наткнуться на какую-нибудь фиговину, имевшую когда-то для кого-то религиозное значение. Верити об этих древних каменюках была наслышана, но «вживую» их не видела – и без того находила чем заняться, бывая прежде в Галланахе. Только на Дунадд поднималась, потому что туда легко добраться пешком из замка. Ну, а мы, большую часть жизни прожившие здесь, не узрели больше половины достопримечательностей по другой причине: все откладывали это дело «на потом».

Так что мы одолжили у Фергюса «рейнджровер» и поехали глазеть. По топким лугам брели от кургана к кургану, любовались на замшелые истуканы, заходили в круги из глыб и в полые каменные пирамиды, облакачивались на ограды из плиток песчаника, чтобы полюбоваться на широкие плоские лики скал – шероховатые эти поверхности были покрыты загадочными окольцованными ямками, словно волны от брошенного в воду камня сами окаменели.

* * *

– Я тебе еще не рассказывал, как научился на расстоянии сводить телик с ума?

День выдался ясный, теплый. Этим летом Рори отправился с нами на Гебриды. Мы с ним гуляли невдалеке от Галланаха, переходили с одного луга на другой, от одного меченого камня к другому. Помню, колело в боку, и я боялся, уж не аппендицит ли (в том году мой одноклассник едва не умер от воспаления аппендикса). Но беспокоился я зря. Просто дядя Рори был ходок что надо, а я старался не отставать. Мой аппендикс подождал до следующего года, и его благополучно удалили.

Итак, мы обходили древние монументы, и разговор зашел о тех, кто все это оставил после себя, и о том, для чего это предназначалось. И таким путем мы добрались до астрологии, а потом дядя вдруг затронул телевизионную тему.

– Ну, так вот,– повернулся Рори и посмотрел вниз. Мы стояли на краю обрыва; мимо проехала парочка автомобилей. Было жарко, и я снял куртку.– Ну, так вот,– повторил Рори,– мне тогда было... на несколько лет больше, чем тебе сейчас. Гостил у друга, там собралась целая компания, и мы смотрели «Топ оф зе Попс», кажется, или что-то вроде. Ну, и я напевал без слов под музыку. Взял низкую ноту, и по экрану пошла рябь. Никто ничего не сказал, и я решил, что это просто совпадение, но на всякий случай попробовал снова: нашел подходящую ноту, и точно – рябь на экране. А все кругом молчат,– Рори рассмеялся, вспоминая. На нем были джинсы и футболка, а через руку переброшена легкая куртка.– Не хотелось выставлять себя на посмешище, поэтому я тоже ничего не сказал, думал, может, это только

на один телевизор действует. Однако и дома попробовал, и получилось. Тот же самый эффект – когда я отходил подальше. Если даже стоял в прихожей и смотрел в гостиную – рябило, да еще пуще прежнего.

А потом мы с мамой поехали в Глазго и там проходили по улице мимо витрины, сплошь заставленной теликами, ну, я и давай петь про себя, и все экраны словно спятили! А я и подумал: класс! Я ж теперь настоящий волшебник! И сила моя все крепнет! Могу на телевидение прийти и задать жару! Может, во всей стране телевизоры свихнутся!

– Ух ты! – Мне срочно захотелось домой – самому попробовать.

– Так вот, – продолжал Рори, – останавливаясь я и маме говорю: «Мам, смотри, смотри на телики». И давай петь про себя во всю силу, и с экранов все исчезло. А мама только посмотрела на меня и спросила: «Что такое?» А я – опять, но как я ни пыжился, она ничего не видела. В конце концов ей надоело, и она велела не валять дурака.

Рори поморщился, глядя вдаль, на каменистый холмик, который торчал посреди плоской нивы.

– И как ни пытался я понять, откуда взялась у меня эта способность, так и не понял. Иной раз увидишь в кино, как симпатичная ассистентка сморозит глупость, а ученый ей: «Стоп! Ну-ка, ну-ка, повтори! Эврика!» То есть получает толчок извне, и вскоре у него появляется гениальный план спасения нашего мира. А у меня не было никакого толчка. Просто вдруг раз – и пришло.

– Что пришло?

Рори посмотрел на меня сверху вниз, ухмыльнулся:

– Вибрации.

– Вибрации?

– Да. Я вызывал вибрации у себя в черепе, точнее в глазных яблоках, с той же частотой, что и у телеэкрана. Так что экран вытворял удивительные вещи, но только для меня. Вот в чем вся штука. Конечно, нельзя уходить слишком далеко, иначе его не будет видно.

Он снова посмотрел на меня:

– Понятно?

– Ага, – ответил я. – Кажется. – Я некоторое время рассматривал дорогу, потом разочарованно поднял глаза: – Так, значит, на самом деле этого не было?

Рори покачал головой:

– На самом деле – нет.

Я нахмурился, пытаюсь вспомнить, как мы пришли к этой теме.

– А какое отношение это имеет к тому, о чем мы говорили? – спросил я.

– Гм...– Рори подмигнул мне и кивнул на ворота в низкой стене у дороги, перед продолговатыми глыбами, поставленными на попа.– Мы на месте.

* * *

Дверь на лестницу со скрипом отворилась, я шагнул вперед, чтобы помочь Хелен. Она мне вручила поднос с четырьмя оловянными кружками. Шел пар, и пахло чудесно.

– М-м... класс! – сказал я.

Хелен взяла меня за руку и шагнула через порог узкой и низкой двери, что вела к парапетам. Широкое лицо было загорелым, тело выглядело похudevшим, окрепшим – Хелен уже открыла в Швейцарии лыжный сезон. Она носила ботинки фирмы «Мейндл», кожаные брюки, принадлежавшие еще ее матери, кашемировый свитер и военную летную куртку – выдавшую виды, может быть, даже в Северной Корее, а то и в фашистской Германии. Черные, как смоль, волосы доставали до плеч.

Она взяла кружку:

– Угощайся. Что-нибудь слышно о нем?

– Не-а.– Я передал поднос Льюису и Верити, и они, издав одобрительные фонемы, взяли по кружке.

Хелен кивнула на уголок почтового конверта, торчавший из-под моей куртки.

– Все с наследством разбираешься? Я ухмыльнулся:

– Ага.

Мы стояли, потягивали горячее вино с пряностями, смотрели на север.

* * *

- Прентис? Это Эш. У него готово.
- У кого? У доктора Гонзо?
- Ага. Уже печатает. Бумаги тебе придет, а мне – е-мэйл. Я скину на флоп, совместимый с твоим «Компаком», и подвезу. Конечно, если ты еще модемом не разжился. Разжился?
- Нет, не разжился.
- Ладно, привезу. Устраивает такой вариант?
- Да, все отлично. Он... э-э... не сказал, что там за файлы оказались?
- Текстовые.
- И больше ничего не сказал?
- Угу. Прентис, он же не читал. Так, первые строки– убедиться, что это нормальный английский, а не абракадабра. Для него главное – задачку решить, а что там написано – неинтересно. Короче, там текст.
- Понял. Текст.
- Через несколько дней получишь. Авиапочтой.

* * *

Большой конверт из Соединенных Штатов прибыл этим утром, через пять дней после звонка Эш. На нем стоял обратный адрес: «Д-р Г., Денверский университет, шт. Ко, ф-т вычислительной техники». Я долго пялился на штуковину, лежащую под дверью на коврике. Во рту почему-то пересохло. Впрочем, у меня было легкое похмелье. Осторожно подбирая на удивление тонкий конверт, я подумал, что вскрою его после завтрака. А после завтрака решил: не будем спешить. Тем более что позвонила Верити и пригласила в замок. Был последний день 1990-го – ровно двенадцать месяцев после той проклятой вечеринки, когда миссис Макспадден отправила меня в погреб за виски. И вот мы все снова здесь, готовы праздновать, и я, пожалуй, этого жду с нетерпением, хоть и пытаюсь найти причины, которые бы сделали обходимым необходимым разговор с Фергюсом о мистере Руперте Пакстоне-Марре. А что, если спрашивать и не придется? Что, если ответ кроется в этом конверте? Мысли мои то и дело возвращались к версии, которая вполне имела право на существование. Что, если я делаю из мухи слона, усердно ищу скрытые связи, мотивы

и замыслы там, где их нет; что, если я безосновательно дал волю воображению? Этак мне скоро везде будут мерещиться заговоры.

На протяжении всего семестра я добросовестно учился, и дела мои вроде пошли на лад. Профессор перестал раздраженно фыркать, читая мои рефераты; от него все чаще слышалось удовлетворенное кряканье и ободряющее хмыканье.

Между тем новейшая история нашего мира вполне однозначно катилась к войне, но лично у меня это не вызывало никаких чувств, кроме фонового стыда за род человеческий. Мама держалась неплохо, она взялась наконец за пресловутый клавесин, и свободная спальня в лохгайрском доме превратилась в мастерскую. Джеймс переставал чураться общества, во всяком случае в предрождественские уикенды он несколько раз снимал наушники плеера ради разговора, пусть и скованного, с иными разумными особями. Льюис на жизнь не жаловался, у Верити беременность проходила возмутительно легко, разве что иногда побаливала поясница да мочевого пузырь стал чутко реагировать на журчание текущей воды. И я, к собственному удивлению, с нетерпением дожидался встречи с ними обоими. Когда Верити мне улыбалась, в душе моей подавала признаки жизни старая боль... но это была скорее фантомная боль, чем настоящая.

Я посмотрел на ручные часы. Через четыре часа надо будет ехать в аэропорт Глазго, за Эшли. Она взяла билет на поздний рейс; я вызвался ее привезти. В этот день она до половины пятого работала в Лондоне, и если бы на стареньком «2CV» поехала в Шотландию, то едва успела бы к бою новогодних колоколов.

Я озираю северные небеса: нет ли там какого движения. Хотелось поскорее сесть за руль, и плевать, что ехать придется в сумерках, а потом и во мраке.

Ветер окреп и сделался порывистым; я прихлебывал глинтвейн. Леса – вечнозеленые и листопадные – уходили к полям и дальше к городу, взбирались и на восточные холмы.

– Сегодня кто-нибудь новости слушал? – спросил Льюис.

– Да ничего особенного, – ответила Хелен. Наверное, ее проинформировала миссис Макспадден – в эти дни на кухне не умолкал телевизор.

– На «пустынном фронте» – без перемен, – пробормотал Льюис, снова поднимая бинокль и глядя на север, в сторону Килмартина.

– А ты уверен, что он прилетит? – спросила Верити.

– Угу, – пожал плечами Льюис.

– Сказал, что прилетит, – подтвердила Хелен. Верити затопала замерзшими ногами.

– Льюис, – сказала Хелен, – хотела спросить, ты насчет Залива шутишь?

Льюис недовольно хмыкнул, глядя в бинокль.

– Не-а. Есть парочка тупых ирлашек да несколько наших – но эти не в лоб шпарат, а маскируются... Ничего приличного. Возникла у меня идея, пока обтачиваю: если бомбардировщик «Стелс» сейчас действует так же эффективно, как раньше действовал в Панаме, как «Бэ пятьдесят два» – во Вьетнаме, а морпехи такие же молодцы, какими себя показали в Ливане, то за Саддама беспокоиться не стоит. Но получается не очень смешно. – Он на миг опустил бинокль и вздохнул. – Совсем не смешно.

– Там сейчас одна девочка из нашей школы, – сказала Хелен. – Медсестрой.

– Правда? – снова затопала Верити.

– О! – сказал вдруг Льюис.

– Ты его видишь? – вцепилась в руку Льюиса Верити.

Он рассмеялся, посмотрел на нее.

– Нет, – И ухмыльнулся мне: – Тут одного резервиста недавно взяли на действительную, угадай кого?

Я пожал плечами:

– Сдаюсь. Льюис ответил:

– Джимми Террока. Он теперь санитар, с носилками бегаёт.

– Джимми... – Я не сразу понял, о ком речь. И тут вспомнил: – Могильщик?! – И рассмеялся.

– Да. – Льюис отвернулся, поднес бинокль к глазам. – Могильщик.

У меня вдруг холод пошел по жилам, улыбка слетела с лица.

– Да уж, – сказал я. – В армии всегда было с юмором туговато.

– Вы это о ком? – спросила Верити.

– Об одном чуваке. Помогал нам могилу для папы копать.

– А-а, – сказала она. И обняла Льюиса.

– Прентис, а ты пойдешь, если призовут? – не глядя на меня, спросила Хелен Эрвилл.

– Хрена! – твердо ответил я. – В какой стороне Канада?^[104]

– Ага,– пробормотал Льюис– Жалко, что папа умер. Пристроил бы нас в национальную гвардию. Кстати, что у нас вместо национальной гвардии?

– Дорожная полиция? – предположил я. Льюис хохотнул.

– Ты правда не пойдешь? – повернулась ко мне Хелен, вопросительно подняв бровь.

– Если хорошо попросят, могу им кровь послать,– ответил я.– В канистре из-под бензина.

– А что, если телескопом попользоваться? – сказала вдруг Верити, кивая вправо, на белый купол.—

Вместо бинокля.– Она посмотрела на каждого из нас по очереди.

– Нет,– ответила Хелен.

– Слишком узкий сектор обзора,– ответил Льюис.

– И вверх тормашками.– добавил я.

Верити снова глянула на обсерваторию. Теперь на ее лице была улыбка.

– А помните ту ночь, когда мы в куполе встретились? – посмотрела она на Льюиса.– Еще детьми. И не виделись с тех пор...

Мой брат отдал бинокль Хелен, та держала его одной рукой, ремешок болтался. Льюис обнял жену:

– Конечно помню,– и поцеловал ее в нос; она уткнулась лицом в его пальто.

Я отвернулся. Скорей бы за руль – и в аэропорт. Может, с запасом в полчаса выехать, вдруг задержусь где-нибудь? Аэропорт еще не достроили – наверняка будет проблема с парковкой, сегодня многие прилетают-улетают. Решено: выеду пораньше, так будет спокойнее. Последнее время я ездил медленнее и осторожнее, чем раньше. Мама, правда, все равно волновалась, но зато я мог успокаивать ее с чистой совестью. Я вздохнул, пакет на груди снова прогнулся. Черт, ведь глупо же, надо прочитать. Ладно, вернусь домой, сяду за стол в кабинете – и тогда уж точно вскрою.

– Как там сейчас, Хел, в стране самых надежных банков?

– Как всегда – народ отрывается по полной программе,– ответила Хелен.

Они завели речь о Цюрихе и Лондоне, а я уселся позади них на скате крытой шифером крыши. Вынул из-за пазухи пакет и осторожно вскрыл. Верити оглянулась на меня, улыбнулась и тут же повернулась

к Хелен и Льюису, они шутили, что-то насчет «Хард-рок-кафе». Одеревеневшими вмиг пальцами я переворачивал белые листы компьютерной распечатки. Что это? Какая-то тарабарщина. Может, материалы, которые дядя готовил для телевидения – помнится, хотел устроиться ведущим программы кинопутешествий. Ничего существенного, ничего разоблачающего.

Первый лист оказался письмом от любезного доктора Гонзо. Намудрив с терминами и аббревиатурами, он поведал о том, как расшифровал присланную мною двоичную кашу, превратив ее в то, что я держу в руках. Судя по манере письма, парень он был неплохой, но я уделил его стилистическим изыскам лишь малость внимания. И перешел к отпечатанным на лазерном принтере через один интервал дядиным текстам.

Они занимали страниц пятьдесят—шестьдесят. На первых двух десятках оказались узнаваемые фрагменты: статьи, стихи, безымянная пьеса – Рори, очевидно, решил ее раздербанить для концовки «Вороньей дороги». Потом шли три отрывка прозой.

Я оглянулся: Хелен и Верити по-прежнему беседовали, Льюис смотрел в бинокль на Галланах. Как только я возобновил чтение, во рту пересохло. Я пробежал взглядом каждый отрывок. Глаза полезли из орбит, руки затряслись. Голоса, холодный декабрьский воздух и не менее холодный шифер под задницей вдруг оказались в миллионе миль от меня.

– А знаешь, где были зачаты близняшки?

– Без понятия, – ответил он и рыгнул.

– На Маккейговых руинах, блин!

– Чего? В Обане?

– Именно.

– Ну, ни хрена ж себе!

– Ничего, что я так говорю? В смысле, так – о Фионе?

– Ничего, ничего, ~ замахал он рукой. – Твоя жена, говори что хочешь. Впрочем, нет, это плохо, так нельзя. Я за свободу для всех женщин.

– Ну, еще бы! Чего еще ждать от Рори Макхоуна! Он же у нас бацилла коммунистической чумы.

– Л ты, Ферг, – звериный оскал капитализма.

– *Хватит на уши вешать большевистскую лапшу, ты, сволочь красная. И не смей меня называть Фергом.*

Вот так начинался первый отрывок. Я его дочитал и обнаружил, что у меня отпала челюсть. Перевернул страницу и изумленно уставился в следующий текст:

– *Хендркс-с... мне он никогда не нрлся. Выскчка тлстгубый... Да еще и пдрила...– слхала, что поет? «Прсти, а я цлую парня...» Выр-р-дык... Тинит прсто...*

– *Фергюс, заткнись.*

– *«Прсти, а я цлую парня...» П-пидр чрнамазый.*

– *Лахи, ты уж извини, что тебе это терпеть приходится.*

– *Да ничо, миссис Эрвилл. А вы чо, ремнем не пользуетесь?*

– *Нет... В коротких поездках – нет.*

– *Лахи? Лахи... Лахи! Лахи, извини, что так плчи-лось. Ну, с глазм... Прда, мне очень жль... Нкда ся не прцу, нкда... Дай я тя обнму...*

— *Мать-перемать!* – прошептал я, дочитав. Оказалось, что у меня совсем замерзли руки.

Я опустил взгляд на шифер, потом глянул на купол обсерватории, он поблескивал в лучах низкого зимнего солнца.

– *Прентис, ты чего?* – недоуменно смотрела на меня Верити с парапета.

Я попытался улыбнуться, кивнул.

– *Все отлично,* – судорожно сглотнул я и принялся читать третий, последний отрывок.

Фиона с пассажирского сиденья смотрела, как навстречу из тьмы выплывают красные дорожные знаки. Ее клонило вбок – Фергюс увел «астон» с магистрали на боковую дорогу...

И пробежал глазами до последнего слова:

«Осторож...»

И это – все. Я поднял голову. Она шла кругом.

– *Ага!* – произнесла поглядевшая в бинокль Хелен. Опустилась на колени, поставила на камень кружку, грациозно встала.

– *Видишь его?* – полуобернулась Верити в объятиях Льюиса, чтобы глянуть вниз с парапета.

– *Вроде.* – Хелен отдала бинокль Льюису.

– Да, наверное, он,– сказал Льюис. Пришла очередь Верити смотреть в бинокль.

Я несколько раз судорожно сглотнул, затем уложил бумаги обратно в конверт. Встал и двинулся к своим спутникам, как в трансе. Верити покачала головой.

– Не, я ни черта не вижу.– И отдала мне бинокль.—Что-то ты, Прентис, бледный. Чувствуешь-то нормально себя?

– Отлично,– прохрипел, не смотря на нее, и взял бинокль.– Спасибо.

*

На сей раз я обнаружил искомую крапинку без посторонней помощи, и как только я это сделал, бинокль увеличил точку в силуэт легкого самолета, и летел он приблизительно в нашем направлении, чуть забирая на юго-запад, чтобы компенсировать действие ветра. Снижаясь к глену, он слегка покачался: встретил над Килмартинном восходящий поток воздуха.

– Мамочка! – заорал Льюис– Это ж иракский «МИГ»! Пикирует, щас долбанет! Во-оздух! Ложись!

Я вернул Хелен бинокль. Не похоже, что ей весело. Глядя на меня, она хмурилась:

– Прентис, ты точно в порядке?

– В порядке,– ответил я.

– Одолжила бы папаше курточку,– сказал Льюис Хелен.

– Ему не впору,– ответила, держа бинокль у глаз, Хелен.

Я смотрел на пятнышко самолета: оно приближалось к нам в северном небе.

– Ты лежала в спальном мешке,– услышал я тихий голос Льюиса, адресованный Верити.

Он обнимал ее, стоя сзади и опустив подбородок на ее макушку. Должно быть, я не услышал, о чем они говорили секунду назад. У меня голова шла кругом – хорошо хоть зубцы высоки, не свалюсь в случае обморока.

– Я помню,– улыбнулась Верити.– Мы все курили, в карты резались и по очереди пялились на звезды,– Она наморщила лоб, вспоминая: – Там были Дайана, Хелен и... как того парня-то звали? – Она задрала голову и оглянулась на Льюиса,– То ли Уэйн, то ли...

– То ли Даррен.—Льюис принял у Хелен бинокль и, держа одной рукой, утвердил на голове Верити.— Смир-рно!

– Есть, сэр! – отозвалась она.

– Даррен Уотт,— сказал я.

Самолет уже приблизился, но, пролетев над грядой холмов, он скинул высоту, и уже не обрисовывался на фоне неба силуэт. Однако невооруженным глазом еще можно было увидеть. Даже блеснуло разок.

Верити кивнула. Льюис заворчал.

– Он, кажется, геем был? – спросила Верити.

– Угу,— ответил Льюис— И скульптором. И неплохим. Обида какая!

– И он умер,— вспомнила Верити.

– Гонял на мотоцикле, разбился,— уточнила Хелен, подбирая с парашютного камня кружку и допивая остывшее вино.

Самолет теперь летел над Галланахом. Я как будто даже слышал двигатель. Вспомнил, как однажды, много лет назад, стоял тут с мамой. Фергюс с папой стреляли по тарелочкам где-то справа от нас, на лугу. Помню, я слушал треск дробовиков и думал: такой же звук, как при падении плашмя доски на доску. Воспоминания, воспоминания...

Верити рассмеялась, снова заставив Льюиса заворчать.

– Ты сегодня вечером по радио будешь говорить,— сказала она.— Не забыл?

– Помню конечно.

– А почему я была в спальном мешке? – Морща лоб, Верити рассматривала приближающийся самолет.

– Ты лежала в чулане.— Хелен с улыбкой рассекла рукой прохладный воздух – ее кисть указала в сторону Галланаха.

Я снова посмотрел на самолет, мигавший бортовыми огнями.

– А-а, точно,— сказала Верити.— Была там какая-то конурка.

– И сейчас есть,— кивнула Хелен, а Льюис тоже махнул рукой, по-прежнему глядя в бинокль, но уже приподняв его над головой Верити.— Это, между прочим, настоящий потайной ход.

– Потайной ход? – оглянулась на Хелен Верити.

– Ага. Мы с Дайаной сняли стенку и весь чердак облазали.

– Что-нибудь интересное нашли? – спросил Льюис.

Самолет спускался по пологой дуге, сворачивая в нашу сторону. Он был уже в нескольких сотнях метров.

– Стропила, балки, больше ничего, – пожалала плечами Хелен. – И лючок над папиной и маминой комнатой. – Она улыбнулась: – Когда подросли и сексом заинтересовались, все хотели как-нибудь ночью туда залезть – а вдруг подсмотреть удастся. Но побоялись. И к тому же папа люк всегда на запоре держал. – Хелен рассмеялась. – Правда, по вечерам мы себе представляли картинки всякие перед сном, хихикали.

Над нашими головами, качая крыльями, проревела маленькая белая «Сессна». Льюис, Верити и Хелен замахали руками. Я пригляделся: крошечный летчик в кабине махал в ответ. Самолет накренился, описал круг над холмом, где стоял замок, и вернулся; на сей раз он летел еще ниже, двигатель звучал громче, по лесу разбегалось эхо.

Я тоже помахал.

«Мать-перемать твою так, растак и разэтак!» – подумал я. Если честно, даже круче подумал.

Самолет снова качнул крыльями, потом выровнял курс над холмом Дунадд. Фергюс направил «Сессну» – рождественский подарок самому себе – обратно на север, к своему коннельскому особняку.

– Все, что ли? – спросила Верити.

– Угу, – ответила Хелен.

– А чего ты ждала? – спросил Льюис – Авиакатастрофы?

– Остряк! – Верити направилась к двери, ведущей на лестницу: – Пошли греться.

Воспоминания, воспоминания. «Амман Хилтон». «Осторож...» «Используй это!» Целую небо, идиот.

– Прентис? – спросил Льюис из узкого дверного проема, и я оглянулся. – Прентис? – повторил он. – Очнись.

Я спохватился, что уже долго стою и гляжу вслед самолету.

– А, да. – И на непослушных ногах спустился вслед за остальными с продуваемого ветрами парашюта в теплые недра огромного каменного здания.

* * *

– Значит, телики вовсе и не барахлили,— проговорил я, все еще ломая голову над дядиной загадкой.

– Точно,— подтвердил Рори.— Одна видимость — и то лишь для меня.— Он выдернул длинную травинку, росшую у подножия стоячего камня, и воткнул в зубы ее желтоватый стебелек.

Я последовал примеру.

– Значит, это не по-настоящему? Только у вас в голове?

– Ну...— нахмурился Рори, чуть отворачиваясь от меня и опираясь на серый камень.

Он сложил руки на груди и устремил взор на крутобокий холм — Дунадд. Я стоял рядом с дядей, смотрел на него. Глаза у него казались постаревшими.

– То, что у тебя в голове происходит, может быть настоящим,— не глядя на меня, произнес он.— А если и не настоящее, все же иногда...— Дядя наконец посмотрел на меня, и его лицо было озабоченным.— Однажды кое-кто мне кое-что рассказал,— произнес он.— И при этом ему было по-настоящему больно. Он кое-что увидел и почувствовал себя преданным. Очень близкий человек причинил ему боль, и мне было жалко, по-настоящему жалко, и вряд ли его рана с тех пор успела зажить... Но иногда я думаю, что он спал перед тем, как это случилось, и после тоже уснул. Так, может, ему все только приснилось?

– А почему вы об этом ему не скажете? Рори долго смотрел на меня, взгляд пронизывал, и мне было неловко. Рори выплюнул травинку:

– Может, и надо бы.— Он кивнул, глядя вдаль, за поля.— Может быть. Не знаю.— И пожал плечами.

* * *

И вот я у того же камня, на который опирался дядя Рори десять лет назад. Я вышел из замка и приехал сюда, к сложенному из камней кругу, вскоре после того, как мы спустились с парашюта. Времени оставалась уйма: успею поужинать в Лохгайре, перед тем как поеду в Глазго встречать Эш.

Я прислонился к валуну – в точности как прислонялся Рори, когда говорил о преданном человеке, о человеке, который увидел или решил, что увидел нечто такое, от чего ему стало больно. При этом я глядел вперед, за стены, поля и купы деревьев. И дрожал, хотя было не слишком холодно.

– Понял? – тихо задал я вопрос сам себе. Возможно, Рори в тот день смотрел на Дунадд – так я считал до сих пор. Но за Дунаддом, чуть правее, я разглядел другой холм, на котором стоял замок Гайнем – угрюмая серость его стен маячила сквозь оголенные ветви деревьев.

* * *

– Прентис?

– Да?

– Еда! Пошли, остынет.

Мама звала меня снизу, я сидел в кабинете за столом, шторы раздвинуты, за окнами мгла. А в кабинете горела только настольная лампа, сиял ее медный черенок, сиял зеленый абажур. Я отвел взгляд от своего отражения в темном компьютерном экране и посмотрел на часы: есть еще полчаса, и надо будет ехать за Эшли. Потом я взглянул на тонкую записную книжку, дядин дневник, – раскрытый, он лежал передо мной на столе.

Пятн . Ф и зам., лендров. Река, дор, холмы. Ох. дом. Кмн, еда, выпв, пыхнл. (Ф пораж.) крс. в птл.! Руж. Ф испв., обм. секр. Ф проблвлс. ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ В АРГАЙЛ!

Я узнал ее по волосам, туго стянутым на затылке. Они отсвечивали в лучах ламп в толпе, у выхода для пассажиров внутренних авиалиний. Эшли Уотт я не видел уже месяца полтора после того вечера в Лондоне, когда встретил Руперта Пакстона-Марра, но не смог с ним поговорить. Эшли была одета в тот же деловой костюм, что и тем вечером, и держала большую наплечную сумку. И широко улыбалась.

– Эш, рад тебя видеть.

Я ее обнял и приподнял, да так, что ноги оторвались от пола.

– Ух ты, силач! – гортанно рассмеялась она. – Как делишки, Пресли?

Я состроил зверскую рожу, но все же взялся нести сумку.

* * *

– Прентис, ты чего, охренел? Прочел какие-то старые записки и теперь обвиняешь человека в убийстве?

– А ты разве не заглядывала в то, что доктор Гонзо прислал?

– Да вот, не заглядывала. Это, Прентис, не мое собачье дело,—с достоинством произнесла Эшли.— Кстати, пока не забыла.— Она потянулась к лежащей на заднем сиденье куртке и, порывшись в кармане, вручила мне трехдюймовую дискетку «Сони».— Подарочек тебе из Колорадо. Играйся на свое усмотрение.

– Спасибочки.—Я засунул дискету в карман рубашки и пожаловался: – Может, и поиграюсь. Орфографические ошибки просто достали.— Мотнул головой: – Конверт на заднем сиденье.

– Ты на что намекаешь? Я это сейчас должна читать?

– А фонарик для чего?

– Будет ли мне позволено сначала косячок соорудить?

– Да, только потом прочти все-таки,

Я подождал, пока мы выехали из Глазго, и поделился с Эшли неприятными догадками насчет Фергюса – они все никак не шли из головы.

Большую часть поездки из Лохгайра в Глазго я провел в раздумьях: пытался отделить от вымысла факты, содержащиеся в обрывочных записях, которые Рори оставил на диске. Крыса в потолке, исповедь о чем-то подсмотренном. Это и привело меня к стоячим камням в тот день, после того как я ушел из замка. И я, вспомнив, что сказал мне там однажды Рори, снова заглянул в дневник 1976 года.

крс в птл. I

Ф испв., обм. секр.

И дневник 1980-го со словами «используй это!» и буквой «Л», перерисованной в «П». «Л» могла означать «Лахлан Уотт», а «Ф» – «Фиона». Вот какую тайну раскрыл Фергюс дяде Рори в ту ночь, проведенную в охотничьем домике: как Фергюс проснулся, когда его привезли домой бухим с вечеринки Хеймиша и Тоуни, прополз по

чердаку замка и увидел свою женушку в койке с Лахи Уоттом. И это была та самая вечеринка, которую Фиона и Лахлан покинули вместе.

Конечно, полагаться я мог лишь на дядино свидетельство из вторых рук, и то в беллетризованной форме.

Поэтому за ужином я решил уточнить у мамы.

– С кем Фиона уехала с вечеринки? – озадаченно переспросила она.

– В одном стихе Рори кое-что об этом есть, – пояснил я. – Не сказать, что это очень важно, но все-таки странновато. Вот я и подумал: может, ты знаешь, слышала от кого-нибудь? – Я пожал плечами – мол, если не знаешь, то и плевать – и глотнул воды.

Мама отрицательно покачала головой и положила себе на тарелку зеленого горошка.

– Если я и видела, как Фиона уезжала с вечеринок, то ее обязательно Фергюс сопровождал. Или она его сопровождала – пьяного в хлам.

– Хм... – задумчиво сказал я.

* * *

За последнюю, до абсурдного простую часть версии я должен благодарить оленя, которого черти вынесли на шоссе Глен-Кро, когда я шпарил между Рест-энд-би-Сэнкфул и Ардгартаном. Только что дорога была пуста, а в следующую секунду – оба-на! – выскакивает из лесу этакое бурое, огромное, как конь, в свете фар гигантские рога – точно покореженные антенны. И как сиганет через барьер между полосами! Я – педаль тормоза в пол, колеса почти заблокировал. Зверь исчез во мгле, а машина проскользила через облачко пара, оставленного его дыханием.

Я отпустил тормоз и почти немедленно нажал на газ, трясая головой и бормоча проклятия в адрес рогатого камикадзе; сердце, подстегнутое страхом, начало помаленьку успокаиваться. Поправил ремень безопасности, глянул на пассажирское сиденье. Там я оставил почтовый конверт с распечатками: хотел, чтобы Эшли их прочитала. При резком торможении конверт скользнул вперед, свалился на резиновый коврик. Я еще разок выругался, дождался прямого участка

трассы вдоль берега Лох-Лонг, удостоверился, что встречных машин нет, нагнулся, сунул руку под сиденье и возвратил конверт на место.

И это натолкнуло меня на раздумья. Через Аррохар я проезжал в глубокой задумчивости.

* * *

Эшли прочла упомянутый мной отрывок, пока мы ехали по новому скоростному участку шоссе Лох-Ломонд.

– Н-да,– медленно проговорила она.– Гм...– Положила листы на колени, выключила фонарик, взглянула на меня, потом раскурила косяк.– Стало быть, так себе Рори представлял то, что произошло как раз перед тем, как Фергюс с Фионой угодили в аварию.

– Ага.

– И здесь Рори утверждает, что твоя тетя Фиона терлась с моим дядей Лахи? – с легким весельем в голосе поинтересовалась Эш.

– Точно,– оглянулся я на нее.

– Очень мило. Черт возьми, да он ведь здесь почти и не появлялся! И вращались они вовсе не в одних и тех же кругах.

– Черт возьми! – согласно выругался я.– Может, остальные два отрывка прочтешь, прежде чем выводы делать?

– Гм...– Эшли глотнула дымку и отдала мне косяк.

Я дернул маленько.

– Это что такое?

– Травяная смесь,– ответила Эш.– А то завязывать с сигаретами и курить табак в косяках – какой смысл?

– Гм...– протянул я, возвращая окурок.

– Ну, так что ты там говорил, Прентис? Я чего-то недопоняла?

– Может быть,– покачал я головой, прекращая газовать. Мы приближались к Тарбету.– А может, я сам чего недопонял... Не хочешь прочесть остальные два куска?

Эш тяжело вздохнула, затянулась и снова включила фонарик. Мы проехали Тарбет, разогнались на перешейке перед Аррохар. Через деревню плелись медленнее, чем на сорока, а потом снова набрали скорость на изгибе, объезжая по дуге начало Лох-Лонг, минуя то место,

где я пару часов назад возвращал на сиденье упавший почтовый конверт.

– Да, но о чем рассказал Фергюс Рори на самом деле? – дочитав отрывок, спросила Эш.

– Прочти следующий текст.

Я отмахнулся, когда Эш протянула косяк.

Дорога выбралась со дна глена и полезла на темное плечо холма в направлении Рест-энд-би-Сэнкфул. Я был настороже: а ну как на полотно выскочит еще одна полоумная адская тварь. Но чокнутые олени больше не показывались.

– Ишь ты,—дочитала последнюю страницу Эш,— даже «клубнички» под конец отсыпал.— И выключила фонарь.— Думаешь, последний кусок – это то, о чем Фергюс рассказывал Рори в охотничьем домике, если и правда рассказывал?

– Ага, это подтверждается записью в дневнике, и действительно существует путь по чердаку замка, из обсерватории в ту спальню, и лючок в потолке имеется. Не далее как сегодня Хелен про него упоминала.

– И все-таки, Прентис,— рассмеялась Эш и закашлялась,— у тебя доказухи – шиш. Только писанина твоего дяди Рори.

– Согласен, это все косвенные улики. Хотя мама вспоминает вечеринку у Хеймиша и Тоуни – Лахи тогда в самом деле помог Фионе довести Фергюса до дома.

– Оба-на! – коротко отозвалась Эш.

– Получается такой расклад: Фергюс распустил язык перед Рори, тот несколько лет пытался раскрутить свой грандиозный проект, ничего креативного не родил и сказал себе: «Используй это!» В смысле, используй эффектный эпизод из реальной жизни, из драмы, известной только ему и Фергюсу. Его запись в дневнике сделана примерно в то время, когда они побывали в охотничьем домике. А потом появляется более литературный текст, где происходящее видится глазами Фергюса. Наконец, третий отрывок, где Фергюс с Фионой в машине... Короче, дело вот в чем,— глянул я на Эшли.— Я надеялся, в последнем тексте ты заметишь то же, что заметил я. Думаю, Рори это написал как раз перед тем, как одолжил мотоцикл и поехал разобраться с Фергюсом, потому что начал подозревать.

– Разобраться с Фергюсом?

– Да.– Я снова поглядел на нее.– И Фергюс его убил.

– Что? Фергюс его убил?! – воскликнула Эш.– Но зачем? – Она приоткрыла окно и выбросила в щель окуроч.

– Я это выясню,– поднял я палец. Мы проезжали Лох-Рестил, я все еще побаивался оленей..

Эшли покачала головой:

– Прентис, ты что, дютики глотаешь вместо учебников истории?

Я хохотнул:

– Нет. Но самые грязные преступления, между прочим, описаны в учебниках истории.

Эш распустила волосы, порылась в сумке, а затем принялась расчесывать локоны длиннозубой расческой.

– Гм...—сказала она.—Ладно, продолжай.

– Охотно,– сказал я.– Переходим к нашему приятелю Пакстону-Марру. Он посылал папе спичечные обложки – я имею в виду обложки от спичечных книжек.

– Поняла. Ну и что?

– А то, что он знаком с Фергюсом. Это Фергюс подговорил чувака слать отовсюду обложки. Чтобы папа думал, будто Рори все еще жив и мотается по белу свету. Иначе зачем бы Фергюсу это делать?

– Не знаю. Но что такого особенного в спичечных обложках?

Я повернул на секунду голову, лицо Эш было бледным в лучах фар приближающейся машины.

– Вернемся в охотничий домик,– сказал я.– Рори признался Фергюсу, что случайно поджег сарай в поместье, когда был мальчишкой. Думаю, если Рори и рассказывал еще кому об этом, то лишь моему папе, а тот считал, никто больше не знает. Так что, когда спичечные обложки стали приходиться с разных краев света, папа решил, что это тайные знаки от Рори.

Эшли помолчала, потом вздохнула:

– Ну и буйная же фантазия у вашего семейства.

– Ага,– кивнул я.– Боюсь, что так.

Мы благополучно вписались в пологий поворот у Глен-Кинглас – тот самый поворот, где в прошлом году Верити едва не потеряла задницу своей «бээмвухи». Впереди длинный прямой участок дороги терялся во мгле. Кое-где тлели алые угольки – габаритные огни машин.

Меня опять пробрал озноб дежа-вю. Эшли побарабанила пальцами по приборной доске, потом ими же расчесала волосы. Вскоре спросила:

– И что подозревал Рори?

– Мокруху. Убийство его сестры.

Эшли снова умолкла на порядочное время. Наконец произнесла:

– Ты тоже думаешь, что Фергюс убил твою тетю Фиону?

– Угадала, – кивнул я.

– К моменту аварии она была уже мертва?

– Гм... об этом я не подумал.— Я снял ногу с педали акселератора и глянул в зеркальце: никто за нами не едет, и впереди никого.— Нет, я думаю, Рори написал верно: к моменту аварии она была жива. Я предполагаю кое-что другое.

– Что? – спросила Эш.

Мы приближались к крутому повороту. Краем глаза я заметил, что Эш смотрит на меня. Я перешел на вторую передачу: пускай машина сбросит скорость. Потом правой рукой вдавил кнопку на замке ремня Эшли и резко ударил ногой по педали тормоза. «Гольф» заскользил по дороге на заблокированных колесах. Я услышал, как Эшли что-то выкрикнула, выставила руки перед собой, ее качнуло вперед, сильнее, чем входило в мои намерения, бац! – грудью о приборную панель. Только взлетели светлые кудри. Она ударилась лбом в стекло.

Машина тряско остановилась. Я смотрел в ужасе. Эш откинулась на спинку сиденья, потеряла лоб. Другую руку прижимала к ребрам под грудью. Люто зыркнула на меня:

– Прентис, как это следует понимать... мать твою так?!

– О господи! – вскинул я ладонь ко рту.— Ты цела?

Я поглядел в зеркало и приложил к губам вторую руку:

– Я не хотел тебе сделать больно.

– Так ведь сделал, мудака!

Она глядела на отстегнутый ремень безопасности, я глядел на нее. Спина вжималась в правую переднюю дверцу, сердце ухало. Эшли постучала себя по лбу, осмотрела пальцы, показала мне зубы и села в кресле, как полагается, снова застегнув ремень. Поводила плечами, выпятила грудь, сказала, кривясь перед темным лобовым стеклом, за которым в свете фар расстелилось серое дорожное полотно:

– Прентис, ты круглый дурак. Из-за тебя я, может, больше никогда не смогу румбу танцевать.— Она глянула на меня, затем показала

вперед: – Поехали!

– Эшли, прости.—Я воткнул передачу и отпустил сцепление.

Эшли терла грудь и рассматривала лоб в зеркальце на противосолнечном козырьке, подсвечивая фонариком.

– Кажется, необратимого ущерба нет,— заключила она, погасив фонарик и подняв противосолнечный козырек.

– Правда, я не думал...—Я поочередно вытер вспотевшие руки о штанины.— Я просто хотел...

– Хватит,— сказала Эш.— В суд не подам, черт с тобой.

– Но я правда...

– Ты решил,— перебила Эш,— что твой дядя Фергюс убил жену, съехав с дороги и за миг до столкновения отстегнув ремень.

Я глубоко вздохнул: –Да.

– Не притормозишь? – спросила Эш.

– Зачем? – сказал я, тормозя. Мы и так не слишком быстро ехали.

И тут я сообразил.

– А, ну да.— На душе стало еще гаже.— Еще и место выбрать ухитрился...

Эшли молчала, пока «гольф» тащился мимо длинной автостоянки на Ковал-роуд, где погиб Даррен Уотт.

– Блин,— сказал я спутнице.— Теперь я тебе должен кучу изви...

– Забудь,— велела Эш.— Поехали домой. Вдали справа от нас появились огни Инверэри, разбросанные вдоль темных вод Лох-Шира. Эшли заговорила, когда мы огибали Строун-Пойнт:

– Довольно рискованный способ угробить женушку, ты не находишь?

– Зато алиби убедительное. И может быть... не смейся,— покосился я на Эш,— может быть, это идеальное преступление.

Эш с сомнением посмотрела на меня:

– Прентис, да ты это всерьез ли?

– Всерьез. Он треснулся башкой, не помнит, как проехали последние мили. Даже предлагал, чтобы его допросили под гипнозом, но следствие не сочло необходимым. Утрата кратковременной памяти, сечешь? Да если он это сделал в аффекте, если бы решение убить жену созрело в самый последний момент, то он мог и не помнить о своем намерении. По словам Фергюса, он ни секунды не сомневался, что Фиона пристегнута. Мы с ним разговаривали вскоре после аварии, я

был в той же больнице, у меня аппендицит вырезали. Представляешь, никто, даже он сам, не знает, как было на самом деле, Действовал без предварительного умысла, в ситуации аффекта, о чем сразу после преступления запамятовал напрочь. *«Без ум в ид али»*. В том смысле, что это, возможно, идеальное алиби. Рискованно, но если сработает, то *«фгдок»* – фиг кто чего докажет.

Мы остановились перед узорным горбатым мостом – через него шла дорога на Арай. Я сидел и смотрел на красный огонь светофора. Впереди лежал Инверэри, протянувшийся берегом маленькой бухты; белые дома сияли в натриевых сумерках уличных фонарей.

– Если он не помнит, что убил жену,– сказала Эш, снова опуская противосолнечный козырек и изучая лоб в свете фар встречных машин,– то почему он убивает Рори?

Я пожал плечами:

– Возможно, он знал, что сделал. Но если и не знал, то мог бы догадаться. Испугался, что Рори опубликует версию, слишком близкую к правде, а может, Рори грозился рассказать людям про свою догадку, и для начала – полицейским. Может, оба убийства не были предумышленными. Может, Фергюс просто оба раза срывался. Не знаю.

– Гм...– С минуту Эшли просидела как будто в задумчивости, потом покачала головой. Зажегся зеленый свет, и мы переехали через мост.

– Если я прав,– сказал я,– то Фергюс мог подумывать насчет убийства жены задолго до того, как его совершил. Может, он и решился по-настоящему именно в то время и в том месте, на ночной дороге. Но ему и раньше мысли наверняка в голову приходили. Повторюсь: пускай он не уверен в том, что сделал это, но все равно знает, что мог это сделать. Прежде чем какой-то случайный толчок заставит тебя сделать что-то серьезное, ты ведь не раз и не два серьезно об этом подумаешь, верно?

– Серьезное, несерьезное... Прентис, что конкретно ты имеешь в виду?

– О черт! —устало вздохнул я.—В прошлом году, когда мне было совсем паршиво, я не спал по ночам, все думал, как бы прикончить Льюиса, чтобы быстро и безболезненно и чтобы меня не смогли

привлечь к ответу. Может, и прикончил бы – особенно если бы знал наверняка, что Вериги после этого будет моей.

– Прентис, я тебя умоляю! – Эш повернула голову: смотреть на пронсящиеся мимо дома Инверэри. Через минуту мы были уже за окраиной, разгонялись во тьме на берегу лоха.

– Просто я был не в себе,– сказал я.– Понятно, в жизни всякое бывает, я сочувствия не клянчу. Я только пытаюсь объяснить, что, когда ты влюблен, у тебя мозги не так хорошо работают, как у нормальных людей. То есть крыша съезжает напрочь. И от ревности на стенку лезешь, и бывает достаточно пустяка, чтобы сорваться. Если б тогда кто-нибудь подсказал, как безнаказанно уконтропупить Льюиса, я бы, может... Впрочем, надеюсь, я бы и думать об этом больше не смел, если бы понял, что такое убийство в принципе возможно. Каждый с ума по-своему сходит и лечится тоже по-своему, иногда и такими вот извращенными фантазиями.

Эш некоторое время молчала, размышляя.

– А скажи-ка,– произнесла наконец,– ты не выяснял, был ли Фергюс один в ту ночь, когда Рори то ли отправился, то ли не отправился к нему? Версия в прах рассыплется, если выяснится, что твой дядя...

– Эш, он был один,– ответил я.– На те выходные миссис Макспадден уехала к родственникам в Файф. Мама с папой предложили близняшкам погостить у нас. Фергюс их привез примерно к чаепитию, помню, я с ними разговаривал. Он хлопнул пару стопаков и умотал обратно. Так что в замке он был один.

Эш посмотрела на меня. А я лишь плечами пожал.

– Ладно,– будничным тоном произнесла она и, оперевшись локтем в дверцу, забарабанила ногтями по зубам. Подол юбки у нее чуть задрался, и я украдкой бросил взгляд на длинные, с черным колготочным лоском ноги.

– Итак,– сказала она позже, когда мы уже были в лесу, вдали от берега лоха и в нескольких километрах от Ферниса,– что теперь следует сделать, по-твоему?

– Не знаю,– честно ответил я.– Труп нет. Правда, есть труп тети Фионы, но он тут не помощник. А дядя Рори так и не найден. По идее, и с тем, что есть на руках, можно пойти в полицию, но нетрудно представить, что там скажут: «Молодчина, сынок, интересную ты

рассказал историю. А теперь будь любезен, примерь-ка белую рубашечку... Ты прав, рукава длинноваты, но в комнатке с мягкими обоями руки тебе и не понадобятся...» Мы свернули в Фернис, и дорога снова нашла берег озера. Я чувствовал, что Эш смотрит на меня, но решил не поворачивать к ней голову. Сосредоточился на зеркалах и приборах. Наконец она глубоко вздохнула:

– Ладно, предположим, Фергюс убил Рори. Вопрос: что он мог сделать с трупом?

– Наверно, спрятал,—ответил я.—Только не слишком близко от замка. Времени была уйма, вся ночь. К тому же у него «лендровер» – мотоцикл помещается в кузов. Может, и повозиться пришлось, но Фергюс у нас мужчина крупный, а сто восемьдесят пятый «сузуки» не такой уж и тяжелый. У меня была мыслишка: он сам сел на мотоцикл, а труп привязал к заднему сиденью, со стороны – два седока. Но тогда бы ему пришлось возвращаться домой пешком.

Я покосился на Эшли. Она смотрела на меня, на лице была тревога, даже страх. Я пожал плечами:

– Он поехал к какому-нибудь озеру среди холмов на «лендровере», это более вероятно. Добрался по лесным дорогам, сбросил труп вместе с мотоциклом в воду. Подходящих мест сколько угодно. Например, лес южнее замка, по ту сторону канала... там полно крошечных лохов, почти к каждому подходит дорога. Так что версия заслуживает право на существование. Э, ты чего так смотришь? – спросил я.

– Вижу, здорово тебя зацепило.

– Чему тут удивляться? – рассмеялся я, испытывая странную тяжесть в желудке.— А ну как я прав? Эш, ты прикинь: этот тип, возможно, убил двоих моих близких родственников. Ты бы на моем месте не заинтересовалась? Эш тяжело вздохнула.

– Прентис, Прентис... – качнула она головой и повернулась к окну, за которым чернел окружающий Лохгайр лес.

* * *

Еще до одиннадцати мы остановились возле дома Уоттов на Брюс-стрит. Эш снова посмотрела в зеркальце на защитном козырьке. Нахмурилась, убрала волосы с лица, повертела головой:

– Синяка не видать.
Я тоже на нее посмотрел.
– Похоже, все в порядке.– И развел руками: – Эш, я правда не хотел...
– Да уймись ты! – Эш кивнула на дом.– Пошли?
– Погоди чуть-чуть. Я хочу попросить твою маму об услуге.
– Вот как? – Эш протянула руку назад, к дорожной сумке.– Можно, угадаю? Хочешь связаться с дядей Лахи?
Я заглушил мотор и погасил фары:
– Да. Надеюсь, она даст его австралийский телефон. Хочу задать пару вопросов.
– Угу... Уж ты задашь.

* * *

Мы с миссис Уотт немного поболтали, я вежливо отказался от рюмашки и через пять минут вышел. Яркие конусы под уличными фонарями освещали дождь. Я съехал с Брюс-стрит, потом пару раз свернул налево и оказался на Обанской трассе, там, где она проходила мимо бывшей верфи Слэйт-Майн.

Когда показались жилые дома, я съехал на обочину и остановил машину в оранжевом полумраке у ближайшего натриевого фонаря.

Это сюда мы с Эшли приходили однажды вечером после кремации бабушки Марго. Мы сидели на балластном кургане, на Мировом Холме. И в ту ночь Эшли рассказала мне про Берлин, про джакузи и про чувака, намекнувшего, что в Галланахе кого-то водят за нос. И она, прощаясь, подарила мне обломок Берлинской стены. Строители собирались этот курган срыть в ближайшее время, чтобы на его месте возвести несколько домов.

Но работа явно забуксовала.

Старая верфь опять стояла заброшенная. Да, участок спланировали и нарыли котлованов под фундаменты, но не более того. Возле некоторых ямиц из земли торчали деревянные колышки с мокрыми обрывками бечевы, но ни землеройной техники, ни самосвалов, лишь пара бесформенных гор кирпича, сквозь их подножия уже проросла трава. Дощатый забор вокруг стройки почти

целиком повален, на ветру качается полуоторванная вывеска производителя работ. Разорились, что ли, затеяники?

Я развернул машину, кинул последний взгляд на балластный курган и уехал.

Глава 17

Никто не отвечал. Двадцать тысяч километров (куда больше, если учесть, что мои слова прошли через спутник) – и никто не берет трубку. Я послушал электронные гудки и возвратил украшенную ониксом фиговину на позолоченный рычаг.

Я зажал руки между коленями, поглядел сквозь свое отражение в окне кабинета на мглистый парк, на цепочку оранжевых огней, тянущуюся вдоль Келвин-уэй, и почувствовал, как в животе свивается в клубок холодная тошнота. У меня кончались причины ничего не делать.

Если бы Лахлан Уотт спросил: «Что?!», или «Да как ты смеешь?!», или что-нибудь в этом роде; даже если бы просто возмущенно или насмешливо все отрицал; и тем более если бы попросил повторить только что сказанное, то у меня бы остались какие-нибудь сомнения. Но просто бросить трубку? Какой в этом смысл? Ты тихо-мирно живешь себе в Австралии, и звонит телефон, и человек, которого ты последний раз видел в Шотландии мальчишкой, имеет наглость спрашивать, не спал ли ты с его теткой на ее супружеском ложе, – неужели ты положишь трубку, не сказав ни слова, если правдивый ответ – «нет»?

Может, и положишь. Все люди разные. Чужая душа – потемки.

Я опустил голову на зеленую кожаную поверхность старинного стола и пару раз легонько ударился лбом. Руки были по-прежнему зажаты между коленями.

Уже давно я откладывал это дело. Да и получил, между прочим, номер Лахи спустя неделю после того, как обратился насчет него к маме Эшли. Во-первых, номера у нее в записной книжке не оказалось, во-вторых, когда она все-таки добыла его у кого-то из родственников, выяснилось, что он уже устарел (я, впрочем, и не пытался по нему звонить), потому как дядя переехал. И потом была задержка с выяснением нового номера, и когда наконец миссис Уотт позвонила и назвала его, я заколебался. И то сказать – простое ли дело? Как построить разговор? Чем объяснить, с какой стати я сую нос? Атаковать в лоб? Выпытывать исподволь? Намекать? Обвинять? Наврать про завещание, якобы только что обнаруженное? Выдать себя

за адвоката? Или за журналиста? Денег предложить? Я откладывал звонок со дня на день, и дни сливались в месяцы.

В четверг вечером я остался в Глазго: писать реферат о влиянии развития промышленности на стремление германских земель к объединению в восемнадцатом веке. И спешки-то никакой не было, но я решил осчастливить профессора, «сдавшись» аж за неделю до срока.

Одну из гостиных покойной миссис Иппот я переоборудовал в кабинет. С помощью Гава и Норриса передвинул исполинский стол из дуба и кожи к окну. Обзавелся компом, вроде того, что остался в Лохгайре, но пошустрей, и водрузил его на середку суперстола – ни дать ни взять одинокий воин в чистом поле. Чтобы компьютер не страдал агорафобией, я его обложил десятком симпатичных безделушек – не какая-нибудь дешевка, а мейсенский фарфор. Правда ли, что такие вещицы положительно влияют на творческий процесс, не знаю; по крайней мере, когда я жаждал вдохновения, смотреть на статуэтки было чуть приятнее, чем на мигающий курсор.

Примерно в два часа ночи я дописал реферат. Была идея съездить и сунуть распечатку в почтовый ящик приятеля, который завтра отнесет ее на факультет, а после махнуть в Лохгайр. Но я устал и вдобавок уже сказал маме, что выеду утром, да и не хотелось будить ее посреди ночи.

Поэтому я глотнул виски и лег в постель.

Хозяйская спальня особняка миссис Иппот вмещала в себя кровать с балдахином – с гараж на две машины величиной; спать приходилось на высоте крыши минивэна. Четыре стойки толщиной с телеграфные столбы были из красного дерева, сплошь в щедро лакированных резных изображениях фей, эльфов и гномов; все они лепились крошечными атлантами и кариатидами. Небось, дело рук какого-нибудь индейца, мастера по тотемным столбам, да вдобавок толкнутого.

Но все же доминантой экспозиции была не кровать, а гигантская люстра, вырезанная из рубинового муранского стекла^[105], – мерцающий каскад застывшей крови под потолком, на котором преобладала золоченая лепнина, а редкие плоскости достались рисованным херувимам и фавнам, в которых было поровну от Рубенса и от Диснея.

Стены комнаты, когда не прятались от глаз за роскошным (но перегруженным исламским абстракционизмом) парчовым балдахинном кровати, щеголяли огромными полотнами в стиле рококо – Венера в разных обличьях и возрастах, но с неизменной пышнотелостью и крайней степенью дезабилье.

В тех местах, где не розовела женская плоть, стены отражали золотую роскошь огромными зеркалами в позолоченных рамах, до того массивными, что почти зримо напрягали кладку; кроме того, они обеспечивали превосходный обзор и с устланной шелками кровати. Зная, что миссис была старенькой и хрупкой, я все же подозревал, что перед смертью она развлекалась не только изобретением экстравагантной кары для своих родственников (правда, я еще ни с кем не делил пространства между этими шелками, но сама масштабность, сама грандиозность комнаты придавала актам мастурбации некую торжественность и – пусть спорную – величественность, чего мне прежде замечать не доводилось). Даже прикроватные столики были работы Чиппендейла^[106] – один из них венчала большая ваза из резного венецианского хрусталя; я, когда вспоминал про нее, наполнял фруктами. В прочее время она служила выставочной витриной кусочку Берлинской стены, подарку Эшли.

В спальне также располагалась большая часть собранной миссис Иппот коллекции шахмат из камфорного дерева – коллекции, пожалуй, слишком уж обширной. В то время как органы зрения и осязания купались в визуальной и тактильной роскоши, нюх страдал, словно ему приходилось ночевать на складе химреактивов.

Однако печальная правда заключается в том, что, будучи окружен сокровищами, призванными радовать глаз и тешить алчность, спал я хреново. Проснулся около половины шестого, полежал, не в силах уснуть, затем плюнул и пошел на кухню – выпить чашку чая с гренком. Там включил телевизор и обнаружил, что моя страна уже воюет.

* * *

Я сидел и смотрел. На ребят из Си-эн-эн, вещающих с багдадских улиц, на прочих журналистов, ведущих репортажи с аэродромов Саудовской Аравии. Внимал рассусоливаниям студийных мудрецов насчет выборочных ударов и точечной точности – оказывается, в наши дни боевые действия не «ведутся», а «проводятся». Разница в том, что во втором случае выборочные удары с точечной точностью проводит только одна сторона. А вторая получает по башке «Томагавками» и не рыпается. По сравнению с такой вопиющей наглостью что значат чьи-то звонки малознакомому человеку, живущему по ту сторону планеты, и нескромные вопросы о его половой жизни? Я поднялся по лестнице в гостиную-кабинет и решил все-таки дозвониться.

Возьму быка за рога.. Признавайтесь, мистер Уотт: ведь было?

А он просто положил трубку. Может, и у него включен телевизор? Может, ему не оторваться от захватывающего репортажа с Третьей мировой?

* * *

Я приехал в лохгайрский дом перед самым Новым годом. Выпивки было вволю, и мы с мамой наготовили уйму еды, да вот только гости подкачали. Верити пошла спать минут в десять первого, а уже с десяти вечера она клевала носом и ничего не пила, только под бой колоколов глотнула виски. К часу подъехали какие-то люди из деревни, около двух тетя Тоуни и дядя Хеймиш заглянули на полчаса не слишком оживленной беседы, а около четырех заявили приятели Джеймса. Большую же часть времени мы просидели вчетвером: мама, Льюис, Джеймс и я. Джеймс вырубился к шести утра, а мы с Льюисом решили из принципа встретить рассвет.

Мы сидели в оранжерее, разговаривали, слушали сидюк. Я привез его из Глазго, потому что он звучал лучше, чем встроенная аудиосистема «гольфа», да к тому же в ее комплект CD-плеер не входил. Пили виски, чередуя его с пивными кружками минеральной воды. Прохаживались. Льюис заметил, как мы начали дружно клевать носом, и предложил сыграть в шахматы. Я еще раньше предлагал сразиться в «Речную игру», но для этого надо было бы откапывать

доску и все причиндалы и вспоминать правила. Вот мы и решили: сгодятся шахматы.

– Я сделался чересчур благоразумным, – сказал я брату за обменом пешками.

– Благоразумным? – удивленно отозвался Льюис – Ты?

– Да ты посмотри на меня, – ухмыльнулся я. – Учусь, живу тихо, на выходные непременно приезжаю к мамочке. Даже машину выбрал недорогую. Хотя денег у меня... – Я покачал головой. – Мне двадцать два, можно было бы все потратить на девок или тяжелую наркоту, или объездить весь мир, или «феррари» купить.

– За сорок штук «феррари» не купишь, – возразил Льюис. Подперев руками подбородок, он рассматривал доску.

– А я и не имел в виду новье.

Льюис пожал плечами:

– Бабки ты не до конца потратил, так что еще можешь крутую тачку поиметь и все прочее.

– Да, но я как бы маме пообещал диплом получить.

– Ну, дождись лета и – вперед.

– Если я быструю машину куплю, мама будет волноваться.

– Тогда дуй в кругосветку.

– А что, это идея.

Льюис поднял на меня взгляд:

– Ну так что, Прентис, чем думаешь заняться? – Он состроил рожу, потянулся, потер щеки. – Будешь протирать штаны, пока не придут вербовать выпускников и не предложат тебе самую лучшую на свете работу? Или уже что-то облюбовал? Что-нибудь для души, а не для одних денег?

Я отрицательно покачал головой:

– Эта тема еще открыта.

Я забрал подставленную Льюисом пешку. Он сделал вид, будто удивился.

– От мысли стать историком я еще не отказался. И это, пожалуй, идеальный вариант. Да вот только в аспирантуру надо поступать, в архивах копаться, а я вовсе не уверен, что именно этого хочу. Вряд ли прямо со студенческой скамьи можно попасть в телевизор на прайм-тайм с двадцатилетней сериальной театризированной историей мира.

– Маловероятная перспектива,– согласился Льюис и схавал мою пешку.– А на дипломатическую карьеру совсем забил?

Я улыбнулся, вспомнив прошлоногоднюю вечеринку у дяди Хеймиша.

– Боюсь, это не для меня. Есть у меня знакомые такой породы, ума им не занимать. Но будь ты хоть семи пядей во лбу, все равно должен плясать под дудку гребаных политиканов.

– Ага! Стало быть, политика?

Я закусил нижнюю губу, оглядывая доску вдоль и поперек и гадая: если пойти слонем, не доставит ли он мне хлопот на новом месте?

– Не-а. Я бы и не прочь, да вот только... блин, политик должен все время торговать своей совестью. Ты или врешь, или так близок ко лжи, что разница уже незаметна. Для тебя цель всегда оправдывает средства. Враг твоего врага – твой друг. Может, он и сукин сын, но это наш сукин сын...

– Значит, политика отпадает.

– Ну, разве что понадобится помощник Ноаму Хомскому^[107].

– Вроде уже есть,– сказал Льюис.

– Тем более,– вздохнул я.

Льюис вопросительно глянул на меня:

– А все остальное – нормально?

– Ага.– Мне стало неловко.—А что?

Он пожал плечами, снова уставился на доску.

– Да ничего. Просто подумал: а все ли у нашего Прентиса...

– Здравствуйте, мальчики.

Мы обернулись. У Верити прическа была разлохмачена, лицо заспанное. Накинув длинный махровый халат, она взяла на кухне стакан молока и забрела в оранжерею.

– Доброе утро,– сказал я.

– Привет, милая.—Льюис повернулся так, чтобы она могла сесть к нему на колени.

Верити опустила голову Льюису на плечо, и он ее поцеловал в лоб.

– Все в порядке?

Она сонно кивнула, затем выпрямила спину, глотнула молока и взъерошила Льюису волосы.

– Надо было одеться,– сказала, зевнув.– Кошмары снились.

– Вот оно что,—ласково посочувствовал Льюис— Ах, бедняжка. Хочешь, приду к тебе в кровать?

Верити сидела у Льюиса на коленях, слегка покачиваясь взад-вперед. Ее нижняя губа была по-детски оттопырена. Моя невестка нахмурилась и сказала:

– Нет.— И снова погладила Льюиса по голове.— Встаю. А ты доигрывай. Она улыбнулась мне и перевела взгляд на мужа: – Уже светает.

За стеклами оранжереи в небе действительно проступали серые разводы.

Верити помахала нам рукой и ушла, опустив голову, протирая глаза, обратно в дом.

Я пошел слонем. Льюис задумался.

Я выиграл коня и обменял пешку на слона к тому времени, как возвратилась Верити. Она умылась и оделась, и в леггинсах, черном платье для беременных и черном же кожаном пиджаке поверх него выглядела потрясно. Стала в дверях, хлопнула в ладоши и, когда мы обернулись, помахала ключами:

– Я за рулем. Возражения?

Мы с Льюисом переглянулись и одновременно замотали головами.

Поехали в розовато-серый рассвет на их новом «XR3i». Кожаная крыша убрана, печка —на полную мощность. Сначала через Лохгилпхед, потом – в Галланах; его пересекли вдоль и поперек, махая людям, которые все еще слонялись по улицам, и каждому встречному-поперечному крича: «С Новым годом!» Мы с Льюисом запаслись виски – укваситься не собирались, но если знакомых встретим, так чего ж не хлопнуть по стопочке? Правда, начали мы это дело вдвоем, и пошло как по маслу – выходит, не зря лакали газировку всю ночь.

Когда проезжали через холм на окраине Галланаха, я оглянулся на замок и испытал смешанное чувство: вину, стыд и нервозность. Я ведь ни на шаг не продвинулся в своем расследовании. Только твердил себе, что прямых улик по-прежнему нет и вообще я сейчас отдыхаю, праздник все-таки, в Новый год работать грех, надо оттягиваться и отрываться.

– А поехали-ка на Шор-роуд, окропим виски папину могилу! – вскричал вдруг Льюис— Да и мистер Эндрю Макдобби, тыща

восемьсот двадцать третий – семьдесят пятый, и его супруга Мойра, тыща восемьсот двадцать первый – девятьсот третий, достойны того, чтобы о них сегодня вспомнили!

– Ну, ты и вурдалак! – сказала Верити.

– А чего, отличная идея, – поддержал я брата. – Айда на кладбище!

Вот так получилось, что мы встретили Хелен Эр-вилл и Дина Уотта: они брели через Галланах по Шор-роуд. Дин играл – понятное дело, почти неслышно – на своем «стратокастере», а Хелен держала бутылку «Джека Дэниэлза». За ними плелась смешная собака, со шкурой в рыже-белых то ли разводах, то ли полосках.

– С Новым годом, – возопил Дин Уотт и сбацал аккордик.

Праздношатающийся люд поддержал его пьяными новогодними воплями, а дворняга – залиvistым лаем.

И была уйма объятий, рукопожатий и поцелуев, а потом Хелен Эрвилл вскричала: «Верити! Да никак это ты?! Да никак трезвая?!» – и, повиснув на плече Дина,дохнула на нас бурбоновым перегаром.

– Угу, – кивнула Верити. – Вас чего, подкинуть? Хелен пьяно развернулась к бренчащему Дину.

– Да мы вообще-то домой шлепаем, в замок... – Она сильно наморщила лоб, взгляд заметался. – А может, и нет... – Хелен пожала плечами, шевеля густыми черными бровями. – Но если вам нужна компания...

– Махнем куда-нибудь? – сказала Верити Льюису, сидевшему рядом на пассажирском сиденье, и пихнула его локтем.

– Да запросто, – сказал Льюис – Полный бак. Куда?

– Обан?

– Скука!

– Глазго?

– На фиг!

– А как насчет одного местечка чуть к северу от Тигнабруайха? – предложил я, перекрывая шавкин брех. – Оттуда видно Кайлз-оф-Бьют. Красиво – не описать.

– Отлично, – сказал Льюис

– Идея – класс! Едем!

– Садитесь!

– И собаку давайте возьмем. Она в машине ездить приучена?

– А какая разница? Будет капризничать – за шкурку и в кювет!

– Правильно! Жучка, поехали с нами!

– А может, жучка не хочет.

Дин вручил «фендер» Льюису – пристраивать в ногах, – а сам наклонился к шавке, обнюхивавшей заднее колесо «эскорта».

– Хочет, фиг ли ей не хотеть, – заявила Хелен с убежденностью, доступной только в стельку пьяным. – Не родилась еще собака, которая не мечтает высунуть нос в окошко машины.

– А ну-ка, полезай, – прокряхтел Дин, переваливая обалделую псину средней величины и неопределимого происхождения в машину, ко мне на колени.

– Ну, спасибочки! – возмутился я.

Не теряя времени, Хелен заползла и устроилась рядом, а следом втиснулся и Дин.

– Так это я должен выяснять, не обсирается ли жучка в движущемся автомобиле?

– Хватит скулить! – Хелен оттащила от меня пахнущую рыбой собаку и усадила на колени к Дину.

– Все готовы? – спросила Верити.

– Интересно, у нее загораются зенки, когда тормозишь? – пытаюсь заглянуть в собачьи глаза, проговорил Дин.

– Поехали! – вскричала Хелен.

Она громко пела, пока мы разворачивались на сто восемьдесят и катили обратно по городу. Хелен предложила мне «Джека Дэниелса», и я не отказался. Как и прежде, мы орали «с Новым годом!» каждому встречному, но теперь – под восторженный собачий аккомпанемент. Жучка оказалась не из пугливых: когда мы выехали за черту Галланаха и разогнались, она не закапризничала.

Мы ненадолго остановились в Лохтайре. Я вбежал в дом. Мама уже встала и взялась мыть посуду. Я ее обнял, и поцеловал, и сказал, что через несколько часов мы вернемся. Не надо волноваться: Верити трезва как стеклышко и выспалась – вообще, за такие дела в Шотландии в новогоднее утро надо сажать за решетку.

Мама мне велела проследить, чтобы никто другой не садился за руль, и вообще наказала быть осторожным. И дала в дорогу кучу сандвичей, и прочей закуси, и две бутылки минералки, и термос со свежезаваренным кофе, и из дома я вышел, шатаясь под тяжестью, и пришлось все это запихивать в тесный багажник тачки, но наконец

дело сделано, мы едем отрываться-оттягиваться, и денек выдался погожий, и звучит очень громкая музыка, и еды всякой-разной полно, а собаке особенно понравился чесночный соус.

* * *

– Да насрать мне, какого цвета у него кожа. Человек, собственного имени произнести не способный, не должен управлять самой мощной военной машиной в мире.

Слушая Льюиса, я глядел на Дина Уотта и мысленно ругался: «Вот зараза, опять понесло!» Дин пожал плечами:

– Да, пожалуй.

Мы сидели на камнях за барьером парковочной площадки, над Вест-Глен; с этого места открывался вид на Кайлз-оф-Бьют. Остров – сплошь пастельные тона и тени – протягивался к югу в чуть водянистом свете новогоднего утра. Воды пролива слегка рябило от ветра, а еще они отражали молочные просторы покрытого редкими облачками неба.

«Вот черт», – подумал я.

Эшли с кем-то отправилась на вечеринку к Лиз и Дроиду (танцы-шманцы-обниманцы, как сказал Дин), а потом сбежала оттуда, опять же не в одиночку. И у меня вдруг появилось чувство повторения пережитого. Может, это и не так стильно, как прыжок с крыши дядино «рейнджровера» в объятия будущего супруга, но суть-то одна. Сердце мое не разрывалось на части на этот раз, да все равно ощущение было не из приятных.

Дину жизнь была вроде в кайф: он нежно настраивал «стратокастер», временами лабал какую-нибудь едва слышную музыкальную фразу. Льюис,

Вериги и Хелен нашли себе тему для спора: будущую войну. Точнее, распинался Льюис, остальным приходилось слушать.

– Да, черт возьми! – бушевал мой брат. – Если вы его назовете злобным ублюдком, я не найду оснований возражать...

«Эшли, Эшли, – размышлял, глядя в окно, я. – Эшли, о чем я только думал? Почему тянул? Чего боялся? Что мне мешало сказать напрямик?»

И знал ли я хотя бы, что мне следует сказать?

– ...Демократия и свобода, и славные британские солдатики на самом деле идут воевать за восстановление девятнадцатого века в Кувейте и защиту семнадцатого века в Саудовской Аравии...

Знал, не знал – сейчас уже слишком поздно. Кажется, все-таки знал, и доказательство тому – чувство утраты. Значит ли это, что я люблю ее? Если да, то в этот раз все не так, как было с Верити. Совсем по-другому. (Верити сидела рядом с Льюисом, одетая в леггинсы, кожу и его ярчайшую оранжево-фиолетово-лаймовую лыжную куртку – этаким психоделический белокурый Будда угнездился на зачехленном автомобильном сиденье.)

– ...Да, международный закон – священный и неприкосновенный! Ну, разве что Международный суд потребует от Америки прекратить минирование никарагуанских портов...

А может, я заблуждался насчет Эш, может, она никаких видов на меня не имела? Помнится, вечером после кремации бабушки Марго я разговаривал с Эшли в «Яке». И она настаивала, чтобы я рассказал Верити про свою любовь. Мол, любишь, так подойди и скажи. Ведь это ее слова. Стало быть, если Эшли ко мне питала нечто кроме дружеских симпатий, то почему не подошла и не призналась? И почему теперь сбежала со своим дружком с вечеринки Дроида?

– ...Когда в следующий раз Штаты захотят куда-нибудь вторгнуться и посмотреть, что из этого получится, и снова будет наложено старое доброе вето. Процедура отработана: не получается у янки, дельце обтяпываем мы. Панама? Ирак? Ах, вам не нравится диктатор, которому ЦРУ столько лет платило жалованье наркобабками? Правильно – пинка ему под зад! Семь тысяч трупов? Не беда, засекретим...

А может, обойдется, может, женщина, которую я люблю, просто выкинула фортель, чтобы заставить меня поревновать? Вряд ли. Вероятнее, что она терпеливо ждала, когда я подойду и скажу, и вот ей ждать надоело, и вот она рубит концы. Но сама-то почему была такой пассивной? В чем, в чем, а в старомодности нравов Эшли не упрекнешь. Сама же рассказывала, как бегала за тем компьютерщиком из Техаса. Нет, если бы Эш запала на меня, обязательно дала бы знать...

– ...Просто великолепные резолюции —разумеется, если они направлены не против Израиля. А если против Израиля... Да черт с вами, ребята, оставайтесь на Голанских высотах и в зоне Газа. Стреляйте, бомбите, сколько душа пожелает. Палестинцев, их вряд ли можно похвалить за соблюдение международных законов... Я разве сказал «стреляйте, бомбите, сколько хотите, палестинцев?» Попрошу не передергивать! Израильтяне вот уже двадцать три года игнорируют резолюции ООН, оккупируя чужую территорию на юге, востоке и севере. Да они Средиземное море захватят, если кто-нибудь им шепнет, что рыбы – это палестинцы. И что, США устраивает им бойкот? Налагает санкции? Черта с два! США прикрывают задницы своим друзьям и в этом деле достигли немыслимого профессионализма!

Есть вариант, что она ко мне относилась как к брату. Сколько раз я к ней заявлялся пьяный в дугу и скулил, как я люблю Верити, и как мне от всех окружающих достается, и какая Верити расчудесная, и какой я бедненький-несчастненький, и я Верити боготворю, и никто меня не понимает. Кем же надо быть, чтобы терпеливо выслушивать весь этот позорный скулеж и не послать подальше размазню Прентиса вместе с его слезами и соплями? Каменным истуканом?

– ...Мы ему заплатили, чтобы вместо нас повоевал с Ираном, но теперь этот мешок с дерьмом зарвался, и придется платить другим мешкам с дерьмом, таким как Асад, чтобы вместо нас повоевали с ним...

Господи, бедная Эш! Нет бы и правда поднять меня, слюнтая, на смех, так ведь слушала, по крайней мере не перебивала... Но что она при этом думала? «Ах, он такой чувствительный, бедняжка!» Или: «Ох, до чего ж ты меня достал, гребаный зануда!» Поди угадай...

– ...Гитлер современности – это Пол Пот. Даже Саддам Хуссейн не отважился уничтожить половину собственного народа. Но разве эту сволочь Пол Пота мировое сообщество обвиняло в геноциде, разве Запад устраивал крестовый поход на него? Черта с два! Мы поддерживали этот мешок с дерьмом! Сраные Соединенные Штаты и сраное Объединенное Королевство были ему благодарны, ведь он воевал с гадкими вьетнамцами, посмевшими огорчить Дядю Сэма...

Надеюсь, ничего у нее с тем парнем нет. Все это просто недоразумение, и у меня остался шанс. Эх, мать, думал я, глядя, как

внизу перед нами скользит в воздухе чайка над водой, деревьями и скалами.

– Ой! – Верити вдруг схватилась за живот и округлившимися глазами уставилась на Льюиса, воспарившего над горячими песками Кувейта почти за пределами вербального перехвата.

– ...Сабра и Шатила { *Сабра и Шатила* — речь о резне, учиненной ливанскими христианами-фалангистами в палестинских лагерях Сабра и Шатила в ночь с 18 на 19 сентября 1982 г.; в резне был обвинен Израиль.

}, спроси курдов из Халабджи { *... спроси курдов из Халабджи...* — 17 марта 1988 г. иракские ВВС провели химическую бомбардировку курдского городка Халабджа на севере Ирака с многочисленными жертвами среди гражданского населения. } ...—Он умолк на полуфразе и посмотрел на жену.

Та держалась за живот и глядела на Льюиса с мольбой.

У Льюиса отпала челюсть, от лица отхлынула кровь.

Верити скорчилась, сжала голову коленями, закачалась вперед-назад:

– Ой-ой-ой...

Льюис неуклюже вскочил, замахал руками. У Верити задрожали плечи. Жучка, успевшая прикорнуть на коленях у Льюиса, протестуяще загавкала, сброшенная на землю.

– Верити? Что с тобой?! – Хелен наклонилась, обняла Верити рукой за плечи.

– Кто тут самый трезвый? – возопил Льюис, взгляд заметался между машиной, запаркованной в нескольких метрах от нас, и женой, которая качалась и стонала на переднем сиденье. Собака вскинулась на задние ноги, чихнула.

– Ой-ой-ой-ой!

– Господи! – воскликнул Дин.— Верити, ты че, выкидываешь?

Льюис раскинул руки, растопырил пальцы, закрыл глаза:

– Не верю!

Псина громко гавкнула, словно в поддержку.

Хелен Эрвилл, склоненная к самым коленям Верити, на которых та примостила голову, хлопнула ее по спине и со смехом откатилась в сторону.

Дин оторопело пялился. Я, когда понял, тоже почувствовал себя дураком.

Льюис открыл глаза и посмотрел на Хелен, смеющуюся, лежа на скале.

Порозовевшая Верити, улыбаясь, быстро и грациозно встала. Подошла к Льюису, обняла, закачалась вместе с ним, прижалась щекой к щеке, захихикала.

– Шутка,– объяснила.– Все в порядке. Я же тебе говорила: наш ребенок родится в теплой родильной палате большой и чистой больницы. Только там!

Льюис обмяк – может, и упал бы, не держи его Верити. Хлопнул себя по физиономии ладонями.

– Ты неисправимая... шалунья! – взревел он и сжал обеими руками смеющееся личико Верити, потряс.

Мы снова расселись: пить кофе с сэндвичами.

– Чертовски хороший кофе,– пробормотал Льюис.

Легко ему говорить – на нем-то была рубаша из шотландки.

* * *

Потом поехали домой; я смотрел, как взмывают, кружат и пикируют под брюхом растущего серого облака канюки, вороны и чайки. Все, кроме Верити, притомились; наверное, я закемарил – вот те на, оказывается, мы уже в Инверэри, остановились заправиться. Тут зарядил дождь, и дальше путешествовали в клаустрофобической тесноте, да еще псина вовсю скулила и воняла.

Добрались до Лохгайра. Я устало прошел в дом, рухнул на койку и подрых до вечера.

С тех пор я тосковал без Эшли. Как ни позвоню Уоттам, она или спит, или отсутствует. Однажды сама мне звякнула, а я как назло вышел прогуляться. В последний раз я ее не застал: сказали, что поехала поездом в Глазго, полетит оттуда в Лондон.

Традиционная посленовогодняя вечеринка у Хеймиша и Тоуни состоялась и в этот раз, но прошла скучнее прежнего. Отречься от своей ереси Хеймиш так и не сумел: подвыпив, принялся воодушевленно излагать мне свои комментарии к Библии,

находящиеся в процессе написания; почти весь вечер я был вынужден слушать новую трактовку возмездия за грехи и вознаграждения за праведность в потустороннем мире, с бесчисленными ссылками на первоисточники.

Пятого января я уехал в Глазго. С того предновогоднего дня, когда я лицезрел устроенное Фергюсом авиашоу, наносить визиты в замок мне уже не хотелось.

* * *

Через две недели, уже после того, как провалилась моя попытка добиться по телефону истины от Лахлана Уотта, я в пятницу утром, в девять часов, поехал в Лохгайр. В дороге слушал по радио новости о войне, пока горы не отрезали меня от ближайшей передающей антенны.

То была война за нефтяные промыслы, война за низкие цены на нефть-сырец. Из союзника столь ценного, что ему сошел с рук ракетный обстрел американского корабля и травля газом тысяч курдов (разве что Тэтчер спешно повысила для него экспортные кредиты, и три недели Британия обсуждала сулимые Ираком экономические выгоды – преимущественно выручку за химию), Саддам Хуссейн превратился вдруг в Адольфа Гитлера. И это при том, что на прогулку в Кувейт его почти во всеуслышание пригласили заокеанские покровители.

То была война по сценарию Хеллера и по мотивам Оруэлла, и я не сомневался, что скоро кто-то сбросит бомбы на свой же аэродром.

От Глазго до Лохгайра по шоссе 135 километров, птичьего полета и того меньше. Для ракеты это и вовсе не расстояние. Поездка отняла полтора часа, что нормально, когда дорога не забита легковушками туристов и дальнобойными фурами. Почти все это время я качал головой, не веря собственным ушам и твердя себе: не допусти, чтобы это отвлекло тебя от схватки с Фергюсом или заставило поделиться подозрениями с кем-нибудь еще кроме Эш.

Но я, кажется, уже понял, как все произошло.

И Эш... О черт! Это же просто мускул, бездумный насос... Сердце, почему ты всякий раз ноешь, стоит мне подумать о ней?

Поэтому я старался вообще не думать об Эшли Уотт, не вполне понимая даже, чем такое решение продиктовано: силой воли или слабостью ума. Предпочел не выяснять, тем более что мой «послужной список» к честному самокопанию не располагал.

* * *

Свою бомбу с лазерным самонаведением мама сбросила за ланчем. Мы сидели на кухне, смотрели по телику войну. Как подобает добропорядочным подданным британской короны, хавали одни и те же куцые репортажи. Мне уже поднадоело глядеть на спаренные розовато-голубые конусы раскаленного газа, бьющие из сопел английских «Торнадо», уносящихся в ночную мглу. Наскучили даже замедленные кадры, как отечественные JP-233^[108] с дебильным ликованием адского Санта-Клауса неторопливо покрывают ковром воронок чужие взлетные полосы. Все это вызывало дурное дежа-вю.

С другой стороны, повторения эти позволяли углядеть второстепенные детали репортажей, при первом просмотре не замечаемые. К примеру, я узнал, что англичане, оказывается, вполне способны произносить мягкое «х». Паршивцы все это время нас дурачили, упрямо выговаривая «Лок-Ломонд» или «Лок-Несс». И мы, наивные, верили, что это у них генетическое. А теперь всякие бахрейны и дахраны уверенно слетают с языков, как будто репортеры практиковались в этом деле годами. Оставалось лишь гадать, что мешало до сих пор англичанам распространить свой выговор на меньшую дистанцию и не в юго-восточном, а в северном направлении. Видно, у этой фонетической системы доставки, как у сверхпушки, большущая мертвая зона. А может, севернее Лондона попросту нет заслуживающих внимания целей?

– Ладно, предположим,– сказала мама, подавая мне над кухонным столом молоко,– мы доживем до пятницы. Фергюс меня приглашает в оперу. Ничего, если мы у тебя в Глазго погостим?

Я смотрел, как над Багдадом беспомощно хлещут, закручиваются в спирали очереди трассеров. Неужели я не ослышался? Посмотрел на маму. Она нахмурилась.

– Прентис, что-нибудь не так?

– Чего?..

Я почувствовал, как от лица отхлынула кровь. Поставил молочник – наверное, я теперь такой же белый, как его содержимое. Попытался сглотнуть. Говорить я не мог, пришлось прочистить горло. Затем я вопросительно посмотрел на маму.

– Фергюс, – терпеливо повторила она, – пригласил меня в оперу. Это через неделю, в пятницу, в Глазго. Можно, мы у тебя переночуем? Комната найдется, я надеюсь?.. То есть две комнаты. – Она улыбнулась. – Тебе что, нехорошо? Из-за войны так разнервничался? Белый весь, как мел.

– Все в порядке, – слабо помахал я рукой.

На самом деле все было не в порядке. Меня подташнивало.

– Выглядишь неважно, – сообщила мама.

Я снова попробовал сглотнуть комок в горле. Она покачала головой:

– Да не беспокойся, не мобилизуют тебя, ты же почти большевик.

– Грл... – подавился я.

– Так согласен? Мы у тебя переночуем? Договор об аренде такое допускает?

– Ух, – выговорил я наконец. – Да. – И кивнул. – Да, конечно. Приезжайте, буду рад. Комнат сколько угодно. А куда вы собрались? Что за опера?

– «Макбет».

– «Макбет»?! – Я попытался изобразить улыбку. – Ага... Это Верди, кажется?

– Да, как будто. – Мама все еще хмурилась. – А ты с нами пойдешь? Будет ложа, места хватит.

– Гм... нет, спасибо. – Я не знал, что делать с руками: им приспичило затрястись. Не растерялся: засунул в карманы джинсов.

– Прентис, так все в порядке? Точно?

– Конечно!

Мама чуть склонила голову набок:

– Ты не из-за того ли, что я с Фергюсом поеду, расстроился?

– Нет, – рассмеялся я. – Да и какое мне дело.

– Прентис, мы с ним несколько раз играли в карты. Это просто дружба, ничего более. – Мама, кажется, смутилась.

– Ну да,– сказал я.– Приезжайте, комнаты будут. Никаких проблем.

– Хорошо.– Мама выщелкнула в чай пару горошин заменителя сахара. При этом смотрела на меня, и странным был ее взгляд.

Я повернулся к телевизору. Господи, что же теперь будет?

* * *

Я сел за папин стол. Изложил свои подозрения – это заняло больше времени, чем рассчитывал. Начал с бумаги и авторучки, но получались жуткие каракули, то и дело приходилось вытирать потеющую руку. Поэтому я придвинул к себе клавиатуру, а потом вывел файл на печать. Распечатку засунул в конверт и положил в верхний ящик стола. Жалко, что папа не обзавелся пистолетом. Я нашел свой охотничий нож в кожаных ножнах – о скаутских временах память – и засунул сзади за пояс джинсов. Рубашку сменил на футболку, поверх – короткий джемпер, чтобы побыстрее выхватить нож, в случае чего. При этом мне было и страшновато, и стыдно.

Мама в комнате для гостей возилась с клавесином. Я сунул в дверной проем голову: пахло лаком и каким-то допотопным клеем, лучше не знать, из чего сваренным.

– Хочу в замок съездить, дядю Фергюса проведать,– сообщил.– Помнишь, у меня в доме от прежней хозяйки осталось несколько работ Лалика^[109]? Поговорю с дядей, может, захочет повоевать за них, когда дойдет до аукциона.

Мама стояла у верстака. На ней был рабочий комбинезон, волосы стянуты в «конский хвост» на затылке. Она полировала тряпкой заготовку из фанеры.

– Чьи работы? – Она сдула выбившуюся прядку волос с лица.

– Лалик. Рене Лалик. Стекло.

– Ах, да.– В ее взоре появилось удивление.– Но ведь Фергюс сам у тебя в пятницу будет.

– Они в погребе, завалены всяким барахлом,– объяснил я.– Я их даже не видел. Только названия в инвентарной книге. Запомнил на

всякий случай. Если Фергюс захочет взглянуть, надо будет к пятнице их раскопать.

– Гм...– Мама пожала плечами, капнула из бутылки маслом на побуревшую тряпку.– Ладно. Привет от меня передай.

– Обязательно.—Я затворил дверь.

Уходил с мыслью о том, что надо было ей сказать... что сказать? Да хотя бы все то, что говорят на прощание люди, когда опасаются за свою жизнь. Но я боялся, что в моих устах это прозвучит смешно или мелодраматично. Ладно, подумал я, в случае чего за меня выскажется оставленное в ящике стола письмо.

Я сел в «гольф», выехал из Лохгайра и погнал по Галланах-роуд. Охотничий нож сначала неприятно давил в спину, но вскоре рукоятка из меди и дерева нагрелась и я про него забыл.

В Лохгилпхеде я остановился позвонить.

– Мистер Блок, извините, что я вас дома беспокою...

Притворяясь, будто хочу узнать, не глупо ли с моей стороны заговаривать о Лалике с Фергюсом, когда еще неизвестно, попадет ли дорогое французское стекло на аукцион, я на самом деле заботился о том, чтобы Блок узнал о цели моей поездки.

Лишь у подъездной дорожки к замку я сообразил, что Фергюса может попросту не оказаться дома. По любой из тысячи причин. Я ведь без звонка еду, он меня не ждет, мог умотать на выходные куда-нибудь, часто так делает. Или какие другие дела выманили его из замка. И это будет здорово, с трусливым облегчением подумал я. Но тут же устыдился.

Я повернул на подъездную дорожку.

На гравийной кольцевой площадке перед зданием стояло пять машин, в том числе Фергюсов «рейнджровер».

«Боже!» – сказал я про себя.

Я приткнул «гольф» за «бристоль бригендом», стоявшим двумя колесами на гравии, двумя на траве. Подошел к двери, позвонил.

– Прентис! – грянула миссис Макспадден.– С Новым годом!

– С Новым годом!

Только в этот момент я сообразил, что не видел ее в этом году. Мне было позволено чмокнуть гигантскую, точно крепостной вал, щеку миссис Макс.

– Мистер Фергюс дома? – спросил я. *Скажи «нет». Ну, скажи «нет»!*

– Дома, – ответила она, пропуская меня в дверь. – На бильярде играет, должно быть. Я тебя провожу наверх. – И повела по вестибюлю, под навеки остекленелыми взглядами оленьих голов.

– Вообще-то я к нему по личному вопросу, – сообщил я, натужно улыбаясь и часто моргая.

Миссис Макс как-то странно посмотрела на меня:

– Да неужто? Ну, тогда подожди в библиотеке.

– Ага, ладно, – согласился я. Мы прошли через большой зал.

– Правда страшные дела в Персидском заливе творятся? – заорала миссис Макспадден, как будто хотела, чтобы ее услышали на упомянутом театре военных действий.

Я согласился: да, черт-те что. Она меня ввела в библиотеку, дверь в которую находилась через коридор от кухонной, и вышла. Я остался ждать. Здорово нервничал, пытался дышать нормально, но глазам позволял бегать по импозантным корешкам. Ровненько выстроены, по ранжиру. У самого-то дома бардак еще тот. Пахло переплетной кожей и тронутой плесенью старинной бумагой. Я поправил сзади нож: проще будет доставать.

– Прентис?

В библиотеку вошел Фергюс Эрвилл, затворил дверь. На нем – коричневые брюки, «прингловский» джемпер поверх фланелевой клетчатой рубашки, толстые шерстяные носки, спортивные туфли. Черные с проседью волосы он зализал, чтобы не падали на глаза. Он улыбнулся; подбородки растянулись, показав воротник рубашки.

Я откашлялся.

Фергюс постоял несколько секунд, сложив на груди руки. Сказал:

– Что я могу для вас сделать, молодой человек? Я переместился от окна за большой деревянный стол, заполнявший середину комнаты, и положил на него руки, чтобы остановить дрожь. Подлокотники кресла давили на бедра.

– Фергюс, – начал я, – я тут подумал... Подумал, что вы можете знать, где дядя Рори.

Фергюс нахмурился, затем чуть склонил голову, прикрыл один глаз. Не опуская рук, наклонился вперед:

– То есть? Ты про своего дядю...

– Дядю Рори,– сказал я, пожалуй, чересчур громко, зато без ожидаемой дрожи в голосе. И добавил потише: – Мне кажется, вы знаете, где он.

Фергюс выпрямился. Лоб оставался нахмурен, но губы улыбались:

– Ты имеешь в виду исчезнувшего Рори?

– Да,– кивнул я. Во рту пересохло, хотелось сглотнуть, но я боялся выдать волнение.

– Нет, Прентис, я понятия не имею.– Фергюс почесал за ухом и спросил самым что ни на есть заинтригованным тоном: – А почему ты решил, что я могу знать?

Я снова поймал себя на учащенной мигании и аккуратно перевел дух.

– Потому что вы подговорили некоего Руперта Пакстон-Марра слать моему папе пустые спичечные книжки.

Даже лежа на столе, руки предательски тряслись. Я надавил сильнее.

Фергюс качнулся на пятках вперед-назад. На его лице прибавилось и улыбки, и насупленности.

– Руперта подговорил? Что посылать? – Чуть-чуть недоумения, чуть-чуть веселья. И ни малейшей нервозности.

«Господи, что я делаю?» – подумал я. Понятное дело, я не додумался прихватить с собой обложку-другую.

– Обложки от спичечных книжек.– Во рту до того пересохло, что заболело горло.– Со всего мира. Специально для папы: пускай думает, что дядя Рори жив.

Фергюс посмотрел вбок, расцепил руки, сунул их в карманы коричневых брюк. Глянул на меня:

– Гм... Выпить не хочешь?

– Нет,– ответил я.

Фергюс подошел к противоположному от меня краю стола, к деревянной надстроечке вроде кафедры лектора. Открыл дверку, достал лафитник, налил в стакан коричневой жидкости. При этом непрерывно хмурился.

– Прентис...– Он покачал головой и воссоединил графин с пробкой.– Ты меня извини, но я чего-то не вникаю. Что там Руперт посылает Кеннету?.. или посылал?..

– Пустые спичечные книжки. Из гостиниц, ресторанов, баров. Из разных стран.

Он стоял в расслабленной позе, рука в кармане, другая держит стакан. Зато лицо работало «в поте лица»: изображало героическую попытку дотумкать, что же такое несет явно не в себе пребывающий визитер, и одновременно выразить полагающееся сочувствие. Брови, губы, щеки, подбородки ходили ходуном.

– Это должно было убедить папу, что Рори все еще жив,— выдавил я.— Но я думаю, он умер.

– Умер? – Фергюс глотнул виски и кивнул на кресло, возле которого я стоял.— Да ты присаживайся.

– Нет, спасибо.

Фергюс пожал плечами, вздохнул.

– Ничего не понимаю...— На чело вернулась нахмуренность.— Это Руперт тебе такое сказал?

– Нет,— ответил я.

– И ты уверен, что послания приходят не от Рори? – Фергюс пожал плечами.— Не его почерк?

– Вообще без почерка. Пустые.

– Но при чем тут...— Фергюс покачал головой, улыбнулся. Сочувствия на лице теперь было точно вровень с недоумением.— Извини, но я не понимаю, какое отношение это имеет...— Он скомкал фразу, снова работая бровями,— соображал.— Впрочем, погоди-ка. По-твоему, я могу знать, где Рори. Но если он умер...

Он вскинул голову, потрясенно уставился мне в глаза. Я изо всех сил старался не отвести взгляд, однако не преуспел. Потупился, закусил губу.

– Прентис,—тихо проговорил Фергюс, опуская стакан на стол,— я не имею ни малейшего представления о том, где находится твой дядя.— Он сделал паузу.— Руперт – мой старый школьный товарищ. Он журналист, весь мир объездил. Сейчас – в Ираке, между прочим. Временами сюда наезжает пострелять, но я его уже года два не видел. Он не дурак разыграть кого-нибудь, но...— Фергюс снова помолчал, а потом заговорил уже задумчиво: – Как-то раз Рори мне рассказал, что спалил в поместье амбар. Случайно, понятное дело. Когда был совсем маленьким. Может, спичечные коробки с этим как-то связаны?..— Он покачал головой.— Но не думаю, что я об этом мог Руперту рассказать.

У меня кругом шла голова.

– И никакие... записи вам ни о чем не говорили?

– Записи? – Фергюс наклонил голову вбок. – Нет. Чьи записи?

– Рори. О чем-то таком, что вы здесь увидели. С чердака замка.

Увидели и рассказали Рори, когда вы с ним ночевали в охотничьем домике. В ту ночь, когда крысу застрелили.

Фергюс наклонился вперед. На лице появилось откровенное веселье. Вдруг выпрямился и рассмеялся. Взял стакан, заглянул в него.

– Прентис, в твоих словах все меньше и меньше смысла. Мы с Рори и правда однажды провели ночь в охотничьем домике, в поместье. Но там не было... никаких крыс– Он и улыбался, и одновременно хмурился.– И стрельбы никакой не было. Мы и ружей-то не брали, кажется. Рыбачили только в речушках и лоханах.– Он вздохнул с устало-терпеливым видом.– Ты про это где-то вычитал?

– Да,– признал я.

– Где, в папиных бумагах? После его смерти? – Фергюс смотрел на меня чуть ли не с жалостью.

Я кивнул, решив не опускать глаз под его взглядом, и буркнул:

– Типа того.

– Ну и кто тут что увидел? – Он поднес ко рту палец, куснул ноготь, затем подверг осмотру.

– Все это для вас сущая бессмыслица, стало быть? – спросил я.– Ни с чем не связано, ни о чем не напоминает? И Лахи Уотт тут каким боком?

Фергюс явно расстроился. Повертел в руке стакан, допил.

– Прентис, что было, то было, но было давным-давно,—тихо ответил он.

И посмотрел на меня, и во взоре том печаль преобладала над упреком.

– Мы тогда были просто дети. И не всегда ведали, что творим, и не представляли себе, насколько серьезны бывают поступки...— Фергюс опять глянул на порожний швыряльник,– ...совершаемые детьми.

С этими словами он припечатал стакан к столу. Не мне было играть с ним в гляделки. Я потушил очи. Голова шла кругом.

Услышал, как Фергюс перевел дух.

– Прентис,– сказал он,– мы с Кеннетом были очень близки. Дружили. Пускай не всегда сходились во взглядах, но... мы вполне ладили, понимаешь? Твой отец был очень талантлив, отличный друг — поверь, для меня это настоящая утрата. И для тебя наверняка — представляю, что ты пережил. Я ведь и сам потерял родного человека. Это я к тому, что трудно прийти в себя после большого несчастья, требуется время. Внезапная смерть отца или жены — беда страшная. Жизнь не в радость, все видится только в черном свете, верно? Все кругом виноваты. Если кому-то хорошо, то он не прав, и вообще, почему так несправедливо устроен мир? Нервы на пределе, из-за любого пустяка готов на стенку лезть. Думаешь, мне это не знакомо? — Он глубоко вздохнул.— Послушай меня, сынок...

– Дядя Фергюс,– с натянутой улыбкой перебил я его,– извините меня за этот визит. Я веду себя как придурок. Даже не знаю, что на меня нашло...– Я потупился, сокрушенно покачал головой.— В голове такая каша... Да и не высыпаюсь давно.— И с глупой бодростью улыбнулся: — Слишком много телик смотрю, наверное.— Я нарисовал рукой в воздухе кружок, намекая на шурум-бурум в новейшей истории, и закончил: — Вы уж на меня не сердитесь.

Фергюс на миг посерьезнел, потом чуть растянул губы в улыбочке и опять сложил руки на груди.

– Ну да. Наверное, сам уже понял, наш разговор маленько смахивает на бред.

– И это еще слабо сказано,– согласился я и вытер шнобель носовым платочком.

– Выпить точно не желаешь?

Я помотал головой и запихнул сморкалку в карман джинсов.

– Не, спасибо, я ж за рулем. Домой поеду.

– Ну, наше дело предложить.

Он меня проводил до выхода. В дверном проеме похлопал по плечу.

– Не нервничай, Прентис, все уляжется.

– Ага,– не стал спорить я.

– Да, кстати. Не знаю, говорила ли тебе мать насчет...

– Оперы в пятницу? — улыбнулся я. Фергюс тоже улыбнулся, всколыхнув подбородки.

– Значит, говорила.

– Да,– подтвердил я.– Без проблем.

– Ну и слава богу,– протянул он мне руку.– Все будет прекрасно.

Я ее пожал со словами «спасибо, дядя». Он кивнул, и я спустился по парадной лестнице и зашагал по гравиевой дорожке к «гольф».

Фергюс мне помахал на прощание. Вид у него был озабоченно-ободряющий.

«Гольф» вперевалочку скатился с холма; когда дорожка выровнялась, я воткнул передачу и вырулил на узкую асфальтовую ленту, что огибала холм и упиралась в большак между Галланахом и Лохгилпхедом. На перекрестке я тормознул. Посидел маленько. Поднял правую ладонь, взгляделся, плюнул на нее и с силой потер о ляжку. Нож вместе с ножнами выдернул и бросил на коврик перед пассажирским сиденьем. Посмотрел в зеркало заднего вида, там сквозь голые ветви деревьев отсвечивал верх замка – парапеты и серебристый купол обсерватории.

– Суду все ясно, ублюдок,– услышал я собственный голос. И, быстро глянув вправо-влево, с ревом погнал «фолькс» по шоссе.

Когда я добрался до Лохгайра, внутренний двор пустовал, а вторая дверь нашего дома была на запоре. Я поставил во дворе «гольф» и вышел. Руки тряслись, и вообще было самочувствие, будто я капитально вмазал.

Я постоял, усиленно подышал свежим воздухом, послушал птичий гай: над спускающейся к лоху дорожкой кричали чайки, вороны устроили очумелое хоровое карканье в кронах деревьев. У меня колотилось сердце, дрожащие руки сильно потели. Пришлось даже спиной прислониться к боку машины. Я закрыл глаза. Птичья какофония сменилась ревом в ушах.

Господи, подумалось мне, если я сейчас так себя чувствую, каково должно быть Фергюсу? Коли я прав, а он – виноват? Сейчас бы понаблюдать за ним, последить. Да вот незадача: я на ногах едва стою, а уж о том, чтобы поехать снова в замок на машине, и думать глупо. Да и будь у меня на это силы, где набраться храбрости?

Мало-помалу я очухался, но вместо того чтобы пойти в дом, отправился на прогулку по рощицам и холмам и посидел на руине древней стены на пригорке, у пирамиды, возле которой папа однажды рассказал нам, мальчикам, про мифозавров. В пастельных солнечных красках, профильтрованных тонкими облаками, я видел внизу деревья

и лох; между тем ветерок свежел. Снова и снова я «проигрывал» сцену в библиотеке, воспроизводя каждое слово, каждый миг, каждый нюанс тона и фразопостроения, каждую микроскопическую деталь бессознательной жестикуляции и мимики. В обостренном тревогой восприятии тут дело или просто в параноидальной подозрительности, не знаю, да и не суть – главное, что я все запомнил в мельчайших подробностях.

Иногда поведение Фергюса казалось мне совершенно естественным, и тогда все мои домыслы, все предположения становились чудовищно абсурдными. Ну конечно, на этом человеке нет никакой вины, это у меня съехала крыша. Да и будь он виновен, кто я такой, чтобы судить?

А потом вдруг в каждой модуляции его голоса, в каждом жесте начинала сквозить ложь. Все детали по отдельности правдоподобны, но в целом – неестественно. Он отвечал именно той реакцией, какой от него могли ждать. *Правильной* реакцией. Но разве в жизни люди реагируют *правильно*, когда им в лицо бросают *такие* обвинения?

М-да... поди разбери, что тут правильно, а что неправильно. Кто я вам, психоаналитик?

Я до того себя разозлил такими вот раздумьями, что запрокинул голову и заорал в серое небо. Во всю мочь заорал, во весь голос, во всю силу легких и не унимался, пока горло не заболело. Потом корчился и кашлял, брызгая слюной, роняя слезы и надеясь, что никто меня не видит и не слышит. Парочка ворон точно услышала: откликнулись из рощи грубым карканьем.

Однако мне полегчало, и радикально.

Я выбрал местечко, чтобы наблюдать за дорогой и за домом, и прождал там, пока не появилось со стороны Галланаха мамино «метро» и не свернуло, мелькнув среди голых дубов зеленым призраком, с автострады на нашу грунтовку.

* * *

Пожалуй, в тот вечер я был чересчур необщителен, чем огорчил маму и Джеймса. Почти безвылазно просидел в папином кабинете: читал и перечитывал три дядиных текста, о нем самом, о Фергюсе, о

тете Фионе и о Лахлане Уотте. Проглядел некоторые дневники – информативно-бедные до скрежета зубовного. Включил «Компак», вывел на экран набранное утром письмо.

При этом я пил виски, начавши сразу после ужина. В конце концов чуть не залил «Компак».

И вообще, я устал сидеть, заболели глаза от чтения с экрана. Так что я погасил маленькую настольную лампу с зеленым абажуром и перебрался на диван, к торшеру, прихватив бумажки. Телевизор при этом работал, только почти все время без звука, я лишь изредка смотрел новости из Персидского залива. Примерно в полдвенадцатого я услышал, как Джеймс отправился спать. К двенадцати заглянула мама – пожелать спокойной ночи.

Проснулся я чуть позже двух. На груди балансировал стакан, в глаза будто песку насыпали. Допил виски, даже не ощущая вкуса, и перебрался на кровать. Глотнул еще воды и заснул как убитый.

* * *

Когда я снова пробудился, часы показывали 4:14. Состояние мочевого пузыря на тот момент вроде бы не исключало возможности спокойно спать дальше. Да и вообще мочевой пузырь не имел привычки беспокоить меня по таким пустякам. Я полежал, внимая постукиванию дождевых капель по окну спальни. Может, это они виноваты? Повернулся на бок – будем дрыхнуть дальше. Тут я обеспокоился: а выключен ли компьютер? Как будто бы выключал, но точно не помню. Да и фиг ли, подумал я, ничего с ним не случится.

Все же мочевой пузырь давал о себе знать. Я вздохнул, слез с кровати, халат искать не стал, хотя в доме к утру стало довольно холодно. В коридоре светился оранжевый ночник. Я решил не бить по глазам верхним светом и по большей части ощупью пробрался знакомым путем к санузелу.

Устроился в потемках на унитазе – опыт подсказывает, что при утренней слабой эрекции лучше писать сидя.

Я улыбнулся, вспомнив Льюисовы пассажи на тему «легко ли отливать при полной эрекции и полном мочевом пузыре». Спустил воду из бачка, вымыл руки, попил из крана. Судя по запаху из

коридора, мама недавно отлакировала очередную деталь клавиатура. Я потащился обратно в кабинет.

Когда отворил дверь, с трудом удалось различить контуры стола и «Компака» в противоположном конце комнаты. Я не слышал компьютерного вентилятора, не видел огоньков на системном блоке, но все-таки направился в ту сторону. Постоял, прислонившись к дереву и коже кресла, наклонился вперед, нажал кнопку извлечения дискеты – известное дело, при выключении компа лучше не оставлять в нем флопа. А флопа в пазу и нет. Я зевнул, потянулся и дотронулся запястьем до стеклянного абажура настольной лампы. Теплый...

На темном экране монитора тлел красный уголек: отражение неонки стоящего в другом углу телевизора. Так я его, стало быть, не выключил...

Я вдруг обмер. Сна не осталось ни в одном глазу.

Почему у лампы теплый абажур?

Алая крапинка на экране мигнула, словно кто-то на миг заслонил телевизор.

Уловив за спиной движение, я в ту же долю секунды отпрянул от стола. Падая навзничь, успел заметить, как что-то темное пронеслось перед лицом. Раздался короткий хруст.

Кто-то – всего лишь силуэт во мгlistом кабинете, куда только из коридора проникало чуть-чуть света ночника, – неуверенно выдвинулся вперед, убрал нечто длинное, черное, тонкое с ушибленной спинки кресла. В тот миг, когда я соприкоснулся лопатками с ковром, неизвестный начал поворачиваться. Я пнул в ближайшее колено – эх, кабы в «мартенсе» была моя ступня! Да хоть бы и в «найке»!

Попал. Ночной визитер крякнул от боли.

Голос вроде мужской. Недруг пошатнулся, но тут же попер на меня, поднимая руку. Я перекатился, со всей остротой вдруг почувствовав себя голым и уязвимым. Наверху – грохот: металл и стекло. Я перевернулся на живот, уперся ладонями в пол, вскочил.

С потолка рушилось. Что-то глухо припечаталось к полу там, где только что лежал. Я теперь был сбоку от неприятеля; он, шатаясь, подался вперед, поднял фомку, или чем он там отоварил половицу. Я саданул ногой, надеясь попасть в почку, а потом смотрел, как он кренится на бок. И тут меня шандарахнуло по макушке и по плечу, оглушило. Я шатнулся, ступня на ковре задела что-то твердое. Пока я

стоял, качаясь и бестолково размахивая руками, из коридора хлынул свет и я смог кое-что разглядеть. Весь в черном. Перчатки, вязанный шлем. А комплекция...

– Дядя Ферг? – услышал я чей-то шепот. Похоже, что свой собственный.

– Прентис? – донесся откуда-то издали, из коридора, встревоженный женский голос.

Типчик напротив меня заколебался, но лишь на миг. Рука вскинулась. Я терял равновесие. Засеменил назад, чтобы не упасть, но не вышел трюк. Я обрушился на картотечный шкаф.

– Прентис! – закричала где-то вдали мама. А потом: – Джеймс! Назад!

Черный глянул в коридор, туда, где горел свет. Я уже почти завалился рядом со шкафом, но в последний момент ухватился за какие-то ящики, оглянулся на оставшегося посреди комнаты черного. В дверях – возня, с потолка сыплются искры. Я нашел опору в виде книжной полки, а на ней нащупал нечто ухватистое и увесистое. То ли пепельница, то ли ваза. Швырнул, услышал, как попало в туловище и отскочило на пол. Незванный гость – всего на секунду-другую, но мне показалось вечностью – нерешительно застыл, глядя то на меня, то в коридор. Где-то стукнула дверь, или мне послышалось? Нечленораздельно завопив – в точности как днем на холме, – я от полок, мимо картотечного шкафа, ринулся к столу, навалился на него животом и грудью, а черный устремился, снова заноса руку, мне навстречу. И пока его рука опускалась, я сгреб клавиатуру, выдернул из гнезда и изо всех сил обрушил ее на непрошеного посетителя.

Треск был ужасающий – словно гроза, землетрясение и короткое замыкание на высоковольтной линии слились в дружном хоре. Все до единого стекла в окнах отозвались непривычным уху дребезжанием. Я стоял в темноте с пустыми руками, моргал, а черный неуклюже топал прочь, заслоня собой свет.

Самочувствие у меня было – словами не передать. Руки, ноги и голова ныли и дрожали, но, ощупав последнюю, я крови не обнаружил. Звякнул телефон на столе, я снял трубку, обалдело поднес к уху.

– Вы какую службу вызываете? – спросил мужской голос.

– Полицию! – услышал я мамин крик.

– Извините.– Я положил трубку, оттолкнулся от стола, выпрямился. Споткнулся о бледные останки клавиатуры. Буквы, точно выбитые зубы, россыпью валялись округ. Нога наткнулась еще на что-то; я наклонился и поднял длинную железку. Кое-как вскарабкался по лестнице, но лишь увидел захлопнувшуюся входную дверь.

Вновь закружилась голова. Я поплелся в кухню, обнаружил сломанный замок в двери, а на столе две красные канистры, полные бензина. Выглянул в коридор, не выпуская из руки железку, тяжесть которой начал ощущать только теперь, и крикнул:

– Мама! Мам, все в порядке. Кажется...

Тут пришлось сесть, потому как череп вдруг превратился в колокол, а слово «язык» применительно ко мне поменяло свое значение. В ушах зазвенело. Я положил на кухонный стол ладони, а на них положил голову и подождал, пока в ней угомонится эхо.

– Добро пожаловать в Аргайл,– сказал себе я.

Вспыхнул мучительно резкий свет. Мама принесла мне халат, набросила на плечи полотенце, дала переслащенного чаю. Помнится, я думал тогда о переслащенном чае и о папиной смерти и бубнил про флаг в своей ноге, а мама промывала мои ссадины и заклеивала их пластырем, и я недоумевал, чем это она так расстроена и почему у Джеймса испуганное лицо.

Вскоре приехали полицейские. Они мне показались такими большими, такими важными. Задали уйму вопросов. Позже наведалься доктор Файф – растрепанный и под хмельком, явно еще не ложился, и я, помнится, выспрашивал, как у него дела-делишки, не шалит ли сердчишко.

Глава 18

Мы сидели на парапетах. Я устроился лицом к холодному северному ветру. Ждал головокружительного дежа-вю, но не дождался. Может, слишком много всего случилось за последнее время, а может, его, времени, прошло слишком мало.

* * *

– Ну, или какой уж там есть языческий вариант того же самого, – сказал Льюис. – Соглашаешься?

– Конечно. – Я опустил глаза на торчащее из складок старой фамильной шали розовое пятнышко. У Кеннета Макхоуна закрыты глазки, личико такое сосредоточенное, будто сон – это важнейшее и вполне осознаваемое занятие. Одна ручонка под подбородком – большой палец с мой ноготь. Пальчики неспешно шевелятся, как морской анемон в подводном течении. Я покачивался вместе со спящим ребенком и приговаривал: «Баюшки-баю...»

Я посмотрел на сидевшую подле Льюиса, обнимая его за талию, Верити. Она на секунду отвела взгляд от личика сынишки.

– Дядя Прентис, крестный. – Улыбнулась. – От такого предложения только законченный грубиян откажется.

* * *

– У каждого человека, Прентис, свой индивидуальный спектр поглощения. – В соларе замка Дайана Эрвилл достала из выставочной витрины блюдо резного стекла (фирма «Корнинг гласс уоркс», первая четверть века) и, протерев его микроволокнистой салфеткой, осторожно вручила мне. Мы оба, перед тем как прийти сюда, надели белые перчатки. Я взял блюдо, похожее на огромный кристалл льда с излишком осей симметрии, и поставил на стол, на самый верхний лист упаковочного пенополистирола. Завернул края, расправил поверх

блюда, переместил в большую коробку, закрыл крышкой, поднял оставленную на столе Дайаной карточку и прилепил ее к коробкиному боку, на видное место. Отнес к двери, водрузил на пятерку ранее наполненных и составленных вертикально коробок. Всего в такой колонне их должно быть шесть – первая партия готова.

– Спектр поглощения? – скептически переспросил я, когда мы начали заново всю процедуру, на этот раз с кувшином из горного хрусталя, продукцией «Фритше Энтзоргунг».

Дайана, в бейсбольных бутсах, черных теплых трениках и хлопчатобумажной спортивной фуфайке с надписью «Ю-Си-Эл-Эй»^[110], кивнула головой с «конским хвостом»,дохнула на кувшин, протерла.

– Люди много чего поглощают. Чужие интересы и все такое. Если спектр твоей жизни принимает другого человека, принимает все то, во что он верит, чем интересуется, в чем участвует, ну, и так далее, то для тебя спектр такого человека будет вроде звездного, полоска из мягко переходящих друг в друга красок, от фиолетовой до красной, с черными линиями – там, где человек поглотил нечто значительное для него...

– Что за астрономическое воображение! – ухмыльнулся я.— Дайана, тебе на Мауна-Кеа кислорода точно хватало?

– Это просто излюбленная тема, Прентис. Лучше, чем верить в кристаллы.– Она вручила мне тщательно протертый кувшин.

– Так-то оно так, но все-таки это не по-калифорнийски.– Я наполнил тонкий резной хрусталь пенополистироловыми горошинами из другого гигантского мешка. Помнится, при этом я широко улыбался.

* * *

Дайана крикнула, хрусталь запел в ответ. После мы обменялись сигналами.

* * *

– Ты мне эти листы сложить сможешь?

* * *

Утром после лохгайрских приключений я сидел за обеденным столом, а на голове у меня было нечто вроде тюрбана. Состоял он из запаянного контейнера с водой, предназначенной для заморозки, и полотенца.

Я подписал заявление.

– Спасибо, сэр.

– Дэви, какой я тебе сэр?

Констебль Дэвид Маккром – мой бывший одноклассник, и говорить ему «офицер» я так и не приучился. Он носил прозвище Рябой, но произносить оное в его присутствии было бы чересчур фамильярно.

– В привычку вошло, извини, Прент.– Он сложил бумаги в папку и встал.

Дэвид выглядел возмутительно свеженьким и чистеньким – похоже, служба в полиции творит с кожей чудеса. Взял со стола фуражку, повернулся к моей маме:

– Ну, пока все, миссис Макхоун. Я еще приеду, но если понадобится что-то срочно сообщить, обратитесь к любому офицеру. Если у нас будут новости, дадим знать. Вы как себя чувствуете, миссис Макхоун?

– Спасибо, Дэви, хорошо,– улыбнулась одетая в джинсы и толстый джемпер мама. Под глазами у нее залегли темные круги, но в целом она и правда выглядела неплохо.

– Ну, тогда до свидания. Ты, Прентис, с головой поаккуратнее.

– Буду беречь, как родную,– пообещал я, поправляя тюрбан.

Эксперты остались в кабинете: искали «пальчики». Авось им повезет. Я выглянул в окно: два полисмена обшаривали кусты у двери в кухню.

Гм, а ведь о нас неплохо заботятся. Вот уж не думал, что какая-то драчка в бедном поместье будет расследоваться столь усердно и тщательно.

Может быть, я и в самом деле неоправданно циничен?

У меня болела голова. Ноги – тоже. И пальцы рук. Что интересно, в прямом боевом контакте с противником я практически не пострадал. Голова – это когда большущая и тяжеленная люстра сверзилась, одним бронзовым рожком угостив меня по кумполу. Осколками я порезал босые ступни, когда скакал по кабинету. Пальцы болят после удара компьютерной клавиатурой о стальную монтировку.

После бегства ночного визитера ящики стола оказались выдвинуты. Спинке кресла здорово досталось от монтировки, настольная лампа не пережила встречи с этим же инструментом и с люстрой, клавиатура «Компака» была разбита вдребезги, а кухонная дверь нуждалась в новом замке. А я бы, пожалуй, не отказался от замены головы.

Но украдено не было ничего, хотя все бумаги, с которыми я возился ночью и которые оставил рассыпанными по дивану, обнаружились сложенными в аккуратную стопку на углу стола, а венчало их пресс-папье. Конверт, что накануне утром лег в верхний выдвижной ящик, никуда не делся. Полицейские в него не заглядывали. Если не считать разгрома и противоречащего ему порядка. Оставалось только ломать голову, зачем являлся тип в черном: чтобы устроить погром или, напротив, приборку. По крайней мере, версия кражи мне самому казалась сомнительной. Тем более что злоумышленник оставил кое-что после себя, а именно: канистры с бензином и монтировку.

Я было хотел позвонить Фергюсу, спросить, как самочувствие, хорошо ли спалось. Но мама окружила меня такой заботой (доктор Файф сказал, что за мной необходимо день-другой присматривать, не давая переутомляться), что я оставил надежду остаться на несколько минут наедине с телефоном. Да и расхотелось искать новые приключения на свой зад, честно говоря.

Мама и док спрашивали, не догадываюсь ли я, кто мог вломиться ночью в дом. Я ответил, что не догадываюсь. Вообще никому ничего не сказал.

Да и что я мог сказать?

Я нисколько не сомневался, что приходил Фергюс. Во-первых, телосложение подходящее, во-вторых, я бы мог поклясться, что он запнулся, когда я произнес имя. Но убедить кого-нибудь в моей правоте не представлялось возможным.

Я покачал головой, сморщился – больно. И поделом дураку. Как же это я ухитрился не предположить, что обвиняемый попытается выкрасть или уничтожить улики? Затмение, что ли, нашло?

– Да,– признал я. Кстати, а что это за улики?

– Ты про это где-то вычитал? – прошептал я, вспомнив вопросы Фергюса.– Где, в папиных бумагах? После его смерти?

Бли-ин! Меня аж в краску бросило от своей наивности.

Мама все хлопотала надо мной, и к вечеру ощутимо полегчало.

* * *

После того как эксперты закончили в кабинете, я сделал копии со всех бумаг Рори, хотя для этого пришлось подтянуть к фотокопировальному устройству кресло и сесть в него. А затем, прежде чем уехала полиция, я кое-как уговорил маму съездить в Галланах и сдать упакованные оригиналы на хранение в банк. Она вернулась с новым замком для кухонной двери. Увы, не удалось внушить маме мысль, что сейчас было бы очень полезно отдохнуть где-нибудь несколько деньков, например в Глазго. Когда она ненадолго вышла, я позвонил Дину Уотту и спросил, не желают ли они с Томасом Танком недельку пожить в Лохгайре. Танк, приятель Уоттов,– это тихий, спокойный парнишка двухметрового роста да метр поперек. Однажды я видел, как он нес пару шпал, по штуке на плечико, и даже не взопрел.

Джеймс, утром бывший в ужасе оттого, что из-за допроса пропустил два урока в школе, к четырем вернулся, лучась гордостью. Свое участие в ночных событиях (по моей версии, оно ограничилось высовыванием головы из спальни в коридор и беспрекословным подчинением маминому приказу вернуться и закрыть дверь) он, видимо, истолковал весьма вольно, так что в классе его сочли героем. Вероятно, речь шла о том, что Джеймс в одиночку расправился с отрядом ниндзя, ухитрившись при этом не разбудить меня и маму.

Я сказал маме насчет Дина и Танка, но она идею не одобрила, позвонила Дину и отказалась от запрошенной мною охраны. Ей было достаточно обещания полицейских несколько ночей присматривать за

домом —будет приезжать патрульная машина. Меня это мало успокоило, однако я решил не спорить.

Наш сосед мистер Дохерти, восьмидесятилетний сморчок с седыми космами, прибыл к пяти часам с любимым дробовиком и намерением ночевать. «У меня-то самого тырить нечего, миссис Макхоун, я уж лучше присмотрю, чтобы вас и пацанов никто не обидел. Наши-то, лохгайрские, по домам не шалят, не иначе, из Глазго хулиганы заявились».

Мама его поблагодарила, но услуги ночного сторожа отвергла. Впрочем, совсем уж огорчать старика не решилась: попросила вставить новый замок.

Льюис, услышав по телефону о случившемся, хотел все бросить и приехать, но мама и его отговорила – мол, все уже в порядке.

Я от волнения не находил чем заняться. Додумался позвонить в замок и поведать миссис Макспадден о своих ночных приключениях. Имени Фергюса, естественно, не упоминал, но дважды сказал, что налетчик явился за бумагами Рори, а теперь они скопированы и хранятся в банке. «В банке? – переспросила она, едва не оглушив меня через телефон.– Это ты, Прентис, хорошо придумал».

Я справился насчет Фергюсова жителя-бытья, миссис Макс ответила, что все у него хорошо, нынче с друзьями отправился на рыбалку.

Что удивительно, ночью я спал как убитый. Джеймс потом сказал, что дважды видел на подъездной дорожке огни фар. Мне надо было ехать на прием к доктору Файфу, но мама за руль сесть не позволила, сама меня повезла в Галланах. Зато доктор разрешил вечером вернуться в Глазго, с условием, что я поеду поездом и в сопровождении друзей.

Все же я еще одну ночь провел в Лохгайре и рано утром уехал на машине, прихватив скопированный архив Рори. Из Глазго рассказал об этом по телефону миссис Макспадден и узнал, что Фергюс собирается на днях ехать в Эдинбург. Тут меня укусила непонятно какая муха, и я брякнул о своем намерении через денек-другой пойти в полицию – мол, вспомнил некоторые подробности ночного нападения, но сначала должен сам кое-что проверить.

* * *

Я снова ездил в университет, сидел на лекциях, ходил, прихрамывая, из аудитории в аудиторию. И в понедельник, и во вторник болела ушибленная голова, но все равно я геройски набивал ее знаниями. Обязательно запирал на ночь дом миссис Иппот, закрывал все ставни. Каждый день трижды, а то и четырежды звонил маме. Она сказала, что Фергюс, узнав о происшествии, прислал ей громадный букет. А еще он звонил из Эдинбурга и советовал оснастить дом электронной охраной, он-де знает в Глазго фирму, где, если сослаться на него, дадут скидку. Ну, разве не милашка? Да, я совсем забыл: мама с Фергюсом все-таки приедут в пятницу в Глазго и пойдут в оперу. «А ты не надумал идти с нами, Прентис?»

Естественно, я сказал «нет».

Точно в трансе, я положил трубку. Мысли рождались во множестве и неслись вскачь, но совершенно в разные стороны, зачастую кружа и сталкиваясь лбами. Что происходит, мать вашу за ногу? И как я должен себя вести в этом кошмарном сне наяву?

* * *

Ну и, естественно, я следил за военными новостями, как и положено добропорядочному потребителю массовой информации.

А она была нашпигована цензурированными штампами. Читаешь ли ты газету, смотришь ли телевизор или слушаешь радио – обязательно наткнешься на ту или иную вариацию изречения «на войне первой гибнет правда». Как ни парадоксально, сей трюизм сделался пропагандистским орудием, подразумевая, что вояки, политики и журналисты на поприще правды в известных обстоятельствах не могут не смотреть сквозь пальцы. И, положив руку на сердце, подобные обстоятельства нередко складываются даже в самые что ни на есть мирные времена.

Я напряженно думал: как не допустить, чтобы в пятницу мама встретила с Фергюсом? Может, сказать больным? В принципе это несложно устроить и по-настоящему. Еще можно обнаружить в

договоре об аренде пункт, по которому мне запрещено оставлять гостя на ночь. А еще может вырубиться электричество из-за сбоя в компьютере. Утечка газа. Серьезные повреждения несущих конструкций под тяжестью картин, зеркал и люстр. Да все, что угодно.

Во вторник около полудня я решил, что завязываю следить за войной, иначе история, которую я проживаю, помешает мне защитить диплом спеца по истории уже состоявшейся. Вечером во вторник позвонила Эш, я ей рассказал обо всем случившемся – и в замке, и в Лохгайре. Она не нашлась с дельным советом, сказала, что мне, наверное, следует обратиться в полицию. Приглушенным голосом добавила: у самой дела в последнее время не шибко ладятся, но подробнее она рассказывать не может.

Ее голос вызвал во мне бурю противоречивых чувств, наполнил воодушевлением и одновременно низверг в пучину отчаяния. Хотелось закричать: «Выслушай меня, женщина! Я в тебя, кажется, влюбился. Да, влюбился...» Иначе как этими выкриками выразить свои чувства я бы не смог, а потому и выражать не стал. Да и не был уверен на все сто, если честно. А и был бы уверен, вряд ли осмелился бы. Создалось впечатление, что не эти слова ей хочется услышать. У любого человека иногда возникает желание затихариться, пожить в мире простом и спокойном, остыть малость.

И вообще, разве не смешно, если какой-то чмошник вчера распускал перед тобой сопли и требовал сочувствия, а сегодня клянется в любви до гроба? Я бы на месте Эшли вряд ли поспешил связать с таким придурком свою судьбу.

Так что разговор получился не слишком связным. Под конец у меня у самого настроение упало до нуля. Расспрашивать Эшли о ее победах на любовном фронте я не стал.

Трубку я клал с тем же чувством, которое испытал год назад, когда после новогоднего кутежа ехал из Галланаха в Глазго и застрял в Лохгайре. Вспомнив, каким я был тогда позорным трусом, едва не схватил трубку, чтобы позвонить Эш. Даже протягивал руку пару раз, и корчил глупые гримасы, и вслух убеждал себя поступить, как подобает мужчине, но было страшно, да и что я услышу в ответ, еще неизвестно... Чего гадать, позвони и узнаешь, а так будешь мучиться. Звони! Сейчас же!

Я, конечно, не позвонил.

Ведь у меня были более срочные дела. Почти с оргазмическим облегчением я вернулся к учебе. От одной мысли, что прошлое можно принять или отвергнуть, мне захотелось его принять. Настоящее слишком уж нагло ломилось в двери – значит, грех не дать ему отлуп.

Таким образом, все как бы вернулось в привычную колею... Правда, было у меня подозрение, что это ненадолго.

* * *

В пятницу, 23 января 1991 года, в середине дня, Фергюс Уолтер Круден Эрвилл выехал из Гайнем-касла на своем «рейнджровере» и двинулся к северу через город Галланах и деревню Килмартин, миновал замок Карнассери и древнюю пирамиду из камней возле Кинтроу, пересек узкую пойму Барбрек-ривер перед Лох-Крейгниш, снова направился в глубь острова, выехал к морю уже за Мариной Крэоб-Хейвен, затем по дуге проехал мимо деревни Ардуайн, обогнул Лох-Мелфорт, оставил позади Килмелфорд, углубился в лес, протянувшийся до Глен-Гэллайн, а затем его берегом добрался до Лох-Феохан и петляющей от него к Обану дороги. «Рейнджровер» около часа проехал через город и устремился дальше на север, к Коннелу, там перед Фолс-оф-Лора дождался разрешающего сигнала светофора, двинул по мосту, помотался по развязкам и наконец свернул с шоссе на грунтовку, которая привела к берегу, к узкой взлетно-посадочной полосе коннельского аэродрома.

Фергюс Эрвилл оставил «рейнджровер» на автостоянке возле летного поля. Поговорил с чинившим забор вокруг парковки мистером Керром, жителем деревни Бендерлох, расположенной в паре километров от аэродрома. Мистер Эрвилл изъявил желание воспользоваться телефоном в строительном вагончике, служившем здесь контрольно-диспетчерским пунктом. Мистер Эрвилл, по словам мистера Керра, пребывал в приподнятом настроении и сообщил, что собирается слетать на какой-нибудь остров в архипелаге Внешние Гебриды (Говнюшные Ебриды, его точные слова), где живет его старый школьный друг. Есть идея преподнести этому другу сюрприз в виде бутылки виски – как запоздалый новогодний подарок. Мистер Эрвилл продемонстрировал мистеру Керру бутылку «Баумора» в

небольшом кожаном саквояже, где также находились кое-какая одежда и туалетные принадлежности. Ничего необычного во внешности и поведении мистера Эрвилла мистер Керр не заметил, если не считать пары болезненных гримас и странного пожевания. Керр спросил, все ли в порядке, Фергюс ответил утвердительно – разве что побаливает одно-два ребра, но это ерунда, старая травма.

Миссис Элиза Макспадден, управляющая в замке, показала, что мистер Эрвилл накануне вечером жаловался на боли в груди и принял две таблетки парацетамола. Упаковку таких же таблеток он взял с собой утром в машину. Сказал, что уезжает дня на два, и, уже садясь в машину, попросил – в приступе гуманности, очевидно, – чтобы в пятницу миссис Макспадден не готовила свой «фирменный» суп «куллен скинк»^[111]. Он пообедает в Глазго с миссис Мэри Макхоун, перед оперой. Позже в Глазго, в ресторане «Колониаль», подтвердили, что на пятницу был заказан столик на двоих и заказ делался от имени Эрвилла.

Когда мистер Эрвилл покинул пункт управления полетами, времени было около половины второго. Майкл Керр помог ему проверить исправность «Сессны». Самолетик вырулил на полосу, разбежался и взмыл при скорости юго-западного ветра пять узлов, при хорошей видимости, при высоте облаков пять тысяч футов. Прогноз погоды обещал усиление ветра к вечеру, но в ближайшие дни сохранится хорошая видимость, а ветер будет южный, устойчивый и не сильнее трех-четырёх узлов.

* * *

«Сессна» была замечена радаром с острова Сент-Килда, с английской военной базы. Самолетик вторгся в запретное воздушное пространство – нечего гражданским соваться туда, где ведутся испытания ракет. Он летел на высоте 2000 футов, с пеленгом 320e, то есть держал курс на Исландию. На радиозапрос с земли ответа не поступило, и «Нимрод» из состава английских ВВС, патрулировавший над Северной Атлантикой, получил приказ идти на перехват.

«Нимрод» вошел в зону визуального контакта в 15:16 по Гринвичу. Сбросил скорость, полетел конкурсное и почти впритирку, чуть выше и с минимальным опережением. Так продолжалось 25 минут, при этом военные не оставляли попыток добиться визуального или радиоконтакта с пилотом. Экипаж «Нимрода» докладывал, что единственный человек на борту гражданского воздушного судна находится на пассажирском сиденье, но, судя по его позе, пребывает в бесчувственном состоянии.

В 15:41 по Гринвичу зачихал мотор «Сессны» – скорее всего, закончилось топливо – и самолетик начал терять высоту. Не прошло и минуты, как мотор заглох. Самолет клюнул носом, отчего пилот навалился грудью на приборную панель, и сорвался в крутое пике, перешедшее в штопор. В 15:43 произошло падение в воду.

«Нимрод» сделал круг, сбросил спасательный плотик и сообщил на ближайший корабль координаты места катастрофы. Через двадцать минут учебный летательный аппарат затонул, на поверхности почти не осталось обломков. Утром подошел восточногерманский траулер, подобрал пустой спасательный плот.

По докладу экипажа «Нимрода», человек, находившийся на борту «Сессны», ни разу не проявил признаков жизни.

* * *

– Алло?

– Прентис?

– Слушаю. Это...

– Это Эшли. Только что про Фергюса услышала.

– Эшли! А... да. Я еще днем узнал. Собирался тебе позвонить, а рабочего номера-то и нет.

– Ну, и?

– Что – «ну, и»?

– Что-нибудь имеешь сообщить, помимо прозвучавшего в новостях?

– Ну... мама поехала в замок к миссис Макспадден, спросила, не надо ли помочь. Говорит, та будто контуженная. Все про суп говорит.

– Про суп?

– Про суп. Конкретно, про «куллен скинк».

– О господи!..

– Похоже, Фергюс уезжал в прекрасном настроении, только накануне ночью у него грудь побаливала. Утром двинул в Коннел, типа, собирался лететь на Гебриды, там его старый чувак живет. А последняя новость – он ныряет в Атлантику и забывает всплыть. Без сознания был, точно.

– Гм... Ну, и что ты обо всем этом думаешь?

– Да ничего не думаю. Мама у миссис Макспадден спрашивала, к кому именно направлялся Фергюс, а та —без понятия. Ее наверняка уже и полицейские на этот счет спрашивали – они ведь обещали провести расследование.

– Слышала, слышала... Думаешь, сердечный приступ?

– Да кто ж его знает. Гм...

– Чего?

– Миссис Макспадден говорила, вечером накануне Фергюсу кто-то звонил. Она первой взяла трубку и позвала его.

– Да? И что?

– Это был явно шотландец, но звонил по международному, через спутник. Миссис Макс голос показался знакомым, но она не ручается.

– Знакомый голос? Гм...

– Да. Как ты думаешь, она знает Лахи?

– Да. Точно, знает. Оба в «Яке» за стойкой впахивали, лет этак... двадцать назад.

– Ага!

– Так-таки и ага?

Я набрал полную грудь воздуха.

– Вот что, Эш. Я тебе хочу сказать... Послышался неприятный фоновый звук.

– Блин! Это дверь. Что? Из меня вышел весь воздух.

– Да так, ничего. Береги себя, Эш.

– Ты тоже себя береги. Пока.

Я положил трубку, поднял взгляд на алебастровые сталактиты, из которых состоял узорный потолок в кабинете, и завыл по-собачьи.

* * *

23 сентября в 13.25 блюстители закона в Глазго получили ценную информацию. Кто-то позвонил в управление стратклайдской полиции и стукнул, что в Лох-Койлл-Бхаре, находящемся чуть южнее аргайлширской деревни Кринан, банда наркоторговцев прячет кокаин. Неизвестный доброжелатель оказался щедр на подробности: речь шла о водонепроницаемых пластмассовых капсулах со строго отмеренными дозами «снежка», партии доставляются с континента под водой, буксируемые яхтами, и переправляются в озеро, где ждут прибытия наркодельцов из Глазго.

В тот же день лох был оцеплен. Полицейские аквалангисты ныряли в его южной половине до утра, а их товарищи в лодчонках орудовали баграми.

Никаких капсул с кокаином они не обнаружили, но зато на второй день лодочный якорь зацепился за что-то тяжелое. Ко дну отправился ныряльщик, чтобы освободить плененную какой-нибудь корягой снасть. Вскоре он вернулся и доложил, что якорь зацепился не за корягу, а за колесо мотоцикла, к которому привязаны человеческие останки.

В тот же вечер мотоцикл вместе с трупом оказался на суше. Труп частью разложился, частью был съеден рыбами – кости не рассыпались только потому, что находились в одежде. Каковая также сильно пострадала, но все же позволяла определить мужской покррой. Все же полицейские не спешили с выводами насчет половой принадлежности скелета. Эту задачу пришлось на следующий день решать судмедэкспертам в Глазго.

Вскоре выяснилось, что мотоцикл «сузуки-185GT», растаможенный в Великобритании в 1977 году, числится в угоне по заявлению его владельца с 1981 года. Мотоцикл был одолжен этим жителем Глазго другу, который уехал на нем и не вернулся. Уже одно это пикантное обстоятельство могло бы натолкнуть полицейских на мысль о визите к нам. Впрочем, в Лохгайре нашелся памятный констебль, он, узнав насчет марки мотоцикла, живо сложил два и два.

На утопленнике не обнаружили никаких документов, но установить его личность помогла стоматологическая экспертиза – в одной клинике сохранились сведения о его зубах. Это был дядя Рори.

На скелете был мотоциклетный шлем, надетый, как показало следствие, уже после гибели. Смерть наступила от серии ударов по

затылку, нанесенных твердым гладким предметом полусферической или сферической формы, диаметром приблизительно девять сантиметров. Вероятно, дядя потерял сознание после первого же удара.

В конце февраля коронер разрешил родственникам покойного забрать останки, и кости дяди Рори вернулись наконец в Лохгайр и были захоронены в саду под лиственницей, среди рододендронов и шиповника, рядом с могилой брата. На черном мраморном обелиске добавилась табличка с именем и годами рождения и смерти Рори, и были справлены поминки, на которых присутствовали ближайшие родственники и Дженис Рэй. Я почему-то счел уместным в своей прощальной речи произнести слова из безымянной пьесы, которыми Рори собирался, по всей видимости, завершить «Воронью дорогу»: «Все твои правды и все твои неправды...»

Дженис всплакнула.

Я заметил Льюису, что похороны в нашей семье с каждым разом обходятся все дешевле – этак, глядишь, на самих когда-нибудь здорово сэкономят.

Кажется, я его задел за живое. А может, он просто позавидовал, что не сам додумался до этой хохмочки.

Фактически уголовное дело не закрывалось, полиция якобы разыскивала убийцу Рори. На деле же она только быстренько опросила маму, Дженис и Энди Никола, бывшего дядино соседа по квартире. Так и не довелось мне узнать, насколько круты в своем ремесле наши Шерлоки.

* * *

В последнюю неделю января фирма, где подвизалась Эшли Уотт, получила статус банкрота. Эш очутилась на улице, но из города не уехала: решила найти другую работу.

* * *

Война закончилась славной победой. Мальчишек уйма погибла только с той стороны, да поговаривали, будто Дядя Сэм таки мал-мала наварил на этой затее.

* * *

У Верити родился ребенок – точно в назначенный день второго марта. Случилось это в Лондоне, в теплом родильном отделении крупной больницы. Мальчика зарегистрировали под именем Кеннет Уокер Макхоун. Он весил три с половиной кило и был похож на отца.

Через две недели Льюис, Верити и юный Кеннет переехали в Лохгайр.

* * *

Адвокат Блок 8 марта в Гайнем-Касле огласил завещание Фергюса Эрвилла. Меня попросили присутствовать, и я поехал поездом – «гольф» находился в ремонте. В пути я испытывал горечь и страх.

Хелен и Дайана в траурных нарядах выглядели потрясающе. К тому же обе приехали загоревшие: Хелен из Швейцарии, Дайана с Гавайев. Они сидели рядышком под высоким потолком солара и слушали приятные новости: что унаследовали поместье, за исключением отдельных стеклянных предметов искусства, ныне содержащихся в замке, каковые предметы (об этом близняшки уже знали) передаются в дар музею при фабрике «Галланахское стекло».

Миссис Макспадден сидела сгорбившись, закрыв лицо ладонями и плача – ну тихоня тихоней, бывает же такое! Ей доставалась сумма в 25 000 фунтов, а также на выбор: дальнейшее проживание в замке или получение отступных (еще 25 штук), если она согласится освободить помещение для близнецов или их родственников.

Фергюс наказал, чтобы его похоронили в саду при старом замке, чем поставил душеприказчика в тупик – тела-то не нашли! Потому было принято соломоново решение: поставить в саду обелиск, а церемонию прощания с покойным устроить позже в Галланахе.

«Рейнджровер» доставался дочерям Фергюса, а вот «бентли-8» отписывался моему отцу. После его смерти Фергюс изменил завещание по подсказке мудрого адвоката Блока, и вот я сделался владельцем этой тачки, со всеми причиндалами. Ай да сюрприз!

В завещании оговаривались еще пожертвования благотворительным организациям и всякое такое, но это уже мелочи.

Потом, когда мы в неловком молчании стояли и сосали принесенное тихо плачущей миссис Макс шерри, подошел адвокат Блок и вручил мне ключи от «бентли». У меня все плыло перед глазами. «На фига? – думал я.– С какой стати? Почему он завещал машину именно мне?»

Я решил поговорить с близняшками. Хелен сразу захотела уехать, а Дайана надумала пожить немного в замке. Я согласился в ближайшие дни навеститься и помочь с упаковкой стекла – до переезда в музей оно будет храниться в подвале. Близняшки сказали, что не знают, как распорядиться замком – я так понял, все зависит от выбора миссис Макспаден.

Я собирался свалить, как только это позволят приличия. Решил на мамино «метро» напрямик ехать в Лохгайр, предупредил Хелен и Дайану, что после обеда вернусь вместе с мамой и заберу «бентли». Однако непонятно почему, выйдя за парадную дверь, я не захрустел гравием по пути к малышу-хэтчбеку, а потащился обратно в солар и спросил, нельзя ли уехать в Лохгайр на «бентли», а «метро» забрать потом.

Гараж открыт, сказала Дайана, – и я обогнул замок и вошел в распахнутые ворота. Там, как замерзшее вино, бордово поблескивал шикарный кузов. Я открыл дверцу, недоумеваю, почему в завещании говорилось не только о «бентли», но и о его содержимом.

Я устроился на высоком пассажирском сиденье, с улыбкой озирая орех и хром и вдыхая роскошный запах обивки «Конелл хайд». Машина выглядела стерильной, как палата в инфекционной больнице. Необжитой. В карманах дверей – ничего, на заднем сиденье и на задней полке – пусто. Даже карт нет.

Я не сразу открыл перчаточный ящик – с Фергюса станется заложить взрывное устройство в бардачок или под капот. Впрочем, не его стиль. Это не монтировкой или тяжелым гладким сферическим предметом по кумполу...

В бардачке лежали руководство по эксплуатации «бентли» (впервые вижу такую штуковину в кожаном переплете), документы на машину и подарочная картонная коробка, явно из сувенирного магазинчика при фабрике. Я ее вынул, открыл. Внутри оказалось пресс-папье – тоже сувенирное, но слишком крупное для коробки, едва втиснулось. Я перевернул штуковину и узнал из этикетки, что держу в руках старое изделие «Пертширской фабрики канцелярских принадлежностей», «Галланахское стекло» тут ни при чем.

Я оставил пресс-папье на пассажирском сиденье и вышел из машины. Обыскал багажник – с предельной осторожностью, памятуя о концовке «Чарли Варрика»^[112], – но и там обнаружил идеальный порядок, не более того.

Вернулся за баранку, посидел, подумал, держа в руках пресс-папье, вглядываясь в его непостижимый аморфный узор и недоумевая, на кой черт Фергюс завешал мне эту стекляшку. даже не на его фабрике отлитую.

Потом прикинул на ладони вес – и сжал пресс-папье уже как оружие, и посмотрел на него уже совсем другими глазами. Потому как понял. Оно сферической, или почти сферической формы, и в диаметре сантиметров девять.

Тут я его чуть не выронил.

Я с дрожью вернул пресс-папье вместе с коробкой в перчаточный ящик, повернул ключ в замке зажигания и не взорвался, и неторопливо покатыл в Лохгайр на помпезной тачке.

* * *

Панихида по Фергюсу состоялась через неделю. Она проходила в Галланахе, в пресвитерианской церкви на Шор-стрит. Для нас, Макхоунов, это не самое благоприятное в плане травматизма место, и я бы охотно сачканул (ибо грешно предаваться лицемерной скорби пополам с откровенным злорадством), но мама захотела присутствовать, как откажешь ей в сопровождении?

Мы положили цветы на могилу Макдобби, где погиб папа, и прошли в церковь, где расцеловали траурно-очаровательных

близняшек.

Я стоял и ловил ушами прит(в)орные выражения соболезнования, дурноголосые псалмы и синтаксически перекрученные реминисценции адвоката Блока. Он, судя по всему, успешно строил карьеру самого популярного в Галланахе похоронного трепача. В моей душе поднималась буйная ярость. Но что я мог? Только стоять и шевелить губами, будто подпеваю, и глядеть под ноги, когда доходило до молитв, и не орать, какие вы тут все ханжи и лицемеры, и не резать (боже упаси!) правду-матку. Если честно, я однажды чуть было не полез выступать, уже воздуха в легкие набрал, очень уж раскипелся мой разум возмущенный, пар едва из ноздрей не валил. Я уже и живот напряг, вот сейчас заору: «Душегуб он, Фергюс ваш! Убивец гребаный!»

И тут я «поплыл». Очень ярко представил себе, как я ору, а никто даже ухом не ведет. Эхо отлетает от церковных сводов – а всем по барабану. Поют, молятся, и все-то им фиолетово. И тогда я обмяк, и обвел взглядом церковное убранство, и траурные наряды, и физиономии лучших людей Галланаха и окрестностей, и ничего при этом не испытал, разве что немного скорби за всех за нас.

Я поднял взгляд вертикально и подумал: «Все боги ложные». И улыбнулся нерадостно.

После службы я подошел к зареванной миссис Макспадден, прогулялся вместе с нею через кладбище до шоссе и моря под несущимися облаками. Пахло солью.

– Вот так-то, Прентис,– произнесла миссис Макс оглушительным шепотом,– живет-живет человек, а потом раз – и прибрал его Господь. У всех у нас хвори и болячки, но когда я о нем подумаю... Хоть бы сказал, что грудь сильно болит, надо бы доктора позвать...

– Нету среди нас абсолютно здоровых, миссис Макспадден,– ответил на это я.– А у него ребра были в аварии сломаны. На его месте любой списал бы на старую травму.

– Да, может, ты и прав. Помолчав немного, я спросил:

– Мама говорит, вечером накануне отъезда ему звонили из-за границы?

– А? Да, припоминаю что-то... Кажется... Да, точно звонили.

– А кто звонил, не знаете?

– Нет,—ровно произнесла миссис Макс, но я заметил, как она нахмурилась.

– Мой университетский приятель сейчас за границей, он собирался звонить Фергюсу насчет экскурсии по фабрике. Диссертацию пишет по истории стекла. Вот я и подумал: может, это он.

Разумеется, это была ложь, от первого до последнего слова. Но я попытался звонить в Сидней Лахи Уотту и обнаружил, что телефон отключен. Мама Эшли не ведала, где он сейчас, и мне хотелось узнать, что же привело Фергюса к такому концу.

– Не знаю я, Прентис,— покачала миссис Макспадден большущей румяноликой головой. На конце шляпной булавки блестела крупная бусина из черного стекла. Порывистый ветер играл выбившейся прядью соломенных волос.

– А вы не слышали, что он сказал? – допытывался я.

– Слышала кое-что, когда к двери шла. Что не надо кого-то поднимать.

– Кого-то поднимать?

– Да. Сказал, не надо никого поднимать, только это я и слышала. Подумала, речь идет о ком-то из гостивших в замке людей.

– Угу,— задумчиво кивнул я,— похоже на то.— И пожал плечами: – Похоже, это не тот звонил, о ком я думаю, но все равно спасибо.

А может, звонил именно тот, о ком я думаю. Может, если бы миссис Макс чуть задержалась, она бы услышала еще два словечка: «со дна».

– Представляешь,— сказала миссис Макспадден,— я как раз о тебе говорила, когда телефон зазвонил.

– В самом деле?

– Да.

– Сказала мистеру Эрвиллу, что ты вспомнил кое-какие подробности ограбления вашего дома.

– Правда? – Я кивнул, пряча руки в перчатках за спину и вяло улыбаясь беспокойному серому морю, плескавшемуся за низкой церковной оградой.

* * *

- Канада? – потрясенно переспросил я.
- У меня там дядя. А у него знакомые в фирме по установке системы, которую я знаю мало-мальски. Прислали мне приглашение.
- О господи! И когда отправляешься?
- В понедельник.
- В понедельник?!
- Завтра – в Галланах, попрощаюсь с мамой.
- Самолетом?
- Машиной. Оставлю там тачку, Дину пригодится.
- Боже! И надолго ты в Канаду?
- Не знаю. Там будет видно. Может, понравится.
- То есть ты и остаться можешь?
- Не знаю, Прентис. Никаких планов строить не собираюсь, пока не приеду и не осмотрюсь. Если с работой сложится и люди будут ничего – почему бы и не остаться.
- Ой, бли-ин! В смысле: когда надо с тобой прощаться?
- Как насчет в Галланах на выходные приехать?
- Гм... Ты не поверишь: я собрался как раз в эти выходные махнуть на «бентли» в Уллапул, оттуда на пароме – на остров Льюис, там – до самой северо-западной точки – зашвырнуть в море пресс-папье. Но если...
- Ладно, не буду срывать столь благородный план. Мне в Галланахе скучать не придется: уйма родни, уйма новостей.
- Но...
- Но в понедельник утром я вылетаю из Глазго. Так и быть, можешь приютить меня в своем дворце.
- В воскресенье? Годится. Дай-ка подумать: в воскресенье парома не будет, но я могу выехать в пятницу, а в субботу закончить дела и вечером вернуться. Годится. Значит, в воскресенье. К которому часу сможешь подъехать?
- К шести – нормально?
- Идеально. Между прочим, я тебе задолжал карри.
- Ничего ты мне не задолжал, но приглашение принимается. В этот раз не оболью тебя бренди, обещаю.
- Вот и прекрасно. А я обещаю не вести себя как последняя жопа.
- Будешь как предпоследняя?
- Э, да ты, я вижу, знаешь, как сделать парню плохо.

- Годы тренировок. До воскресенья, Прентис.
- Ладно, пока. Поосторожнее будь за рулем.
- Тебе того же. Пока.

Я положил трубку и воззрился в потолок, не зная, плясать ли от радости или выть от горя. Скоро я с ней увижусь! Но она тут же улетит в Канаду! Угодив меж двух крайностей, я обрел спокойствие будды, а потому только слабый стон исторгся из моей груди.

* * *

Привыкнуть к мысли, что мне принадлежит «бентли», оказалось совсем не просто. Если честно, то я так и не привык. Когда катил на нем по улицам, прохожие бросали на меня странные взгляды. Когда возвращался из Лохгайра в Глазго, меня на Грейт-Вестерн-роуд несколько раз останавливала дорожная полиция: «Это ваша машина, сэр?»

Задним числом мне кажется, что реплика «Надо же, а я-то думал, вы так обращаетесь только с чернокожими» была не совсем тактична. С другой стороны, меня продержали всего-навсего час, пока проверяли номера и досматривали машину. Это время я провел на заднем сиденье полицейской тачки, придумывая разные способы просаживания вырученных за «бентли» денег (оставлять себе кровавые Фергюсовы бабки я не собирался ни в коем случае). А можно благотворительностью побаловаться – если нужно ускорить вращение Фергюса в его подводной могиле, то Африканский национальный конгресс и Лига против жестоких видов спорта охотно мне в этом помогут.

Но слава богу, прежний хозяин машины не успел стереть протекторы и сжечь лампы в фарах, да и все остальное содержалось в порядке, а потому ребяткам в синих мундирчиках пришлось меня отпустить.

Все же я рассудил, что на Гебриды лучше ехать в этом чуде цвета бургундского вина, нежели в «гольффе».

Стартовал я в пятницу утром, по А-82 добрался до Инвернесса, переехал на западный берег и миновал Уллапул. Дорога скоро подтвердила, что от «бентли» надо избавляться. Правда, в управлении

он оказался послушней, чем я ожидал, но румянец стыда ни на миг не сходил с моих щек. Завещание никоим образом не заказывало мне распоряжаться машиной по своему усмотрению – значит, сбуду с рук, и черт с ней. Я успел на дневной паром до Сторноуэя. Заночевал в «Ройал-Хоутел», перед сном читал исторические книжки – про войны древности, про давно исчезнувшие империи. Время от времени приобщался к современности через телик. Пресс-папье водрузил на прикроватный столик – типа, будет меня ночью охранять.

* * *

В десять утра я стоял под сильным ветром и слабым дождем у маяка на Бат-оф-Льюис, кутаясь в старое отцовское пальто и жалея, что не прихватил зонтик. Никак не мог решить, правда ли это самая западная точка острова, – на такую же роль вполне могло претендовать местечко под названием Галлан-Хед. В конце концов плюнул: невелика разница. Да к тому же с этого мыска проще сделать дело.

Там были утесы, не слишком высокие. Пресс-папье лежало в кармане. Я его вынул. Кругом – никого, но я все равно испытал стыд и неловкость. Глупая затея, что тут говорить. Ветер рванул ворот пальто, бросил мне в глаза мелкие легкие брызги. Море, покрытое серебряной чернью, уходило в серую бескрайность мороси, туч и ветра.

Я подкинул стеклянный шар на ладони, потом со всей силы запустил в море. Пожалуй, мне было без разницы, плюхнется он в воду или разобьется о скалу. Он не разбился – летел к набегающим без усталости волнам. Я даже как будто заметил всплеск. А может, показалось.

Я собирался сказать: «Ты кое-что забыл», бросая пресс-папье в воду. Эту фразу я придумал в машине, когда ехал в дыму торфяников, но теперь она мне показалась слишком банальной, и потому я постоял молча. Просто мерз, и мок, и глядел на волны, и думал о лежащих на дне Атлантики, в нескольких сотнях километров к северо-западу, обломках и останках.

Где сейчас скитается душа Фергюса Эрвилла? И осталась ли она, душа, осталось ли что-нибудь кроме тела, погребенного под толщей темно-серых вод?

Может быть, личность его и сохранилась, перейдя в иную форму бытия, но я в этом сомневался. Равно как и насчет личности папы, или дяди Рори, или тети Фионы, или Даррена Уотта. Мир прост и в простоте своей жесток. Продолжения не следует. И если поверить в это, жить будет легче, как это ни парадоксально. Продолжаемся мы в своих детях, в своих трудах и в памяти оставшихся на земле. Мы продолжаемся в прахе своем, в тлене своем. Хотеть большего – это даже не наивность, это трусость. И это – тупик. Смерть – перемена. Она дает новые шансы, новые вакансии, новые ниши и условия. Ошибка считать, что она отбирает все.

Вера, будто мы каким-то образом перейдем в иной план бытия, либо сохранив при этом свою личность, либо превратившись в нечто совершенно иное, – это, скорее всего, дань нашей эволюционной целеустремленности и животному инстинкту выживания, а ни в коем случае не плод нашей мудрости. Если же рассматривать интеллект, память и сообразительность как некую сверхценность, достояние не индивидуума, а общества, то перспектива неизбежной смерти уже не покажется индивидууму страшной и он сможет хладнокровно подготовиться к своему концу и встретить его достойно. А притязать на суетную и бессмысленную послежизнь в суетном и бессмысленном раю – что это, если не верх эгоизма?

Волны набегали на утесы, разбивались и отступали. При ударах на миг рождались фигуры – живые, неистовые, – но тут же стирались, растекались, растворялись.

И мне казалось тогда, что все очень просто: жизнь отдельного человека – это всего лишь жизнь отдельного человека. Правильно считал отец: нет в мире справедливости и несправедливости. Дела земные останутся на земле, ибо это лишь творения разума и рук человеческих. И у Даррена, и у моего отца, и, может быть, у Рори хватало великих замыслов – сколько путей еще не пройдено, сколько еще не взято и не отдано, – и это, конечно, увеличивало нашу скорбь, скорбь живых, но никоим образом не могло служить аргументом в пользу загробного существования. Эти люди были с нами, а теперь их с нами нет. Вот и все.

Да, мой отец был прав насчет моих переживаний из-за смерти Даррена Уотта. То была просто обида капризного ребенка на мир. То была злость пополам со скорбью – слишком уж рано ушел из жизни

Даррен и к тому же сделал это так неуклюже, так неэстетично: разбиться о мусорный бак, ну что за нелепость? Да как посмел мир так поступить со столь неординарным человеком? Да как он посмел вот так вот запросто взять и стереть с лица земли моего друга? Несправедливо!

Конечно несправедливо. Но к делу это никоим образом не относится.

Итак, мой старик был прав, а я ошибался. А теперь я взялся за ум. Может быть, он это предвидел? Было бы неплохо.

Но что, если он сходил в свою могилу (через могилу Макдобби), успев поставить на среднем сыне крест как на суеверном недоумке? Это было бы плохо. Хуже некуда. Но все равно уже ничего не исправишь. Все кончено.

* * *

Я повернулся и ушел. В тот же день отправился обратно в Уллапул через Сторноуэй. На борту парома стоял у борта и смотрел на бегущие навстречу волны, пил кофе из пластиковых стаканчиков и ел жирные пироги. Вспомнил, как мы однажды, много лет назад, проплывали здесь с мамой, Льюисом и Джеймсом и за кораблем погнались дельфины.

Шесть часов спустя я был уже в Глазго.

Спалось мне в ту ночь прекрасно.

* * *

Воскресным вечером мы с Эшли Уотт двинули в знакомый ресторан «Анаркали», там заказали практически то же, что и в тот летний вечер, когда погиб мой отец. Но на сей раз нам было не так весело, и Эшли не облила меня бренди, а я не вел себя как последняя дырка в заднице. Я просто сидел и говорил о прошлом и о будущем и при этом не знал, плакать мне хочется или смеяться, ведь я так рад встрече с ней, но завтра она отправится в далекий путь, полетит через

широкий океан, на который я смотрел вчера. Эшли сойдет с самолета в Канаде и, может быть, останется там насовсем, а я даже не смею спросить, есть ли в ее жизни мужчины – впрочем, от Дина знаю, что парень, с которым она улизнула в новогоднюю ночь, уже утром получил отставку.

И я по-прежнему не знал, можно ли рассказать ей о своих чувствах. Ведь она собирается улетать, и как я смогу признаться ей сейчас в любви, если еще ни разу в жизни никому не признавался? Почему до сих пор молчал, спрашивается, и только теперь, накануне ее отлета, говорю? Чтобы в койку затащить? Остался только один драгоценный вечер, а я его рискую испортить. Рискую ее смутить, оскорбить, обидеть до глубины души – а мне ведь ни то, ни другое, ни третье совершенно ни к чему. И при всем при том я отдавал себе отчет, что в прошлом, несколько месяцев назад, было подходящее время и подходящее место. Если бы я тогда признался Эшли в любви, это выглядело бы абсолютно естественно. Но в той горячке, в той сложной круговерти событий – да плюс моя нерешительность, медлительность и невнимательность – я упустил момент, и с тех пор он ни разу не повторился.

И вот я сижу в ресторане напротив нее, гляжу в отблескивающее при свете свечи лицо с нежной кожей, длинным тонким носом, улыбающимся красным ртом (нос и рот – ну в точности восклицательный знак) и сгораю заживо в серых искрах ее глаз.

Мы вышли в холодную мартовскую ночь. Было сыро, отсвечивал мокрый асфальт. Эшли на ступеньках подождала, пока я надену папино наследство: твидовое пальто. На ней были черная юбка и старая куртка флотского покроя с завернутыми обшлагами – я ее помнил еще с похорон бабушки Марго. Опираясь на перила, Эшли смотрела, как я застегиваю поднятый ворот. Левая ее нога щелкала то носком, то каблуком, будто аккомпанировала песне, которой я не слышал.

Я, поправляя воротник, посмотрел на постукивающую туфлю.

– Морзянка?

Эшли отрицательно покачала головой, длинные светло-каштановые волосы рассыпались по темным плечам.

Мы в обнимку спустились с крыльца.

– Как тот фильм называется, где чечеточник выстукивает кому-то оскорбление? – спросил я.

– Не знаю.– Эш и на ходу постукивала туфельками.

– Может, «Мертвецы не носят шотландку»^[113]? – почесал я в затылке.

Я не надел перчаток, а потому чувствовал ладонью тепло через куртку Эшли. От нее пахло духами «Самсара». Это что-то новенькое, подумал я.

– Возможно.– И она рассмеялась.

– Ты чего?

– Да вспомнила.– Она сжала мою талию.– Класс миссис Фимистер. Помнишь? Мы с тобой в одном классе были.

– Ага, помню.

Мы свернули на Вудландс-роуд.

– Ты ее ненавидел – она у тебя радиоприемничек отобрала, или что-то вроде, и ты материл ее морзянкой.– Эш рассмеялась еще громче.

– Было дело,—подтвердил я.

– «Пошла ты в жопу, корова старая»,– прыснула Эш,— Это было самое смешное.

– Боже! – Я чуть отстранился, чтобы заглянуть ей в глаза.– Так ты что же, расшифровала?

– Ага,—дружелюбно ухмыльнулась Эш.

– Ах ты негодница! – рассмеялся я.—А я-то думал, это моя тайна. Уже потом кое-кому рассказал, только после школы, и никто не поверил.

– А я сразу поняла,— снова ухмыльнулась Эш.– Пару раз замечание схлопотала, потому что хихикала. Едва не описалась, пытаюсь не смеяться.– Эшли расхохоталась, запрокинув голову.

– Я и не подозревал, что ты знаешь азбуку Морзе. Сам-то я скаутом был, нас научили.

– А меня дедушка учил. Мы с ним за ужином часто ложками по тарелкам стучали – обменивались сообщениями. Мама с папой и остальные изумлялись, чего мы так веселимся, когда предлагают добавку пастушьей запеканки^[114].

– И ты молчала? – укоризненно покачал я головой.– Ну даешь!

Она замялась, выбивая чечетку и глядя на носки своих черных, на среднем каблуке туфель.

– Я тебе не нравилась. Может, поэтому?

– Мне тогда ни одна девчонка не нравилась. Да если честно, и ребята тоже. А если уж совсем честно, то я даже своих друзей презирал, почти всех.

– М-да...– Эш подалась ко мне, ее ухмыляющееся лицо оказалось почти на моей груди.– Но ты все-таки не ломал им носы камнями, замаскированными в снежках.

Я замер как вкопанный.

Эш взвизгнула от неожиданности, теряя равновесие. Выпрямилась в метре от меня, повернулась, недоуменно поглядела в лицо.

А я стоял как дурак, с открытым ртом.

– Так ты знала, что это мой снежок?

– Ну конечно знала.– Она нахмурилась, одновременно улыбаясь.

– Еще одной тайне капец! – всплеснул я руками.– А я-то столько лет совестью мучился!

Эш наклонила голову набок.

– Правда, с перерывами,– уточнил я.– То мучился, то не мучился.

Она приподняла бровь.

– Ну, ладно,– обмяк я,– в основном не мучился. Но все-таки переживал.

Эшли легонько покачала головой, шагнула вперед, взяла меня за руку и повела дальше по улице.

– Не переживай, я никому не сказала. И к тому же я тебя простила.

– Ты это всерьез? – Я снова обнял ее.– И когда?

– Со временем. Ну, точнее, когда болеть перестало.

Мы свернули к Вудландс-гейт. Я покачал головой:

– Почему же ни разу не сказала, что догадалась?

– Не было повода,– пожала плечами она. Я тоже пожал плечами:

– Подумать только – молчала все эти годы! – И повторил: – Подумать только...

* * *

В доме на Парк-террис Эшли появилась в начале седьмого зверски голодная, так что, как только она бросила багаж, мы двинули в ресторан. После ужина, когда вернулись, я ей показал дом. В кухне была припасена бутылочка «Грейвса», мы ее откупорили, и я начал экскурсию. Водил Эшли из комнаты в комнату, рассказывал, показывал наиболее интересные или ценные предметы искусства, и мы потягивали вино, и статуи отсвечивали, и в канделябрах мерцали свечи, и перед нами разбегались разрисованные кругами ковры.

Эшли много качала головой. А когда дошло до главной спальни, не удержалась от смеха.

Мы вернулись в кухню. Мое предложение наполнить ее стакан Эшли отклонила.

– Пойду-ка я спать.—Она провела ладонью по волосам, поставила стакан на дубовую буфетную стойку.— Только возьму с собой кувшин воды. Ты не против?

Я пожал плечами.

– Конечно не против. Кувшин найдешь в ванной.— Меня объяла великая печаль, даже пришлось судорожно сглотнуть пару раз.

Я, чтобы скрыть тоску, выпил, а потом изобразил деловитый тон:

– Во сколько тебя будить?

– К семи, пожалуй.

– Хорошо.— Я заглянул в стакан.— В семь, так в семь. Принесу тебе чаю с тостиком.

– Отлично.

– Ну, ладно, пока.

Я поднял глаза. Она улыбалась. Эшли глянула на часы.

– Ладно,— шевельнула она бровями,— пока-пока.

Она шагнула вперед, положила руку мне на плечо, чмокнула в щеку.

Я опустил руку ей на бедро, наклонил голову к ее голове. Рука Эшли обвила мою талию. Я повернулся к ней, обнял, потянулся губами к шее, нежно поцеловал. Она прижалась щекой к моей макушке, а в следующий момент мы одновременно повернулись лицом друг к другу, после чего поцелуй в губы получился вполне закономерным.

Это продолжалось довольно долго. Эшли как будто и расслаблялась, и напрягалась одновременно. Рот ее раскрывался так,

будто она хотела меня проглотить, пальцы зарывались в мои волосы, ногти вонзались в мою кожу. Я в долгу не оставался: тянул ее за волосы, заставлял запрокидывать голову, целовал в шею. Потом – снова в губы; потом полез под юбку, и она стала легонько извиваться, чтобы облегчить мне задачу, и я нащупал кожу, чулки, трусики, запустил пальцы в них, ухватился за теплые, гладкие ягодицы. Она приподнялась на носках, прижалась ко мне животом. Затем отстранилась и, переведя дух, но не переставая гладить мой затылок, поглядела в глаза и спросила:

– Не лучше ли нам перейти в твою дурацкую спальню? Кажется, для таких дел она лучше приспособлена.

– Классная идея, – кивнул я.

– Вина захватишь?

– А как же.

* * *

И это было нечто! В монументально-кичливой койке покойной миссис Иппот мы с Эшли занимались любовью так, будто много лет ничем другим не занимались, а потом на много лет расстались, а потом снова повстречались и в разлуке ухитрились ничего не забыть.

Пару раз, пока мы отдувались, потели, и лизались, и подумывали, не начать ли все сначала, я слышал ее смех.

– Комната? – спросил я в первый раз.

– Нет, – покачала она шикарной головкой, вся румяная и растрепанная. – Просто – мы с тобой. Я уж думала, этого никогда не случится.

А позже, когда она закричала, я услышал, как с прикроватного столика ей вторит ваза тонкого чистого хрусталя.

* * *

Потом, когда мы, изнуренные и выжатые, погасили свет, и договорились просто поваляться в обнимку, и тут же совокупились

еще раз, и я лежал на ней, и был в ней, и она тяжело дышала, и я тяжело дышал, и наши сердца потихоньку успокаивались, я сделал то, что уже нередко делал в таких ситуациях: напряг все мышечные волокна, какие только имеются в мужских гениталиях и в органах поддержки, и ненадолго наполнил кровью притомившийся пенис, и это позволило сделать еще один хороший толчок в тело Эшли. Она откликнулась полувздохом-полусмехом и тоже напрягла мускулы внизу живота, сжала, как ладонью, влагалищем мой член. И тут же отпустила.

Последовала пауза. Я уж собрался потихонечку сползти с Эшли, но тут она сжала снова. Сжала, подержала чуть подольше, чем в прошлый раз. Потом – коротко. Потом снова – чуть подольше. Снова – пауза, и я принялся было отвечать, но она вдавила пальцы мне в копчик, и я замер.

Она сжала четыре раза кряду и во второй удерживала подольше, чем в три предыдущих. И опять пауза. И я наконец дошурупил – это же телеграфная азбука мистера Сэмюэла Морзе! И снова пожатие – длинное.

Я... Л... Т...

Приподняв голову, я сосредоточился на ощущениях – разгадывал морзянку. Потом снова опустил щеку на плечо Эшли. Тихонечко рассмеялся, и через секунду она подхватила. И я отправил назад ее сигнал, прибавив одну букву: «ЯЛТТ».

* * *

Когда я проснулся, она одевалась, стоя возле кровати. Прелестная улыбка на умытом сияющем лице, обрамленном расчесанными волосами. Я, преодолевая слабость, приподнялся на локте.

– Эш.

Она положила ладонь мне на затылок, нагнулась, поцеловала в губы.

– Мне пора.

– Что? Как? В Канаду?..

– Прентис, я должна. Обещала.

Я почувствовал, как отпала челюсть. Упал на спину, лежал секунду и подскочил как ужаленный.

– Но как же! – раскинул я руки.– Ночью же... Эшли улыбнулась еще шире и нависла надо мной, утопив колено в смятой простыне.

– Было чудесно,– поцеловала она меня.– Но мне нужно лететь.

– Этого не может быть! – хлопнул я себя ладонью по лбу.– Мне это снится! Нет! Оставайся! – Я потянулся к ней, прижал ладони к ее щекам.– Эшли! Оставайся, умоляю!

– Прентис, нельзя. Я им сказала, что прилечу. Пообещала.

– Я серьезно! – упорствовал я.– Без тебя я не... Она закрыла мне рот мягкой ладонью, а когда поняла, что я буду молчать, приникла в долгом нежном поцелуе.

– Я уйду, Прентис. Но это не навсегда.

– А на сколько? – канючил я.

Она пожала плечами, погладила обеими руками мои плечи.

– Получи диплом, ладно? И если тогда я еще буду нужна...

– Обещаешь? – попытался я произнести в крайне саркастической манере, а вышло – в крайне плаксивой.

– Обещаю,—улыбнулась она.

– О господи! – глянул я на лежавшие подле хрустальной вазы часы.—Я в это не верю! —Может, если удастся ее задержать...

– Такси ждет,– сказала она.– Все будет хорошо.

Она отвела упавшие мне на глаза волосы. Пальцы были нежны, как шелк.

– Но мы же договаривались, что я отвезу...

– Отдыхай,– сказала она.—Да и вина много выпил ночью. Честно, такси на улице.– Эшли сунула руку под одеяло, на миг приютила пенис в ладошке-лодочке, поцеловала меня и ускользнула от моих пылких объятий.

– Эшли! – вскричал я в отчаянии.

– Что? – остановилась она в дверях.

– Мне вчерашний сигнал... не приснился? Она рассмеялась:

– Не-а. Каждая буква, каждое слово – правда. Люблю всем сердцем.– Взметнулась бровь: – Ну, и другими органами.– Она покачала головой, подняла и вторую бровь.

– То же самое.– Я сглотнул.

Она потупилась, затем, по-прежнему улыбаясь, снова посмотрела на меня.

– Вот и отлично. В следующий раз начнем с этого места.

– Я буду каждый день тебе писать! – пообещал я.

– Не говори ерунды,—отмахнулась Эш.— Ты, главное, экзамены сдай.

– Так это только в середине июня,— сказал я, главным образом для того, чтобы удержать Эшли в зоне видимости и слышимости еще на несколько секунд.

Она вынула из карманов куртки перчатки, надела и послала мне воздушный поцелуй.

– Пока, Прентис.

– Пока,— простонал я.

Она затворила дверь. Я упал на спину. Лежал как в параличе, глядел на мерцающую красную люстру.

Когда хлопнула входная дверь, я соскочил с кровати, в чем мать родила слетел по лестнице в гостиную и замахал Эшли из окна, начинавшегося на уровне человеческого колена и заканчивавшегося на уровне жирафьей головы. Она меня заметила и рассмеялась. Опустила стекло дверцы. Показала на мои чресла и состроила гримаску – дескать, ну что ты себе позволяешь. Такси тронулось. Водила тоже меня засек, восхищенно замотал головой. Машина уже огибала террасу с каменным бортиком. Я распахнул окно, вылез из него почти целиком и замахал, а Эш, опустив до конца стекло и высунув голову, посылала воздушные поцелуи сквозь разлетевшиеся на ветру волосы, пока тачка не скрылась за углом.

* * *

Я уселся на паркет и уставился на широченные колышущиеся тюлевые занавески. Ныли все мускулы, стреляло в мозг, зудел пенис, а по коже, начиная с остуженной паркетом задницы, разбежались мурашки. Я покачал головой. И развалился, стукнувшись ею, уже истязаемой изнутри, о пол. Впрочем, удар пришелся на толстый персидский ковер, поэтому было почти не больно.

Я посмотрел на деревянный потолок с причудливой резьбой, не зная, что и думать. Потом засмеялся, лежа без сил нагишом в огромной комнате и чувствуя себя идиот идиотом.

– Ну и ладно,– обратился я к потолку.– Значит, еще не все потеряно.

* * *

– Вижу, ты берешься за ум.– Мама осторожно шла навстречу мне, большая голубая простыня складывалась между нами. Двумя руками мама забрала у меня уголки простыни.

– Берусь? – возмущенно переспросил я. Мама улыбнулась, сложила простыню еще вдвое и кинула на барабанную сушилку.

Я вынул другую простыню из барабана. Мы взялись за разные углы, разошлись, натянули простыню.

– Ну да,– еще раз натянула она простыню.– По-моему, продажа «бентли» – очень разумный шаг.

Мы повторили процедуру. Мама выглядела задумчивой.

– Может, и нашу рухлядь сбить?

– «Лагонду»? – спросил я, и мы опять сложили-растянули простыню.

– Да.– Мама опять двинулась ко мне,– Проку никакого, только гараж занимает.

– Как это понимать? Почти победила клавишин, а заняться реставрацией классики автомобилестроения не хочешь?

Мама улыбнулась и забрала у меня простыню.

– Вообще-то была такая мысль, но если честно...– Она наморщила нос– Если честно, то сомневаюсь.

– Ну, тачка сейчас в таком состоянии, что много за нее не выручить.

Я вынул очередную простыню.

– Да я не из-за денег...– проговорила мама. Она отступила, бросила на меня лукавый взгляд:

– И между прочим, по чьей вине машина *в таком состоянии*?

– Чего? – спросил я. Мама улыбнулась:

– Разве это не ты когда-то опрокинул на нее большущий шкаф?

Она дернула простыню, та вырвалась из моих пальцев и затрепетала, снижаясь. Я ринулся вдогонку, поймал. Взялся за уголки, расправил. Поднял глаза и увидел веселое лицо мамы. Она снова потянула простыню, на этот раз я удержал.

Со стыдом признаюсь, что у меня была мысль все отрицать. Но я быстро опомнился. Глупо ухмыльнулся и сложил простыню.

– Да, признаю себя виновным, но это была случайность, – покачал я головой. – А как выяснилось?

Она подошла ко мне, забрала простыню.

– Стирала твои трусы, нашла в них осколок стекла. – И тихо рассмеялась, поворачиваясь и кладя простыню на сушилку.

Я возвел глаза к потолку:

– Ой-йо!..

Мама повернулась кругом. В джинсах и блузке она выглядела молодо, на лице – улыбка, похоже самодовольная. Забрала с полки последнюю простыню, протянула мне ее край.

– Ладно, сохраним этот маленький инцидент под грифом «секретно». Договорились?

Я кивнул, жуя губами.

– Было бы неплохо. – Я кашлянул, вместе с мамой натягивая простыню, и неуклюже попытался перевести разговор на другую тему: – Между прочим, а как там дела с реставрацией клавесина?

– Да как сказать...

* * *

На том не кончилось. И почему никто не предупредил меня, что женская половина человечества открыла сезон охоты на заблуждения Прентиса Макхоуна?

– Наверное, мой спектр поглощения должен быть расплывчатым.

– Вряд ли, – возразила мне Дайана. – Скорее всего, он такой же, как у всех остальных. – Она взяла из витрины кубок (богемское стекло!) и посмотрела на меня, как мне показалось – с горечью. Но тут же улыбнулась и пожала плечами: – Ну, может, чуть побольше черных линий. Тебя, помнится, всегда все интересовало. Или я не права?

Я тоже плечами пожал:

– Это у нас генетическое.

– Между прочим,– Дайанадохнула на узловатое зеленое стекло,– это благодаря тебе я большую часть жизни провела на Гавайях на высоте четырнадцать тысяч футов, охотясь за инфракрасным излучением сброшенных звездных оболочек.

– Да ты что? – сказал я.

– Серьезно,– подтвердила Дайана, с улыбкой протирая стекло.– Помнишь, как ночью мы с тобой, Хелен, Льюисом, Верити и... Дарреном? Помнишь, как в обсерватории сидели?

– Помню,– ответил я.

– Ты накурился и понес, какая у нас фантастическая Вселенная. Помнишь?

Я отрицательно покачал головой:

– Не помню.

– Ты здорово тогда поплыл.—Дайана вручила мне кубок.— Но говорил связно, да еще с каким энтузиазмом! Даже самого Льюиса заткнул. Все распинаялся, какая это классная штука – астрономия. Ты, правда, имел в виду космологию, но это не суть. Все болтал и болтал, и никак тебя было не остановить.— Она достала из витрины вторую богемскую посудину.

– Надо же...—Я наполнил кубок пенополистироловыми шариками, нашел коробку побольше, чтобы поместились обе посудыны, и опустил вторую на белую пружинящую подкладку.— Ладно, поверю тебе на слово.

– Так вот, ты был в таком восторге! Особенно от звездной эволюции. Просто с ума по ней сходил. Кричал: «Мы творим частицы звезд!» – Дайана рассмеялась.— Рассказывал нам, как Солнце и Солнечная система произошли из больших звезд и старейших систем, когда те взорвались. Как освободились составлявшие их элементы и из них возник наш мир, сложились наши организмы. Возьми любой свой атом – когда-то он входил в другое тело, космическое. Честное слово, нам тогда казалось, ты вот-вот взорвешься.— Она мне дала второй кубок.

– Гм... Кажется, что-то такое припоминаю. На самом деле я ничего такого не припоминал.

До того как Верити погадала мне по ладони, все неплохо откладывалось в памяти, а после – сплошной туман.

– Ты все вопил: «Мы – частицы звезд! Мы – частицы звезд!» И говорил, что сверхновые разбрасывают тяжелые атомы; выброшенный материал несется в космосе, и на него обрушиваются ударные волны от других новых и сверхновых, сжимая этот материал, образуя звезды и планеты. Появляются геология, химия, жизнь.— Дайана покачала головой и вынула хрупкую и тонкую, старинную на вид флейту из витрины.— И, знаешь, ты заставил меня устыдиться. Папа для нас построил обсерваторию, это, можно сказать, был подарок. А мы там почти и не бывали. Так, забирались иногда травку покурить. И тут являешься ты, и во всем этом рубишь, и травишь так, что не заслушаться невозможно. Особенно долго распинался насчет того, что мы застряли на крошечной планетке вдали от космической цивилизации, а потому прозябаем в невежестве, остаемся дикарями, когда в центре галактики вершатся такие дела! А дела там творятся вот уже пятнадцать миллиардов лет, об этом можно судить по доходящему до нас свету, по космической радиации, и что наблюдение за Вселенной в течение нескольких первых секунд после Большого взрыва, будь оно возможно, позволило бы предсказать, что случится через пять миллиардов лет, предсказать и понять...— Дайана подержала фужер напротив света, затем протерла тряпочкой.— А потом прошелся по религии: мол, жалкая безвкусица по сравнению с астрономией.— Дайана пожала плечами.— Меня этим не убедил, но все равно стало мне неловко. Потому что мы телескопом не пользуемся. И стала я подниматься в обсерваторию почаще, а потом и книжек по астрономии накупила, и оказалось, там полно математики, а уж с ней-то я всегда дружила, просто не понимала раньше, что у звезд и телескопов может быть общего с цифрами и уравнениями. Короче, меня зацепило. А потом уже втянулась, по-настоящему на звездочках задвинулась. Ты во всем виноват, Прентис! – Она бросила на меня взгляд, полный притворного возмущения, и подала стекло.

Я провел свободной рукой по волосам.

– Черт, вот уж не думал, не гадал.— И принял вид полусерьезный-полунасмешливый: – Что ж, Дайана, свою долю вины я признаю. Надеюсь лишь, что ты никогда не раскаивалась в сделанном выборе.

– Никогда, Прентис— Она закрыла опустевшую витрину и сняла белые перчатки.— Может, я бы и сама выбрала астрономию, без твоего страстного монолога. Мне нравится. По ночам холодно, от пляжа

далеко, воздух разреженный... но небо такое, что аж дух захватывает.— Она кивнула.— Побывай там как-нибудь, рекомендую.

— Да я бы и не прочь. А что, это позволяется? Чтобы кто ни попадя приезжал и путался под ногами?

Дайана сложила на груди руки и прислонилась спиной и затылком к стеклу витрины.

— Устроить можно.

— А если я привезти кого-нибудь захочу?

Дайана усмехнулась:

— Ого! Кого-нибудь вообще или кого-нибудь конкретно?

— Ну... своего друга. Он сейчас в Канаде.

— Эшли?

Я почувствовал, что краснею, и пробормотал:

— Ну да.

Дайана, улыбаясь, кивнула.

— Буду рада вас обоих там увидеть.

Я пожал плечами, краснея еще пуще.

— Надеюсь.

Дайана рассмеялась, и слышать это мне было приятно. После смерти Фергюса она при мне ни разу не смеялась.

— Надейся, надейся.

* * *

В тот же день Верити с Льюисом привезли в замок маленького Кеннета, и теперь миссис Макспадден было с кем нянчиться и сюсюкать. Дайану малыш тоже очаровал, хотя он почти не просыпался.

Дайана откупорила бутылку «Макаллена» — двадцатипятилетней выдержки, то есть старше любого из нас (кроме миссис Макс, но она к тому времени ушла в кухню) и во много раз старше Кеннета.

— Давайте ему лобик смочим,— предложила Дайана.

— А можно нам на крышу? — пришла мне в голову как будто бы неплохая идея.

Мы поднялись на крышу. Был ясный мартовский день, с чистым синим небом, с ветром, пахнущим горелым лесом. Мы сидели на

черепицах, пили виски и по очереди держали ребенка, а тот знай себе кемарил.

– Вы его крестили? – тихо спросила Дайана у Верити, вглядываясь в сморщенное личико младенца и качая его.

– Мама с папой были бы не против, но я еще не решила, по какому обряду крестить. И Льюис ничего толком не посоветует. Милый, скажи свое веское слово.

– Держа его над моим кровавым трупом! – оскалил зубы Льюис.

– Вот видишь? – сказала Верити Диане, а та широко улыбнулась и прижала к груди ребенка.

Верити посмотрела на Льюиса, затем сказала:

– Прентис.

– Чего?

– Мы тебя просим быть крестным. Не откажешься? – И правда спрашивала так, словно я мог отказаться.

А Льюис смотрел на меня и лыбился. Я откашлялся.

– Что ж... В свете последних событий я подверг скрупулезному пересмотру все свои высказывания насчет существования или несуществования некоего высшего разума в данный исторический момент и сделал соответствующие выводы...– При этом моя физиономия изображала надлежащую муку.

Дайана подала мне ребенка. Льюис расхохотался.

В конце концов мы решили, что пацаненок заслуживает хотя бы символического крещения, и тогда Льюис макнул палец в виски, вытянул руку и капнул сыну на головку.

– И хватит с него.

– Кеннет Уокер Макхоун, – провозгласил я, одной рукой прижимая к груди мальчика, а другой поднимая стакан.

Мы выпили за здоровье Кеннета. Затем Дайана запустила стаканом через крепостные зубцы в лес. Мы с Льюисом и Верити переглянулись, и последовали заразительному примеру, и услышали, как кокнулась парочка швыряльников. Малец распахнул глазки и жалобно запищал. Я со смехом поцеловал носик-кнопочку и вернул человечка матери – пора его кормить.

Я встал, подошел к зубцам и приложил ладони к древнему неровному камню. Посмотрел на леса, на равнину с полями. На Галланах с его причалами, шпилями и сомкнутыми рядами улочек. На

скопище холмов за городом, на роши на востоке и мерцающее море на западе. По ту сторону океана – Эшли. Как ей там живется? И чем, интересно, она занимается сию минуту? Я надеялся, что все у нее хорошо, и она счастлива, и, может, думает обо мне. Я постоял с дурацкой улыбкой на лице, а потом набрал полную грудь холодного воздуха с запахом гари и воздел руки к небесам.

И рек:

– Ха!

notes

Примечания

1

Джеймс Хейл (1946-2003) – британский редактор и литературный агент, знаменитый тем, что, работая в издательстве «Макмиллан», выловил из редакционного самотека «Осиную Фабрику» Бэнкса. (Здесь и далее примечания редактора Александра Гузмана.)

2

Мик Читэм – литературный агент Бэнкса. В числе ее клиентов – М. Джон Гаррисон, Чайна Мьевиль, Джонатан Кэрролл, Кен Маклеод, Джон Кортни Гримвуд, Тоби Литт, Пэт Кэдиган и др.

3

Джон Уэйн (1907-1979) – американский актер, звезда вестернов и исторических эпопей; впервые прославился исполнением главной роли в «Дилижансе» Джона Форда (1939); был известен своими правыми убеждениями.

4

«*Маркс и Спаркс*» – так британцы в шутку («Marks and Sparks» – «Лохы и пижоны») переименовали сеть крупных промтоварных магазинов «Маркс и Спенсер».

5

«*Пятьсот первые*» – модель джинсов «левис» фирмы «Леви Страусс».

6

«*Мартенсы*» – популярные у английской молодежи, особенно у скинхедов, тяжелые «армейские» ботинки фирмы «Dr. Martens» (выпускающей, конечно, и массу другой обуви).

...несказанная фиолетовая жилетка, дизайнер которой вдохновлялся, должно быть, изысканиями Мандельброта (впрочем, если не судить строго, узор можно было считать пейслийским).— Бенуа Мандельброт (р. 1924) – математик, стоявший у истоков фрактальной геометрии; множество, открытое им в 1980 г. и названное его именем, воплощает в себе общий принцип перехода от порядка к хаосу. Графическое представление этого множества имеет характерную форму т. н. «птички» с фрактальной границей. *Пейслийский* – характерный текстильный узор с красочными абстрактными извивами, напоминающими увеличенные запятые; назван по имени шотландского города Пейсли, где в начале XIX в. стали производить пуховые шали, имитирующие кашмирские.

8

Пойнтхаус – верфь неподалеку от Глазго.

Я представил себе, как лупоглазая черная птица пикирует на бабушку и сбрасывает ее с лестницы. Может, ворона смотрела «Омен»? – «Омен I: Антихрист» (1976) – мистический триллер Ричарда Доннера по роману «Знамение» Дэвида Зельцера (1976). Имел продолжения «Омен II; Дэмиен» (1978, реж. Дон Тейлор), «Омен III: Последняя битва» (1981, реж. Грэм Бейкер), «Омен IV; Пробуждение» (1991, реж. Хорхе Монтеси и Доминик Отенин-Жирар). Ворона (т. е. ворон) навязчиво фигурирует во втором «Омене», падение со стремянки – в первом.

Это одна тетенька придумала вумблов и сочинила про них сказки. А другие люди наделали по этим сказкам телевизионных передач.— Речь идет о цикле из 24 повестей-сказок (1968—1978) английской писательницы Элизабет Бересфорд (р. 1926) и об основанном на первых книгах цикла телесериале, поставленном в 1972 году Айвором Вудом (60 пятиминутных серий). И повести, и телепостановка, и музыка к ней (композитор Майк Бэтт) были фантастически популярны в Англии в 1970-е гг. К слову сказать, на гитаре в исполнявшей музыку Бэтта группе *The Wombles* играл видный сессионный музыкант и продюсер Крис Спеллинг, сотрудничавший с Джеком Брюсом, Элтоном Джоном, Донованом, Джоном Кейлом, Брайаном Ино, Артом Гарфанкелом, Брайаном Ферри, Роем Харпером, *Sex Pistols*, Ниной Хаген, Лори Андерсон, Томом Уэйтсом, Полом Маккартни и др.

Тарквиний – в Древнем Риме род этрусского происхождения, к которому принадлежали цари Тарквиний Приск (правил в 616/615—578/577 гг. до н. э.) и Тарквиний Гордый (правил в 534/533—510/509 гг. до н. э., по преданию – последний древнеримский царь).

Как Дугал из «Волшебной карусели»? — Легендарный, якобы насыщенный наркотическими коннотациями мультсериал «Волшебная карусель» выходил на английском телевидении в 1965-1975 гг., по пятиминутному эпизоду перед шестичасовым выпуском новостей; главные действующие лица – «косматый пес» Дугал (который питался исключительно сахаром), «чокнутый кролик» Дилан (который играл на гитаре и выращивал в своем саду явно не морковь), розовая корова Эрминтруда, улитка Брайан, чертик из табакерки Зебадия и др. Исходно сериал был французским (автор – Серж Дано, при участии Айвора Вуда), но когда переводить французские сценарии и озвучивать английскую версию поручили Эрику Томпсону (1929—1982), тот предпочел выдумывать собственные диалоги. В 1971 году Томпсон (кстати, снимавшийся в англо-норвежской экранизации повести Солженицына «Один день из жизни Ивана Денисовича») выпустил примыкающий к сериалу полнометражный мультфильм «Дугал и синий кот». В 2004 г. должен выйти полнометражный римейк «Волшебная карусель», в озвучении которого принимают участие Робби Уильямс, Кайли Миноуг и другие звезды.

13

Рассказ, и не что иное (*фр.*).

С маленькими черными родезийцами, сиречь – с негритосиками. А я что, я ничего, это все Энид Блайтон виновата.— Негритосики («голливоги») – характерного (и довольно уродливого) вида черные куклы, выступавшие отрицательными персонажами в первых книгах цикла повестей-сказок Энид Блайтон «Приключения Нодди». Энид (тж. Инид) Блайтон (1897—1968) – популярная, но крайне примитивная британская сказочница и едва ли не самый плодовитый писатель во всей англоязычной литературе: ее перу принадлежат семьсот книг и десять тысяч рассказов.

Солар – верхние покои в старинном английском доме или замке;
тж. мансардный этаж.

«Рожденная в бурю» (*англ.*).

...этой темы Deacon Blue, «Born in a Storm»...— первая песня с первого альбома («Raintown», 1987) шотландской группы, работавшей в стиле инди-поп, с вкраплениями джаз-рока и соула (очевидный источник вдохновения – Steely Dan, по одной из песен которых Рикки Росс и назвал свою группу).

...мурлычу подходящую музыкальную фразу из рекламы сигар «Гамлет» и думаю о Грегоре Фишере.— В рекламе сигар «Гамлет» использовалась «Фантазия соль-минор» Баха в аранжировке Жака Лусье и снимался шотландский актер Грегор Фишер (р. 1953), изображая персонажа, принесшего ему наибольшую известность,— лысого, с зачесанной поперек черепа прядью волос, из комик-шоу «Голое видео» (1986).

Слово «джакузи» прозвучало так, как в яко-витской трагедии герой произносит имя своего палача.— Яковитским (тж. якобитским) в британской драме называют период 1603—1675 гг., эпоху правления Якова I, (1566—1625) из шотландской династии Стюартов. Пьесы младших современников Шекспира (Джон Вебстер, Томас Миддлтон, Джон Форд) отличались изощренной кровавостью, сосредоточенностью на теме мести, зачастую с итальянским колоритом. А вот название бара «Якобит» имеет несколько иное происхождение: якобитами называли сторонников короля Якова II (правил в 1685—1688 гг.) и его наследников.

Incommunicado (*лат., юр.*) – без связи с внешним миром.

...после «Звездных войн» целое поколение Эндрю носит прозвище Дроид...— Дроид – сокращение от «андроид» (android), что созвучно Эндрю (Andrew); с Андреем было бы прозрачнее.

Дэвид Бирн родился в Дамбартоне. <...> Кто-кто?.. Тот парень, что написал «Тутти-фрут-ти»? <...> Не! Это был Джон Бирн... А Дэвид Бирн – он из Talking Heads, тупица! <...> И вообще, это был Литтл Ричард. – Дэвид Бирн, лидер американской «нововолновой» группы *Talking Heads*, действительно родился в шотландском городе Дамбартон (в 1952 г.). Джон Бирн, автор сценария шести-серийной телекомедии «Тутти-фрутти» (1987) о вымышленной группе Majesties («короли шотландского рока!»), родился в другом шотландском городе, Пейсли (в 1940 г.). А песню «Tutti Frutti» написал и исполнил в 1954 году Литтл Ричард (наст. имя Ричард Пенниман, р. 1935), хотя в хиты она попала на пару лет позже.

Шейкин Стивенс (настоящее имя Майкл Баррет, р. 1948) – английский исполнитель рок-н-ролла и рокабилли; на сцене с 1960-х гг., но массовой популярности добился уже в конце 1970-х и в 1980-е.

...когда я пригляделся к коже, то в голову пришла лишь одна мысль: ух ты, город Ллойда Коула! Идеальная шкурка!— В первой половине восьмидесятых Ллойд Коул (р. 1961), лидер группы *The Comptons*, учился на философском факультете университета Глазго. Первый альбом, «Rattlesnakes», они выпустили в 1984 г., и сингл «Perfect Skin» («Идеальная кожа») добрался до 30-й строчки в хит-параде. Группа исполняла довольно замысловатый гитарный инди-поп с умными текстами; так, уже в первом альбоме упоминались Симона де Бовуар, Норман Мейлер, фильмы «Жюль и Джим» Франсуа Трюффо, «В порту» Элиа Казана и т. п.

...члены лондонской зороастрийской общины забросали бутылками с горючим редакцию газеты «Сан» за богохульство...— Зороастрийцы – солнцепоклонники; «Sun» (англ.) – «Солнце».

И когда до меня начал доходить смысл песни «Близнецов Кокто», я понял, что поплыл. В таинственной галактической гармонии звучали небесные тела...— Звучание шотландской группы CocteauTwins (1979-1997) точнее всего можно охарактеризовать как «космическое», с искаженной, многократно наложенной на самое себя гитарой Робина Гатри, атмосферными и не поддающимися дешифровке вокализами Элизабет Фрейзер и драм-машиной «Roland 808» вместо живого барабанщика.

...чтобы корабль не отправился вдогонку за паромом «Геральд оф Фри Энтерпрайз».— 30 мая 1987 г. этот английский паром вышел из бельгийской гавани Зеебрюгге с незакрытыми створками грузового порта. Набрав внутрь воды и потеряв остойчивость, паром перевернулся набок на глубине 10 метров. Из 500 пассажиров и членов команды погибли 193. Этой трагедии посвящена одноименная фолк-баллада Робба Джонсона, в которой, конечно же, обыгрывается буквальный смысл названия судна: «Herald of Free Enterprise» – «Вестник свободного предпринимательства».

Деканские траппы (от шв. trappa – лестница) – базальтовые ступени, покрывающие Деканское плоскогорье на северо-западе полуострова Индостан, образованы в результате мощных вулканических извержений и внедрения базальтовой магмы в платформенную область земной коры.

Лэрд – шотландский помещик, владелец наследственного имени.

30

Стена (*нем.*).

Много, много пестрых «Смартиз»! *(нем.)*

Smarties («Смартиз») – популярное в восьмидесятые годы шоколадное драже, покрытое разноцветной глазурью, наподобие «M&Ms».

Фрисби – пластмассовая летающая тарелка для спортивных игр, фирменное название.

«Судья Дредд» – популярный английский комикс Джона Вагнера и Карлоса Эскерро, выпускающийся журналом «2000 AD» с 1977 г. и до сих пор; с 1983 г. выходит и в США. Послужил основой одноименного фильма Дэнни Кэннона с Сильвестром Сталлоне в главной роли (1995).

«Вулканская смертельная хватка» (строго говоря, щипок: троеперстием за сонную артерию) – мифический смертельный удар, понарошку примененный первым помощником Споком (вулканом) к капитану Кирку (человеку), чтобы сбить с толку врага (рому-лян) в одном из классических эпизодов сериала «Стар трек». На жаргоне англоязычных хакеров «Vulcan death grip» – то же, что по-русски «три пальца в рот» (мягкая перезагрузка, например Ctrl-Alt-Del). Также существует одноименный коктейль, действительно смертельный: узо (сорокаградусная греческая анисовка) и ром (семидесятипятиградусный) пополам.

...белая футболка с тремя огромными черными буквами: «FTT». Под этими буквами были другие, гораздо меньше: «Познаем плотски консерваторов, юнионистов и их сторонников».— «FTT» расшифровывается «Fuck the Tories». Сам Бэнкс также был замечен в ношении подобных маек и комментировал это следующим образом: «Тори я ненавижу всеми потрохами. Они – просто безнадежный случай. Я против всего, за что они стоят. Партия лейбористов хотя бы поможет нам отделаться от этих некомпетентных, коррумпированных, лживых говнюков; и на том спасибо». (Подробнее – см. «Опыт автобиографии» во введении к другому роману Бэнкса «Мост».)

Дядя Альфред был крайне невезучим человеком. <...> Только на самом деле покойника звали Невезучий Дядя Этельред.— Альфред Великий (849~ 899) и Этельред I (ум. 871) – короли Уэссекса. А Этельред II Нерешительный (968-1016) правил уже объединенной Англией.

Мармит – используемое в предприятиях общепита тепловое оборудование, призванное сохранять готовую пищу в горячем состоянии. Существуют мармиты для первых и вторых блюд, горячих напитков, соков.

«Вестерн дженерал» – крупная больница в Эдинбурге с медицинским научно-исследовательским центром при ней.

И что если вы родились в Судане девочкой, то теперь можете не трястись за свои гениталии?— В Судане распространено женское ритуальное обрезание (клиторидектомия).

«*Тысячелетний сокол*» – космический корабль капитана Хена Соло (Гаррисон Форд) в «Звездных войнах».

Брох – круглая в плане сторожевая башня (*шотл.*).

«Джурмонимо!» – искаж. «Джеронимо!» – клич, с которым прыгают с самолета американские воздушные десантники. Своим происхождением обязан вождю апачей Джеронимо (1829-1909), имя которого наводило на белых поселенцев такой страх, что стоило кому-нибудь крикнуть: «Джеронимо!», как все выпрыгивали в окна.

Игра слов: «sound» означает по-английски и «звук», и «пролив».

Прибл. «Радость в каждом шаге» (*англ.*).

«*Walking on Sunshine*» – танцевальная песня ритм-энд-блюз– и реггей-исполнителя Эдди Гранта (р. 1948), первая композиция с одноименного альбома (1979) и большой хит. Впоследствии исполнялась всеми кому не лень, вплоть до Дженнифер Лопес.

«Парселайн» – Parceline – крупная английская фирма, занимающаяся доставкой грузов и почтовых отправлений.

«Папа, не надо нравоучений» (вар.: «...проповедей») *(англ.)*.

...запустили линию по производству хаггисбургеров, и директору пришла идея сбывать их с помощью моего акцента, да вот незадача: когда покупатели говорили: «Ой, что это?», я им честно рассказывал...— Хаггис – шотландское блюдо: бараний рубец, начиненный потрохами со специями.

Ашкеназия! <...> Он че, пианист?— Имеется в виду Ашкенази Владимир Давидович (р. 1937), пианист и дирижер, в 1963 г. эмигрировавший из СССР в Великобританию. В 1972 г. получил исландское подданство. С 1981 г. дирижер, а с 1987 г.— главный дирижер и художественный руководитель Королевского филармонического оркестра (Лондон).

Бен Элтон (р. 1959) – британский комик, сценарист и постановщик популярных телекомедий, драматург и писатель; на русском языке выходили романы «Звонок из прошлого» (М.: Иностранка, 2002) и «Смерть за стеклом» (М.: Иностранка, 2003).

Робин Уильямс (р. 1952)— американский комик, актер и телеведущий, прославившийся своими импровизациями. Играл в фильмах «Пучеглаз» (1980, реж. Р. Олтмен), «Мир от Гарпа» (1982, по роману Дж. Ирвинга), «Москва на Гудзоне» (1984), «Приключения барона Мюнхгаузена» (1988, реж. Т. Гиллиам), «Общество мертвых поэтов» (1989), «Король-рыбак» (1991, реж. Т. Гиллиам), «Крюк» (1991, реж. Ст. Спилберг), «Миссис Даутфайр» (1993), «Джуманджи» (1995), «Умница Уилл Хантинг» (1997, реж. Гас ван Сент), «Разбирая Гарри» (1997, реж. Буди Аллен), а также озвучивал джинна в диснеевских мультфильмах про Аладдина.

«*Париж, Техас*» (1984) – удостоенная в Каннах «Золотой пальмовой ветви» психологическая драма выдающегося немецкого кинорежиссера Вима Вендерса, в главных ролях – Гарри Дин Стэнтон и Настасья Кински; единственная его картина, демонстрировавшаяся в свое время в советском прокате, хотя бы и ограниченно.

«Опасные связи» (1988) – костюмная драма Стивена Фрирза, экранизация одноименного эпистолярного романа Шодерло де Лакло (1782), в главных ролях – Джон Малкович и Мишель Пфайффер; годом позже свой вариант «Опасных связей» под названием «Вальмон» выпустил Милош Форман.

«Холлмарк Кардс» – крупнейшее в мире издательство поздравительных открыток.

...ссылок... на Барта... размашисто выведенное «Смерть автора!» служило заголовком целой странице дядиных наметок... – Имеется в виду знаменитое эссе «Смерть автора» (1968) французского литературоведа, структуралиста и семиолога Ролана Барта (1915-1980), в котором тот, анализируя новеллу Бальзака «Сарразин», говорит: «Письмо [т. е. литература] – та область неопределенности... где теряются следы нашей субъективности... где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь телесная тождественность пишущего».

Знаешь, как называется последний фильм с Дэвидом Боуи? <... >
«Счастливого Рождества, мистер Чаушеску».— Обыгрываются: а) то обстоятельство, что Генеральный секретарь компартии Румынии Николае Чаушеску был расстрелян 25 декабря 1989 г., то есть за несколько дней до описываемой Бэнксом встречи Нового, 1990 года, и б) название военной драмы Нагисы Осимы «Счастливого Рождества, мистер Лоуренс» (1983), главные роли в которой исполняли Дэвид Боуи, Рюити Сакамото и Такэси Китано.

Так не смеялся с тех пор, как подорвали генерала Зию.—
Президент Пакистана Зия Уль-Хак погиб в авиакатастрофе в 1988 г.

«*Карлинг блэк лейбл*» – светлое английское пиво, считается «дамским» сортом.

«Лансон» – один из старейших шампанских домов Франции, основан в 1760 году Жаном-Батистом Лансоном, рыцарем Мальтийского ордена.

Похоже, решение родителей провести летний отпуск с детьми на Гебридах Льюис воспринял как личное оскорбление. Все его спрашивают, что он делает на Саут-Уисте, если Льюис – дальше к северу. – Самый северный остров из группы Гебридских называется Льюис.

Махайр – низменная плодородная равнина (кельтское слово).

Сутти и Свин – герои популярной детской передачи, выходившей на английском телевидении в 1952—1992 гг.: куклы-перчатки, изображавшие желтого медведя и серую собаку.

«*Steam Packet Hotel*» можно перевести буквально как «Гостиница „Паровой пакет“».

Спорран – деталь шотландского народного костюма, кожаный или меховой кошель на ремешке.

На Маккейговых руинах...— В 1897 г. банкир Джон Стюарт Маккейг воздвиг в шотландском городе Обан «искусственные руины» по образцу римского Колизея.

Шейн Макгоуэн (р. 1957) – ирландский певец, основатель и лидер фолк-панк-группы *The Pogues* (строго говоря, по музыке это чистый ирландский фолк; от панка здесь только энергичная подача и эпатажные макгоуэновские тексты). В 1991 г. изгнан из группы за чрезмерное злоупотребление алкоголем и наркотиками, теперь выступает с составом *Shane McGowan and the Popes*.

В комнате всё из джинсовой ткани... Вот только мистер Ричи-старший здорово смахивал на Клода Леви-Стросса...— Клод Леви-Стросс (р. 1908) – французский философ, этнограф и социолог, один из основных представителей французского структурализма, исследователь первобытных систем родства, мифологии и фольклора. Его фамилия (Levi-Strauss) пишется почти так же, как название известной джинсовой компании «Леви Страусе» (Levi Strauss).

69

Как дела? (*фр.*)

Надеюсь, я не пытался изображать встречу в аду фаната из Брэдфорд-сити, жертвы Кингс-Кросса и работяги с «Пайпер Альфы»?— В 1985 г. при пожаре на главной трибуне стадиона в английском городе Брэдфорд-сити погибли 55 человек. В 1987 г. в Лондоне на станции метрополитена Кингс-Кросс при пожаре на эскалаторе 31 человек погиб, 150 получили ранения. В 1988 г. в Северном море нефтяная платформа «Пайпер Альфа» компании «Оксиден Петролеум» была уничтожена пожаром, более 160 человек погибли.

«Джеканори» – английская телепрограмма для детей (1965-1995). Всего вышло 3500 пятнадцатиминутных выпусков, в каждом из которых известные актеры читали те или иные сказки, детские рассказы и т. п., что сопровождалось демонстрацией специально заказанных иллюстраций.

Хендркс-с... «Прсти, а я цлую парня...» – Имеется в виду знаменитая ослышка: на своем первом альбоме «Are You Experienced?» в композиции «Purple Haze» Джими Хендрикс (возможно, умышленно) нечетко пропел строчку «'Scuse me while I kiss the sky» («Прости – а я целую небо»), что было многими расслышано как «'Scuse me while I kiss this guу» («Прости – а я целую этого парня»).

Пападам – традиционная индийская лепешка на основе различных бобов с добавлением специй.

«Блю-так» – клеющая мастика производства австралийской фирмы «Бостик».

«Красная жара» – Если кто вдруг еще не в курсе, название боевика Уолтера Хилла «Red Heat» (1988) с Арнольдом Шварценеггером и Джеймсом Белуши в главных ролях следовало бы переводить не «Красная жара», а «Красный коп» (или попросту «Мент»).

*Я вспомнил анекдот про Киссинджера («Нет, Факинджер!»)... – обыгрывается явно звучащий в фамилии бывшего американского госсекретаря глагол *to kiss* (целоваться) и сами знаете что.*

Человеческий голос (*лат.*).

Может, шарф развернется и негодяя постигнет судьба Айседоры Дункан?— Конец шали, обернутый вокруг шеи Айседоры Дункан (1877-1927), намотался на ось гоночного автомобиля, и знаменитая танцовщица, стоявшая у истоков балета «модерн», погибла в результате перелома позвоночника и разрыва сонной артерии.

Наан...— в индийской кухне пышная лепешка из пшеничной муки тонкого помола с добавлением йогурта.

Пакоре – пакистанские оладьи из кукурузной или гороховой муки с измельченным картофелем и специями.

Рис пулао – в индийской кухне ароматный рис с шафраном, кардамоном или гвоздикой, подается с овощами или горошком.

Саг-панир – в индийской кухне жареные картофельные пирожки с творогом, шпинатом и бобами.

Смотрела «Уловку двадцать два»? Классный фильм, зря все его ругают... Там есть один диалог... в книге его не было, так что Бака Генри, наверно, дописал... Ну, когда убивают Нейтли и Иоссариан отправляется повидать эту его шлюху в бордель Мило, а Мило подвозит его на вездеходе и говорит, что Нейтли умер богатым человеком – у него, мол, был такой-то пай в «Предприятии „М и М“»...— «Уловка-22» (1970) – фильм Майка Николса по сценарию Бака Генри, неудачная, по мнению большинства критиков и публики, экранизация абсурдистско-антивоенного шедевра Джозефа Хеллера (1961); Арт Гарфанкел играл капитана Нейтли, Орсон Уэллс – бригадного генерала Дридла, Джон Войт – Мило Миндербиндера, заведующего офицерской столовой и главу синдиката «Предприятие „М и М“» – феноменальные фрукты и пищевые продукты».

Подайте шекель убогому здоровяку! Я прозябал себе, нужды не зная, пока не встретил Майкла. Как бы взять Палина за жабры? И зачем?— Майкл Палин (р. 1943) – английский актер из группы комиков «Монти Пайтон». В данном случае персонаж Бэнкса ссылается не на исходный телесериал «Воздушный цирк Монти Пайтона» (1969—1974), а на полнометражный фильм «Житие Брайана» (1979), в одной из сцен которого Брайан (чья жизнь пародирует, эпизод за эпизодом, жизнь Иисуса) встречает исцеленного Иисусом бывшего прокаженного, лишившегося вместе с болезнью привычных средств к существованию; нищего (а также третьего мудреца, мистера Носатого, Фрэнсиса, миссис А., глашатая, Бена, Понтия Пилата, скучного пророка, Эдди, последователя туфли и Низуса Веттуса) играл Майкл Палин.

Glen (*англ.*) – узкая лесистая долина, горная долина.

Десятичная классификация Дьюи – принятая во всем мире библиотечная система классификации книг, при которой все области знания делятся на десять классов, а внутри каждого класса выделяются десятичные подклассы, разделы и подразделы. Изобретена в 1876 году Мелвиллом Дьюи (1851-1931).

Да обычный пресвитерианин. Но будь у шотландской церкви «временное» крыло, Хеймиш бы туда записался.— Пресвитериане (Church of Scotland) – шотландская разновидность англиканства (Church of England). Также здесь намекают на «временных» – экстремистскую группу, отколовшуюся от Ирландской республиканской армии и действующую террористическими методами.

«*Дева Мария*» – безалкогольный вариант «Кровавой Мэри»: коктейль из томатного сока с добавлением вустерширского соуса, табаско, сока лайма, перца и молотых семян сельдерея с солью.

Друмлин – горный кряж, гребень (*шотл.*).

Karr – углубление на склоне горы (*шотл.*).

Судороги в ногах дяди Хеймиша, похоже, разыгрались не на шутку: чашка чая, поставленная мной на прикроватный столик, покрылась концентрическим узором из стоячих волн. Мне вдруг вспомнилась сцена из «Невыразимой клевоности ебатия», когда танки входят в Прагу.— На момент описываемых событий (1990) экранизация Филипом Кауфманом романа Милана Кундеры «Невыносимая легкость бытия» с Жюльет Бинош в одной из главных ролей была сравнительно свежей (1988).

...я его почти убедил, что боксерское восстание случилось из-за спортивных трусов.— По-английски спортивные трусы называются «боксерскими» («boxer shorts» или просто «boxers»). Боксерское (ихэтуаньское) восстание произошло в 1899—1901 гг. в Китае. Начато тайным обществом Ихэцюань («Кулак во имя справедливости и согласия»), позже названным Ихэтуань («Отряд справедливости и согласия»). В июне 1900 г. повстанцы вступили в Пекин. Войска Германии, Японии, Великобритании, США, Франции, России, Италии, Австро-Венгрии подавили восстание (названное иностранцами боксерским).

...все мы помним, что случилось с Фарзадом Базофтом...— В 1990 году Фарзад Базофт, британский подданный иранского происхождения и репортер газеты «Обсервер», был повешен в Ираке за шпионаж.

«Поцелуй невесту» (*англ.*).

До Марка Э. Смита или Моррисси не дотягивают.— Марк Э. Смит (р. 1957) – вокалист и лидер выдающейся постпанк-группы The Fall. Моррисси (Стивен Патрик Моррисси, р. 1959) – вокалист влиятельной инди-поп-группы *The Smiths*. Оба родом из Манчестера.

Как пали сильные! – Ср.: «Как пали сильные на брани!» (2 Царств 1:23).

Эдигер (ediger = editor + digitizer) – редактор аналого-цифрового преобразователя; устаревший термин.

Ведь стук клавиатуры ничего не доказывает... Я же видел «Сияние».— Выпущенная Стэнли Кубриком в 1980 г. экранизация одноименного романа Стивена Кинга (1977). Писатель Джек Торранс (его играет Джек Николсон), страдающий от творческого кризиса, устраивается на зиму смотрителем закрытого отеля в горах Колорадо, где благополучно сходит с ума, исписывая за пишущей машинкой горы бумаги – как выясняется позже, одной-единственной бесконечно повторяющейся фразой: «All work and no play make Jack a dull boy» («От работы и без игр Джек тупеет»).

Gonzo (*амер. сл.*) – безумный, чудаковатый.

Ксанаду – волшебная страна в неоконченной поэме С. Т. Кольриджа «Кубла-хан, или Видение во сне» (1798); в самом известном переводе (Бальмонта) называется Ксанад.

Джеймс Ласт (р. 1929)– немецкий музыкант, руководитель эстрадного оркестра. Дебютировал в 1965 г. альбомом «Non-Stop Dancing», прославился оркестровыми аранжировками хитов поп-музыки.

...чтобы стены вокруг тряслись от Pixies, R.E.M., Goodbye Mr. Mackenzie, The Fall и Faith No More.— Pixies (1986—1993) – альтернативная рок-группа из Бостона, в определенном смысле стояла у истоков гранджа; их первый альбом («Surfer Rosa», 1988) продюсировал легендарный «звуковой террорист» Стив Альбини, а к записи их последнего альбома («Trompe le Monde», 1991) был привлечен клавишник Эрик Дрю Фелдман, игравший с Кэптеном Бифхартом и в *Pere Ubu* (именно эта пластинка была годом позже переиздана прибалтийской фирмой «Zona» и наиболее известна российским меломанам, хотя для группы и не слишком типична). R.E.M.— влиятельнейшая американская альтернативная группа, существует с 1980 г. и до сих пор; многие их альбомы становились «платиновыми», а самые известные – «Out of Time» (1991) и «Automatic for the People» (1992, с оркестровыми аранжировками Джона Пола Джонса, бывшего басиста Led Zeppelin) – четырежды «платиновыми», т. е. были проданы в количестве 4 миллионов экз. Goodbye Mr. Mackenzie— британская инди-поп-группа (1981—1995), первый альбом выпустила в 1986 г.; в настоящее время вспоминается не столько сама по себе, сколько потому, что с 1984 г. в ней выступала на подпевках Ширли Мэнсон, будущая вокалистка Garbage. The Fall— выдающаяся постпанк-группа из Манчестера, наиболее яркий представитель т. н. «прол-рока», первый альбом выпустила в 1978 г. и существует до сих пор; начинать знакомство с творчеством Марка Э. Смита и компании рекомендуется со сравнительно «мягких» альбомов середины 80-х («The Wonderful and Frightening World of the Fall», «This Nation's Saving Grace», «Bend Sinister», «The Frenz Experiment»). Faith No More (1982-1998) – калифорнийская группа, в творчестве которой сочетались элементы хэви-металла, фанка и, не к ночи будет помянут, рэпа; их четвертый альбом «Angel Dust» (1992) был переиздан на виниле в России; а их вокалист Майк Паттон также имел два очень интересных побочных проекта, *Mr. Bungle* и *Fantomas*, и работал с известным авангардистом Джоном Зорном.

Спид (speed, т. е. «скорость») – наркотики амфетаминовой группы.

Прентис, а ты пойдешь, если призовут? <...> – Хрена! <...> В какой стороне Канада?— Во время Вьетнамской войны молодежь США уклонялась от призыва, сбегая в Канаду.

Муранское стекло – знаменитое стекло, прозрачное и цветное, изготавливаемое с XV в. в итальянском городке Мурано, на одноименном острове в венецианской лагуне. В Мурано находится самый большой в мире музей стекла (Museo Vetrario).

Чиппендейл, Томас (1718-1779) – знаменитый английский мебельщик, гармонично сочетал функциональность с изысканной декоративностью.

Ноам Хомский (вар.: Чомский, Чомски; р. 1928) – знаменитый американский лингвист, заведующий одной из кафедр Гарвардского университета. «Могильщик бихевиоризма», создатель системы грамматического описания, именуемой генеративная (порождающая) грамматика, или генеративизм. Также известен как радикальный общественный деятель, духовный лидер антиглобализма, резко критикует внутреннюю и внешнюю политику США и мировую политику в целом, а также манипулятивную практику средств массовой информации; в годы Вьетнамской войны был арестован за участие в массовой манифестации и сидел в одной камере с Норманом Мейлером. На русском языке выходили следующие его книги: «Аспекты теории синтаксиса», «Язык и мышление. Язык и проблемы знания», «Синтаксические структуры» (под одной обложкой со статьями Л. Ельмслева), «Логические основы лингвистической теории», «Введение в формальный анализ естественных языков» (с Дж. Миллером), «Прибыль на людях», «Новый военный гуманизм. Уроки Косова», «Классовая война. Интервью с Дэвидом Барзамяном», «Государства-изгои. Право сильного в мировой политике»; также выпущена посвященная ему книга Д. Слобина и Дж. Грина «Психолингвистика. Хомский и психология».

JP-233 – кассетные бомбы английского производства с бетонобойными зарядами.

Рене Лалик (1860-1945) – французский ювелир, в изделиях которого широко применялось стекло, один из провозвестников стиля «ар-нуво». Свою фирму основал в Париже в 1885 году. Едва ли не лучшие свои работы изготовил по заказу знаменитой актрисы Сары Бернар (1845-1923). В 1910 г. открыл фабрику по производству изделий из стекла. Получив заказ на флаконы для духов, разработал стиль фасонного стекла, с которым его имя обычно и ассоциируется: шершавая, словно подернутая льдом поверхность, замысловатые или даже фигуративные рельефные узоры, иногда цветная инкрустация.

«Ю-Си-Эл-Эй» – UCLA – University of California, Los Angeles –
Калифорнийский университет, Лос-Анджелес.

Суп «куллен скинк» – блюдо шотландской кухни: суп с копченой треской, молоком и сливками.

«*Чарли Варрик*» (1973) – триллер Дона Сигела по роману Джона Риза «Грабители» (1968); главную роль, банковского грабителя Чарли Варрика, вынужденного одновременно скрываться от полиции и от мафии, исполнял Уолтер Маттау.

«*Мертвецы не носят шотландку*» (вар.: «Мертвые пледов не носят»; 1982)– черно-белый комедийный триллер Карла Райнера, дань памяти фильмам-нуар 1940-1950-х гг., отдельные сцены из которых искусно вмонтированы в ткань повествования. Главную роль, частного детектива Ригби Риэрдона, играет Стив Мартин.

Пастушья запеканка – картофельная запеканка с мясным фаршем и луком.

OCR 1

Перевод, по всей видимости, неправильный. Оригинал:

Right, now this isn't as bad as it sounds, but . . . I was in bed with my Aunty Janice.

Well, actually, in one sense it's *exactly* as bad as it sounds because when I say I was in bed with her, I don't mean I was in bed with her because we'd gone hill-walking together and been caught out in a snow storm and eventually found shelter in some exceptionally well-appointed bothy that just so happened to have only one bed and we had to get into it together to keep warm; nothing like that. We were fucking.

То есть никакой метели как раз *не было*, и они просто потрахались. (Прим. OCR.)

Содержание

[Иэн Бэнкс Воронья дорога](#)

[Глава 1](#)

[Глава 2](#)

[Глава 3](#)

[Глава 4](#)

[Глава 5](#)

[Глава 6](#)

[Глава 7](#)

[Глава 8](#)

[Глава 9](#)

[Глава 10](#)

[Глава 11](#)

[Глава 12](#)

[Глава 13](#)

[Глава 14](#)

[Глава 15](#)

[Глава 16](#)

[Глава 17](#)

[Глава 18](#)

[Примечания](#)

[1](#)

[2](#)

[3](#)

[4](#)

[5](#)

[6](#)

[7](#)

[8](#)

[9](#)

[10](#)

[11](#)

[12](#)

[13](#)

[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)

[51](#)
[52](#)
[53](#)
[54](#)
[55](#)
[56](#)
[57](#)
[58](#)
[59](#)
[60](#)
[61](#)
[62](#)
[63](#)
[64](#)
[65](#)
[66](#)
[67](#)
[68](#)
[69](#)
[70](#)
[71](#)
[72](#)
[73](#)
[74](#)
[75](#)
[76](#)
[77](#)
[78](#)
[79](#)
[80](#)
[81](#)
[82](#)
[83](#)
[84](#)
[85](#)
[86](#)
[87](#)

[88](#)

[89](#)

[90](#)

[91](#)

[92](#)

[93](#)

[94](#)

[95](#)

[96](#)

[97](#)

[98](#)

[99](#)

[100](#)

[101](#)

[102](#)

[103](#)

[104](#)

[105](#)

[106](#)

[107](#)

[108](#)

[109](#)

[110](#)

[111](#)

[112](#)

[113](#)

[114](#)

[OCR 1](#)